

София
Гарифуллина

ПЛЮС
ЗНАЧЕНИЯ НЕ ИМЕЕТ

Книга для тех, кто умеет читать и любит думать

Казань
Издательство «Рухият»
2013

ББК 84(2Рус=Рус)-5

Г22

Гарифуллина С.А.

Г22   Плюс значения не имеет: книга для тех, кто умеет читать и любит думать. – Казань: Рухият, 2013. – 336 с.

ISBN 978-5-89706-153-2

В эту удивительную книгу журналиста Софии Гарифуллиной, заслуженного работника культуры РТ, лауреата международных и республиканских премий, включены более ста эссе. Это менее половины того, что написано ею для колонки «И это всё называется жизнь...» в корпоративном издании компании «Татнефть» «Нефтяные вести».

Они обо всем: о любви и ненависти, о дружбе и предательстве, о поиске себя и потере себя. Название у книги соответствующее: «Плюс значения не имеет». Не имеет значения, сколько лет ее читателям – 10, 18, 50 или 90. Ведь она для тех, кто умеет читать и любит думать. Книга, которую захочется прочитать, отложить и вновь вернуться к ней.

ISBN 978-5-89706-153-2

© Издательство «Рухият», 2013

© Гарифуллина С.А., 2013

СЛОВО ЕСТЬ ДЕЛО, или ВОЛШЕБНЫЙ РОДНИК

Признаюсь, первые документальные эссе Софии Гарифуллиной, опубликованные в корпоративном издании компании «Татнефть» «Нефтяные вести», которая прежде всего освещает проблемы добычи нефти, социальные вопросы, показались отклонениями от общей линии издания. Думалось, несколько новелл появятся – и всё, колодец тем, как высыхающий от безводья родник, иссякнет, рубрика сама собой исчезнет.

Однако время шло, скорее, летело со скоростью птицы, а поток эссе не иссякал, становился разнообразнее, интереснее, словно волшебный колодец снова и снова наполнялся чистой ключевой водой. И я привык читать документальные эссе С.А.Гарифуллиной, воспринимал их не как гарнир к основному мясному блюду, а самостоятельное яство, и трапезу начинал с него. Наверное, так курильщик привыкает к сигарете, водолаз – к поступающему в скафандр кислороду. В нефтяной газете эти маленькие этюды, рассчитанные на быстрое прочтение, чтобы написанное одолеть за один присест, – вовсе не лишние, а как всякое умное, во время сказанное слово, всегда к месту, как говорят в таких случаях люди пера и бумаги, – в строку.

У автора документальных эссе Софии Гарифуллиной острый взор, цепкая память, главное для всякого журналиста – быстрое перо, свои взгляды и принципы. Она находит темы для своих собеседований с читателями в окружающей жизни, там, где люди равнодушного сердца, ничего не заметив, пройдут мимо. Там, где порхающая с цветка на цветок легкокрылая стрекоза не может добыть капельки нектара, она, как неутомимая, не знающая усталости труженица-пчела, всегда в родной улей возвращается со взятком.

Ее документальные деловые эссе в корпоративной газете «Нефтяные вести» – явление в периферийной журналистике, они воспринимаются с такой же благодарностью к автору, как в своё время душевные и злободневные публикации золотых перьев отечественной печати Аллы Руденко в «Комсомольской правде», Татьяны Тэсс в «Известиях», Мариэтты Шагиной в «Правде».

Очерки Софии Гарифуллиной написаны чутким женским сердцем и «крепкой рукой мужчины». За почти шесть лет она опубликовала в «своей» газете более 200 документальных эссе о долге и верности, чести и подлости, родительской любви к детям и почтении сыновей к родителям, о командирах производства и рядовых специалистах, но все равно больших мастерах своего дела. Но все её материалы схожи в одном – начертаны они не простыми чернилами, а кровью писательского сердца.

Век газеты короткий, увы, она живёт всего один день, до выпуска следующего номера. Дальше – другие дела, другие заботы, другие радости и печали. Благословляя выпуск очерков Софии Гарифуллиной отдельным сборником, я надеюсь, что книга станет настольным путеводителем для читателей, в печатных публикациях ищущих ответы на сложные вопросы: как построить жизнь, чему её посвятить – лёгкому и беспечному времяпрепровождению или заботам о процветании страны, благе народа.

*Марсель Зарипов,
лауреат Государственной премии РТ им. Г.Тукая,
член Союза журналистов и член Союза писателей РТ,
член жюри Республиканского конкурса «Хрустальное перо».*

ГЛАВА 1.
ЭТО ВСЁ НАЗЫВАЕТСЯ ЖИЗНЬ...

Троллейбус продолжает путь...

Промороженный насквозь троллейбус. Ехать ещё 40 минут. Час поздний, в салоне не больше десятка пассажиров, и все сидят, уткнувшись в шарфы и воротники. Что будет, когда ударят морозы посильнее, не то что сегодняшние минус 13? Печалюсь об этом, потуже запахиваюсь в шубку.

На каждой остановке в салон влетает позёмка и шлейфом снежных волн играет на полу. Расслабленно слежу за этим и вдруг вижу белые кроссовки. Новые, девственно чистые. Явно не по сезону. Известного бренда, и по стоимости соответствуют цене добротной зимней обуви. Вот и купил бы сапожки...

Мне совсем не хочется поднимать глаза и разглядывать хиппующего модника. Но что-то свербит, тревожит. Ой, да размерчик-то детский... Неужели ребёнок?

Так и есть. В кресле сидит, до глаз нахлобучив трикотажный «петушок», мальчик лет десяти. Играй мы сейчас в детскую игру «Море волнуется раз,... море волнуется три, несчастная фигура замри» – стал бы её победителем. Голодный, замёрзший, никому не нужный щеночек.

И тут голос подаёт кондукторша.

– Два часа уже мёрзнет, третий круг пошёл. Водитель говорит, высаживай, а что я? Ребятёнок ведь совсем. Не-е, грех на душу не возьму. А он, паршивец, молчит. Партизан!

Пассажиры начинают оживать. Кто-то спрашивает мальчишку – что он делает в позднее время один, почему домой не идёт погреться. Тот сжимает и кривит губы, замёрзшее лицо от этого как-то странно перекашивается. Я помню, так всегда в детстве делала моя старшая дочь, и понимаю, что мальчик боится расплакаться.

– Говорить с нами не хочет, нос воротит – сердится одна бабка, – может, из интерната сбежал. Оне все такие, паршивцы приютские.

– Хорош детдомовец, в «найковской» куртке, – прыскают девушки, севшие на остановке «Нефтяной институт».

– Мальчик, а ты в какой школе учишься? – спрашивает женщина в каракуле, похожая на учительницу.

Тот молчит.

– Тебя родители, наверное, ждут, – вставляю и я свои «пять копеек».

И тут мальчик начинает плакать. В голос, хрипя, мгновенно обрушив на несчастное лицо слёзы, сопли, пряча вмиг вспотевшее лицо в задубевшие от снега пёстрые перчатки.

Проходит ещё несколько минут, прежде чем удаётся из этого рева выстроить картину событий. Вечером мальчонка поскакал – как обычно – в детсад за сестрёнкой. А надел новые кроссовки (мы с кондукторшей обменялись понимающими взглядами – дети с обновками расставаться не хотят, они в них даже спать ложатся от счастья!). Он очень боялся, что кроссовки украдут, и потому, пока сестрёнка одевалась, постоянно выходил в общий коридор присмотреть за обувкой. Сестрёнка – «ду-у-у-ра такая» – одевалась долго, потом ещё заходила в группу ватрушку съесть, зависла у аквариума. Он её чуть не пинками из детского сада выталкивал. Из-за такой круговерти он и забыл мобильный телефон на подоконнике. И его украли!!!!!!!

– Меня родичи убьют за телефон, – скулит мальчишка, – а ещё за дуру эту, – она, наверно, тоже потерялась.

Вспомнив о сестрёнке, за которую отвечает головой, он уже без стеснения рыдает в голос. Оказалось, что, не помня себя, оставив сестрёнку на крыльце детского сада, он ринулся на улицу в надежде, что увидит свой телефон в руках какого-нибудь родителя. Это уж потом он сел в троллейбус, потому что боится вернуться домой и без телефона, и без сестрёнки. За окном – метель, и ноги так замёрзли, что пальцы в новых кроссовках не шевелятся. Потому он и не мог решиться выйти на конечной остановке, чтобы топтать пешком до Карабаша – там живёт бабушка (мы, взрослые, переглядываемся: так ведь от остановки до рабочего-то посёлка добрых два десятка километров!).

Надо было действовать. У мальчика узнали номер домашнего телефона, и мой мобильник переключал в руки дамы в каракуле. Как кричала в ответ мама, было слышно всем. Плача, речитативом, на одном дыхании:

– Он живой где он я с ума схожу дочку привела воспитательница муж с братьями улицы прочесывает звоню на мобильный отключен.

Мальчик несколько успокаивается и, заикаясь от недавнего плача, спрашивает:

– Не убьют мама с папой?

Дама говорит в трубку:

– Он боится, что вы его убьёте!

Из телефона доносится уже истошный ор:

– Да вы что женщина говорите?!

И снова: где он я с ума схожу...

Дама в каракуле, узнав домашний адрес, говорит в трубку решительно:

– Это в моём районе. Доведу до дома.

– И сдайте его с рук на руки! – вклинивается кондукторша, – пусть они ему жару зададут, чтобы неповадно было в следующую раз от родителей убежать. Но только пусть не перестараются, а то некоторые из-за мелочи зверствуют. Подумаешь, мобильник. Жили мы без них и здоровее были...

Когда женщина с мальчиком выходят из троллейбуса, кондукторша вдруг вскакивает и кричит в закрывающуюся за ними дверь:

– Передайте мамаше – пусть ноги погреем ему не в горячей, а в тёплой воде ...

С чувством выполненного долга она усаживается и продолжает говорить уже нам:

– ... а то в горячей воде пальцы отвалятся. Вот у нас в посёлке один недотёпа сунул замороженную руку в чугонок из печи, палец-то – бульк – и как пельмень на дно...

– Ну и ужасики, дурдом какой-то, – вздрагивают студентки.

– И слова никому не скажи... – обиженно сопит «хозяйка салона».

А троллейбус продолжает свой путь.

Этот рассказ можно было бы закончить «художественно». Например, так: «Троллейбус продолжил свой путь. Люди оживились, заулыбались. Они обсуждали ситуацию, делились наблюдениями. Они словно бы стали роднее друг другу». Но это было бы уже неправдой, да ещё и с душком банальности и пошлости.

А правдой было то, что мы, пассажиры, снова спрятались – каждый в свой кокон. Холодно в троллейбусе! И только кондукторша ринулась к водителю и, перекрикивая стылый шум и лязг троллейбуса, запричитала, насколько же нервная и неблагодарная работа у них – то пьяницы, то наглые безбилетники, то всякие другие комедии...

– Трагедии, – хотела поправить её я, но передумала.

Бог с ней, с тёткой-кондукторшей. Пусть говорит, что хочет, пусть несёт любые бредни и глупости, но только пусть остаётся такой – любопытной, въедливой и равнодушной. Я даже тихо порадовалась – и за мальчика, и за нас, пассажиров. Вроде бы ничего особенного не сделали, но ... Мне показалось, что и остальные думают так же.

Детей в сегодняшнем мире недостаточно просто любить, их надо беречь – и своих, и чужих. Да что там беречь – спасать! Статистика трагедий, случившихся с детьми за последний год, – ужасна и беспощадна: дети, погибшие на дорогах, украденные, отданные в рабство, потерянные, а потом найденные – но уже растерзанными, изнасилованными, убитыми...

Часто, чтобы предотвратить трагедию, многого и не надо. Равнодушный взгляд. Интерес не только к себе, любимому, не только самоуглублённость в собственные переживания, но и внимание к другим, к тем, кто рядом, пусть даже это чужой ребёнок. Впрочем, ведь мы уже давно поняли, что чужих детей не бывает.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Ольга Артамонова: *«Прошло достаточно времени с тех пор, когда я прочитала материал о плачущем мальчике в троллейбусе. Я много думала на эту тему. Mamочка я молодая. За это время сделала первые шажочки моя дочка, а летом мы стали полноправными «хозяевами» скамеек в парке и песочниц во дворе. Другими теперь глазами смотрела я и на детей, и на их мам и бабушек. Иной раз видишь, как они ради родного чада оттолкнут чужого ребёнка, отпихнут, накричат, отнимут игрушку – особенно, если ребёнок гуляет без родителей и его некому в тот момент защитить. Какими слезами наполняются глазки детишек, как горько плачут они от обиды в уголке песочницы! Разве так можно?»*

Может быть, я привела очень незначительный пример, но как хочется крикнуть всему миру: берегите детей – своих и чужих! Пожалуйста! Это так важно! Умейте любить или хотя бы жалеть чужого ребенка. Никогда не делайте чужому то, что не хотели бы, чтобы другие сделали вашему. Правильно газета писала: «Чужих детей не бывает!». Если будем помнить об этом, то будет меньше зла в мире и особенно насилия над детьми».

Они уходят, народы остаются

Когда в теленовостях передают о событиях, происходящих в Грузии или вокруг неё, я вспоминаю грузинских друзей, с которыми в середине 80-х годов отдыхала в Венгрии, в Международном доме журналистов на озере Балатон – Марину Тектуманидзе и Рауля Бобиашвили...

Помню, перед отправкой в Венгрию, ещё в Москве, в Союзе журналистов СССР, в перерывах между инструктажами (как себя вести, что отвечать гадам-империалистам, с кем из коллег встречаться, а кого хитро или бесцеремонно избегать) меня перехватила сотрудница – активистка Союза.

– Вы как к Грузии относитесь?

– Хорошо.

– Тогда по просьбе всей их делегации я поселю вас в один номер с грузинкой.

– Меня знают? – я была польщена.

– Нет, – отмахнулась от моей наивности активистка, – вас выбрали по фамилии. Грузинская делегация просила поселить своих журналистов с представителями нацменьшинств.

Меня как-то никто до этого не называл нацменкой, к тому же я была девушкой хотя и наивной, но гордой. Мне не составило труда всем своим видом продемонстрировать презрительное «фи».

– Да подожди ты, – активистка тут же перешла на «ты». – Они просили поселить их не с русскими, а с другими народами – им, видите ли, интересно в неформальной обстановке узнать о дружбе народов, о культуре в разных там «автономках».

– А у нас в Татарской АССР всё очень даже хорошо, в том числе и с культурой, – на всякий случай отрапортовала я, внезапно заподозрив, что таким образом меня перед зарубежной поездкой проверяют на политичность, а точнее, – аполитичность. А что, были такие случаи...

– Да верю-верю, – захихикала активистка, – но какая тебе разница, с кем жить в одном номере? Тем более, что грузинка меня уже отблагодарила – вон какие вина подарила. Я и с тобой поделюсь.

Она быстро исчезла, оставив меня посреди коридора с бутылкой вина в руках. Все бы ничего, но времена на дворе стояли особенные – антиалкогольная кампания набирала размах. И в Альметьевске, и в Казани нас не единожды предупреждали, что

весь мир злобно следит за итогами борьбы за трезвость, объявленной в СССР Михаилом Горбачёвым и Егором Лигачёвым, и потому советские журналисты не имеют права, как практиковалось прежде, провозить через границу спиртное, даже шампанское. Стопка провезённой и выпитой водки или фужер вина – это удар в спину нашей демократии и перестройке.

Так что бутылка вина в коридорах официозного Союза журналистов выглядела почти по-диссидентски. И надо же такому случиться, что именно в это время из кабинета вышел Спасский – редактор журнала «Крокодил», член и как бы руководитель нашей туристической группы. Его академическое величие, строгий взгляд, устремлённый на бутылку, быстро привели меня в чувство. На одном вдохе я домчалась до выхода, и вино из незнакомой Грузии, от Марины, с которой мне ещё предстояло познакомиться, очутилось ... в заплёванной урне Зубовского бульвара.

...Соседка по номеру в Международном Доме журналистов на Балатоне Марина Тектуманидзе – как оказалось, это она «выкупила» меня за три бутылки вина – хохотала, услышав рассказ о паническом освобождении от «улики». Кстати, вино оказалось элитным экземпляром из коллекции ее досточтимого дяди-князя:

– Пьяница, который нашёл бутылку в урне, наверняка, остался доволен, а впрочем, он скорее всего даже не понял тонкого вкуса этого вина, – говорила она, – Впрочем, всё это мелочи. Главное, что сотрудница Союза журналистов всё-таки мою просьбу выполнила. Мы с тобой – дочери разных народов – встретились и подружились. А неформальное общение с представительницей неизвестного для меня народа – это великолепная возможность познакомиться с вашей культурой, с вашим народом. Познакомиться и полюбить твою землю, твой народ. Так что, рассказывай о своей родине, Софиико.

Беспреданно грузинская делегация с повышенным интересом расспрашивала меня об автономной республике, об обычаях русского и татарского народов, просила петь песни на родном языке, читать стихи. А я (пусть оправданием мне будет молодость) явно не тянула на знатока предмета – в университете сдавала историю Татарии по невнятному учебнику (других просто не было), да и истинный интерес к истории народа ещё только начинал возрождаться в республике.

Зато меня поражало, насколько глубоко журналисты-

грузины знали своё прошлое, как они гордились своим народом и чтили Грузию. О царице Тамаре рассказывали как о любимой тётушке из Гурзуфа – с любовью, с подробностями, перебивая друг друга, дополняя какими-то подробностями. «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели они читали наизусть огромными фрагментами – непременно вскакивали, прекрасно декламировали, причем стоя, со слезами на глазах...

Забыв про редакционную парторганизацию и её строгие наказания, я пила грузинское вино, зачарованно слушала поэтические тосты – бесконечные «алаверды». Кто-то задавал русло разговора – мать, Отечество, родная земля, солнечный луч, запутавшийся в ветках, любовь к женщине – или какую-то тему в поэзии. И каждый должен был высказаться на эту тему, произнести соответствующий тост. И вот чудо – когда очередь доходила до меня, память спасительно вытаскивала незатёртые, отнюдь не «школьно-программные» стихи Пушкина, Лермонтова и Баратынского. Счастливым образом всплывали и строки великих татарских поэтов – Тукая и Дэрдменда. Стихотворение последнего «Корабль» – это аллегорический образ страны, которая плывёт, идёт в неведомом направлении, это поэтическое, философское понимание темы мимолётного и вечности – особенно поразило моих собеседников. «Шаулый дингез» («шумит море») – эту строку на татарском языке они заучили и постоянно повторяли.

Уже в Москве, прощаясь, грузинские коллеги вдруг сказали, что я помогла им понять русскую и открыть татарскую культуру. Да полноте, это я была безгранично им благодарна! Своей любовью к Грузии они разбудили интерес к истории моего собственного народа. Даже забавно: не татары-националисты, начинавшие набирать силу и голос в республике, а грузины...

С Мариной мы переписывались ещё несколько лет. В одном из писем (о разгоне мирной студенческой демонстрации в Тбилиси в начале 90-х годов, когда использовались саперные лопатки и были человеческие жертвы), она написала о том, что Михаил Горбачёв не признаётся, что дал разрешение избивать студентов. Темнят и грузинские службы. «В нашей общей истории, наверное, будут ещё такие чёрные страницы. Но воюют политики. А мы, народы, можем и должны уважать друг друга. Не так ли?» – прозорливо писала моя Марина.

Действительно, так, Марина. Миши приходят и уходят, а народы – остаются.

Умеете ли вы говорить «Нет!»?

День начался со странного телефонного звонка:

– Скажите, пожалуйста, вы вообще-то боитесь телефонных звонков?

– ?!

– Мне важно это знать!

– Ну, смотря от кого и по поводу чего.

– Я имею в виду любые звонки. Я, например, их фатально боюсь. Каждый звонок – это чья-то просьба что-то сделать, в чём-то помочь. И каждый раз – это огромное беспокойство: приходится срываться с места, улаживать какие-то дела, чужие проблемы. Может, это только я такая бесчувственная... Но в последнее время на меня навалилась страшная усталость – от жизни, от родных, от работы. А особенно от того, что не успеваю сделать обещанного. У меня давно не жизнь, а беличье колесо. Вы должны помнить меня другой – когда-то я была смешливой и лёгкой? Знаете, от меня, от того радостного человечка осталась четвертинка!

Я, действительно, помню эту милую женщину: когда-то вместе мы участвовали в делах городского женсовета. Умница, оптимистка, отзывчивая на любую просьбу, радетельница за интересы детей-инвалидов, умеющая за короткий срок организовать самое сложное мероприятие, – такой её знали окружающие.

Сегодня она усталым голосом рассказывает мне о своей жизни. О том, что по-прежнему тащит на себе груз чужих проблем, которые взваливают на нее все, кому лень выполнять их самолично: близкие и дальние родственники, коллеги по отделу, подруги, соседи.

Я, наконец, прерываю её безрадостное повествование:

– Кажется, я всё поняла: вы просто не умеете говорить «нет».

...«Я все поняла, всё просто» – от собственной самоуверенности и назидательного тона, в котором я давала ей советы, позже стало неловко. Не только у звонившей, но и у меня, и ещё у миллионов людей очень короткое слово «нет» является самым сложным в лексиконе! И именно его отсутствие порождает большинство наших проблем.

Сколько сделано ошибок, накоплено горестей и болезней только потому, что вовремя не было сказано это слово! Каж-

дый раз чья-то настойчивая просьба в очередной раз буквально давит нас катком, заставляет менять собственные планы в угоду чужим, жертвовать личным временем, спасать чужое и при этом терять своё – растрчивать огромные физические и духовные силы ради процветания других.

И вот мы – как на заклятие – тащимся на поводу у других. Боясь кого-то обидеть, оскорбить, мы соглашаемся выполнить чужую просьбу, которая мало того, что нежелательна и противна, но, бывает, и неприемлема по нашим принципам, жизненным установкам.

Эта ситуация тем более мучительна, что мы прекрасно понимаем, ясно отдаём себе отчет, что нами в этот конкретный момент элементарно, беззастенчиво поль-зу-ют-ся! Причем делают это очень грамотно и психологически безупречно, точно просчитав:

нашу безвольность («да ладно, как-нибудь уж...»);
родственную или духовную близость (почти по-грибоедовски: «Ну как не порадеть родному человечку?»);
порядочность («не хочется выглядеть плохим»);
благородство («надо помочь»);
тщеславие («а он прав, только я это смогу»).

.....
.....

Пробел оставила на пару строк. Можете вписать свои ощущения и наблюдения, как и на какую приманку нас поддевают на крючок и держат, и водят. Впрочем не только двух строк, – двух страниц нам не хватит...

Умелые жалобщики, просящие помощи, сочувствия и поддержки, – как виртуозно они давят на наши лучшие качества, как артистичны они в описании своих «бед». В итоге в наших глазах просящий – это олицетворение 33 несчастий, бедная жертва обстоятельств и судьбы-гадюки. И мы начинаем энергично решать его проблемы, при этом забывая, что мы сами – не боги и не волшебники, что живём на одной земле, и, по большому счёту, на долю каждого человека (в том числе и на нас!) приходится примерно одинаковое количество проблем. Не только у наших просителей, но и у нас есть: стареющие родители, малые и большие дети, финансовые затруднения, производственные, а также межличностные, бытовые и иные большие и малые проблемы. При этом почему-то мы сами стараемся достойно справиться с собственными бедами, не подключая для этого весь мир, малую и большую «артиллерию» из родственников, друзей, знакомых и незнакомых людей...

Так почему нас так нагло используют? От излишней нашей доброты? Но на удочку попадают даже самые жёсткие, воле-

вые люди. А может, дело в нашей низкой самооценке, в неуверенности в себе? Ведь выглядеть добрыми и милосердными – всегда приятнее и легче, чем жёсткими и объективными. Сказать «да» намного легче, чем слово «нет». Для последнего нужно мужество.

И разве не мужество – проанализировать отношения с коллегами, близким и дальним окружением и дать честную оценку, а впоследствии и жёсткий, принципиальный отпор тем, кто пытается выжить за наш счёт, кто элементарно паразитирует на нашем труде, здоровье, свободном времени. И далее соответствующим образом выстроить отношения с ними.

– Боюсь взглянуть на себя в зеркало, – говорит позвонившая женщина.

Понимаю её. Дело не в приметах времени, которое не щадит никого. Просто в зеркале она видит Жертву. А надо видеть себя, Человека.

Я мстю, и мстя моя страшна...

Новостью № 1 на этой неделе стало возвращение Виталия Калоева. Во всяком случае, именно это сообщение открывало выпуски новостей федеральных телеканалов. Потом уже шли Путин, предвыборные и прочие политические и житейские страсти.

В октябре 2005 года гражданин Северной Осетии Виталий Калоев был приговорен судом Швейцарии к восьми годам заключения по обвинению в умышленном убийстве диспетчера швейцарской компании «Скайгайд» Петера Нильсена, из-за ошибки которого в июле 2002 года над Боденским озером столкнулись пассажирский самолёт «Башкирских авиалиний» и грузовой «Боинг».

Мы все помним тот июль, помним, как сжались сердца от страшного известия: погиб 71 человек, в том числе 45 детей, летевших на каникулы в Испанию. Большинство из них были из соседнего Башкортостана. Среди погибших были жена Калоева, его сын и дочь. Спустя полтора года после трагедии Калоев исполнил своё обещание отомстить за гибель семьи. И сделал он это на пороге дома Нильсена. В ходе следствия Калоев рассказал, что хотел услышать извинения диспетчера и показать ему снимки погибших родных. А датчанин в ответ

оттолкнул Виталия, и фотографии любимых людей упали на землю. Что случилось дальше – он не помнит.

Скорая месть Калоева на фоне затянувшегося следствия, всевозможных юридических проволочек, измучивших родственников жертв авиакатастрофы, была воспринята многими как святая месть отца и мужа, как героический шаг настоящего мужчины-джигита. Правда, картину героизма явно портило то обстоятельство, что убийство произошло на глазах обезумевших от страха троих детей и жены диспетчера. Сразу после этого преступник скрылся. На теле Нильсена обнаружили 16 ножевых ранений. Говорят, что, скорее всего, диспетчер даже не успел понять, чего хотел от него странный человек, вынырнувший из зимних сумерек и говоривший на ломаном немецком языке...

В начале июля 2007 года дело Калоева было пересмотрено, срок заключения «скостили» с восьми до пяти лет и трёх месяцев. Суд признал, что убийство было совершено в состоянии частичного аффекта, вызванного гибелью близких людей.

Сегодня Калоев вернулся в опустевший дом. Ему – думать, как жить дальше. Жить с ощущением, что он – убийца... А мы, как и два года назад, вновь задумаемся: что такое месть, допустима ли она в нашем обществе, и, наконец, кто он, Виталий Калоев, на самом деле: герой или мститель, ставший убийцей в результате личной драмы?

Телеканалы, кажется, свой вывод уже сделали – они проецировали его как национального героя. Таким его увидели и тысячи людей, стоявших вдоль трассы из аэропорта в Москву с плакатами в руках «Вы – настоящий герой» (впрочем, говорят, это была акция, подготовленная молодыми политическими силами).

Сам же Калоев сказал просто, и безнадежно, и честно: за что мне такие почести, ведь я сделал несчастными его детей?

Понятие «месть» в нашем сознании – явление подлое и страшное. При этом месть кровная «облагорожена» в силу разных обстоятельств – исторических, этнических, литературно-художественных (корсикано-итальянская вендетта, обязательная месть горцев за попанную честь, «око за око...» и т.д.). Но ведь месть не может быть разной! Она не может быть – благородной, созидающей, примиряющей, спасительной. Потому что месть – это намеренное причинение зла, намеренная плата за оскорбление, обиду, страдание.

Прощение врага, умение (несмотря ни на какие испытания) сохранить в душе веру в людей, в добро и свет, – всё это даётся только мужественным, мудрым и светлым людям. Вот почему только истинно сильные люди умеют прощать. Мстят же – слабые. И вряд ли месть поможет пережить горе или потерю. Скорее, наоборот. Она поднимет на поверхность всю грязь, злость, которая подспудно копилась в человеке и, наконец, нашла выход. И вот уже Икс мстит за зло Игреку. Игрек мстит за месть Иксу. Зет мстит за отомщённую месть. Замкнутый круг? Конечно. Тупик? Да. Это как в песне:

Перед тобой тупик и повернуть назад нельзя...

Остановить не хватит сил, а мстить – не хватит зла...

Зла-то как раз и хватает. Зло – это тот бумеранг, который возвращается снова и снова.

Алиса не из Страны Чудес

Информация из газеты: английские полицейские препроводили в участок детей, которые рисовали мелками на асфальте. Они заявили, что рисунки могут быть классифицированы как граффити, и представители правопорядка вправе потребовать стереть их. Кроме того, они выразили обеспокоенность тем, что дети играют на улице без присмотра.

Сообщение вызвало у меня двойственную реакцию. С одной стороны, «браво» полицейским (их, кстати, в Англии называют «фараонами» – видимо, ностальгия по Египту как бывшей британской колонии). Их рвение не помешало бы перенять нашим служителям порядка в борьбе с педофилами за сохранение детских жизней. С другой стороны, это уж явный перебор – классифицировать рисование мелками как асоциальное действие. Кстати, безобидные рисунки, сделанные в день инцидента, смыло дождём, но законопослушные родители в Англии теперь не разрешают своим детям пользоваться мелками на улице.

Люблю разглядывать детские рисунки – будь они на асфальте или на бумаге. Несколько толстенных альбомов с рисунками своих детей, начиная с головастиков, всяких каля-баляк, нарисованных в трёхлетнем возрасте, и заканчивая прекрасными акварельными работами, выполненными во время их учёбы в художественной школе, храню до сих пор.

Листаю редко, но и этого достаточно, чтобы расчувствоваться, вспомнить их малыми и незащищенными и схватиться за телефонную трубку: как там мои повзрослевшие красавицы-умницы, не забывает ли их кто?!

Когда дети рисуют – в доме покой и счастье, а в мире – мир и гармония. Так думают взрослые. По крайней мере, так думали мы, родители 70–80-х годов. Сегодня психологи рекомендуют мамам и папам тщательно анализировать, буквально «препарировать» рисунки детей. Считается, что через рисунок ребёнок изливает переполняющие его эмоции, заявляет, насколько комфортно, тепло и защищённо ему на этом свете. Например – пересказываю советы психологов – если на предложение нарисовать семью сынок или дочура нарисовали только одного себя, то это повод задуматься, ибо он чувствует себя одиноким. И ещё шарады для родителей: проследить, какие краски дитя выбирает: яркие – значит, мироощущение у ребёнка здоровое, соответствующее возрасту; а если же чёрные и тёмные – значит, что-то гложет ребенка, серьёзно пугает.

Кто-то из родителей согласен с этими психологическими выкладками, а кто-то – категорически не приемлет. Ведь бывает, что картинка написана чёрным цветом только потому, что красный фломастер засох или жёлтый карандаш закатился далеко под койку...

...Этот рисунок я увидела года три назад в Альметьевской картинной галерее. Изображена на нём девочка, весёлая и светящаяся, тепло и нарядно одетая. Держится за мамину руку – сама вся из себя счастливая, в руке – «Чупа-чупс». А рядом тянется к этой незатейливой сладости другой ребенок – сын нищенки, раздетый и грязный.

Картина названа «Дети одной Родины». Автор – Алиса Хуснутдинова, 13 лет, Альметьевская детская художественная школа №1. Меня поразила глубина чувств юной художницы, её острое (как не назвать это зрелым и гражданским) осмысление жизни.

Да, думаю я, она пока ещё не знает всей изнанки жизни. Например, что в нынешней России существует – и вполне безбедно – класс профессиональных нищих, зарабатывающих неплохие деньги на нашей жалости. А для этого все средства хороши, и раздетые полуголодные дети с печальными глаза-

ми – очень убедительный манок для нас, сердобольных. Но ведь не знать жизнь – это ещё не значит, не чувствовать её. И девочка – не знаниями, а сердцем, интуицией – намного мудрее нас, взрослых, коли проблему обозначает так жестко и недвусмысленно: «Дети одной Родины».

...Алисы живут не только в Стране Чудес, которую придумал больше ста лет назад соотечественник английских «фараонов» Льюис Кэрролл. Это в его сказочном мире пребывают Мартовский Заяц, Чеширский Кот, Синяя Гусеница, а страх, жестокость случаются лишь во сне. Наши Алисы живут в реальном мире, и их сердце реально сжимается от несправедливости и чужого горя.

Пройдет время, уйдёт детство. Но пусть оно не притушит острый взгляд художницы Алисы, её талант жалеть и любить. Это пожелание моё и твоё, читатель.

А вот это – обращение от Льюиса Кэрролла:

«Алиса, сказку детских дней
Храни до седины
В том тайнике, где ты хранишь
Младенческие сны,
Как странник бережёт цветок
Далёкой стороны»...

Дружба – понятие круглосуточное?

- С днём дружбы и друзей!
- А что, бывает такой праздник?
- В пятницу, 30 мая отмечался. Как, вы что, не знаете?!

После звонка от читателей кинулась выяснять у более умного и информированного народа, что это за день под флагом дружбы. Народ хлопал глазами и бубнил: «Не слышали, не знаем, что за бред?».

Даже всезнайка-Интернет выплюнул информацию, да всё не ту: 24 января дружат Филиппины и КНР, в июне праздник дружбы славянских народов (типа – гей, славяне?), в первое воскресенье августа – Международный день дружбы (видимо, братаются все). О майской дружбе компьютер не знал.

Но человек тем и отличается от машины, что, если завладела им какая-то мысль, то сразу её из головы не выкинешь, не сотрёшь простым нажатием на клавишу «Del.».

А подумать было о чём. В детстве дружба – самое лучшее чувство. Подружиться у песочницы, подраться, помириться, через день забыть друг о друге, или, наоборот, пронести через десятилетия крепкую детскую дружбу.

В юности дружба освящена ореолом святости, мужественности и жертвенности. Другу уступают единственную шпартгалку, диск или книгу, даже первую любовь – «Друг всегда уступить готов место в шляпке и круг».

В молодости друг составляет большую часть жизни. Вместе покоряются профессиональные вершины. И, конечно, по Михаилу Светлову, «Дружба – понятие круглосуточное». По звонку, стуку в дверь, наплевав – на расстояния, на интересы родных и близких – мчатся, чтобы благородно спасти, доказывая: дружба – она есть, а настоящий друг – вот он, я, перед тобой!

А дальше, в зрелом возрасте... начинается проза. Часто происходит девальвация самого понятия «дружба». Дружить только с нужными людьми... Влиятельный друг – разновидность «мохнатой руки», мостик для карьерного роста или соломка, на который удобно приземлиться после падения. Дружить (объединяться) «против» кого-то... «Заклятый друг» – ненависть с улыбкой на губах, с фигой в кармане, с камнем за пазухой... Не кидайте в меня тапком те, кто до седин сохранил иную – святую дружбу!

В университете, на семинаре мы, будущие журналисты, разбирали понятие «дружба» – с апломбом, замешанным на романтизме, цитатах и стихах. Эдакий светлый бурлящий восклицаниями и восторгом «коктейль», который можно назвать «Тебе 18 лет». Участвовавший в этом журналист-международник из Москвы (жил и работал в Брюсселе и Африке – для того времени это был полный шоколад!) пытался остудить наши головы.

Он по косточкам разобрал это «святое чувство», убеждая, что дружба в современном мире – это пережиток. За границей, где каждый надеется только на себя, человек человеку – волк, враг и прочее капиталистическое зло. Только в нашей стране – друг, брат и товарищ. Да и это – понизив голос, намекал нам опытный журналист – происходит не из сознательности и духовности, а из-за общинно-коллективной (понимай – люмпеновской) психологии. А она прорастает именно в на-

ших условиях: живём в коммуналках; труд у нас не частный, где каждый несёт за себя ответственность, а коллективный. Всё это порождает социальную инфантильность и привычку перекладывать ответственность на коллектив, на сосоварища. И только поэтому мы и нуждаемся в друзьях, как дитя в соске.

Мы того бедного международника, кстати (это я поняла позже), пытавшегося говорить с нами максимально честно и открыто, – в привычном дискуссионно-комсомольском раже чуть не побии. Нам казалось, что он цинично раскачивал наш мир. А сегодня я его во многом понимаю. Чем более человек самодостаточен, чем успешнее он состоялся как профессионал, гражданин, чем крепче и по-хозяйски уверенно он стоит на земле, – тем меньше у него потребность искать и получать поддержку других.

К тому же многие из нас, возможно, даже большинство, просто поняли, что в нынешнем мире и времени (высокий темп жизни, необходимость работать много, постоянно учиться, элементарно выживать, отвечать за финансовое благополучие семьи, за будущее детей) просто не выдержать дополнительных обязанностей и условностей, которые накладывает дружба. Не остаётся сил – физических и душевных, чтобы держать под контролем и заботой ещё и друзей, членов их семей, решать чужие разрастающиеся проблемы. Порой нет времени и желания даже на формальное общение – ходить по гостям, вести долгие разговоры. Вот и делается вывод: лучше и свободнее, если ты не отягощён обязанностями по отношению к другим; куда важнее и здоровее ограничиваться редкими встречами... И решение это многие принимают вынужденно, буквально ломая себя.

Мы выбираем, нас выбирают... И рядом с нами остаются только лучшие друзья – те, с кем делим беды и радости. Перед кем не надо оправдываться, что «так редко созваниваемся и встречаемся». Кто понимает: редкое общение – не предательство. Куда важнее находиться с другом на одной волне: быть близкими духовно и интеллектуально, придерживаться одних или хотя бы не противоречащих жизненных правил.

«Со мною вот что происходит – ко мне мой старый друг не ходит...» – это если перефразировать песню из рязановской «Иронии судьбы ...».

Действительно, почему он не приходит? И что с нами «происходит»?

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

И.Р.: «Жизнь раскидала нас, друзей. Нет частых встреч за «рюмкой чая», совместных праздников. Но уважение к тем, кого уважал, сохранилось. Кого называл другом – так и называю. Трагедии, как и Вы, в том, что встречаемся редко, не вижу. Редко – но метко. Понадобится – так всегда горой встану за друзей. Думаю, что и они за меня. Мы так и делаем, когда жизнь заставляет. Дружба количеством бутылок, вместе распитых, и прочими ерундистскими элементами не измеряется!».

Хорошо там, где нас нет

Где нас нет – там всегда хорошо. В нашем народе есть неутолённая, не вытравливаемая тоска-зависть ко всему, что в силу судьбы досталось не нам, а другим:

к иным странам, в которых нам не довелось родиться и жить – к сытой Европе, благополучной Швейцарии, солнечному побережью богатой страны или какому-нибудь райско-эдемскому островку, желательно без акул;

к другой работе, к другой должности, где, как нам кажется, платят больше, работать приходится меньше, где начальство добрее, а коллеги менее сволочные.

– Почему так происходит, – горячится иной наш соотечественник, – вон в Европе: «фонтаны шпындируют, лепестричество сельдряет», всё красиво, чисто. Марьянна вернулась от дочки, которая в Германиях живёт, так сказывала, что асфальт шампунем моют. А у нас – свинство и грязь.

И при этом завистник чужого порядка в избытке чувств пинает урну и смачно плюет на тротуар, который где-то далеко, действительно, моют швабрами. А у нас заплёвывают (что он вживую только что продемонстрировал), загаживают, на который, ломая бордюры, заезжают на машинах.

Лет пять назад писала о такой псевдорадетельнице порядка и экологической чистоты в материале под названием «Это намного легче – заботиться об амазонских лесах». Не называя по имени, рассказала о даме, которая на словах борется за чистоту окружающей среды, но при этом гадит вокруг. Материал заканчивался так: «...я же думала о неистребимом в мире

фарисействе: готовности легко поучать других, проповедовать высокие идеалы гармонии, и при этом привычно превращать свой резерват, свой пяточок выживания в свалку. Конечно, куда проще клеймить вырубщиков далёких амазонских лесов и куда труднее приучить себя к элементарному порядку на родной земле. Какую же дорогую цену мы платим за право жить, превращая окружающий мир в сточную яму!».

Самое интересное, что с полдесятка знакомых дружно узнали себя в этой «героине» и даже обиделись, тем самым подтвердив повсеместность распространения такого хронического явления, как умение создавать вокруг себя грязь и разрушение. Одна знакомая привыкла вываливать содержимое карманов в автобусном павильоне, вторая не раз признавалась, что по ночам выкидывает в форточку пакеты с рыбными потрохами, мясными обрезками, чтобы не пахло на кухне, третий постоянно поджигает мусор на участке, превращая территорию вокруг в дымовой Освенцим.

Самое время – поговорить о последнем явлении. Как не включишь телевизор, мороз по коже: такое чувство, что горит вся Россия. Это идут травяные пожары, вызванные поджогами прошлогодней травы.

Преступный пал ведут все, кто только может удержать спичку в пальцах: работники сельскохозяйственных предприятий, чтобы без затрат подготовить поле к посеву, горе-огородники, поджигающие мусорную кучу и оставляющие её без присмотра, любители шашлыков и лесных костров, а также малые и великовозрастные недоумки, для которых поджог травы – элемент бесплатной народной забавы. Хороша же «бесплатная» забава, которая является преступлением, ибо несёт огромные материальные потери, страшные беды: выгорают не только леса, но и целые деревни, посёлки, гибнут люди и скот.

Создаётся впечатление, что наши граждане просто не знают, что поджоги травы противоречат нормам российского законодательства и виновник может быть привлечён к уголовной ответственности. А ведь, действительно, – не знают! А кто-то занимается пропагандой этих знаний? Кто-то вылавливает нарушителей, а потом демонстрирует их обществу? В пользу поджога старой травы для лучшего роста новой убеждены многие, хотя учёные и садоводы-практики давно развенчали этот миф. Но многие ли из нас читали их доводы?

Профилактика как всегда спит или бездействует... За голову хватаются в России, лишь когда страна начинает полыхать, как сухой стог, из-за милой национальной традиции.

На верхней объездной дороге, ведущей в Альметьевск, палом выжжена огромная территория. Пожарище подошло вплотную к забору автомобильной газонаполнительной компрессорной станции. К чему мог привести огонь на таком газовом «вулкане», даже подумать страшно!

...В каждом разумном человеке – независимо от уголовных и иных кодексов, пропаганды и профилактики извне – должен быть собственный нравственный стержень, который в разных жизненных ситуациях подскажет, как себя вести, чтобы не уподобляться преступнику или грязной скотине. Этот стерженёк (кто-то назовёт его характером, принципами) формируется школой, родителями, обществом, самим человеком.

Не являюсь поклонницей Михаила Жванецкого, но точнее его не скажешь: «Хорошо там, где нас нет. И хорошо, что нас там нет, иначе было бы хуже. Где мы есть – там плохо».

Живи на светлой стороне!

Когда у американца спрашивают «Как жизнь?», он отвечает: «Замечательно, о кей», даже если в этот день у него умерла любимая собака и его бросила жена.

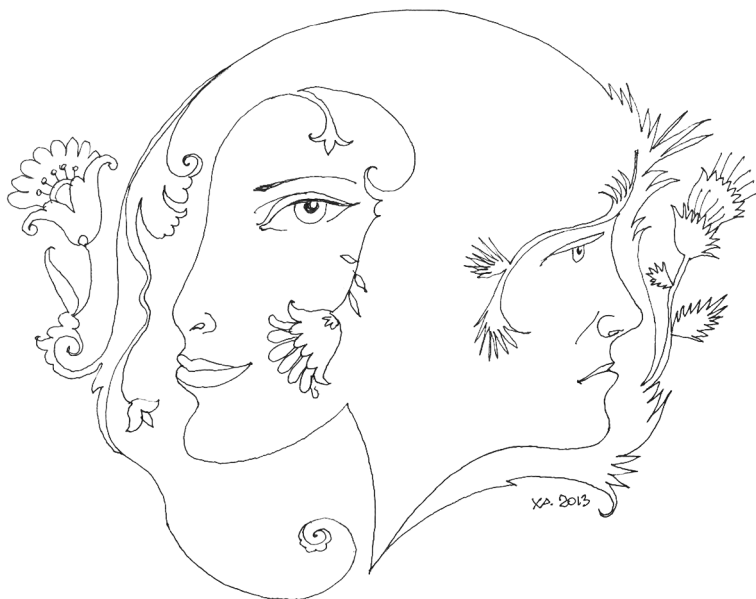
У нас, в России, всё по-другому. Во-первых, подобного восторженного ответа никогда не дождётесь (впрочем, у иностранцев и жизнь другая, да и менталитет иной). Во-вторых, в нашей стране с этим, в общем-то, ни к чему не обязывающим вопросом вы вполне можете нарваться на «плач» собеседника о несчастной жизни. А также о дурах-жёнах-неумёхах, мужьях-идиотах, начальниках-тупицах, соседях-дебилах и т.д., – именно это, по мнению нытика, чаще всего и составляет мировую скорбь.

Бегите подальше от такого человека, делающего из всякой ерунды беду вселенского масштаба! Пессимизм заразителен!

Пессимист видит длинный-предлинный, чёрный-пречёрный, страшный-престрашный тоннель. Охо-хо!

Оптимист непременно разглядит свет в конце тоннеля. Ура!

Реалист видит поезд в тоннеле. Да!

Ну, а машинист поезда видит трёх кретинов-придурков, сидящих на рельсах. Успею или не успею затормозить?

Каждый из нас выбирает свою жизненную комбинацию, свой расклад: быть в жизни оптимистом, пессимистом или реалистом. У жизни расцветочка такая: полосы светлые и полосы чёрные.

Живите на светлой стороне!

В жизни – в работе, семье, взаимоотношениях с окружающим миром – не всё устлано розами, здесь не всегда покой и штиль. Случаются беды и катастрофы. Оптимист принимает эту дилемму, он старается достойно выйти из неприятностей, понимая, что рано или поздно они пройдут, и завтра будет лучше, чем вчера. Оптимист плохое отбрасывает, перешагивает через него и идёт дальше. Из монолога Михаила Задорнова: «Я – оптимист, даже приходя на кладбище, вижу не кресты, а плюсы»...

Тот же мир, те же ситуации пессимиста, напротив, обрекают на крайность: на тоску, ощущение бездны, страх от якобы надвигающихся новых бед. При таком чёрном, болезненном восприятии жизни нет ничего удивительного в том, что человек, сам себя загнавший в страхи и комплексы, действительно, может не вылезать из несчастий. Память на зло и несчастья

– всегда долгая, вот и накапливаются непрошенные обиды, до сердца, до печени заливают нерасплескавшееся зло. И врачи, и учёные единокорны: пессимисты много и трудно болеют, живут меньше.

Это вам надо?!

Реалист + оптимист! Вот так, наверно, и надо жить. Может ли пессимист стать реалистом, а там и оптимистом заделаться? Может! Доказано, что если прикладывать усилия и работать над собой, выработка нового мышления происходит в течение месяца, а точнее, четырёх недель. Для этого надо позитивно мыслить, не воображать себе какие-то козни окружающих, интриги. Просто верить в себя, в своё умение действовать и находить решение проблем по мере их поступления.

Это в силах каждого – держать под контролем тягостные мысли, уметь радоваться мелочам, всему, что несёт позитив – природе, животным, добрым фильмам, умным книгам, и, главное, – себе, единственному и неповторимому. Да и полки книжных магазинов буквально ломаются от литературы по прикладной позитивной психологии; наконец, есть специалисты в этой области, и их консультация может оказаться полезной. Так что да здравствует здоровый позитивный образ мышления, в основе которого – реализм, вера, надежда, любовь. Тогда и в тоннеле всегда будет светло, и на рельсах не заезаемся.

А как важно учить детей впитывать радость, черпая её из окружающей жизни! Интересно описание эксперимента, проведённого детскими психологами. Детали особо не запомнились, расскажу только суть. Из группы детей с помощью педагогов, постоянно работающих с ними, отобрали двух малышей диаметрально противоположного характера. Одного – сумрачного, всем недовольного, всегда капризного маленького человечка. И второго – обладателя солнечного, яркого характера, большущего оптимиста.

Первого (буку-пессимиста) завели в комнату, полную игрушек. Он вёл себя – как всегда – негативно и неблагодарно. Немного занялся игрушками, а потом недовольно пожаловался на скуку.

Второго (оптимиста) поместили в комнату, в углу которой лежала большая куча конского навоза. Наблюдая за его реакцией, психологи и врачи поразились: на лице мальчика появилась счастливая улыбка.

– А чему ты обрадовался? – спросили его.

– Где-то рядом должна быть лошадка-пони! – объяснил ребёнок.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Вагу: «В чем счастье? Оно везде, в каждом мгновенье, но при обязательном условии, что всё хорошо у моих близких. Даже если не солнце, а град и буран и так далее. Даже они доставляют радость, потому что живы мои родители, есть любимый, друзья всегда рядом и я им небезразлична. Что есть книги и музыка. Кто-то улыбается, на чьём-то подоконнике расцвёл цветок. Что дома убрано, на столе россыпь жёлтых лимонов и красных яблок.

Мне кажется, каждый выбирает для себя – быть ему счастливым или нет. Радоваться жизни, работать, учиться, семью и детей заводить. Или же, несмотря на все условия (повторюсь, что для меня это, что всё хорошо у моих близких) глухо утопить себя в страхах».

Марина: «Люблю свой город, мне кажется в небольших городках отношения между людьми намного проще, честнее. В большом городе сложнее найти искренние и простые отношения, всё сложнее, заковыристее. С другой стороны, в большом городе человек больше занят собой и своими проблемами, до других ему и дела нет. Хорошо это или плохо? Каждый ответит по своему представлению и по опыту.

Скажу лишь, что больше всего сплетников и любопытных Варвар именно в маленьких городах. У нас все с утра и до поздней ночи только и делают, что нос суют в чужие дела, потому что все друг друга знают. Ненавижу это провинциальное качество!».

Умом Россию не понять...

В Россию можно только верить
«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить»

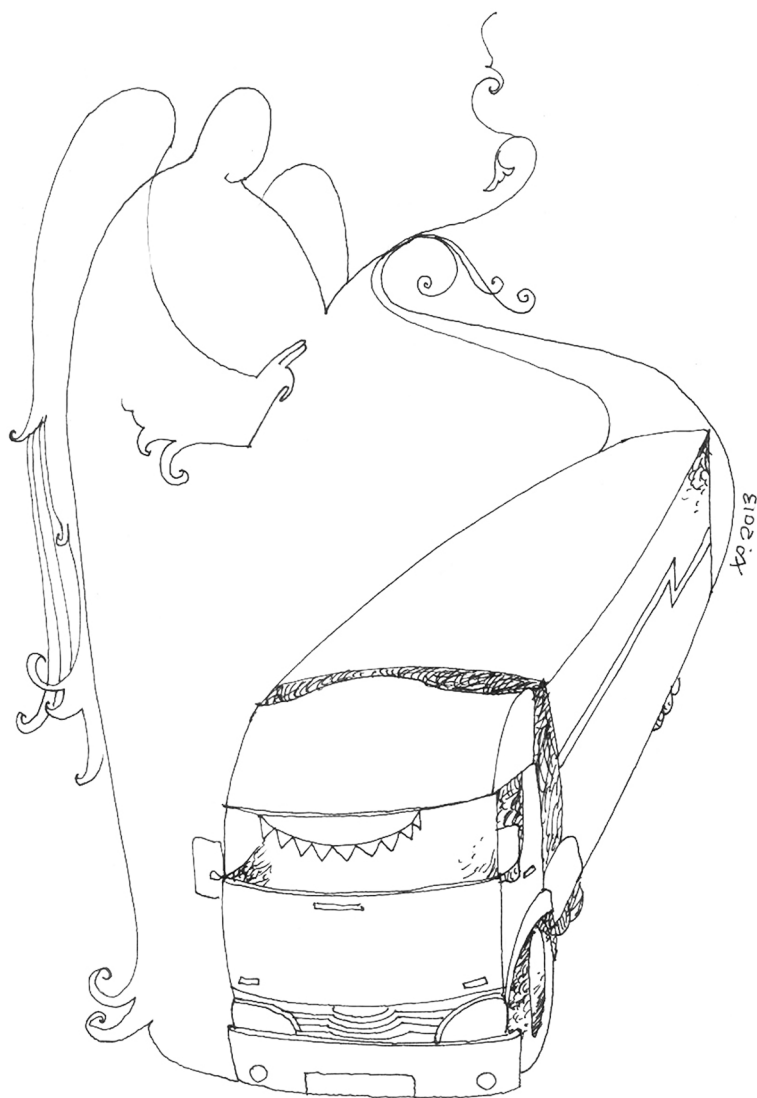
– знаменитое четверостишие Фёдора Тютчева. Другой его соплеменник по литературному жанру оставил более прозаический совет: «Путешествуйте, познавайте родную землю подошвами ног – исходите Русь, оглядитесь».

Про подошвы ног, да если ещё и топтать на дальние расстояния – это уж явный перебор для современного человека. Как альтернатива вполне сойдет путешествие на автомобиле, в чём убедилась недавно, пройдя колёсным, двухсуточным ходом через пол-России к низовью Волги – через леса и пашни средней полосы, звенящую степь Калмыкии, отрезок полупустыни, где берёт начало «белое солнце пустыни» – обжигающий песок, верблюды. Преимущество современных машин – климат-контроль – позволял не замечать одуряющую жару вокруг, сохранял голову ясной, восприятие свежим, а желание наблюдать, что творится вокруг, – острым и даже радостным.

Именно – радостным, ибо помню, каким убогим и удручающим был вид за окнами машины лет десять назад. Зброшенные поля, голодное каркающее воронье на проводах, редкие стада полудохлых коров, прокисшая капуста в столовках, деревенское унынье – разобранные трактора, застрявшие в грязных проулках, соломенные крыши домов.

А сегодня жизнь вокруг кипит. Зреют пшеница и подсолнух. На полях работает техника и копошатся люди. Огромные фуры ловко разворачиваются у бахчевых пяточков – загружаются арбузами, дынями, помидорами, баклажанами, чтобы потом развести по всей стране свежую продукцию. Спецмашины с прицепами весело везут по трассам мебель, скот, новенькие машины, продукты питания.

То и дело встречаемся с дальнобойщиками на привалах. Дружные и серьёзные ребята. После перекуса непременно осмотрят, обстучат свою машину, помогут друг-другу устранить неисправность. Даже нас, «чайников», сидящих в легковушках, снисходительно облагодетельствуют: моргнут встречным светом фар (не расслабляйся, мол, гаишник впереди),

дадут всегда точный совет, где умеючи обогнуть городок, дабы не запутаться на необъятных российских просторах. Потому как у водительского братства – будь ты шофер-профессионал или любитель – враги одни и те же: плохие дороги, отсутствие указателей и, конечно, гаишник в засаде.

В кабинах у дальнбойщиков – через одного! – портрет Владимира Путина. Было время, красоток полуголых выставляли, а тут – премьер...

– А что же фото президента Медведева не повесите?

– Пушай чуток поработает, – хитро улыбается водитель, – поглядим – увидим, – и поправляет маленький флажок, уставленный в просторном салоне. Вот ещё одно наблюдение: российский флаг часто встречаем в пути – он реет за водительскими стёклами, даже на крыше кабины асфальтоукладчика, который сам буквально кипит в жару от горячей битумной массы.

Отели и кемпинги нам для ночлега не нужны – ибо нас ждёт в деревеньке, не доезжая до Волгограда, тётя Валя. Номер её сотового телефона нам дали как переходящий вымпел, как приятный бонус – пользуйтесь, не пожалеете. Она, Валентина Дмитриевна, и есть – добрый ангел путников, пускающая их на ночлег, дающая возможность отдохнуть душой и телом, прежде чем вновь тронуться в путь. У неё всегда наготове и пышет жаром банька, расстелена белоснежная постель. Её домик без особых удобств, но выскоблен дочиста и отмыт, уютен своей незатейливостью и скромностью. А сама она – как голливудская актриса, достойно переживающая старость: с элегантной причёской, с подтянутой спортивной фигуркой, с яркой, долго не гаснущей улыбкой.

Развалился её знаменитый совхоз-миллионер, когда-то насчитывавший тысячами поголовье коров, свиней, коней, овец, простирившийся не знай до каких горизонтов тучными полями. Лишились люди работы. Те, что помоложе, худобно устроились в Волгограде, а многие растерялись, скисли или ожесточились. В итоге – запили горькую. А Валентина Дмитриевна (знатная доярка, орденосеиц, постоянный член райкома партии, вечный заседатель в почётных президиумах) свою коммунистическую гордость подальше засунула, наступила на горло своим амбициям и гордости и стала просто тётей Валеи многочисленным туристам, держащим путь на южные курорты именно через её деревеньку. Вот и крутится день-деньской: стирает-кипятит-гладит-трёт-чистит-скоблит.

Вот так и выживает, а точнее живёт тётя Валя. Делает всё добросовестно, с бюргерской тщательностью, с капиталистической взвешенностью, но при этом – ну куда русско-казацкий менталитет денешь? – с душевностью и ненавязчивым, тёплым вниманием к постояльцам. Спасибо вам, Валентина Дмитриевна!

С грустью замечаю, какими невзрачными становятся наши березки ближе к югу... Почти нет белоствольных, стройных красавиц – векового олицетворения России, а растут на юге сплошь и рядом вздыбленные, тонкие, кривенькие деревья с тянущимися к земле ветками. Вот тебе и гордый символ нашей природы, нашего отечества!

...И тут я останавливаю в себе этот поток сожалений. Кто будет спорить: конечно, флаги, берёзки, портреты вождей – олицетворение власти и державы. Если вид берёзки вызывает ностальгию и светлую слезу – значит, живёт в человеке негромкая и нежная любовь к своей земле. Если вид флага в руках спортсмена, одержавшего победу, рождает гордость за своё отечество, – значит, что-то сдвинулось-переместилось в том затхлом болоте, в котором мы жили, значит, побежала по нашим венам свежая кровь. И всё-таки, не ошибусь, если скажу, что главным символом любой страны были и остаются люди.

Хочешь понять страну, в которой живёшь, – пойми её людей. Их отношение к труду и жизни, их старание навести порядок вокруг себя. Так что работающая тётя Валя – тоже символ. А живёт она по нехитрому правилу, по которому, к счастью, живёт у нас немало людей: «Надо жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и будет вам почтение».

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Тамара Ивановна, педагог: *«Спасибо, что напомнили такие душевные, такие хорошие слова «Надо жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и будет вам почтение». Их в последнее время стали чаще вспоминать. Это хорошо. Я решила поговорить на эту тему со своими учениками. Готовясь к беседе, я нашла историю изречения. Оказывается, эти слова принадлежат оптинскому старцу – батюшке Амвросию Оптинскому. Старенький, больной от рождения, с трудом ходивший, тридцать лет он по 20 часов в сутки проводил в молитвах. И к нему со всей России стремились сотни людей: спросить совета, получить благословение, попросить его молитв. К нему приезжал цвет русской интеллигенции того времени. Н.В.Гоголь, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, А.К.Толстой и многие другие искали в его скиту смысл жизни. Его литературным во-*

площением стал старец Зосима из «Братьев Карамазовых». Изречения и советы отца Амвросия разошлись в поговорах и поговорках и любовь к ним не становится меньше – в нескольких простых словах батюшка умел выразить всю сущность жизни.

А еще есть икона святого отца Амвросия. С ней связано чудо: когда после канонизации старца к его мощам приехала съёмочная группа, готовившая программу для фестиваля киноискусств в Амстердаме, и оператор навёл камеру на лик преподобного, икона замироточила. Это был первый случай, когда мироточение было заснято на киноплёнку. Так старец и после смерти «заговорил» с людьми.

Написала много, простите, но очень надеюсь, что эта история будет интересна вашим читателям. И не только православным. Ведь мы говорим о смысле жизни, её красоте, о счастье человека. А это относится к представителям всех религий».

Забудь про жёлуди, оторви взгляд от земли...

Недавно на одном юбилее, славя виновника торжества, кто-то подметил (конечно же, выдав это за безусловную добродетель), что юбиляр – настолько деловой и серьёзный человек, что с ним даже поздороваться невозможно: он идёт, уткнувшись взглядом в землю, не поднимая глаз, никого не видя, не слыша, сосредоточившись на делах. Все зааплодировали такому «весомому» признаку служебной самоотдачи.

Я в перерыве подошла к юбиляру. И, пользуясь многолетней нашей дружбой, на ухо шепнула: «Свинья тоже голову не поднимает, всё жёлуди ищет». «Сама такая» – огрызнулся он. Ну что тут скажешь, прав он, сердешный, все мы, нынешние, такие...

...Мне всегда везло на соловьев. Где бы ни жила – в центре Казани или на тихой улочке Старого Альметьевска – знала, что придет май, наступит июнь, и в саду непременно поселятся соловьи. Тот, кто хоть раз слышал их пение, кто заслушивался им, сидя на залитом лунным светом подоконнике, подтвердит: это – чудо природы.

Переезжая в Нижнюю Мактаму, я, кроме удаленности, в разряд потерь поставила и соловьев, которые остались в ста-

ром саду. Они, как известно, любят селиться вдоль речек, у прудов, а подобных водоёмов на новом месте не было. Знакомая старушка в утешение сказала, что соловей – если уж захочет поселиться рядом с человеком – так и в бурьяне гнездо сошьет. Эти слова я приписала ее любви к народному фольклору. Но – вот радость! – и на новом месте появились соловьи. Их, кстати, становится в Альметьевске больше. Значит, улучшается экология, появляется больше зелёных насаждений. В противном случае соловьи бы покинули город, как это случилось во многих российских регионах: этот вид птицы – надёжный индикатор состояния окружающей среды, её не обманешь. В грязи и смоге она не поет, а значит, жить здесь не будет.

А сколько счастья соловушка приносит своим пением! Радоваться бы этому, каждый майско-июньский день «включать» для себя целебный концерт – распахивать окно, выкраивать немного времени. Ан нет, не получилось и в этот раз. Допоздна держал в привязанном состоянии к столу компьютер, домашние дела, как всегда, не заканчивались. До слушания ли ночных концертов! Добрести бы до подушки-подружки. И вот еще что. Раньше соловей слышен был всегда – ведь его голос довольно легко, заглушая радио или телевизор, пробивался через закрытые окна, деревянные стены. А нынче было ему не пробиться через хваленые наши тройные стеклопакеты на окнах. Вот такие соловьиные «пирог»...

Впрочем, не о птичьих руладах речь. А о том, насколько же мы сами себя обеднили. Словосочетание «сами себя» особо подчеркиваю, ибо в каждом из нас есть привычка оправдывать себя и все валить – на Антанту, начальника, родителей или детей.

Ссылаясь на личную занятость и общую суетность жизни, мы оградились от природы, от маленьких, но важных радостей, которые она нам несет. Живем, не любопытствуя... Реагируем разве только на новости и рекламу из говорящего ящика, и глухи к природным звукам: пению птиц, голосу ветра. Мы не знали и не пытаемся узнать названия трав и цветов, птиц и насекомых, прорастающих и обитающих в нашем родном крае...

Мое главное впечатление от поездки в Китай, главное потрясение – это прекрасные сады, которые мудрые китайцы создавали веками и продолжают создавать с одной опреде-

ленной целью – наслаждаться стихиями воды, земли и воздуха, познавать себя. У них сохранились специальные уголки для созерцания камней, цветов, росы, ливня, рыбок в водоеме, где люди отдыхали от суеты и трудов, сбрасывали груз огорчений, восстанавливались, очищались. Одни названия чего стоят: Беседка Любования Тремя Соснами, Пагода Диких Гусей, Павильон Слушания Дождя. Названия даны не из простого благозвучия слов. Именно из этой Беседки открывается прекрасный вид на причудливо искривленные ветром сосны, их изрытую временем и оспинами кору, изящные верхушки веток. А звук дождя именно в этом Павильоне совершенно удивителен из-за особой покатости черепичной крыши, по которой стекают потоки воды, которые изливаются потом на стену глухого забора.

А мы? Мы слепы и глухи – вечно мчимся галопом по будням и праздникам, блуждаем и теряемся меж своих трех сосен, рвём жилы и сердце, пьжмися и страдаем. Мы настолько уперлись рогом в землю, в обыденность, что перестали удивляться и радоваться, отвлекаться на красоту и нежность природы. А потом кто-то горюет и сетует, что быстро изнашивается, стремительно стареет телом и душой. И не всегда это связано с возрастом. Сколько вокруг нас людей молодых, но уже измаявшихся, уставших от этого темпа жизни!

Будучи в Москве в командировке, разговорилась об этом с водителем московского представительства компании «Татнефть». Водители вообще, а столичные тем более – мудрые и очень наблюдательные люди.

– Каждую весну на липе, растущей у моего дома, с раннего утра поет птица. Так славно, так хорошо! Спросил жену, что за птаха, – не знает. Думаю: как же так, радуется она нас, а мы её даже не видели. Сходил к сыну, забрал у него военный бинокль. Интересно стало! Попытка рассмотреть певунью – пока неудачная, в ветках она прячется, в гнезде.

...Вот и я («интересно стало») недавно купила занимательную книжку, и, водя пальцем по картинкам, изучала названия травинки-былиночки – не раз они встречались мне на лугу, в лесу, но названий их, к своему стыду, не знала. Или, наоборот, слышала названия, а не знала, как выглядит тот или иной мох или кустарник. Пока по этому атласу лазала, два часа незаметно прошли. Внутренний голос, привыкший вопить и со-

крушаться, если что-то кажется бесполезной тратой времени, на этот раз молчал...

Помню, как плакали в 90-е годы американские татары у одного из наших родников. Шли мы к нему лесной тропинкой, потом через самодельный мостик. Организаторам экскурсии даже показалось на минуту, что они ошиблись с выбором, и надо было везти заморских гостей к роднику более монументальному, «богатому». Но тут родник открылся взорам: он падал из расщелины, с лёгким шумом перепрыгивал через камни, а потом как лесная змейка терялся в густой сочной траве. Гости ахнули. Они пили воду из отбитой эмалированной кружки (кстати, дефицита того времени), плакали и говорили, что запомнят этот миг на всю жизнь, что расскажут обо всём канадским родственникам – выходцам из Татарии. И ещё говорили: какие же вы счастливые, что ваших дедов не захватили вихри японской и гражданской войн, не рассыпали их по всему миру. И получалось, что счастье – это жить на земле наших предков, посещать их могилы, пить ключевую воду – чудо родной природы. От их слов, помню, мы всем гуртом (даже солидные мужчины) прослезились. И каялись, чуть в грудь себя не били: мол, да-да, живём неправильно, редко с природой общаемся, да-да, будем выезжать, все «бум» (как Райкин выговаривал), все «бум делать путём».

Свежо предание, да верится с трудом.Guestы проводили, кое-кто к ним даже в гости съездил. А клятву-то и позабыли. Очень, понимаете ли, мешают выскочить из дома да сигануть за город тапки домашние, телевизор на кухне и в гостиной, телефоны...

И мне бы в этом грехе каяться да каяться, да спасибо соседу и другу Шамилю Абдрахмановичу, бывшему сулеевскому нефтянику, а ныне работнику АУАД. Не мытьем, так катаньем, удобным поводом, а то и без оногo, но вывезет он нас, своих соседей, друзей и родных в леса и на родники. Да ещё и научит – без слов, нотаций – как с почтением относиться к живой природе. Это надо видеть: он приезжает на родник в 6 утра. Все расчищает, набирает воды и огромной тряпкой, в половину своего небольшого росточка, промывает все вокруг: столы, скамейки, каменные патио, ступеньки – и всё это не только на пятачке, на котором будет сидеть его компания, но и по большому радиусу вокруг. А вечером, покидая родник или поляну,

он непременно – вплоть до стрелки недоеденного лука – соберет весь мусор в пакеты и отвезет в город, к ближайшему мусоросборнику. И бесполезно при нем прятать под кусты остатки пищи («органика же, это, Абдрахманых, все равно все сгниет») – попадет непременно. Крестьянский сын, он и живет основательно, да любопытно: все ему интересно в природе, все любо...

Так что давайте и мы оторвём взгляд от земли и хотя бы чуть-чуть более заинтересованно оглядимся вокруг себя. Многого и не требуется – просто увидеть, что небо в звёздах, луг в цветах, лес прекрасен в любое время года, что полет стрекозы полон изящества, а у прохожего такая ясная и хорошая улыбка.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Н.Логинова: *«Дорогие мои коллеги-нефтяники! Красота ведь совсем рядом – протяни только руку. Конечно, хорошо имеющим транспорт. Десять-двадцать минут, и ты на природе. Но и «безлошадные» при желании найдут выход. Сотни пожилых альметьевцев, например, моя престарелая матушка и две ее сестры, всю жизнь совершают вылазки по грибы, ягоды и травы, да и просто прогулки, используя автобус, троллейбус, вахтовый транспорт. Благо, лес-то везде вокруг нас – и это ли не удача и даже счастье для нас, жителей небольших городов и поселков? Есть что посмотреть, где отдохнуть. Например, родники нефтяники украсили так, что невозможно пройти мимо, не остановившись, не сделав глоток воды».*

Не время отбрасывать коньки

«У всех проблемы, всем сегодня плохо. Такие государство и эпоха. Но что же будет, если от тоски мы все начнём отбрасывать коньки?».

Это написал Леонид Филатов, для многих не просто любимый актёр, писатель и поэт, но и жизнелюбивый человек, который мужественно, оставаясь в строю, боролся с тяжёлой болезнью. И при этом работал, творил, помогал другим.

Строки вспомнились очень даже к месту. Вернулась из санатория, привезла наблюдение: люди впервые в жизни записываются на приём к психологу, очень много работы у невропатолога, который ощутил в последние недели особый наплыв пациентов с внезапно ухудшившимся самочувствием.

А всё кризис, будь он неладен. Но вот что интересно. Если для кого-то проблемы кризисные нависают над головой или маячат в ближайшем будущем, то для большинства он пока вроде совсем не виден. Но крови портит изрядно. Вот об этом и давайте поговорим.

Каждый из нас не единожды убеждался, что есть закон (божеский, вселенский, кармический, парадоксальный, дурацкий, справедливый – нужное подчеркните): когда чего-то сильно боишься, то оно не заставит себя ждать. Придёт, грянет. Тревожное ожидание, мрачные прогнозы и мысли не только оправдываются, но ещё и притягивают иные напасти и беды. Так что самое разумное – не программировать себя на неприятности и не ждать их прихода, а наоборот, гнать прочь мрачные мысли и опасения, пока они прочно не прописались у нас и не начали своё разрушающее действие.

Они, эти мысли и опасения, очень непродуктивны: мешают работать и вообще жить нормальной жизнью. У них страшная способность привязываться, наслаиваться, расти как снежный ком. Они очень нахальны и при нашем безволии способны выйти из подчинения: могут прийти ночью и лишить сна, оцупав липким страхом и безнадегой, могут возникнуть в самый неожиданный и неподходящий момент – помешать при принятии важного решения, испортить радость. Правы и мудры те, кто всегда имеют при себе невидимое, но действенное оружие: волю, юмор, мужество. И, в любом случае, без надежды, оптимизма и веры в себя не обойтись. Нужно пестовать и культивировать в себе позитивное отношение к жизни. А это – ещё та работа!

Позитив манной небесной вместе с новым днём, новым закатом с неба не падёт. Его нужно создавать ежедневно. Для себя, своих близких, для коллег (что очень важно, ведь мы треть времени проводим на работе). Создавать самому – своими руками, улыбкой, доброжелательным настроем и адекватной реакцией на события – например, не превращая в мировую скорбь неприятности и огорчения. А если уж трях-

нуло сильненько, если пробили брешь в броне-защите – самое время взять небольшую передышку, лечить пробоину, зализывать рану. Например, снизить на день-другой темп, вспомнить, что есть диски с любимыми фильмами, банька, лес с его целебным воздухом, колка дров, спицы с вязанием, девиз мудрейшего царя Соломона: все проходит, и это пройдет...

Думать о плохом (причем, чаще всего авансом – вот где наша главная «человечинская» глупость), постоянно раздувать пессимизм, заниматься самоедством (слабак, ни на что не способен, это не так сделал, вот так надо было поступить) – опасно для жизни. Это нарушение психики, обвал защитных сил организма, разрушение здоровья. Иногда – с необратимыми последствиями.

Однажды довелось буквально прожить четыре дня в крупной специализированной клинике, куда свозили из огромной области больных с инсультом. Постоянно общаясь с теми, кто, как и я ухаживал за близким человеком, я ужаснулась – насколько порой пустячны, надуманны и мелки оказались причины, вызвавшие катастрофу, которая постигла разумных и, в общем-то, здоровых людей в расцвете сил – а теперь парализованных, обездвиженных, что-то мычащих, которым предстояло сегодня-завтра умереть или же стать обузой на месяцы-годы для их несчастных близких. Нагоняй на службе. Ссора в семье. Дети срубили любимую сливу (кстати, в саду есть еще две сливы и три абрикосовых дерева). Аврал из-за ремонта в квартире. Скандал с соседями из-за сломанного почтового ящика.

Проблемы – решаемые, беды (да и можно ли их таковыми назвать?) – пустячные. А саморазрушение – огромное: был человек – и нет его.

Куда разумнее неприятность или разочарование воспринимать не как горе, а как прививку от больших неприятностей, как очередной жизненный урок. А урок, какими бы тяжелыми не были пережитые испытания, – это всё же позитивный момент: познал новое и полезное, освободился от мешавших иллюзий, увидел истинное лицо участников события, проверил свои способности.

У многих при размышлениях о жизни встаёт образ реки. Жизнь – река. Берега – наше окружение. Только от нас зависит, какой станет для нас наша река. Поэтому лучший совет

– держаться солнечной стороны, не бояться волн, а наслаждаться их энергией, поднимающей нас ввысь, решительно преодолевать пороги, но избегать глубоких омутов и затянутых тинной, опутанных водорослями заводей. Главное – плыви или гребни – не стой на месте.

А напоследок анекдот в тему.

Едет мужик в троллейбусе. Озабоченный и хмурый. И думает: «Невезуха кругом. Вокруг – одно быдло, начальник – кретин, жена – стерва». А за спиной ангел-хранитель примостился с блокнотом и ручкой. Записывает ангел старательно: «Вокруг – быдло, начальник – кретин, жена – стерва...». А сам думает: «Вроде было уже. Но раз заказывает – надо исполнять».

Бедный Павел, или Голый король

Одноклассница Аня Гостева вот уже 35 лет благополучно живет в Польше. Выйти замуж за иностранца в 70-е годы было большой экзотикой. Её мама, тетя Маня, после каждого посещения страны, в которой жила её любимая кровиночка (уезжала всегда с угрозой: «Уж мы-то с Анькой там социализму настоящую устроим» – жадными до крохоборства и чересчур скучными казались ей новые родственники-поляки), рассказывала нам, Аниным подругам, как всё там странно устроено. Особенно чуждым ей казался обряд наречения имени новорожденному: ребёнку давалось по два имени. «И как прикажете мне кликать родного внука: Анджеем (Андрюшкой) или Петькой?».

Дальнейшие события показали, что даже нашей сверхэнергичной Анне во главе с супер-энергичной тётёй Маней истинного социализма в Польше не удалось построить. Он вообще везде развалился. Зато с именем всё разъяснилось. Оказалось, что два имени фигурируют только в документах. Первое дают родители, и оно используется в обиходе. А второе – по дню святого, день которого приходится на крестины.

Помню, что сказала по этому поводу тётя Маня – весёлая, простая, мудрая баба:

– Это так у католиков, но ведь и у других: у русских, татар, украинцев, негров всяких бывает по два имени. Первое – как родители дали, а второе – как люди выставят. Вон соседка

Лиза. По родителям-то Лизавета, а по-нашему, по квартальному, – Бездонный Карман. Потому что воровка мелкая. Прищепки бельевые, спички, карамелька со столов – всё в кармане ее кофты оказывается. Сынок ейный – Павлик, ударник, тимуровец, а куда ни пойдет – он Пашка, сын Лизы Бездонный Карман. Вот беда-то.

Тёти Манины причитания соответствовали тому, что мы слышали с детства: имя свое нельзя порочить. Дурная слава о совершенном проступке не только тебе жизнь испортит, но и детям и внукам твоим... Классическая цитата из Библии или иных анналов мировой мудрости: доброе имя лучше большого богатства, а добрая слава лучше золота и серебра.

Я нет-нет да вспомню эту историю: неужели и сегодня взрослого мужчину, отца семейства ассоциируют с дурной славой его матери? О, бедный Павел...

Имя каждого из нас – Екатерин, Гузелей, Сергеев, Иосифов, Фаридов – по сути всегда разное. Доброе и честное или же дурное и опороченное. Как и с чем ассоциируется моё, твоё, Ваше имя у окружения? Чем не вопрос для раздумий... Один только совет: не задавать его себе ночью – у кого-то он отбивает сон напрочь.

Знакомый финансист вернулся со столичного тренинга по репутационному менеджменту. Очень вдохновлённый вернулся, непривычно жёсткий, нацеленный на работу, карьеру. Всё бы хорошо, но уж очень сомнительна установка, которую вбили в него намертво: лучший способ сделать себе имя – опорочить чужое. И сразу вспомнился Сергей Доренко. Помните такого телекомментатора, классического чёрного пиарщика, «мочившего» в 90-е годы известных политических и государственных деятелей России? Как оказалось – и чем он не раз хвастался впоследствии сам – он сливал чёрный компромат по наущению и на бо-о-льшие деньги Бориса Березовского. Для меня, как и для большинства россиян, журналист Доренко «умер» давно. А вот подобный метод «очерни другого – выдвинешься сам», носителем которого был, в том числе и он, – очень живуч и процветает. И не только в высших сферах, но и в более мелких масштабах – в офисах компаний и фирм, на богом забытых заводах и фабриках.

Если личность мелкая, а потуги большие, то самое лучшее – самоутвердиться, выдвинуться, сделать себе имя за счёт дру-

гих. Например, прибрать к рукам чужой труд, выдать его за свой, как результат собственной уникальности и гениальности. А исполнителя, дабы нейтрализовать, следует опорочить в глазах вышестоящих. У каждого из нас на примете – паратройка таких деятелей, причём грамотных и неглупых.

Не для интереса, а ради объективности перелистала я конспектики знакомого. Коварный и мудрый Макиавелли может отдыхать! Советов уйма... Как уходить от ответа, когда надо скрыть незнание предмета. Как окружить себя свитой (она делает короля). Как одним штрихом – намеком, полуулыбкой вызвать недоверие к другому. Как... Но я не нашла главное и золотое правило репутационного управления, по которому (порой не осознавая этого) жили и живут успешные и порядочные личности: нельзя улучшать свою репутацию, разрушая при этом чужую. Имя, как это ни банально звучит, надо делать делами. Конкретными, большими, хорошими. Грамотно вести свою работу, искренно радеть за ее результаты, не идти на нарушения правового и морального плана.

И уж во всяком случае не стоит перенимать опыт тех, кто на подлости сделал карьеру и имя. Их пример – блеф, а имя – пустышка. Приходит время, ореол значительности тает и всё мгновенно встаёт на свои места: черное окажется белым, напыщенный умник – дураком. Обман и фальшь не могут длиться вечно. Ведь всегда найдётся мальчик, который скажет сакраментальную фразу:

– А король-то голый!

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Мансур Фарукшин: *«Позвольте напомнить высказывание Авраама Линкольна: «Характер подобен дереву, а репутация – его тени. Мы заботимся о тени, но на самом деле надо думать о дереве». Человек, который озаботился проблемами своей репутации, должен постараться стать лучше».*

Радость и горе рядом идут

Коллега рассказывает: хоронили друга на деревенском кладбище. Распутица, грязь. Справиться с дорогой могут только «КамАЗы». Погрузили гроб, в кузов сели провожающие в последний путь. А в соседнем доме в деревне – свадьба, жених с невестой и их гости из-за бездорожья тоже на «КамАЗе», но уже наряженном шарами и лентами. В одной машине – плач, в другой – смех и шутки. И тем, и другим как-то неловко...

На прошлой неделе в один день и час совпали два мероприятия: поминки по другу и «бэби туе» (праздник наречения имени) у близкой родственницы. Мучительно соображала: куда идти – на печальный поминальный обед или на весёлый праздник? Кого придется обидеть? И чём придется пренебречь – памятью или родственными чувствами?

Таков мир: радость и горе, смех и слёзы – рядом идут. И почта нашей колонки – о том же. Кто-то делится с нами своим счастьем и торжеством, а у другого в это время – чёрная полоса в жизни. У кого-то надежда разгорается, а у иного – безверие студит. Кто-то сам готов научить других жить, а у другой в письме – одно отчаяние и вопросительные знаки. Впрочем, судите сами. Вот всего лишь небольшая подборка из ваших писем и сообщений.

«К вопросу о больших и малых городах. Я часто гощу у родных в Москве. Как они там все одеваются – не передать! Для них – главное, чтобы было удобно. Могут без косметики, в мятой футболке пойти в магазин. У нас в Альметьевске у девушек, я сужу по подругам, однокурсницам, соседям, сохранилось стремление быть красивыми, нарядными, ухоженными. Даже если магазин рядом, девушка перед выходом из дома переоденется, подкрасится, приведет в порядок причёску. Сегодня слово «провинциалка» звучит не унизительно, а гордо! Недаром все красавицы-«мисски» всяких конкурсов – из провинции. А еще провинциалки ценятся за скромность, и столичные женихи ищут себе жен в маленьких городах. Молодцы, девочки, девушки, женщины!!!».

«В этом году мы были у друзей в Волгограде. Снова побывали на Мамаевом кургане. Увиденное волнует! Такой мемориал людской памяти о войне, о героизме! Так всё торжественно, глаза постоянно были на мокром месте. Дети, они у нас учатся в 5 и 7 классах, всё время молчали – слушали внимательно,

даже не отвлекались. Уверена, что это было для них неожиданно и сильно. А жили мы на красивой и ухоженной улице Мира. Все дома на ней построены пленными немцами. Вот такой парадокс: мир – война – пленные фашисты».

«Мы с мужем тяжёлые на подъем. Хозяйство – не в смысле, что корову держали, но сад при дворе, кошки и собака – это всегда было. Уехать куда-то – проблема. В крайнем случае – в санаторий поблизости, чтобы можно было дом проведать. А потом умер наш пёс, он прожил у нас 14 лет, был членом семьи. Мы горевали о нем так, что не решились вновь взять щенка, не хотелось больше привыкать, любить и потерять. Нет и нет. Но не бывает горя без радости. Мы увлеклись путешествиями. Первое время – в соседние города, иногда даже с ночёвкой у родных и друзей. Потом поехали в Ярославль и Петергоф. Потом съездили в Италию. И все – «заболели»!

Сколько впечатлений дарит каждая поездка, сколько новых уголков для нас мы открыли даже в наших татарстанских городах. Как всё интересно! Жаль, что «проспали» долгие годы, сейчас на пенсию особо не разгонишься. Но мы не сидим сиднем, откладываем деньги, немножко подзарабатываем, дети теперь дарят не вазы и полотенца, а конвертики с некоторой суммой. И мы мечтаем вновь отправиться в путешествие. Дорогие читатели, желаю и вам открыть новый мир!»

«Звонит знакомый из городского предприятия, новичок-руководитель: «Что делать? У нас решили впервые не устраивать на 9 мая встречу ветеранов войны. Умерли все. А как у вас в «Татнефти» делается?». «И у нас, – говорю, – каждый год ветераны выбывают. Но мы всё равно приглашаем вдов, участников тыла, ветеранов труда». Знакомый говорит: «Ну-да, ну-да, все же на Победу работали. Спасибо за совет». Отвечаю: «Пожалуйста. В любом случае, праздник Победы – это не только для ветеранов, но и для всех. Это чтобы помнили и не забывали».

«Я считаю, что нам повезло: у дочери – мудрая учительница. Она ввела в классе новацию – и полезную, и необычную. Теперь кроме поделок наши детки приносят перед праздником мамам, папам купоны. Это такие красиво оформленные листочки бумаги, где написано, например: «Купон для моей мамы. Он действителен: я помогу маме пересадить цветы». Оказывается, обязательства у детей разные, каждый из детей по поручению учительницы думает, как лучше помочь, порадовать маму. Моя Катюшка (это было в прошлом году) услышала, как я жаловалась, что никак не могу навести порядок на подоконнике. Вот и придумала. И помогла!

С нетерпением жду, какой купон получу на нынешнее 8 Марта, что там будет предложено мне в помощь. Для папы на 23 февраля она придумала купон: пришить ему пуговицы на рубашке. Очень актуально. Мне кажется, такой ход учительницы приучает детей творить конкретное добро для своих близких».

«Берегите друг друга при жизни, чтобы не жалеть и не мучиться угрызениями совести. Теперь это для меня поздно. Это раньше надо было мне сказать ему слово помягче, руку погладить, рассмешить, позабавить! Самые страшные ошибки – это те, что уже не исправить. Не потому что «поезд ушёл», а потому что человек умер».

«У нас новость – мы приобрели новую квартиру. Это после съёмных углов, чужих страшных кухонь и жирных обоев. Обустраиваемся, я уже борщ сварила на Своей Родной Кухне. Ура!!! Боже, это счастье! Как прекрасна жизнь!».

По-моему, такая разнообразная подборка не нуждается в комментариях. Впрочем, всё же добавлю свои «пять копеек», а точнее, афоризм по теме. Он звучит так: жизнь не так проста как вы думаете. Она проще...

Не бывает худа без добра

У входа в магазин девушка проводит анкетирование. Её все огибают дружным потоком – бочком-бочком, да мимо. Подхожу исключительно из цеховой солидарности: журналистам тоже приходится надоедать с интервью, с расспросами, и от нас также порой шарахается народ.

Опросник бестолковый: цвет любимый, что снится. Ответы «жую» долго, а на последний «Любимое изречение?» – отвечаю, не задумываясь: «Не бывает худа без добра».

– Ой, это скучное, а надо что-то интересное, оригинальное. Можете сказать?

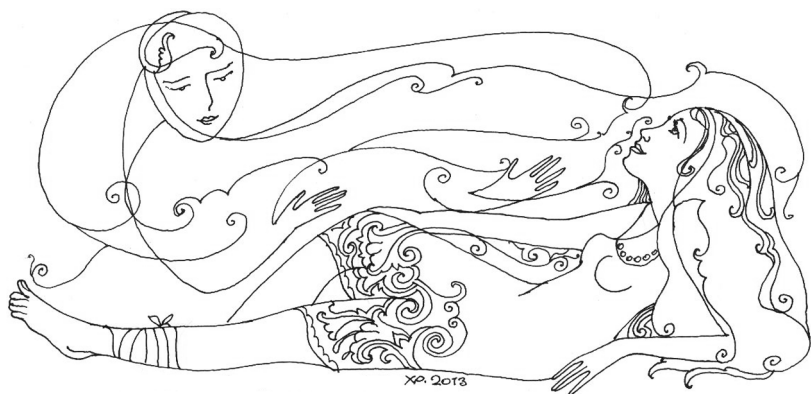
Конечно, могу. Но не хочу. Потому что «Не бывает худа без добра» – самый умный, самый оптимистичный и самый действенный афоризм. Сколько раз он выручал по жизни! Это за границей – если что-то не клеится, человек отправляется по кругу недешёвых психологов в поисках оптимизма и духовного выздоровления. А наш человек – иной. Встретится с горем-несчастьем, получит от судьбы удар по голове или поддых, отряхнётся, не сломится, да ещё и утешит себя: не бывает худа без добра. И дальше пойдёт – жить-поживать, добра наживать и жизни радоваться.

Вот и снова довелось убедиться в этом. Травмировала ногу, а лежать на койке не с руки. Точнее, не с ноги. Вроде бы всё сделала, чтобы быстрее встать в ряды бегущих по жизни, но Ниночка, медсестра, добрый ангел милосердия главного офиса «Татнефти», совет подкинула: «Прогрей-ка рану на солнце».

Не бывает худа без добра! Это когда бы я внепланово собралась на природу, да ещё чтобы просто баклуши бить – ультрафиолетом лечиться?

Грузимся в машину. Соседям (сплошь героические старики, отличившиеся на военном, нефтяном и колхозном фронтах) говорю, что едем по ягоды – не поймут они мое «греться на солнце». «Ягодная пора ведь сошла!» – кричат они вслед машине.

Сижу на изумительном пригорке. Воздух звенит и благоухает. Нога не дает по-сайгачьи скакать и добывать душицу и зверобой, срывать ромашки и всякие красивые лютики. И кто сказал, что сезон лесной ягоды сошёл? На моём пригорке её всегда много. Проблема – время найти для её сбора. А так,

коли приехала лечиться, сижу и по траве шарю. Последние ягоды, спрятавшиеся в травяных кочках, – самые крупные, а те, что смогли спрятаться от солнца в мелкотравье, – полусухие, но сладкие необыкновенно.

И никуда бежать не надо. Мне и здесь хорошо! Случилась неприятность с ногой, но не бывает худа без добра. Сегодня – мой день! Отдыха, размышлений, приятного общения ... с собой. Многое, что ускользало в суете, поняла, сидя на пригорке. Никто не мешал: ни городской ритм, ни телефонные звонки, ни толкотня людей. Лишь покой и тишина. Полное ощущение изолированности от мира. Вон орёл кружит на дубровником – то-то слышался в его кронах шум и клёкот – видать, гнездо орлиное там. Облака плывут причудливые. Хоть и жарко, но – спасибо розе ветров – иногда проскальзывает освежающий ветерок. Травы шелестят... Или кто-то идёт?

Открываю глаза – а ко мне уже подсаживается бабушка. И откуда только вынырнула? Улыбается: «Не испугала тебя? Я-то сама опешила, вздрогнула: иду – гляжу, кто-то сидит. Да на самом солнцепеке. Да тихо-тихо. А что с ногой-то?».

Вот странно: появилась внезапно, говорит без умолку, а нет ни раздражения по поводу этого, ни удивления. Хорошо и спокойно слушать её. Бабушка советует: на рану красную тряпицу надо наложить, и всё затянется, очистится. Только нынче натуральную, настоящую ситцевую, льняную или шерстяную ткань днём с огнём не сыскать. Она для таких случаев до сих пор хранит лоскут из кумача (тихо шепчет: от вымпела, который сельсовет выдал её мужу-механизатору), да красную шерстяную полушалку. Вон скрипучие платки моль не трогает, а до её полушалки каждый год добирается, отметину остав-

ляет: вот, насколько ткань натуральная. Красный цвет – он сильный. Она вздыхает: сильный-то сильный, да и выгорает быстро. Так и человек: сильные чувства у него быстро выгорают, иссякают...

Бабушка рассказывает, что при удобном случае всегда ходит этим краем горы. А отдыхает вон под теми липами, в тенёчке. Не скудеют нынешние места ни на сено, ни на ягоду. Матрёшку-душицу народ пучками да с корнями из земли бессовестно дерёт, а заросли всё равно не переводятся. И жить хорошо. Слава Всевышнему, не довелось ей испытать самое страшное – пережить своих детей. Вон ведь как нынче – умирают совсем молодыми. Её дети живы, и все, можно сказать, при ней. Кто в городе, кто в другом селе. Но если друг до друга можно добраться за час – это уже хорошо, это значит – близко. К тому же дороги хорошие. Жизнь хорошая. Пенсию приносят вовремя. В пекарне хлеб пекут вкусный, так что можно свой хлеб и не ставить. А ягоды хорошо есть с хлебом. Пробовала? Обязательно попробуй. Эх, жаль, не захватила с собой, а то бы поела ты, дочка, на свежем воздухе. Полезно-то как... А нога заживёт. Ты передохни – всё-то вы, нынешние, на ходу да на бегу делаете!

Она поднимается осторожно и с усилием (видимо, спина побаливает)... А вот движется легко. Её розовый в цветах платочек ещё долго мелькает в низине.

...Муж вылезает из леса с огромной охапкой берёзовых веток для банных веников. Говорит огорченно:

– Надо же, часы потерял!

– Ну и ладно, – смеюсь я, – Не бывает худа без добра! Новые купим, давно пора.

Опыт, сын ошибок трудных...

Кто не мечтает заниматься любимым делом, достичь высот в профессии, быть при этом финансово обеспеченным и иметь соответствующее качество жизни? И всё это хотелось бы приобрести достаточно безболезненно – не совершая серьёзных ошибок, особо не расшибая лоб или хотя бы не набивая лишних шишек.

Мы боимся ошибок с рождения. Нас так приучили: ошибся – получишь нагоняй или шлепок; сделал работу без ошибок

– получишь пятёрку и конфетку. Так что рефлекс вырабатывается быстрее и прочнее, чем у подопытных собак академика Ивана Павлова.

Взрослая жизнь предъявляет ещё более жёсткие требования, и более жёстко спрашивает за допущенные ошибки. Соломку для твоего падения никто не расстилает. Наоборот, жизнь и твоё окружение, кажется, только и делают, что создают «благоприятные» возможности для совершения ошибок.

Соломку стараемся расстилать заблаговременно мы сами: например, подспудно, иной раз не признаваясь в этом даже самим себе, или же открыто-цепко наблюдаем за успешными людьми и, наоборот, хроническими неудачниками. Внимательно присматриваемся к их поведению, стилю ведения дел, с тем, чтобы перенять опыт и умение одних, учесть ошибки других. Учась на чужих ошибках, мы можем меньше допустить собственных.

Кого-то радует многообразие книг, брошюр, всевозможных тренингов и семинаров о том, как вести себя, как строить взаимоотношения с другими, как не совершать и не повторять ошибок. Многие фактически подсели на подобные очные и заочные курсы, уверяя, что поведенческие знания, чужой опыт необыкновенно полезны.

Спору нет, но только все хорошо в меру. Иной раз наблюдаю за знакомыми «курсистами»: впитали они готовые формулы и идут, осторожно балансируя, по одной жердочке. Кажется, даже думать самостоятельно разучились. И куда подевался их бойцовской напор, живой интерес к жизни, вера в себя? О том, чтобы врываться в новые сферы деятельности, в новые направления работы – и речи не идёт. Потому что страшно им совершить ошибку!

Кстати, выбранная ими дорожка, коротенькая и безопасная на первый взгляд жердочка, часто приводит не к успеху, а к застою. Вот и стенают ребята: карьера не удалась, годы летят, все идет не так. Так что, может быть, самая большая ошибка в их жизни – это боязнь совершить ошибку?

Пусть звучит по-хулигански, зато не в бровь, а в глаз: да здравствуют наши ошибки! Потому что именно они закаляют нас и наш характер, заставляют искать выход и совершать новые открытия. Благодаря им рождаются и формируются великие ученые и талантливые организаторы. По Пушкину, именно ошибки рождают опыт («Опыт, сын ошибок трудных»...).

А промахи были и будут. Ибо не ошибается тот, кто не работает. Главное – извлечь из них пользу, не падать духом, посыпая голову пеплом. Продуктивнее подумать, как исправить положение, как более разумно распорядиться этим самым пеплом: например, развеять его в огороде – глядишь, от калийного и азотистого пепла и овощей больше уродится.

Ошибки в жизни нужны для формирования жизненного и делового опыта – чтобы позже, в иной, более серьёзной ситуации, не допускать их. Так что их надо любить и благословлять, или хотя бы быть им благодарными. Записывать их, работать над ними, анализировать. Оставлять в собственной Книге памяти и при случае ворошить её.

А вообще-то, жизнь, в конечном счёте, любит ошибающихся. Недаром у нас за одного битого двух небитых дают!

Дорогие наши старики...

Спешу по делам через дворики в центре города. Обожаю эти ходы-переходы мимо гаражей, зеленых палисадников, детских площадок: здесь не ездят машины, значит, можно быстро двигаться, но при этом углубиться в себя, подумать-поразмышлять. Но не замечать других все равно не получается. Вот встретились на тропе с пожилой женщиной, и я с интересом вглядываюсь в нее. Совершенно не провинциальный, а скорее европейский плащ из дорогого материала, модный берет. Отстраненно думаю, как ухожена она, как элегантна, значит, делаю вывод, дети хорошие, заботятся о ней. Старый человек (пожилой я ее назвала лишь из деликатности) такие дорогие обновки ни за что себе не купит.

А потом слышу ее тонкоголосый плач. Я уже прошла мимо, мне недосуг, и пытаюсь придумать, что же делать. Меня ждут, но и сбежать, выпасть из этой ситуации, будет как-то не по-человечески. А что я могу? Тут вспоминаю, что только на днях забила в мобильник номер скорой помощи – по всем правилам, как предупреждали в городских газетах и по телевидению. Уже легче: если что, смогу вызвать врачей.

Разворачиваюсь: женщина прислонилась плечом к стене дома.

– Вам плохо?

Она поднимает лицо. И с чего это я взяла, что она плачет? Глаза ясные, сухие:

– Отдыхать приходится. От стеночки – до лавки. Это я так гуляю. Нынче бабье лето рано наступило, на улице погода зовёт.

Мы улыбаемся, я – с огромным облегчением. Можно бежать дальше. И только тут я понимаю, что женщина не плакала, а пела. Да-да, она пела – тоненько так, без слов. Просто солнышко выглянуло. Липа раззолотила листья до тончайшей прозрачности. Во дворах и на улицах цветы ярким светом горят, не побитые пока непогодой. Ребяшня после занятий качели и спортивные сооружения облепила, как птички ветки деревьев. Но самое главное – это я уже додумываю да придумываю – ей дети с утречка позвонили, о здоровье справились, гостинец завезли. А значит, на душе покой и удовлетворение. Много ли надо нашим старикам?

Дорогие наши старики! Вне зависимости от того, каких успехов вы достигли в жизни, в достатке вы доживаете свой век или в скромности, граничащей с бедностью, – судьба каждого из вас достойна восхищения и благодарности. Таких лишений, которые достались вам, – революций, войн, девальваций и потери сбережений, собираемых по рублю всю жизнь в надежде обеспечить старость, оскорбляющего чиновничьего хамства, правового беспредела и тэ дэ, и тэ пэ – не видел белый свет – в прямом и переносном смысле этого слова.

...Санаторий. Из-за ошибки персонала в назначении времени процедур в одном из отделений скопилась уйма отдыхающих. Умница главврач выкатил из своего кабинета телевизор: смотрите, товарищи, только не возмущайтесь. И мы смотрим американскую мелодраму. Небольшой городок США. Вторая мировая война. Она вроде бы идёт где-то. Нам-то понятно, где: на территории России, там разгар боёв, там смерть, пожары, голод. А тут... Главная героиня, домохозяйка, чтобы выйти из-под контроля властного мужа, сбегает работать на военный завод. Она там чего-то делает и немножко кокетничает с парнями, хохочет, перекидываясь шутками с такими же, как она, элегантными и нарядными девушками. На голове каждой изящный платочек-чепчик с оборочками – униформа, чтобы локоны на глаза не падали. По звонку конвейер останавливается, и народ, смеясь и шутя, направляется в нарядную сто-

ловую. На блюде – пюре с котлетой и живописной горочкой зелёного горошка. Героиня морщит нос (мол, опять калорийно слишком) и наманикюренными пальчиками достаёт свою коробочку с домашним диетическим лакомством.

...Что-то громко хлопает – мы у телевизора вздрагиваем. Это вскочила с кресла, уронив книгу, пожилая женщина:

– Не могу смотреть, пойду лучше к себе в комнату. Вот какой была, оказывается, война для американок. И я в те же годы работала на военном заводе. Круглые сутки ломали себя, спали меж сменами четыре часа на бетонном полу. Еда – хлеб, похлебка и луковица, да и хлеб припрятывали, чтобы домой передать, иждивенцам. Тётка моя через забор перекинула мне как-то две картошки тёплые, так её чуть часовой не застрелил – завод-то оборонный.

Здоровье я оставила там. Есть шутка такая: не тужься, мол, пупок развяжется. А ведь у нас от неподъёмных ящиков, снарядов он, действительно, развязывался с кровью. Моя товарка сепсис из-за этого подхватила и умерла. Они, американки, сейчас по всему миру ездят, в сытости и богатстве живут, а мы... Никому не нужны мы: слепые, глухие и больные.

В сердцах махнув рукой, она вышла из комнаты. Заглянувший на шум обеспокоенный главврач только головой покачал: ну что тут скажешь...

Действительно, что тут скажешь? Дорогие наши старики! Это не вы глухи и слепы! Более страшна слепота и глухота душевная. А это – уже претензии не к вам – к государству и нашему обществу.

Жил такой парень...

Жизнь, если хочет дать какую-то важную информацию или преподать урок, или предупредить о чем-то, так непременно попытается открыть тебе истину или новое знание. Когда среди знакомых владельцев домов началось увлечение коваными изделиями, я впервые услышала имя Узбека Бурнашова: «А вот какие вещи замечательные делал Узбек абый!». Потом это имя вроде бы случайно всплывало в каких-то мимолетных ситуациях. Как-то свою книгу подарил коллега, Ильдар Галеевич Ахсанов, с особым почтением упомянув героя своей поэмы Узбека. Когда «Татнефть» в годы кризиса дружно

сажала картошку на выделенных делянках, справа от моего участка аккуратно (в каждую (!) лунку они сыпали золу) работали пожилая женщина, её дочери, зять и внуки. «Порода Узбека» – уважительно сказал ветеран-нефтяник. Наконец, открыв том «Альметьевской энциклопедии», я увидела фото и рассказ об Узбеке Бурнашове. А тут ещё электронная почта доставила в редакцию взволнованное письмо, навеянное нашими публикациями. Догадываетесь, о ком писалось в нём? Об Узбеке Бурнашове. Что же это за человек, который оставил после себя такую добрую память?

...Он родился без отца. Нет, отец-то у него был, конечно, вот и старожилы вспоминают, что его родители были одной из красивейших пар: она – миниатюрная, с большими синими глазами, он – коренастый, симпатичный следователь. Жителям он запомнился во время разлива реки Зай, когда большая льдина с мальчишками оторвалась от берега, и он прыгнул с моста в ледяную воду, чтобы их спасти. Может быть, в это время он думал о своём будущем малыше? Только жизнь сложилась по-другому... Шел 1929 год, его направили на учебу в далёкий город, он, обещавший скоро вернуться, замолчал на долгие шесть лет, которых мать Узбека не простила. Не простила, потому что сама, рано оставшаяся без матери, мечтала о семье, о счастливом доме.

...Сыночка своего она нарекла именем Узбек («сам себе хозяин»). Он, действительно, был «самому себе хозяином» – умным, независимым, ответственным. Закончив семилетку в школе №1 на одни пятёрки, стал кормильцем семьи – мама, ещё очень молодая, из-за инвалидности вынуждена была оставить работу. В 14 лет стал учеником и помощником известного кузнеца Илалетдина (отца известной в Татарстане поэтессы Энже Мукминовой). Несмотря на то, что инструментом юного Узбека был 18-килограммовый молот, работал он просто припеваючи. И в переносном, и в прямом смысле: пел и играл на гармонии, вечерами его с нетерпением ждали в районном доме культуры жители округа.

Одна мысль ему всё время не давала покоя – мечта о собственном доме: они с матерью так и скитались по чужим углам. Ему предстояла служба в армии, но он не мог оставить её без крыши над головой. Присмотрел в Урале маленький домик. Разобрав по бревнышку, через реку уже глубокой осенью перетащил его на небольшой участок земли, который выделил сводный брат матери. Со спокойной душой ушел служить. А дом – кстати, потом, позже, они отдадут его сестре матери, оставшейся одной с дочерьми – для них так и остался самым дорогим! Его мама частенько говорила: «Мы просили у Аллаха маленькую баньку, а он нам подарил горницу!»

Благодаря его письмам из армии она выучилась писать и читать на русском языке (до этого знала латиницу). Служил Узбек во Владивостоке, играл в сводном оркестре Тихоокеанского флота на трубе, научился великолепно танцевать, играть

на аккордеоне. Ему предложили остаться в оркестре. Он приехал за матерью, но она не поехала: «Не хочу, сынок, умирать на краю света». Воля матери – свята.

А жизнь продолжалась! Вскоре он познакомился с очень симпатичной скромной девушкой, приехавшей в Татарию по направлению после окончания Уфимского статтехникума. Мама выбор сына одобрила, и молодые сыграли свадьбу. Они сразу начали строить новый дом, друг за другом пошли дети. После рождения третьей дочери, поразмыслив, что, когда старшие пойдут в школу, этот дом окажется тесным, решили построить новый. Отстроили настоящий особняк – высокий, просторный, он и сегодня среди современных коттеджей не потерял своего величия.

Вот только хозяину оставалось недолго жить... Он, чувствуя это, торопился. Чтобы облегчить материальное положение семьи, из АТХ-14 перешел в БПО управления «Татнефтегаз», где сразу оценили рукастого мастерового-кузнеца и закупили новое оборудование для кузницы, ведь помимо золотых рук у него была ещё и светлая голова. Ещё работая в автохозяйстве, он предложил конвейерный метод ремонта автомобилей, сам смонтировал специальную линию. Эта разработка выставлялась на ВДНХ в Москве. Узбека тогда наградили медалью «За трудовую доблесть», его портреты не сходили с городской и управленческой Доски почета, не раз он избирался депутатом горсовета. Но самое главное: Альметьевск украшали его кованые узорные заборчики, ворота.

Узбека Бурнашова отличали особая внутренняя культура и талант – он делал красиво любую работу. Кроме музыки, любил историческую литературу и математику, вместе с детьми изучил все функции логарифмической линейки, сам контролировал учёбу и увлечения детей, так как очень хотел, чтобы они получили хорошее образование. Незаметно пролетели в заботах двадцать лет семейной жизни, и когда, казалось, что и трудности позади, и дети почти выросли, неожиданно для всех оборвалась его лебединая песня.

... Но как же правильно он выбрал себе верную спутницу жизни – и в этом не изменила ему его природная мудрость! Более тридцати лет она хранит верность супругу, охраняя домашний очаг, дорожа каждым забитым им гвоздём, и нет на этом свете для неё во всех делах большего авторитета, чем её

любимый Узбек! И своих внуков она воспитывает на примере только Узбека-бабая, повторяя, «что он в 14 лет уже начал кормить свою маму».

Совсем мало остаётся старожилы Старого Альметьевска, лично знавших кузнеца Бурнашова, но из поколения в поколение, как легенда, передаётся молва, что жил среди них такой красивый, порядочный, работающий парень Узбек, безотказный в любой просьбе: помочь со стройкой, сделать заборчики и оградки, сыграть на свадьбах...

Жил такой парень – Бурнашов Узбек Ибрагимович...

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Наталья, студентка ТИСБИ: *«Ваш рассказ о замечательном человеке напомнил мне моего дедушку. Он умер несколько лет назад. Почти до самой смерти он не бросал любимую работу – он тоже был кузнецом в деревне, всегда любил работать по металлу, делал всякие кувшины и затейливые рукояточники. В деревнях Калужской области до сих пор по праздникам пьют чай из старинных самоваров. Так вот, ручки у этих самоваров и крантики (не знаю, как назвать – красивый ажурный штырек, которым открывают крантик самовара?) сделаны дедушкой. Их хранят и гордятся, так же, как и скобами на воротах. Узбек Ибрагимович и мой дедушка Николай Тихонович – люди одной породы. Они – Мастера!»*

Равиль абый Калимуллин, ветеран Альметьевского УПНП и КРС: *«Узбек Бурнашов был и мастером замечательным, и человеком необыкновенным. А еще – лидером, авторитетом среди молодежи. До сих пор помню, как он, тогда ещё школьник, с баяном выходил на площадку перед школой № 1 и проводил массовую зарядку среди школьников. И потом, в кузнице, где он работал, всегда собиралась молодёжь. Его работой мы любовались и восхищались. А возможность помочь, например, согнуть и удерживать под углом ногу лошади, когда её подковывали, – считалось доверием, вызывало радость и причастность к настоящему делу».*

Ибатуллины: *«Вы не написали, что в его доме была тальянка, хромка, аккордеон, баян, пианино, гитара. И всем этим он владел прекрасно – как и пел, и танцевал».*

Р.Зайнуллин, бывший водитель Елховского УТГ (письмо дается в сокращении): *«Никогда не писал в газету, но прочитал рассказ о кузнице Бурнашове У.И. и решил написать Вам. Наверное, сам выросший без отца, он был не только хорошим кузнецом, но и хорошим отцом, потому что я думаю, что меня судьба свела с его сыном. В 80-х гг. в Альметьевске появился молодой врач. О нем сразу заговорили. Я в то время был молодой, о здоровье не заботился, вел веселый образ жизни, работал шофером, питался, как попало, особенно в дальних поездках. И совсем неожиданно заболел, ничего не мог есть, стал сильно худеть. Меня отправили к Бурнашову Рубену Узбекивичу. Он меня внимательно выслушал и потом целый час читал лекцию, как я должен жить дальше, если хочу жить. Я лечился долго, потом у меня оказалось много болезней, но, как видите, почти 30 лет живу, у меня уже есть внуки. Больше с этим врачом я не встречался, хотя хотел несколько раз просто зайти к нему и сказать спасибо. Правильно в народе говорят: яблоко от яблони недалеко падает, сын вырос достойным своего отца. А может быть, Вы знаете, где он сейчас?».*

От автора:

Знаем, уважаемый Р.Зайнуллин. Рубен Узбекивич, как и его сестры, вырос достойным человеком. Этого талантливого врача и чудесного человека хорошо знают пациенты и коллеги по Казани и Москве, более десяти лет он был советником премьер-министра РТ по вопросам медицины, работал в Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения и социального развития. В настоящее время направлен для работы в посольстве РФ в Китае. Мы получили от него письмо-отклик на материал об отце:

«Большое спасибо за удивительно красивую Песнь о нашем дорогом ПАПЕ !

Не могу передать глубину своих чувств, искренне тронут доброй светлой памятью о нём. Наши ПАПА и МАМА – это пример удивительной преданности, верности и большой любви! Они всегда с нами в жизни каждого из нас, они во всех наших делах. Они для нас всегда самые главные! От всей души желаю крепкого здоровья, благополучия, бесконечных творческих свершений и счастья! С глубоким уважением и благодарностью,

Бурнашов Рубен Узбекович и его семья: жена Земфира, сын Камиль и дочь Белла».

Нет возможности опубликовать все отклики. Они едины в одном: человек трудолюбивый и талантливый, живущий для других и несущий добро, – навсегда останется в памяти народа. Это и есть предназначение любого человека.

Китайское здоровье

Из всех переводчиков, с которыми приходилось общаться, самые любимые – две Нади. Первая, это наша, татнефтьевская Надежда Смирнова, умный и светлый человек. Но сегодня речь о второй – Наденьке из Пекина. Маленькая, постоянно улыбающаяся китайка-гид, конечно, владела русским языком, хотя и не совсем уверенно. И, главное, она панически боялась сплеховать. С первого часа знакомства я поняла, что она всё воспринимает дословно, а учитывая её уровень знания «великого и русского (могучего)???» – то и побуквенно. Поэтому и общаться с ней следует рублеными и простыми фразами – как в букваре: «мама мыла раму».

Бесполезно было говорить – «мне нравится», «я под впечатлением». Упаси, Боже, сказать: «я поражена», «шокирована» и т.д. Наденька сразу начинала волноваться бровками, маленькими пальчиками, сбиваться... Она так боялась, что из-за её неточного перевода россияне неправильно воспримут Китай.

Поэтому-то я говорила просто, как в казарме: да – нет, хочу – не хочу. И незатейливо-короткое «я люблю...» (Россию, Китай, суп из морских гадов, ржавый велосипед) повергало Наденьку в восторг – за меня, и за мир во всём мире, и за всё человечество. А ещё Наденька расспрашивала меня про идиомы русского языка. Типа «бить баклуши», «работать спустя рукава» и т.д. Она и восторгалась ими, и боялась. Разве их расшифрует нормальный китаец?

Это я к чему пишу? Просто, вернувшись из Китая, вдруг поняла, что мне передалась Наденькина «болезнь». Первые дни аллегорию, идиомы и прочие привычные для нас языковые элементы я воспринимала дословно, в прямом смысле. Например, когда меня спросили полуутвердительно: «И чего только ты, наверно, не увидела в Китае...», – я поняла всё в

прямом смысле и напрягала мозги: «А чего я, действительно, не видела там?».

Ответ: я не увидела в Китае толстых и обрюзгих людей! Об этом и хочу рассказать – о тамошней культуре отношения к своему телу.

Китай живёт так же, как и мы, – огромные мегаполисы, потоки автомобилей, бешеный ритм, огромный стресс. И при этом – живёт совсем не так, как мы. Во всём этом грохоте и темпе китайцы находят время постоянно заботиться о своём теле, сознании и духе. Им удаётся и в таких, не слишком благоприятных, условиях поддерживать организм в хорошем, здоровом тоне. Потому что здесь глубоко укоренилась традиция заботиться о своём здоровье. И делают они это просто, без особых затрат денег и времени. Не буду рассказывать о коллективной физзарядке в парках и садах всех провинций страны – об этом все наслышаны. Расскажу, что подсмотрела сама и чему удивилась.

Пекин. Утром автомобиль попадает в пробку. Через тонированное стекло разглядываю пешеходов. Вон мужчина на обочине, ждёт машину. Одет брендово, портфель из дорогой кожи стоит на земле и зажат между ног. Я вижу, что он смотрит на меня и начинает корчить рожи – шмыгает носом, кривит рот, показывает язык. Во мне поднимается смесь российского шовинизма, ксенофобии и просто женской обиды: и пошто, ты, китайский Змей Драконович, а вообще-то маргтышка этакая, меня дразнишь?! Но вот он быстрыми движениями указательных пальцев начинает растирать крылья носа, и тут я понимаю, что он не видит меня за тёмными стеклами автомобиля, не дразнится, а просто делает зарядку лица! Кстати, полезную для сосудов мозга, для памяти и прочего.

Шанхай. На оживленной улице десяток женщин (есть и очень старые) занимаются гимнастикой цигун. Простенькая одежда, дешёвые сандайки на ногах, разбитый магнитофон (у нас таких не найдёшь в самой бедной деревеньке!). Плавные движения, спокойно-сосредоточенные лица. И таких группок, иногда даже спонтанных (видела, как к ним присоединилась проходившая мимо парочка), можно встретить на каждом шагу.

Пекин и Гонконг. В ботанических садах, парках много прогуливающихся людей. Почти у всех в руках – простые фляжки

с зелёным чаем, с травяными отварами. Первое время чуть не натыкались в спины идущих впереди пешеходов: не раз перед нами внезапно останавливался человек и начинал или разминяться, или делать плавные движения китайской гимнастики. Потянулся, потряс руками и дальше последовал. Видимо, просто захотелось телу размяться, а энергии переместиться...

Ресторан. За соседним столом с аппетитом едят три китайки, успевая и поговорить, и посмеяться. Наблюдаю за ними украдкой и просто люблюсь. Улыбаются, смеются, что-то напевают. Невольно вспоминаю наши рестораны и кафешки, где часто девишник превращается в клуб сплетниц и интриганок. А тут – никаких многозначительных смешков, истеричных взвизгов, свистящего злого шепотка. И вдруг... Что это? Я вижу, как одна китайка отклоняется в сторону, а вторая начинает массировать её плечо нефритовым валиком, приподняв футболку.

– Она болеет? – спрашиваю я Надю.

– Она есть здоровая. Она ни есть никогда больная! – расплывается от радости за свой народ полюбившаяся мне девушка.

И я верю ей. Такая здоровая нация, которая ухаживает за своим телом, любит двигаться и радоваться жизни, – действительно, не болеет, не теряет оптимизма и сил. Такая страна постоянно развивается, идёт вперёд.

Кстати, по оценкам Международного валютного фонда, в 2009 году Китай покажет рост экономики на уровне 6,5 %, а в 2010 году – 7,5%. За те же годы в США ожидается минус 2,9% и ноль, в России – минус 6% и рост в полпроцента. Мир в целом, по оценкам того же МВФ, «упадет» в 2009 году на 1,3% и «вырастет» на 1,9% в 2010 году.

В Китае застоя не бывает. И кризиса – тоже. Чего и нам, россиянам, «есть желать», как сказала бы Наденька.

Хана Японии, Кайдзен – всему

Сакура цветёт, цветёт сакура!

Это и есть главная новость в Японии, событие государственного масштаба – равнозначное известию о запуске грозным соседом, Северной Кореей, спутника связи, возможно, даже с ядерной боеголовкой.

Вот уж, казалось бы, где жизнь не стоит на месте – так это в Японии, стране, известной своими высочайшими технологиями, небоскрёбами, скоростными дорогами, удивительными роботами и вообще сверх меры компьютеризированным бытом. И вдруг здесь на несколько дней замедляется жизненный темп целого государства. Это пришла пора цветения вишнусакуры. Главная тема обсуждений в правительстве, в известных промышленных корпорациях, в каждой семье – праздник Ханами. «Хана» – это не слово из русского кризисного лексикона. «Хана» – по-японски цветок. А «ми» – смотреть. Вся страна останавливается и замирает перед цветущим деревом, чтобы полюбоваться прекрасным по красоте зрелищем – цветением сакуры.

Компании и фирмы в полном составе берут выходной день, запасаются саке и яствами и усаживаются в парках и садах, чтобы полюбоваться красотой бело-розово-сиреневых цветов, неспешно поговорить о жизни и тем самым укрепить корпоративный дух, единение людей. Для этого японцы заранее занимают место в саду, расстилая подстилку с названием фирмы, возле которой дежурит специально выделенный человек, терпеливо дожидаясь сослуживцев (говорят, иной раз даже сутками, сменяя друг друга, чтобы момент цветения сакуры встретить во всеоружии – застолбив участок). Для японцев цветение сакуры – это не только потрясающее зрелище, заставляющее думать о вечном, но и способ наладить контакты и улучшить отношения.

Чужих меж нами нет!

Мы все друг другу братья

Под вишню в цвету.

«Такое это удивительное таинство. Стоят серьёзные люди возле сакуры и, не дыша, замерев, лишь изредка перешёптываясь, вглядываются в чудесные цветы», – рассказывали знакомые, которым посчастливилось увидеть воочию, что такое Ханами.

Нет суеты, нет проблем. Все пройдёт... Для японцев Ханами – это не просто праздник цветения. Это таинство, в котором заложен более глубокий смысл. Недолг сезон цветения сакуры – от нескольких часов до недели или декады. Это уж как карта у Всевышнего ляжет, а точнее, какой выдастся весна. Любой дождь или сильный ветер прекратит торжество природы...

Медленно кружащие лепестки напоминают японцам о недолговечности бытия, об ушедшей любви и молодости. А ещё это как бы услышанный мудрый совет небес: умеи наслаждаться жизнью, дорожи всеми её проявлениями, поймай миг, полюбуйся им от всего сердца.

И японцы это умеют. Может быть, эта созерцательность, мудрость, привычка смотреть на мир с позиции брeнности, корпоративное единение, умение сохранять вековую культуру, а также известная способность японцев работать единой командой, общаться только позитивно – и есть причина феноменального успеха японской экономики и промышленности (многие уже забыли, а молодёжь и не знает, возможно, что после Второй мировой войны Япония лежала в руинах!).

В связи с этим – для интереса и познания – несколько слов о японской философии «Кайдзен», очень распространённой во всём мире. Как утверждает энциклопедия Википедия, Кайдзен – это японская философия, которая фокусируется на непрерывном совершенствовании всех аспектов жизни. В приложении к работе действия Кайдзэн непрерывно улучшают все функции бизнеса. Улучшая стандартизованные действия и процессы, Кайдзен имеет целью устранить всё лишнее (бережливое производство). Впервые философия Кайдзен была применена в ряде японских компаний (включая Toyota) в период восстановления после Второй мировой войны и с тех пор распространилась по всему миру.

Краеугольные камни Кайдзен – здравый смысл, самодисциплина, порядок, экономия. Акцент делается на «человеческий фактор» – на то, что люди постоянно должны изыскивать возможности для улучшения своей деятельности. Так что Кайдзен – это упорное стремление японцев к совершенствованию всего того, что делает человек в любой сфере, воплощённое в конкретные формы, методы, технологии и обращённое к людям. Сегодня эта концепция, рождённая в Японии, распространилась по всему миру и везде доказала свою эффективность – и в промышленности, и в сфере услуг, и в общественной организации человека.

Не кажется ли вам, что и в нашей жизни Кайдзен очень необходим? А начать можно с себя, в личном масштабе, например, стремиться к совершенству, делать работу лучше, а мир чище.

А что касается сакуры... Не грустите, что никогда не доведётся её увидеть – Япония не ближний свет, да и йены на дороге не валяются. Красивое и нежное цветение деревьев можно наблюдать и в наших городах и сёлах – кстати, ближайшей родственницей сакуры считается черёмуха. А как красивы весной наши яблоньки и вишни, как великолепно – буйно и застенчиво одновременно – цветёт в городском парке скромная ирга. Не пропустите этот сезон!

Ненастья не затягиваются надолго, пора весеннего цветения наступит непременно и принесёт каждому из нас радость и надежду обновления.

Легко – как носик «попудрить»?

На днях вспомнились приснопамятные годы борьбы за трезвость – середина 80-х, выход известного Постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». И – трезвые свадьбы. Журналист городской газеты, я была на них не единожды. Строгий редактор, памятуя о наших мужчинах-газетчиках, весьма богемно относящихся к водке, и во избежание пересудов посылал меня, не замеченную в любви к спиртному, на эти конъюнктурные, «тверёзые» свадьбы.

Почему горемычную? Потому что более нелепых и фальшивых торжеств видеть не приходилось, да ещё в этом фарсе участвовать – расписывать, что было весело и прилично. На самом деле мне было искренне жаль понурых молодожёнов, которым «горько» кричали под минералку и морс, а один раз – побожиться требуется? – даже под кефир. Вот уж, натурально было горько – тогда, в годы отвратительного снабжения продуктами кефир был или горьким, или кислым, но однозначно невкусным.

Основная масса народа давно разучилась веселиться и быть радостной без допинга-подогрева – чарочки вина или стопки водки. Поэтому обстановка на таких свадьбах была еще та... Трезвая родня со злостью смотрела на виновников – жениха и невесту, обычно комсомольских активистов, или на сватаначальника, из-за которых и проводилась свадьба «не по-человечески, не по-людски, непутёво». А те мучились между необходимостью отвечать перед партией за выполнение указа о трезвости и неудобством перед новой роднёй.

Назвался груздем, полезай в кузов... Хорошо ещё, если за согласие провести конъюнктурную свадьбу партком и профком пообещали предоставить малосемейку. А если жертва по идейным соображениям... И тогда всем столом родственники и гости косились на ответственного работника, который под видом свадебного генерала был прислан для присмотра: выполняется ли указ? И когда, леший, от холодца и салата оторвётся да домой засобирается? Глядишь, и сообразить можно будет тогда....

Скажу честно: некоторые свадьбы были действительно трезвые и даже очень весёлые – там, где всегда, а не по указу не любили спиртное, где молодые и их родители были увлечены самодеятельностью, бардовским движением, туризмом и спортом.

Но в основном я попадала на муторные, скучные, вымученно-трезвые свадьбы (это когда в этот вечер на столе нет спиртного, ибо оно будет назавтра) или псевдо-трезвые. А это значит, пьётся открыто лимонад, а водка – тайно и по очереди. И вот от стола периодически отлипала пара мужиков и под тур вальса линяла в ванную или на балкон. Там хоть кроме бутылочки ещё солёные огурчики за тазом или санками были припрятаны. Хуже приходилось тем, кто тайно поднимал стопочку в крошечном туалете: ни закуски, ни эстетического удовлетворения. И если оттуда вываливалась пара раскрасневшихся и смущённых мужиков, никто ничего постыдного не разумел. Запомнились слова прослезившего отца невесты: «Дожил, с унитазом чокнулся».

Сегодня, мне кажется, в нашей жизни происходит что-то обратное противоположное, но от этого не менее нелепое и ещё более страшное. Везде и всюду в открытую культивируется спиртное всех видов – от коктейлей до водки. Апофеоз – постоянная и навязчивая реклама пива, которое уже стало культом для подавляющей части упивающейся им молодёжи.

И это – если уж упоминать понятие культ – вместо культа здоровой нации, здорового образа жизни, здоровой семьи, здоровой личности. А ведь совсем недавно ещё казалось, что наше общество отходит или даже отошло от пьяной ельцинской эпохи. В новую экономику, в политику, во власть пришли новые силы – с желанием многое изменить в затхлом российском болоте, возродить экономику, улучшить жизнь людей. Развитие бизнеса сделало особенно востребованными такие качества, как профессионализм, уникальность специалиста, надёжность ведения дел, честность и исполнительность. А ещё в страну пришла новая корпоративная культура и этика в лице зарубежных компаний. Пьющие или просто выпивающие, а значит, неадекватные люди оказались опасными, с ними трудно было вести дела. Так осуществлялся переход к европейским стандартам потребления алкоголя. Пить стали меньше и пить стали по-другому... Ну а те, кто остались в той, прежней жизни, пьянствовали по-прежнему. Всегда много пили там, где было плохо – на разорившейся фирме, ферме, заводе или колхозе, в бедных регионах и т.д.

Тем не менее, многим из нас казалось, что зелёное чудовище – водка начинает терять власть над Россией...

Можно предположить, как аукнется на народе нынешний кризис. «Бабло» побеждает зло» – есть такая модная молодёжная поговорка. Она как раз о том, что когда есть работа – пить некогда и нельзя. А если её нет?

...Последний «Кулинарный поединок», который ведёт на телевидении актер Михаил Пореченков. Приготовив еду в студии, он и два участника наливают спиртное и пьют.

– Да мне ведь за руль, – вяло говорит женщина-актриса, – ещё до Питера добираться.

– Ничего, – машет рукой ведущий, – до вечера пройдёт. И наливает вторую рюмку...

То и дело – в сериалах и фильмах: «Выпей, будет легче... Тебе станет хорошо. Лучшая борьба с проблемой – «отвёртка», особенно если в ней ударная доза водки...». И так далее.

Последний «шедевр» – одна красотка говорит другой: «Давай «попудрим» носик. Как нам хорошо-о-о ста-а-анет». «Пудрят» носик – нюхают порошок...

И так – с утра и до вечера, на телевидении, на сцене, в книгах и на полосах газет. И подкрадывается подозрение, что есть силы, которые тихо и незаметно, но весьма квалифицированно и эффективно делают своё чёрное дело, цель которого – уничтожение, деградация целых народов.

Мы все на пьяном корабле?

В последнее время, после продолжительного затишья, вновь начал набирать силу голос тех, кто бьёт тревогу: нацию спаивают, народы пьют, человек гибнет от спиртного. Вот написала эти первые строчки и тупо смотрю на них. Тему определила. Мысль выразила. А что писать дальше?

Привести статистику? Так ею пестрят все СМИ. Кто, как, что и сколько пьёт, сколько граммов чистого спирта приходится на душу населения, вплоть до младенца, сколько преступлений на почве пьянства – проценты, цифры, диаграммы...

Написать, что пьянство – это деградация, прижизненная духовная смерть для человека, горе для окружающих? Так и без меня об этом сказано-переписано, да и какими авторитетами: за каждым – институты, центры изучения проблем всего и вся, стипендии и гранты – не мне, рядовому журналисту, чета.

Написать-втиснуть пару лозунгов-обращений к «пастве»? Чего-то душевного, слезу вышибающего, за сердце хватающего? Тем более, и читательница наша давняя настойчиво требует: напишите, чтобы перевернуло их, окаянных, чтобы осознали они все, бросили злодейку сорокаградусную и к деткам своим и жёнам возвернулись. Так пишем же, и я пишу. Но мучают меня сомнения, дойдёт ли наше слово до адресата? И не то что бы я не верила в силу слова. Верю, знаю, что бывает миг, когда мощный всплеск, необыкновенно сильный накал мысли, молитвы, силы духа, слова открывает души, небеса или что там ещё..., и желание доходит до высокой инстанции и исполняется...

Но слышат ли призывы и мольбы своих измученных близких другие адресаты – пьяницы, что пьют по-чёрному? И у которых залито всё, а точнее безвозвратно утоплено всё – семья, счастье, совесть, благоразумие, интерес к жизни... Да им глубоко наплевать – до пьяной икоты, а точнее, до икотного рыка – на воззвания к их пропитой совести. Это не люди. Это уже нелюди (с ударением на первый слог).

Это я к тому, что они нашего слова не поймут – нашего, человеческого.

И вообще-то спасать и работать надо с теми, кто только на подступах к страшной затягивающей привычке, а то ещё даже и не пробовал вкуса спиртного. Их надо спасать априори, заблаговременно. Потому что опасность грозит им – в том числе и тем, только что рождённым младенцам, попавшим в статистику: и на них уже поделили декалитры. Они входят в мир, который уже пропитан пьянством. Привычка к питию со всех сторон вбивается, прививается, вживается в человека как праздник, расслабление, элемент национального удалства, бесстрашия, просто озорства. Вот и растут дети на любимых нами «Особенностях национальной охоты», «Особенностях национальной рыбалки» (плюс сериалы про ментов и т.д.), где симпатичные, толковые, просто замечательные ребята – генерал, опер Семен, милиционер Пётр, командир военного корабля и иже с ними не менее замечательные мужики пьют весело, аппетитно и без последствий.

В утренних новостях слышу захлёбывающийся в пьяной радости репортаж с ежегодного рок-фестиваля «Нашествие». Он, конечно, всегда отличался вольностью, сметёнными рам-

За границей бывав...

80-е годы. Первая поездка за границу. Венгрия. В международном пансионате живут только журналисты. Мы – это журналисты из СССР, Германии, Италии, Польши, Чехословакии и пр. Пансионат творчески-богемный, никто в интернациональном раже нас не загоняет брататься друг с другом – отдыхайте, ребята, паситесь в социалистическом венгерском раю, который больше напоминает капиталистический, вдохновляйтесь на новые опусы.

Так и происходит. В течение дня мы с иностранцами не общаемся, только улыбаемся как глухонемые – на автомате, рефлекторно. Чтобы не подумали в очередной раз: и чего это советские вечно злые и недовольные. У нас и в ресторане места строго разделённые – столы рядами, каждый ряд отгорожен бамбуковыми навесами и деревянными ажурными ротондами. Наши мужчины привыкли всё, даже десерт, есть с хлебом. Тонко нарезанный хлеб на «советских» столах мгновенно заканчивается, а вот иностранцы потребляют его очень мало. Поэтому ребята (все как на подбор партийные функционеры и руководители советских информагентств), поправ советскую гордость, стараются незаметно протянуть руку через решётку и быстренько свистнуть со столов поляков и немцев хлеб. Хороша картинка: сидит немец, с аппетитом уплетает шницель, а тут рука волосатая ме-е-е-дленно тянется к корзиночке с тостами. Просто фильм ужасов!

Кстати, о последних. Первые фильмы-страшилки (наш, советский фильм по Гоголю «Вий» с Натальей Варлей в роли панночки – не в счёт) я увидела там, за кордоном.

Накупавшись в знаменитом озере Балатон, поужинав в таверне, где под мелодии чардasha мы пьём местное вино, едим перчёный бифштекс по-цыгански и отплясываем что-то интернационально-нейтральное, мы, «дети разных народов», вечером оказываемся рядышком, лицом к лицу, локоток к локотку на вожденной территории. Это общий холл, где стоит большой-пребольшой телевизор и вот по нему можно хоть всю ночь смотреть фильмы по кабельному телевидению или же гонять видеокассеты. Но вот какие выбрать?

Почему-то так получалось всегда, что «программу» определяли советские туристы. Поставят, что им захочется, а

иностранцы, воспитанный все-таки народец, вроде и не возражают. Сидят, вместе с нашими смотрят. Помню, также безропотно они «съели» тогда советский фильм перестроечного времени «Тема». По-русски не понимали, потуги и рефлексия советской интеллигенции – им по барабану. И тем не менее, сидели и смотрели...

А вот сценка, которая повторяется ежевечерне. Все рассказываются в этом холле, к телевизору мчится наш товарищ – деятель крупного ранга, посланец одной из нашей союзных республик. Он радостно так, напористо кричит: «Хочу секса». Или же «Айда ужастика посмотреть!» (это он так выражается).

Помню, что от стыда некоторым из нас хотелось провалиться сквозь землю. Вот стоит он – ладно бы перед нами, а то перед иностранцами – гражданин Союза Советских Социалистических Республик. Самодоволен и самоуверен – донельзя, а сам в выцветших хэбэшных трениках с оттянутыми пузырями на коленях. Я и сегодня буквально фотографически вижу маленькую дырочку на его штанине. Не менее стыдно было, когда в ходе просмотра на особо перчёных сценках он хрюкал, оборачивался к публике (понятно, что он занимал место впереди всех, у экрана), корчил какие-то рожи. Мы так и не поняли: осуждал загнивающий капитализм или завидовал?

Этот «товарищ» портил нам праздник жизни. Нам реально становилось дурно, когда мы воображали в картинках, какого мнения теперь обо всех советских людях иностранные наши коллеги. Но в один замечательный день ко мне подошла симпатичная семейная пара из ГДР и, вежливо улыбаясь, сказала: какой интересный китаец в вашей делегации – он так дружит с советскими... Я вначале хотела разубедить их – мол, этот партайгеноссе вовсе не китаец, а наш, сыромятный эсэ-эсэровский, хотя и среднеазиатского замеса. Но тут здравая мысль пришла в голову: соглашайся, кивай, Китай переживёт. Я радостно согласилась с ними, и даже на всякий случай пару раз воскликнула с разной интонацией: «О, Мао дзе дун» и «Да уж, Мао, Мао». Интонацию на всякий случай поднапустила разную, ибо совершенно не знала, как в Германии относятся к великому кормчему. Зато мой манёвр убедил немцев: мужик в страшных штанах, напоминающий их бюргерских быков-производителей и громко требующий при этом секса, – это чайна, китаец.

Я рассказала обо всём некоторой части нашей делегации. В их глазах я увидела одобрение и обожание. Но самое главное – облегчение. Всё-таки мы здорово комплексовали по поводу типа в выцветшем трико. Русские, татары, украинцы, казахи и даже несколько обособленные прибалты и грузины – мы ведь все были советскими! И никому из нас не хотелось, чтобы о нас думали с презрением!

Помню, в знак одобрения моей тактики, а по-существу – лжи, прибалты подарили мне домотканую салфетку, а щедрые грузины с восторженной здравицей преподнесли в подарок жуткий дефицит того времени – фен. Он сохранился у меня до сих пор. Давно пора его выкинуть, но как-то рука не поднимается. Он напоминает о многом, в том числе о двух довольно сильных чувствах – о стыде и гордости.

Наш адрес – Советский Союз?

Сегодня идёт околофутбольный шум – мол, мафия, тотализатор, договорные матчи в Европе, подкуп футбольных арбитров и игроков в ведущих европейских лигах в целях манипулирования результатами матчей... Я же напишу о другой футбольной и не только футбольной беде.

Оговорюсь сразу – я отнюдь не футбольная фанатка и не патриотка спорта. Но проигрыш нашей сборной игрокам маленькой Словении всё не выходит из головы. Помните, как наши игроки радовались итогам жеребьёвки, узнав, что придётся играть с командой этой страны? Один знакомый товарищ высказался: «Да нам в игре со словенцами достаточно по полю походить...». А словенский тренер, между прочим, сказал, что такая реакция россиян на жребий – самый лучший стимул для его игроков.

Так и случилось. Когда 14 ноября в первом матче плей-офф отбора на чемпионат мира российская сборная не смогла удержать комфортное для себя преимущество и победила сборную Словении со счётом 2:1, многие еще надеялись, что уж во второй-то встрече наши задавят словенцев и получат путёвку на мировые игры. Ан нет, нас ждал проигрыш.

И от кого?! – обижались на весь свет мои знакомые болельщики. Да в этом аппендиксе от Югославии до последнего времени и о футболе-то не слышали – там горные лыжи как вид

спорта на высоте. Да и вообще... Да и в частности... И вообще страна – вошь, да и только, на карте не разглядишь ее границы...

Мы все – гигантоманы и любим мыслить масштабными величинами. А болельщики – народ крайне радикальный и почти всегда необъективный к соперникам, до шовинизма и прочих фобий докатиться могут... И все же, видимо, что-то меня зацепило в их высказываниях и я влезла в инетовские справочники.

И ведь, действительно, Словения-то мала! Ох, как мала! Нашла я данные по ней – территория 20 253 кв. км., население – 2 миллиона 9 тысяч человек. А наша Россия лежит на территории, которая расстилается более чем на 17 миллионах (!) кв. кмэ и проживают на ней почти 142 (!) миллиона человек.

Дух захватывает, когда сопоставляешь данные двух государств. Впрочем, территориальное сравнение с Россией проигрывает любая страна. Поэтому возьму иной пример – Татарстан. Так и он по территории почти в 3 раза больше Словении, и в нашем краю проживает народу чуть ли не вдвое больше!

Посмотрела я на эти цифровые выкладки и, не будучи болельщиком, опечалилась вопросом, который безнадежно задают миллионы ярых болельщиков и фанатов футбола: неужели на необъятных пространствах России трудно найти и воспитать всего 11 сильных, тренированных, а главное, волевых мужиков, которые могли бы прытко бегать по полю, осуществлять маневренные финты (или как это там называется?), забивать голы и надежно защищать собственные ворота? И тогда будет победно греметь гимн нашей страны...

Но более продуктивной мне показалась другая мысль-утверждение, хотя, наверняка, кому-то она покажется и невежественной, и наивной. И все-таки, озвучу ее. Может быть, крошечная Словения потому-то и обыграла большую Россию, потому что она ... маленькая. Большие дяди большой державы-соперницы посчитали, что с малышами можно справиться и без особого волевого усилия, без особого старания и выкладки. А малыши расстарались (еще раз вспомним откровение тренера – мол, ваша реакция, считай, пренебрежение к нам – лучший стимул для нас...)

Когда-то давно попалась мне в руки аналитика по футбольному миру. Так вот, в ней утверждалось на примерах (по го-

дам, чемпионатам, странам), что в решающих играх побеждают именно сборные маленьких государств. Они – даже будучи объективно слабее по физическим параметрам – побеждают силой духа, самоотверженной игрой. Они на поле, как в бою – не боятся атаковать, подставиться под удар форварда, получить серьезную травму. Может быть, потому, что маленькая страна (вновь напомним пример с той же Словенией – по площади как наш нефтяной юго-восток!) – это словно большая деревня. Где знают тебя с малолетства, где живут твои родители, где, как в шутке, – бросишь палку в собаку, так непременно попадешь в родственника или одноклассника. Поэтому стыдно филонить, в данном случае – плохо играть и проигрывать.

Вот и в игре сборной команды Словении наши футбольные эксперты и комментаторы увидели, как писалось, запредельную волю к победе. Эта игра для каждого из них была будто последней. Мол, в атаки они шли как на расстрел. Между прочим, последнее – не эмоциональный перебор в оценке, а, как мне кажется, очень точное сравнение. На расстрел, на смерть шли когда-то наши соотечественники – ради своего Отечества, в том числе, ради своей семьи, дома, сирени или рябины в палисаднике. Ради того, что составляло и составляет такое понятие, как малая родина и большая Родина.

Помните, в 80-е годы мы распевали песню, символизирующую интернационализм нашей жизни: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз»? Интернационализм – это замечательно, и как же нам его теперь не хватает. И все-таки, давайте признаемся себе, что наш самый-самый главный адрес в жизни – это именно «дом», именно «улица», родной город, двор, в котором мы выросли, мостик через речку детства. Когда мы помним и любим свою малую родину – мы и за большую горой постоим.

P.S. Постскрипtum длиной в год.

Дописываю через год. Сообщение из газет:

Путин пообещал коллеге из Словении,

что сборная России когда-нибудь возьмет реванш

22.03.2011

ФУТБОЛ – Сборная России

Премьер-министр России Владимир Путин на встрече с премьером Словении Борутом Пахором выразил уверенность

в том, что сборная России возьмёт реванш у словенской команды за поражение в стыковых матчах отборочного турнира ЧМ-2010 в ЮАР, информирует «Русская служба новостей». По итогам очередных переговоров по газопроводу «Южный поток» Пахор сказал: «Всегда, когда Словения подписывает какие-то контракты в отношении «Южного потока», существует опасность для российского футбола». Напомним, что после заключения подобного соглашения в ноябре 2009 года сборная России в двух матчах уступила Словении путевку в финальную часть чемпионата мира. Однако Путин пообещал, что когда-нибудь реванш состоится.

Они найдут точку опоры!

Она в детстве любила сидеть ночью на подоконнике, ведь только ночью и можно увидеть небесное светило – Луну и звёзды. Луна на тёмном небесном своде казалась огромной и жила своей загадочной жизнью. Мерцали, словно перемигивались с ней и между собой, звёзды.

Так случилось, что Ирину Туктарову покинули все её родные и близкие люди. Или почти все. У неё не было отца. В тринадцать лет умерла её мама. Потом умерла тётя, которая брала её на воспитание. А ещё умер близкий человек, друг. Рядом с ней только 78-летняя бабушка.

Ирина Туктарова – лучшая ученица г. Нурлат, гордость и воспитанница фонда «Одарённые дети», созданного компанией «Татнефть» как раз ради блага таких талантливых детей.

...Открыв роман «Война и мир» Льва Толстого, она, как и сотни тысяч её сверстниц всех времён и народов, читает известный фрагмент. Тот, где юная Наташа Ростова, взволнованная красотой ночи, мечтает летать. Так бы вот села на корточки, подхватила бы себя под колени, туже, как можно туже ... и полетела бы.

Характеру Ирины ближе не бесплодные мечты Наташи о полётах в ночи (Ирина в силу своего характера и личных, семейных обстоятельств вынуждена твёрдо, без излишней романтики стоять на земле!), а вполне прагматичные вопросы, которыми она с удовольствием и занимается. Например, измерение расстояний между звёздами, светилами, испытания со спектроскопией, анализ химического состава небесных тел

по характеристикам их света и другие специфические вещи, которые я, гуманитарий, каюсь, даже не поняла в ходе нашего полуастрономического разговора. Навскидку запомнила лишь то, что знала по школьной программе: расчёт расстояния между звёздами. В ответ слышала, что сделать это очень легко, довольно примитивный процесс. «Впрочем, – сказала Ирина, – если это делать с известной точностью и тщательностью, это может стать и научной работой страниц на сорок».

Серьёзный подход! Так кто же она, Ирина Туктарова? Прежде всего, талантливый человек. Поиском и развитием таких, как она, способных в учебе детей вот уже 5 лет занимается Фонд «Одарённые дети». Он создавался по инициативе генерального директора компании «Татнефть» Шафагата Тахаутдинова, которого одинаково глубоко волнует как актуальная тема генофонда наших народов, так и отдельная судьба талантливого ребёнка.

О том, как умно, тонко, продуманно работает фонд (работа вверена в руки председателя комиссии фонда, известного учителя-новатора Л.А.Садчиковой), следует написать отдель-

ный материал. Могу предположить, что не будь поддержки фонда, возможно, творческая и изыскательская судьба сотен школяров-вундеркиндов и просто талантливых школяров развивалась бы по-иному, не столь успешно. К Ирине это имеет прямое отношение. Она, как сирота и как лучшая ученица, получает специальную стипендию фонда, её поощряют за успехи в олимпиадах.

Про таких, как она, обычно говорят – вундеркинд, ребенок «индиго». И оснований для этого предостаточно. Она завоевала первое общекомандное место на Всероссийской олимпиаде по астрономии и космической физике и стабильно держит по этим предметам второе место в Татарстане. Она была самой лучшей ученицей за последние годы среди тысяч учеников г. Нурлат (то есть занимала первые места) по астрономии и космической физике, по истории России, по татарскому языку, по татарской литературе, в конкурсе стихов, по информатике, по экономике, по бизнес-плану на научно-практической конференции, в конкурсе сочинений и т.д. Плюс к этому ежегодно в международной игре «Русский медвежонок» она занимает 1-е место по Нурлатскому району, плюс 2–3-и места по математике, физике.

Одним словом – всесторонне развита, замечательно образована и «всеядна». И ещё – Ириной серьёзно заинтересовались ученые КГУ, и она по итогам республиканской олимпиады автоматически зачислена на 1-й курс физического факультета университета без вступительных испытаний.

Ирина серьёзно мечтает стать инженером, причём инженером-программистом или оптимизатором. А пока она упорно, как сама признаётся, – «с миру по нитке» – копит багаж, который поможет ей продержаться в ходе учёбы в институте: обходит чиновников, учреждения, собирает бумаги, чтобы как круглая сирота получить впоследствии хотя бы то небольшое, что предусмотрено законом, – комнату в общежитии, пособие на пропитание.

Не знаю как вы, а я люблю таких детей – талантливых, поражающих взрослых умом и знаниями, смелостью и самостоятельностью суждений. Вгрызающихся в гранит науки, упорных. Часами, ночами эти «ботаники» сидят за книгами и компьютером, отказываясь от искушений – просмотра телевизора, прогулки, игры со сверстниками.

Их мало кто знает. Ведь они не блистают на сцене, как их ровесники, юные танцоры и певцы. Они не ставят рекорды, как юные спортсмены. В честь них не звучат аплодисменты. Часто их, «зубрил», «ботаников», не понимают и даже «гнобят» ровесники. Их юдоль – тишина, письменный стол, библиотека.

Но именно из них рождаются великие умы, талантливые учёные и практики, штучные инженеры и изобретатели. Это они потом находят точку опоры и двигают процесс, а значит, улучшают, совершенствуют наш с вами мир.

Любите таких детей, поддерживайте их, помогайте им в их нелёгком пути к Знаниям!

...Я позвонила Ирине на днях, чтобы поздравить с днём рождения, с 18-летием, и пожелала ей мечтать о звёздах, а найти счастье на земле. Она этого заслуживает.

Подарок может стать прощальным...

У коллеги умер отец. Произошло это внезапно, хотя, когда речь идёт о совсем уже преклонном возрасте, говорить о внезапности вроде бы и не к месту. С другой стороны, родной человек – мама, папа – он и в 30, и в 100 лет самый родной человек, и горечь утраты от этого всегда огромная, и потеря незаменимая. Ведь ушёл навсегда человек, который дал тебе жизнь, из которого – на генном, физическом, духовном уровне – как из ячеек, сот или кирпичиков состоишь ты сам. Со своими талантами, человеческими качествами и чудинками. Острый ум, – откровенно рассуждаешь ты сам с собой, – это от отца, он у нас головастый. А доброта и покладистость – это уж мама «постаралась».

Вы с родителями одной крови – и в прямом, и в переносном смысле слова.

А тут вдруг твой мир стал пустым, ущербным, холодным...

Мебель устаревшую можно заменить, увядший цветник – обновить новыми семенами и рассадой, надоевший коллектив – сменить на другой, даже другу, который перестал быть таким, можно при желании найти замену. Родителей не заменит никто. В независимости от того, сколько тебе лет – 20 или 70 – мать и отец нужны всем и всегда.

Я как-то заметила: люди, оплакивая своих родителей, всегда шепчут: мама, папа, хотя раньше никогда их так не называли. Обычно – отец, мать, батя, а то и по имени-отчеству (знала я такую, кстати, хорошую и интеллигентную семью). Наверное, вырвавшееся на похоронах, такое детское и незащищенное «мама», «папа» – это последнее «прости», последнее прощание, возможно, последнее проявление ребёнка, сидящего в каждом из нас...

С моим коллегой у нас был разговор задолго до кончины его отца. Он позвонил и сказал, что готовятся провести 85-летний юбилей родителя.

– Что подарить? – заинтересовалась я.

– Да ничего, я ему, считай, последние лет 20 ничего и не дарю. У него же всё есть. Он на нашем обеспечении.

– И всё-таки, подари ему что-нибудь!

– Ну не рубашку же с запонками, – засмеялся он, – а ты что предложишь?

Я в это время занималась проблемой выбора санатория для отдыха. А потому автоматически и легко ответила: путёвку в хороший санаторий. Он так же легко согласился. Потом звонил и даже хвалился, как «он» угадал с подарком. Поехали всей семьей в Подмоскovie, выложили хорошую копейку, но отдыхом удовлетворены. Старик сам из тех мест родом, поэтому был особенно счастлив. Да и Подмоскovie зимой – сказка!

И вот последний звонок моего товарища, сообщение о кончине отца. Он сказал: «Я последние годы ни разу не видел его чем-то особенно довольным. Исключение – в санатории».

После этого разговора я и задумалась о теме подарков для пожилых и старых людей. Не каждому по карману увезти родителей в шикарный пансионат, но каждому по силам и опять же по карману порадовать их. С тех пор иногда осмеливаюсь вылезти с советами своим знакомым – что подарить их старикам на Новый год, в День матери, на годовщину свадьбы. Потом, по результатам подарочной церемонии, мне снова звонят, рассказывают, как всё здорово прошло. А я радуюсь вдвойне – ведь мне уже дарить некому...

Вот несколько идей. Может, они пригодятся лично вам?

Коробочка (шкатулка памяти). Записать на полосках бумаги коротко, буквально одним-двумя предложениями воспоминания детства. Например: в нашем саду росла кривая груша...

У мамы были красивые голубые в крапинку бусики... Бабушка прятала сладости в комод... Мы лазали с подружкой Аськой в чулан и тайно ели варенье, а вы даже не поняли...

Можно так увлечься этим занятием, что набирается аж 365 – по числу дней в году – воспоминаний. Их можно распечатать на цветной бумаге (тогда компьютеров не было, мы писали от руки) и эти полоски сложить в коробку из-под конфет, в шкатулку, в вазу, да просто в трёхлитровую банку. А потом на дне рождения отца или матери вытаскивать их наугад и зачитывать. В восторге и собственные дети (они потом годами помнят содержание записок и жаждут уточнений о родительских шалостях!), и старики. Помню, я поставила условие своим родителям вытаскивать ежедневно строго по 1 полоске. Они, естественно, не выполнили наказ – читали и не раз перечитывали каждый раз, как садились чаёвничать. Мама потом рассказывала, что они то смеялись, то плакали, удовольствие и радость получили...

Точно так же приятны альбом с фотографиями внуков, диски, кассеты, на которых они поздравляют бабушку и дедушку, подарочный сертификат в парикмахерскую (пора закрасить седины!), подписка на любимое периодическое издание (а потом не забывать её продлевать), красиво упакованные шампунь и мыло из дорогого магазина, цены в котором недоступны для пенсионеров, хороший чай – классический или же с новыми, непривычными добавками, мобильный телефон с последующим пополнением счёта, лёгкий, тёплый и пушистый плед, чтобы прикорнуть днём на диване, новая подушка и т.д. и т.п. Ценность подарка – не в цене. Главное, вложите в него индивидуальность, «изюминку» и личное тепло!

И не слушайте, когда старики говорят, что у них всё есть и им уже ничего не нужно. Неправда это! Возможно, им не нужны пятые по счёту халаты и тапки, но вот ваше внимание, любовь и забота им требуются всегда. И потом, давайте не будем лицемерить – подарок и трогательные хлопоты вокруг стариков нужны в первую очередь вам. Ведь любой подарок может оказаться прощальным.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Венера Г., Учитель: *«Сегодня из больницы я пришла в следующих мыслях: в своём благополучии нельзя отгораживаться и забывать несчастья других. Пока сижу в бесконечных очередях, столько разных историй слушаешь. Столько боли, несправедливости. Почему-то ответственной себя чувствую. Когда бываю в каких-то коллективах, на встречах с людьми, начинают мне рассказывать, как, дескать, народ живёт, мне казалось, что я и есть этот самый народ, в тех же очередях, инстанциях, транспорте, те же проблемы. А теперь понимаю, что, слава Богу, оказывается, я благополучна. Всё познаётся в сравнении. Но каждому благополучному мало просто милостыней откупаться, надо попытаться помочь другим. Вот только как это делать?».*

Мужество? Это приличное поведение

Да, мужество – это приличное поведение в тяжёлых условиях. Приличное – значит, сохраняющее человеческое достоинство. Именно в такую форму я бы облекла видение героизма в наши дни. Это при том, что слово «мужество» – в жизни, искусстве – почему-то всегда привязано к батальности и брутальности, к войне, подвигам, к смерти, которую называют прекрасной, если её приняли ради идеи или других людей. Но ведь Мужество – это не только способность решительно действовать в сложных, экстремальных ситуациях, жить по принципу «шашка наголо», но и выдержанная храбрость, душевная стойкость, присутствие духа, – это когда беда согнула других в бараний рог, а ты держишься.

Знаю несколько женщин и мужчин, которых считаю мужественными людьми. Это родители детей-инвалидов. Когда мы вместе с ними, на общественных началах, создавали в Альметьевске общество инвалидов. Членам Совета женщин во главе с Галиной Грицишиной пришлось побывать в каждой семье, где были дети-инвалиды, чтобы поговорить с родителями о хотя бы толике помощи, которую им могут оказать местные власти и общественность города.

Мне поручили посетить 26 таких семей. Первая ассоциация: цифра революционная – как 26 бакинских комиссаров. А потом увиденное в альметьевских «хрущёвках» просто потрясло. Какие там комиссары – вот оно где, мужество: рядом с больным или парализованным ребёнком, в тесной квартирке, при тогдашнем страшном дефиците на продукты, на вещи первой необходимости, медикаменты. А ведь у каждой из этих матерей был выбор: написать отказную, не забирать больного ребёнка из роддома и уйти налегке домой. Или же потом, спустя некоторое время, сдать инвалида в специнтернат. И тогда в доме не будет пахнуть вечными пелёнками, болезнью и несчастьем, от которого бегут все – иной раз и самые любящие мужья.

Мне довелось встретиться с семейными парами, которые сделали свой выбор и несли свой крест по жизни с огромным мужеством. И так пожизненно – изо дня в день, без выходных, отпусков. Они осознанно отrekliсь от любимой работы, хорошей карьеры, интересной жизни.

Вот отрывки из записей тех лет, которые сохранились в моём журналистском блокноте.

«Девочка славная, ходит по квартире неуверенно, держась за стеночку, и как-то странно крестится в сторону. Объясняют: после тяжелейшей травмы она видит всё в перевернутом изображении. Пытаюсь представить, как – это что же, будто ходишь по потолку?! Мама и папа постоянно рядом с ней, всегда на расстоянии вытянутой руки: падения здесь смерти подобны. Вот и ходят за ней, как привязанные, в постоянном напряжении – вовремя поддержать, не дать упасть. При этом шутят, улыбаются через силу, смотрят ласково, гладят по светлой макушечке. «Доча сильно нервничает, когда видит наше напряжение – у неё начинаются страшные головные боли. Улыбка ко мне приклеена, – говорит мама, – а сердце разрывается». «При хорошем уходе у нас хороший прогноз», – грустно добавляет отец.

Вторая запись. «Вся жизнь семьи М. подчинена воспитанию дочери с ДЦП. Дисциплина – строжайшая. Мама вскакивает рано, моет полы, вытирает пыль. Полный туалет дочери, прикованной к коляске. Звонок в дверь – бабушка пришла. Родители бегут на работу. Оба тащат на себе по нескольку работ: нужны деньги на лекарства, на хорошее питание. Вечером сменяют уставшую бабушку. Всегда рядом с дочерью. С

ней надо заниматься. Сделанные своими руками массажёры и тренажёр, кипы книг, которые ей читаются, музыкальные пьесы – играет на рояле сестра. И все – без надрыва, без стога. Улыбки, ласковое обращение и при этом – требовательность и дисциплина.

Ребёнок растёт счастливым, хотя и горюет из-за своего положения. Но глаза её блестят, она сочиняет сказки и истории, мечтает о своём, девичьем, а плохо слушающие её руки готовы постоянно аплодировать – солнцу за окном, любимым родителям, жизни...».

Мужественный человек – тот, кто действует вопреки отчаянию. В этих семьях мужество – это огромная любовь к своему ребёнку. И чем сильнее любовь – тем выше мужество.

Прошли годы, повзрослели те дети-инвалиды, окрепли, стали сильнее. Увы, мало кого годы и огромные старания родителей поставили на ноги. Но мужественная материнская-отцовская любовь помогла им осознать себя личностью. Она подвигло детей на свою, собственную высоту мужества, где надо жить и не ныть напрасно, даже поддерживать других, нести людям свет. Некоторые из них работают на дому, учатся, занимаются творчеством, сочиняют песни и стихи, и на их персональных сайтах «пасутся» и находят поддержку друзья или случайные посетители ...

Так получилось, что иллюстрацией к слову «мужество» в данном материале послужили родители и дети-инвалиды. А могли бы прозвучать и другие скромные герои. Например, не сломившийся под жизненными обстоятельствами мальчик-сирота, ставший признанным специалистом. Или же слепая от рождения женщина-певица. И, вообще, – разве это не мужество: просто достойно жить, работать, не подличать, суметь сохранить себя как личность? В этом плане заезженная многократно фраза Максима Горького – в жизни всегда есть место для подвига – вдруг обретает иной, более глубокий смысл. Вслушайтесь: в нашей жизни ВСЕГДА есть место для подвига. Такая, значит, жизнь?

О последней «лекции»

...В ноябре взяла кратковременный отпуск для поездки в Казань. Предстояло отметить первую годовщину со дня смерти первого проректора КФЭИ, создателя и бессменного – до самой ранней кончины – директора Программы МВА («Мастера делового администрирования») Азата Ганеева. Из Москвы, Питера, Парижа, российских городов звонили, спешили

на поминки, ломая и приспособливая свои деловые планы, его сподвижники. Азат Мингазович был талантливым экономистом, интеллектуалом, всесторонне развитым и духовно наполненным человеком, в орбите которого вращались такие же интересные и одаренные люди – глыбы, личности.

В один из дней мы уединились с его вдовой Резедой Махмутовой. Сидели на уютной кухне, то и дело подогревали чайник, вспоминали былое и недавнее. Тогда она и сказала: «Вот любимая книга Азата «Последняя лекция» Рэнди Пауша. Он держал ее на рабочем столе, перечитывал. А почему – поймаешь, когда прочтешь».

Книга потрясла. Ее написал смертельно больной 46-летний профессор университета «Карнеги-Меллон» Рэнди Пауш. Когда стало ясно, что химиотерапия и весь медицинский арсенал бессильны против рака поджелудочной железы, давшего метастазы в его печень, и что ему осталось прожить несколько месяцев, он решил прочитать свою последнюю лекцию. На нее в актовом зале университета Карнеги-Меллон под Питтсбургом собрались 400 студентов, преподавателей, коллег, друзей и журналистов. После этого, торопясь успеть, он издал книгу «Последняя лекция». Она о том, что надо жить сегодня и сейчас. Всегда, при всех обстоятельствах, радоваться жизни. Об умении ценить каждое мгновение, о трепетном отношении к детским мечтам, о том, как жить, чтобы не терять ни секунды драгоценного времени. Книга заставляет каждого, кто ее прочитал, задуматься: а что было и есть действительно важного в нашей жизни? Перед неминуемым концом все четко и мудро расставляется по приоритетам, по важности. Часто оказывается, что важным для тебя и близких было то, что ты, увы, считал незначительным. А то, чему ты поклонялся, над чем работал, пожертвовав мечтами молодости, талантом, - на самом деле ерунда, к сожалению, успевшая съесть твои силы, время, жизнь. Стоила ли овчинка выделки? Надо ли было метать бисер перед свиньями? Как надо было жить, чтобы потом не горевать, не жалеть о несбывшихся мечтах?

Я поняла, почему книга Рэнди Пауша стала настольной для такого реалистичного, серьезного и неконъюнктурного человека как Азат Ганеев. В них много общего – страшная болезнь, сила духа, стремление довести свое дело до победной точки. Ганеев ведь тоже успел прочитать свою последнюю «лекцию»

– вывел КФЭИ в число сильнейших вузов, создал авторитетную, признанную не только в России Казанскую Программу МВА. Оба признали, что они счастливы – потому что успели осуществить свои мечты. А сможем ли мы утверждать то же самое? Какой будет последняя «лекция» у меня, у тебя? Какой продукт – материальный, интеллектуальный, нравственный – оставим мы после себя? Задумываемся ли мы об этом хоть изредка, или же плывем по течению, убежденные, что впереди целая жизнь? Но ведь однажды можно обнаружить, что ее осталось гораздо меньше, чем мы думали. Из книги «Последняя лекция»:

«Каждый в своей жизни должен принять решение, на кого из Винни-Пуховских героев он хочет быть похожим. На вечно радостного и беззаботного Тигру или несчастного Иа? Я никогда не дам Тигре уйти из своей души.»

«Слишком многие сегодня идут по жизни, непрерывно жалуясь на проблемы. Я всегда считал, что если у тебя хватает энергии на жалобы, то лучше направить ее на решение проблемы. И ты поразишься тому, насколько хорошо все получится.»

«Верность — это дорога с двусторонним движением»

«Да, я большой оптимист. Но, пытаясь принять решение, я часто обдумываю худший из сценариев. Я называю это «Фактор съеденности волками». Если я что-то сделаю, то какие самые ужасные последствия может иметь мой поступок? Съедят ли меня волки? Оптимистом можно быть только в том случае, если у тебя есть план действий в любых обстоятельствах»

«Если вы живете правильно, карма сама позаботится о себе. И ваши мечты осуществляются.»

Посторонним вход воспрещён!

Один из самых любимых моих фильмов – «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён». Тот самый, где действие происходит в пионерском лагере. Напомню для забывчивых. Шкодливых пионер Костя Иночкин переплыл реку, нарушил дисциплину. Директор пионерского лагеря Дынин отправляет его домой, но Костя не хочет «вгонять бабушку в

гроб» и тайно остаётся в лагере. Ну как, вспомнили фильм и великолепных актёров – Евгения Евстигнеева (Дынин), Алексея Смирнова (завхоза), Лидию Смирнову (врачиху, которая так смешно издаёт сигнал кареты скорой помощи) и других?

Прошло более 40 лет с тех пор, как впервые увидела эту искромётную комедию. Помню, в кинотеатре наш класс со стульев падал, а учительница металась по проходу, шикая и успокаивая нас. Даже сегодня смотрю этот фильм с тем же, почти щенячьим восторгом, но, с другой стороны, внутреннее, философское восприятие фильма менялось для меня коренным образом – от десятилетия к десятилетию.

Первая волна. Смотрели фильм с одноклассниками и торжествовали – как же, нашим ровесникам удалось победить скучных и заорганизованных взрослых. Долой лагерные инструкции! А Дынин – бюрократ, дурак тупой и прочее!!!! (Хотя ни одна моя подруга, делясь впечатлениями о лагерном отдыхе, ни разу не пожаловалась на диктат взрослых. Наоборот, всем всё нравилось – главное, что было весело, «просто здорово»!)

Вторая волна. Кое-как побеждаю сопротивление родителей и впервые в жизни еду в пионерский лагерь. Кстати, лучший в области (фирменная повседневная и парадная форма, питание сверхкалорийное) и экспериментальный (шефы вывозят нас в дельту Волги, разбиваем бивак, потом сами в качестве шефов отправляемся в сельскую школу). Итог: после вольной жизни на сечи (варево в котлах, вода во флягах) и «братания» с деревенскими пионерами – добрая сотня отдыхающих в лагере попадает в больницу с кишечной инфекцией. Две недели вожделенных каникул проходят в запертых боксах. Жёсткая диета, каждодневные анализы, тоска по родителям и дому, плач и нытьё вокруг – всё это заставляет меня пересмотреть свой взгляд на любимый фильм. Я даже крамольно думаю, что если бы у нас был такой строгий директор Дынин и свирепая врачиха, мы бы не пили воду из закопчённых фляг и не мыли ложки-вилки в волжской воде, а значит, и не попали бы в больницу-карцер.

Волна третья. Фильм смотрю с удовольствием. Несмотря на это, а возможно и поэтому, свою старшую дочку, свою нежную принцессу я ни разу не отправила в пионерский лагерь. Такая не выдержит советского лагеря, думала я. Её просьбы

и жемчужинки-слезинки я переносила, превращаясь в непробиваемую скалу. И очень кстати вспоминала изречение моего остроумного отца: «Хорошее дело лагерем не назовут».

Волна четвёртая. Вторую дочь, хулиганистую козу-егозу, разбойницу и революционерку, возле себя уже не удержать. Её мечта о лагере должна реализоваться! Понимая неизбежность этого, я обкладываю (её или себя?) подушками безопасности. Я знакомлюсь со всеми директорами пионерских лагерей Альметьевского района, с их методами работы. В душе я мечтаю, чтобы они все непременно походили на Дынина – были педантичны и строги, придерживались каждой буквы инструкции. И при этом я хочу, чтобы, в отличие от Дынина, они всё же любили детей, были заботливы и прекраснодушны. Ни больше, ни меньше.

Скажу сразу. Руководителями наших лагерей – а дочь отдыхала в «Юности», «Дружбе», «Солнечном», «Орленке», а также в смену «Мать и дитя» от НГДУ «Джалильнефть» – всегда были прекрасные организаторы, за своё дело они болели всей душой. И, в первую очередь, за безопасность детей. Все лагерные эпопеи здесь заканчивались замечательно. Кстати, и сейчас дети, избалованные турецкими берегами и греческими пляжами, с удовольствием отправляются в эти летние оздоровительные лагеря.

Волна пятая. Новости со всей России: «Добрую» вожатую отряда мальчишки уговорили отпустить их поудить рыбу. Результат – утонул ребёнок.

«Умный» педагог организовала игру в прятки не в школьном дворе и не на детской площадке, а – где бы вы думали? – в ... тайге. Потерялись двое детей.

В одной школе воспитательным процессом занимался педагог-педофил. Другая «креативная» и прогрессивная директриса приняла на работу смелого педагога-новатора с собственной педагогической системой воспитания. Итог – инвалидность детей, изломанная психика.

Вот для таких «специалистов» и должен быть запрет «Посторонним вход воспрещен!». Эти трагедии – результат халатности и недомыслия, элементарного пренебрежения элементарными инструкциями, которые, кстати, при всей их важности (так как обеспечивают безопасность детей) на деле легко выполнимы. Надо только строго следовать каждой

строчке должностной инструкции, как это делал несколько туповатый, но такой обстоятельный и принципиальный Дынин. Побольше бы таких, как он, и не только в детских садах, лагерях и школах, а ещё и в цехах и на промыслах, стройках и дорогах – среди тех, кто отвечает за жизнь других и за собственную.

...Не знаю, как вы, а я всё больше и больше ценю Дыниных – они железобетонно и ответственно выполняют свою работу.

Спасать его? Себя? Детей?

Вопрос она задала мне в лоб – и в переносном, и почти в прямом смысле этого слова. В телефонной трубке жёстко прозвучало:

– Бросать или не бросать мужа? Дайте совет.

У меня даже лоб вспотел от её тона, от прямоты вопроса, но больше от той доли, того куска ответственности, которые она делегировала мне, совершенно постороннему человеку.

– Скажите, надо ли мне бороться за мужа, он пьёт. К кому обратиться за помощью – не знаю, да и не хочу. На работу он ходит, не прогуливает. Дома замордовал всех. Хочу развестись, сама же и жалею. Сейчас молодые себе спутника найти не могут, так что понятно, что придётся остаться одной. Да ещё поднимать детей, давать им образование. Они входят в переходный возраст, как я сумею сладить с ними? Скажите, может развестись с ним, пусть дальше катится вниз? Или же... Ни на что не могу решиться, но ведь и жить так дальше невозможно.

Обычно женщины, начав подобный разговор, дальше рассказывают всё про всё по полной программе – в подробностях, с эпизодами, примерами. Моя же собеседница лишь кинула в меня вопросами, выплеснула то, что лежало у неё на поверхности души... Может, ждала расспросов, надеялась, что кто-то другой (в данном случае я) возьмёт и всё решит – в ту же минуту, не отходя от телефона, жёстко и без тени сомнений: мол, разводись, голуба, хватит терпеть, не царское время. Или, наоборот, «Вы обязаны бороться, вы должны...».

Я ответственности такой на себя не приняла. Начала спрашивать её о детях, о ней самой. Она довольно натянуто, кратко, хотя и вежливо отвечала, а потом попрощалась.

Мы обе положили трубку. Я подумала, а какой же я по счёту человек, с которым эта несчастная женщина пытается решить свою беду? Наверняка, надавали ей советов и мама, и свекровь, и её коллеги по работе. Наверняка, плотным сочувствием обложили её подруги и соседки... Но, увы, это тот вопрос, который женщина должна решить сама, причем незамедлительно.

Уйти или остаться? Спасать или оттолкнуть? А может, вопрос поставить так: спасать или спастись самой и спасти детей?

– Я своих не предаю, – гордо заявила только-только въехавшая на нашу улицу соседка, жена постоянно пьющего и буйнящего мужа. Она стоически переносила все семейные скандалы и погромы и первое время даже вызывала к себе чувство, похожее на смесь уважения и удивления: надо же, терпит, не осуждает, милицию не вызывает... Женщина грамотная, она твердила про генетическую предрасположенность к пьянству – мол, он пьёт, так как пил отец, злоупотребляют этим и другие его братья. О пьянстве мужа она рассуждала как о болезни. Возможно, она знала об этом больше, чем мы... Это сегодня мы наслышаны о «поломках» в организме, о несовершенстве биохимических процессов...

«Я близких не предаю»... Гордо, твёрдо и ...безответственно. Ибо она при этом – неужели даже не осознавая этого? – цинично предавала беззащитных своих иждивенцев, за которых, в первую очередь, а не за мужа-бугая, и несла ответственность: своих вечно напуганных малолетних детей и маму, бессловесного милого «божьего одуванчика», которым постоянно – и оскорблениями и кулаками – доставалось от дебошира. И вскоре произошло несчастье.

– Предательница она, паскудней не бывает, – с редкой классовой солидарностью одновременно воскликнули соседи – интеллигентный академик Николай Филиппович и легкомысленная любвеобильная Любка-оторва. Так дружно думали мы все, когда всей улицей провожали в последний путь повесившуюся от унижений и бессилия маму-старушку, а ещё когда периодически прятали у себя белую от плача, напуганную пьяным отцом девочку. Годы прошли, а я до сих пор помню, как лежит она, худенький комочек на лавке, и дрожит так, что с растущего впритык дерева отлетают маслянистые почки. Соседские парни и мужики и били алкаша этого, и воспитывали по-своему, да всё без толку.

Я не знаю, как сложились судьбы членов этой семьи, я даже не бужу в себе ни любопытство, ни репортёрский запал. Больше того – я этого знать не хочу. Я закрыла эту страницу, как омерзительную, липкую и страшную.

Может, поэтому-то я и скомкала разговор с той женщиной, что позвонила мне... Могу ли я оставаться объективной, если несу по жизни и такого рода воспоминания? А с другой стороны, я знаю и множество других примеров. Так, среди моих друзей есть пара, где женщина вытаскала из пьяного омута мужа и семью сохранила. Она начала действовать одновременно жестко и с максимальным порывом любви и жалости и, к счастью, ещё в тот момент, когда муж только начинал увязать в этом зле, запутываться в этой паутине, но был ещё в состоянии адекватно оценить и себя, и зло, и перспективы.

Наверное, за таких мужчин ещё можно попытаться бороться женам и матерям, сёстрам и подругам – любить и страдать вместе с дорогим человеком, лечить и вышвыривать приятелей, обцеловывать родное лицо или же кидать в это вдруг ставшее чужим лицо жёсткую правду, заворачивать его в кокон семейной жизни, отсекая от внешнего влияния, или же, наоборот, выводить его в мир, придумывать цели и дела, чтобы он обретал смысл и оправдание своего существования.

У каждого – свой рецепт борьбы и счастья. Каждый выбирает свой путь.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

«У меня проблема с сыном, всего не расскажешь, и стыдно, и горько, и вообще... (Понятно, что мой плач, мои тяжёлые мысли по ночам.) Вначале была злость на него огромная, как он мог?! Предатель. Он же жизнь мою растоптал. И это благодарность за всё, что я для него сделала. Мне хотелось умереть или чтобы он умер, исчез из моей жизни, не позорил. Сколько слёз выплакала. Сколько молилась (никогда до этого не верила ни во что), чтобы он изменил свою жизнь. Я вспомнила, как учительница моей старшей дочери как-то сказала другой родительнице на школьном собрании: защищайте своего сына, воюйте за него, даже с нами, педагогами, воюйте, он ведь ваш ребёнок! Я всегда считала эту учительницу мудрым человеком, слова те запомнила и потом они всплыли в памяти. Я для себя решила, что приму

любой позор, осуждение соседей и товарищей по работе, но не оставлю мальчика один на один с бедой. Кто, если не я, ведь я же мать!

Сегодня я рядом с ним, мы снова стали близкими людьми и маленькими шагами уходим от бездны.

Товарищи и господа, богатые и бедные, берегите своих детей. Мы сами не подозреваем, сколько зла нацелилось на них. И пьянство, и наркомания, и преступность. Любите и спасайте детей своей любовью! Просьба не называть адреса».

«Идёшь на грозу»? Не теряй горизонт!

Звонок мобильного. Высвечивается номер. Я знаю, кто звонит и о чём будет разговор. Только что на всех новостных лентах обнародованы итоги расследования авиакатастрофы «Боинга-737», разбившегося в сентябре прошлого года в Перми. Жертвами трагедии стали 88 человек. И звонит мне подруга. Среди пассажиров был её любимый, отец её ребенка. С тех пор жизнь для неё остановилась – ничто не мило, не важно, все заброшено.

Я медлю брать трубку, лихорадочно думаю: что ей смогу сказать?

Уже знаю, что согласно выводам экспертов, главная причина катастрофы – человеческий фактор. Непосредственной же причиной явилась потеря пространственной ориентировки экипажем, в первую очередь КВС (командиром воздушного судна). Предполагают, что могло это произойти из-за принципиальной разницы приборов американских «Боингов» и российских самолётов «ТУ», на которых долгое время летал экипаж. При повороте на «Туполеве» пилот видит, как кренится силуэт самолёта, в «Боинге» же движется линия горизонта. Если перепутать – случится непоправимое. Видимо, оно и произошло.

Я, наконец, поднимаю трубку.

– Ты слышишь, – кричит подруга и зачитывает заключение комиссии, которое и так уже висит на экране моего монитора: «Установлен факт наличия этилового алкоголя в организме КВС перед смертью. Режим труда и отдыха КВС в период, предшествующий авиационному происшествию, спо-

собствовал накоплению у него усталости и не соответствовал действующим нормативным документам».

– Я была права, – её голос сипнет, – помнишь, я говорила тебе, что наверняка экипаж был пьяным, ты помнишь, помнишь? Диспетчер ведь дал показания, что ему пришлось несколько раз повторять свои команды и даже спросить: мол, ребята, а у вас там все в порядке? Он тогда сказал на комиссии, что они были за-тор-мо-жен-ными! А когда расшифровали переговоры – там же перед самой посадкой пилоты спорили, кому сажать самолет. Командир сказал второму пилоту: «Ты же сам видишь, что я не мо-гу». Так вот, в мышечных тканях этого командира медики нашли алкоголь. Это значит, что он был пьян или же было остаточное опьянение! Получается, из-за рюмки водки жизнью расплатилось столько людей!!! Слышишь меня?

– Да-да, – говорю я, думая о своём.

...Мой дядя был лётчиком. Страшные перегрузки, стрессы, ответственность, смена часовых поясов, короткий отдых в кошмарных гостиницах. Это лишь толика минусов. Из плюсов – возможность с помощью коллег бесплатно оказаться в любой точке страны, например, специально слетать «с утречка» за свежим кизилом на Кавказ. Главное же – реализация мечты о небе. Дядя и его друзья были помешаны на работе.

Ещё в юности они вместе летали на «кукурузниках», опрыскивая поля химикатами. Чтобы не получать рекламации за неточное попадание, летали низко, буквально окутанные облаком отравы. И в наследство получили дикие головные боли, проблемы с печенью, щитовидкой. Вместе шли по карьерной лестнице, пересели на лайнеры. Головы болели еще больше – на небесной верхотуре и облучение предостаточное.

Дядя умер, не дожив до 50 лет, успев, как и друзья, поработать «на пенсии» – диспетчером в наземной службе – без самолётов они себя уже не представляли. И там – те же перегрузки и постоянное напряжение, ответственность за жизни сотен людей. Почти одновременно с ним, практически в тот же год, умерли и его два друга – такие же КаВэЭсы. Красивые, эффектные, мужественные и ... безнадежно больные.

Помню их разговоры при встрече: чтобы не случилось в небе, всегда виноватым будет лётчик – он станет козлом отпущения («мёртвые сраму не имут»). И это устроит всех. Не

лётчики покупают старые, отработавшие свой век самолеты. Зато они ведут в рискованных условиях самолёт, ибо, если они решат внепланово, ради сохранения жизни пассажиров, посадить лайнер, их оштрафуют за перерасход топлива.

Мужики спорили о многом, но в одном были неизменны: любви небо, но думай о земле. Геройствуешь, «идёшь на грозу», но, будь любезен, – горизонт, землю удерживай взглядом. Ты должен на неё вернуться сам и доставить живыми всех. Даже толика спиртного накануне полёта – смертельная доза. Кто знает, куда поведет твои мозги, реакцию, хладнокровие крохотный напёрсточек коньяка в условиях цейтнота, аварии, наконец, переставших подчиняться приборов и двигателя.

В этом своём «рюмочном» принципе мужики были как кремень, хотя жизнелюбием не страдали: любили дачные посиделки под Казанью с водочкой и шашлыком, были горазды на приколы, как-то потерялись на рыбалке в Марий Эл, опоздали на работу, за что имели неприятности. Но спиртное накануне ответственной работы – это табу.

Вот эту их профессиональную осторожность и щепетильность я вспоминала всегда, когда узнавала о смерти сварщика, электромонтёра, ремонтника на производстве. Когда вдруг обрывалась чья-то жизнь – из-за хмельной головы, – то есть из-за потерянной осторожности, из-за неверного движения рукой. Не только небо, но и земля этого не прощает!

Подруга плачет в трубку, а потом вдруг говорит:

– Ты слышишь меня? Знаешь, на днях сын написал о нём стихи, может, сможешь найти мне музыканта – строки вроде ложатся на мелодию.

Слышу, подруга, слышу. И я с радостью увожу разговор в другую, безопасную плоскость: хорошая моя, родная, ну, конечно же, найдём, сочиним, споём, главное – надо жить дальше, помнить и любить.

Вулкан чудит

Вот и снова вулкан чудит. Небо над Европой опять закрыто. У исландского вулкана – труднопроизносимое имя. Впрочем, у него теперь предостаточно и других названий, которыми ругают его и по всякому костерят тысячи людей, проживающих на планете, – и гадкий он, и нелепый, а уж какой сволочной...

Проснувшийся вулкан здорово и очень даже многим подпортил жизнь. Аж президентам планы попутал (кто-то отменил визиты, кто-то не приехал на похороны польского президента).

Лично я должна быть особенно сердита на него. В апреле он не выпустил меня в путешествие. Да ещё в какое – о котором люди всю жизнь грезят – во Францию, в тур «Королевский Париж». Из-за ожившего вулкана отменили сотни авиаперелётов в Европу, и просидели мы с семейством в Шереметьево более полутора суток, помывкались, как беженцы, на чемоданах, с тревожным сном в полусогнутом состоянии, с вечным взглядом на табло, где о нашей печальной участи подтверждала раз и навсегда застывшая фраза о рейсе: «Отменён». И вернулись домой.

Есть такая фраза – «пролететь над Парижем как фанера». Может быть, это именно о такой ситуации? Тем не менее, нет у меня сердитости и обиды на вулкан!

В Шереметьево было много грустящих и отчаявшихся людей: на глазах ломались планы и, возможно, даже чьи-то судьбы. Кто-то плакал, кто-то молился, кто-то тупо застыл, думая о своём, кто-то ругался – на французском, немецком, итальянском, английском языках. И, конечно, на русском – громко, всласть, постоянно упоминая такое-то правительство, такую-то жизнь и непременно такую-то мать. Предлагаю читателю самому домыслить накал страстей, вставив вместо слов «такое-то» крепкую уличную лексику.

Лично меня от расстройств и нервного срыва спасала профессия. Мне как журналисту оказалась даже интересна эта ситуация – наблюдала за людьми, их поведением, мотивацией их действий, вступала в разговоры с окружающими. Что это – издержки или достоинства профессии?

Например, порадовали милые девушки из авиалиний Эйр Франс, бегло владеющие русским, английским и французским, они демонстрировали высочайший класс работы – выдержку, хладнокровие, такт и понимание. И это – в многочасовом окружении толпы плачущих, расстроенных или разгневанных пассажиров. Я мысленно им аплодировала. Ничего не могу поделать с собой: профессионализм в любой работе восхищает.

И очень огорчила следующая встреча. Я долго наблюдала за пожилой дамой, которая провожала сына, сноху и внука.

Она грустила, как и все, сердилась на обстоятельства, на задержку и неудобства и внезапно кидалась к внуку-подростку, судорожно обнимала его. А потом вдруг начинала улыбаться, говорила невестке: «Ну вот, видишь, это знак, может, передумаете?» и снова кидалась к внуку, снова тискала его – смущённого, растерянного. Причину её нервного поведения, резких переходов от радости к печали я поняла, случайно подслушав разговор: женщина провожала семью своего сына на ПМЖ в Америку, и она предчувствовала, что уже никогда их не увидит. На неё не действовали слова утешения типа – мы приедем, вы приедете, интернет доступен... Она качала головой и повторяла лишь одно: «Мне так мало осталось...».

Американцам повезло: рейсы на Вашингтон и Нью-Йорк открыли. Дама, проводив своих, медленно шла по терминалу – буквально шатаясь и захлёбываясь от рыданий: «У меня же диагноз... Диагноз!!!».

На неё было больно смотреть. Мы с моей соседкой по креслам – очень миловидной и обаятельной женщиной-москвичкой – переглянулись понимающе: вот где трагедия, вот оно – горе. А у нас, подумаешь, отпуск не состоялся... Ну и что, старая и мудрая Европа нас подождёт!

И тут моя соседка рассказала свою историю. В 2004 году её семья купила путевки в Таиланд. Предвкушением поездки жили несколько месяцев, как она с мужем, так и их дети. Это был вообще очень удачный год для семьи – приобрели хороший автомобиль. И надо же было такому случиться, что незадолго до отпуска машину угнали. Угонщики позвонили по телефону и потребовали выкуп – 10 тысяч долларов. Чтобы заплатить такие деньги и вернуть иномарку, семья отказалась от путёвки. Это был удар по мечте, ожиданиям! Дети обиделись на родителей, объявили домашний бойкот. И между супругами чёрная кошка пробежала: ты виноват, сама такая... Знакомым, уехавшим без них в «рай на земле», завидовали жутко, пока не включили телевизор и не узнали о страшных новостях из Таиланда, о мощном цунами, о сотнях погибших, пропавших без вести. Отель, в котором они должны были поселиться, смыло волной. Погибла подруга, которой они так завидовали...

В подобных ситуациях и приходит понимание житейской теории относительности. Всё относительно в этом мире: не-

приятность может обернуться приобретением, счастье – бедой, находка – потерей.

Часто наши неприятности по большому счёту – это такая чепушинка, такая ерунда, когда сравниваешь их с истинным горем...

Господи, давай дружить?

Получила весточку от давних друзей. К электронному сообщению был прикреплён документ под названием «Дети пишут Богу». И сразу все вспомнилось. Каждые майские праздники мы, молодые журналисты, путешествовали по Прибалтике. Поездки были малобюджетные: в плацкартах поездов (кстати, великолепных, фирменных, словно из иностранных фильмов), с ночёвкой на лавках чистеньких и спокойных вокзалов. Зато мы тоннами вывозили прекрасные впечатления от знакомства с другой культурой, обычаями, народом и целые чемоданы книг, в изобилии издававшихся на русском языке. Помню, как безуспешно мы искали тогда книгу «Дети пишут Богу». И вот надо же, через долгие годы – электронное письмо: «Читай с удовольствием!».

Книгу «Дети пишут Богу» собрал писатель и кинодраматург Михаил Дымов: предложил детям от 6 до 10 лет написать Всевышнему и задал три вопроса: «О чем бы ты хотел спросить у Бога?», «Что бы ты хотел попросить у Бога?», «Что бы ты хотел рассказать Богу?».

...Как же чисты, просты и непосредственны наши дети. Как они мудры и прозорливы. Как безоглядно счастливы и как тревожны. Присоединяйтесь и вы к прочтению их мыслей:

Здравствуй, Господи. Как у Тебя дела? Как живёшь? Как здоровье? Женя, 2 кл.

Когда кончатся издевательства надо мной в классе? Тоня, 4 кл.

Если Ты устроишь конец света, кто ж на тебя будет молиться? Петя, 4 кл.

Люди так страдают на Земле, неужели в Твоем аду ещё хуже? Радик, 4 кл.

А другие страны Ты обслуживаешь? Толик, 3 кл.

Я Тебя, конечно, люблю, но маму и папу больше. Это ничего? Зоя, 3 кл.

Можно мне не умирать, а? Юля, 1 кл.

А вот свечи в церкви продают, – это Твой бизнес? Толик, 2 кл.
Господи, Ты хоть мой новый адрес знаешь? Ляля, 1 кл.
Скажи, Господи, как я веду себя в обществе? Алеша, 1 кл.
Я так устал от жизни: учишься, учишься, учишься. Как дурак! Сеня, 3 кл.

Почему весной, когда вечером Ты включаешь на небе звёзды и дуешь на Землю тёплый ветер и вокруг тихо-тихо, мне иногда хочется плакать? Наташа, 2 кл.

Тебе нравится, что творится на Земле? Андрей, 4 кл.

У католиков один Бог, у мусульман – другой, у иудеев – третий, у лютеран – четвертый, у православных – пятый. Да сколько же вас там? Игорь, 4 кл.

А когда на Земле стреляют, Ты что, не слышишь, Господи? Валера, 2 кл.

Почему люди вначале влюбляются, а потом тихо плачут? Андрей, 4 кл.

А ведь первыми начали рожать мужчины – вспомни ребро Адама и Еву. Чем Тебе не понравилось это и ты взвалил такой труд на женщин? Зоя, 4 кл.

Ты не знаешь, помирятся ли мои родители? Катя, 2 кл.

Тебе хорошо там? Артем, 1 кл.

Почему нищие просят милостыню около церкви? Чтоб Ты отмечал, кто дает? Ира, 2 кл.

Боженька, а душу Ты мне вложил мою или чью-то? Стасик, 2 кл.

Значит, если я правильно понял эволюцию, Ты создал Адама и Еву, а дальнейший человек произошел от обезьяны? Сергей, 3 кл.

А к другим планетам у Тебя нет раздражения? Андрей, 2 кл.

Зачем человека растили годами, а потом бац – и он уже мертв? Вася, 2 кл.

Как Ты на небе живешь? Все ли у Тебя есть? Может, что надо? Зина, 3 кл.

А я есть на самом деле? Люба, 3 кл.

Почему уже во втором классе многие мальчишки такие же-нолюбцы? Надя, 2 кл.

Вот этот мир кончится и начнется другой? Гарик, 3 кл.

Ты что, воздуха невидимее? Рита, 2 кл.

Как Ты думаешь, будет у нас нормальный мир или нет? Света, 3 кл.

Ты можешь мне дать удачу и надувную лодку? Арвид, 3 кл.

Скажи по секрету, любит меня кто-нибудь? Анзор, 3 кл.

А как Ты отличаешь женскую душу от мужской? По письмам? Вова, 3 кл.

Правда ли, что в Греции были настоящие мифы? Владик, 3 кл.

Что Тебе сделал мой папа, что ему так не везет? Вита, 3 кл.

А как Ты стал всемогущим? Ира, 1 кл.

Почему меня так и тянет вытворять что-то плохое? Это Ты меня

испытываешь? Паша, 3 кл.

Дай мне палочку-выручалочку, и я от Тебя отстану. Гарик, 2 кл.

Чего мне не хватает, чтоб Ты гордился мной? Алеша, 4 кл.

Ну, а теперь Ты бы создал во второй раз человека? Олег, 3 кл.

Мама сказала, что я во сне плакал. Ты не помнишь, о чем мы с Тобой

говорили? Игорь, 3 кл.

Я сильно позорю Тебя? Вова, 4 кл.

Я без вредных привычек. Что мне светит? Роберт, 4 кл.

У детей должен быть свой Бог. Славный, добрый Богинёнок. Саша, 3 кл.

Я плохой, но пусть бросит в меня камень, кто хороший. Только, чур, Ты не швыряйся! Вячеслав, 3 кл.

Развод – это похороны семьи. Оля, 4 кл.

Старики – это усталые дети. Андрон, 4 кл.

Если бы Ты знал, как меня взрослые затаскали по будням. Лелик, 3 кл.

Каждое утро я хороню вчерашний день. Ведь он ушел от меня навсегда. Аркадий, 3 кл.

Господи, давай дружить? Федя, 1 кл.

Вот такие «звоночки» от детей Богу. После них и сказать не-че-го.

«Улыбайтесь, взрослые, над мыслями детей, вздрагивайте, плачьте. И если это случится, значит, есть у вас душа». Это из предисловия к книге.

Долго жить – вкусно жить

Практически нет человека, который бы не слышал о существовании геронтологии, науки о старости. Куда меньше знают о ювенологии – она изучает человека примерно в том же формате проблемы, но занимается вопросами активного долголетия, продления молодости до самых последних лет жизни, омоложения всего организма и предупреждения старения.

Многие тысячелетия человечество накапливало опыт и знания в этом вопросе. Как дожить до глубокой старости? А ещё более важно – не превратиться при этом в развалину или овощ, сохранить физическую форму, здоровый мозг, ясный ум. Что для этого нужно делать, в каком темпе жить, как вести себя, что есть и пить? Этим вопросом задаются не только люди, приближающиеся к преклонному возрасту, но и совсем молодые. Всем хочется жить долго и здорово.

Сколько сотен теорий о продлении жизни выдвигается учёными и медиками, сколько попыток научить людей жить дольше и качественнее! Но ни одна из них не даёт полного, единственно верного ответа. Множество рекомендаций и советов размещается как в научной, так и в популярной литературе – без них не обходится ни один журнал или газета, даже самые далёкие от вопросов физиологии. От разброса советов голова у народа идет кругом. Мясо необходимо человеку – нет, оно вредно! Молоко полезно – да нет же, нельзя его пить. Заниматься спортом полезно – ни-ни, излишняя физическая активность наносит вред. Пейте бокал вина и рюмочку водки для сосудов – нет, ни капли спиртного!

Многие стали не просто страстными фанатиками, но и приобрели на ниве следования якобы здоровому образу жизни, мягко говоря, странности и новые фобии. Люди мечутся от теории к теории: переходят только на животные жиры с ещё вчера восхваляемых растительных масел, с мяса – на вегетарианство, с трезвости – к питию. К сожалению, часто вчерашние убедительные рекомендации учёных и врачей вдруг сегодня оказываются не просто бесполезными, а даже вредными. Давно бы нам всем поумнеть и понять, что нами манипулируют, нас вводят в заблуждение, что мы жертвы пищевых, фармакологических и иных промышленных корпораций, недобросовестной рекламы.

И всё же, как продлить свою жизнь?

Срок нашей жизни заложен только на 10 процентов генетически – этот вывод сделан по наблюдениям близнецов, а остальные 90 процентов факторов определены образом жизни. Это – физическая активность, употребление «правильных» продуктов, отказ от курения и алкоголя (по другим сведениям – умеренность в употреблении алкоголя увеличивает продолжительность жизни). Кстати, а как тогда быть с примером великого политика сэра Уинстона Черчилля, лауреата Нобелевской премии, мудреца, остряка и большого любителя поесть, выкурить сигару и выпить коньяку (кстати, говорят, ежедневно – по бутылке крепкого, пятидесятиградусного). В 89 лет – за год до кончины – он раскрыл секрет своего долголетия: «Никогда не опаздывайте к обеду, курите гаванские сигары и пейте армянский коньяк».

Большинство известных рекомендаций учёных, физиологов и медиков направлено на физическое совершенствование нашего организма, что очень важно – кто бы спорил? Но, может быть, стоит посмотреть на проблему долголетия под иным углом зрения? Религиозный, мистический, духовный опыт абсолютно всех народов утверждает: главный, а возможно, и единственный секрет долголетия заключается в постоянном духовном и физическом самосовершенствовании, где первая, духовная, составляющая играет ключевую роль. То есть следует стремиться не только к чистоте тела, его тренированности, подпитке полезными продуктами, витаминами и т.д., но и к чистоте души. А её-то и загрязняют гордыня, злость, ненависть, зависть, обида и так далее.

Правильность этого подхода подтверждают и долгожители. Приглядитесь к своим родным, близким, соседям, знакомым, перешагнувшим солидный возраст. И в 75, и в 80, и в 90 многие из них сохранили острый ум, память, которой могут позавидовать молодые, интерес к жизни, понимание людей. Мне мой родственник (ему вскоре исполнится 96 лет) говорит так: «Чтобы долго жить – надо вкусно жить». Под этим подразумевается – не набивать пузырку вкусными вещами, а просто не терять вкус к интересной, созидательной и активной жизни.

На днях в деревне Бикасаз свое 100-летие отметила чудесный и мудрый человек – Заннателмава эби. К ней съехалось (говорят, и сегодня поток гостей и знакомых не уменьшается) уйма народа. Нарядная, чистенькая, в окружении любящих

родных – дочери, снохи, внуков и правнуков, она с врождённым достоинством принимала поздравления. Слушала, улыбалась, благодарила, отмечала: я вас узнала, вы меня с 90-летием поздравлять приезжали.

Заннателмава Миннехузовна Зиганшина – мать пятерых детей, бабушка 18 внуков и правнуков – редкого трудолюбия человек. Работала в колхозе и на фронт, поднимала хозяйство из разлуки, всегда была открыта для помощи, кто бы в ней ни нуждался. Она стремилась к достатку в семье, достигнутому только честным и потому очень тяжёлым трудом. На скамейках с пустыми разговорами никогда не просиживала. Огород на 40 соток, обязательно много скотины и много птицы, ранний подъём, постоянная работа по дому. И при этом – гостеприимный дом, выстроенный ею 50 лет назад: в нём всегда при появлении на пороге гостей и соседей заводит песню самовар, мгновенно собирается стол. Хлеб и тарелка супа для гостя, даже в ущерб своему голодному желудку – это было всегда свято, даже в очень тяжёлые годы.

Её родные говорят: Жаннат эби (так по-татарски, а не в русской транскрипции звучит имя бабушки) никогда не кричала в голос – ни от горя, ни от злости. Она могла быть мягкой и покладистой, жёсткой и несентиментальной. Она выживала сама, спасала своих родных и близких, помогала другим. Никогда и ни при каких обстоятельствах она не оскорбляла людей, хотя всегда чётко угадывала, ощущала чьё-то лицемерие, гнилое нутро. Терпение и терпимость всегда спасали её в этой жизни. В душе – при всей напряжённости и сложности окружающей жизни – она сохраняла спокойствие, оптимизм, веру.

У неё в сердце всегда был рай. Кстати, Жаннат – так и переводится – Рай.

И почему нас так не любят?!

Вместо эпиграфа:

«Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выраженью их лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... «Батюшки мои! не соврал ли я, не

смеются ли надо мною», – казалось, говорил этот уторопленный взгляд... Проходило мгновенье – и снова восстанавлилось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоуменьем. Да, я избегал русских...».

Иван Тургенев. «Ася», 1858 г.

Младшая дочь, любительница путешествий, попадает иногда за границы в некие интересные переплёты и сложности. По какой-то теории какой-то невероятности именно ей из всей туристической группы достаётся гостиничный номер, который уже занят или в котором прорывается водопроводная система. Вся группа расчехляет вещи в номерах, а она сидит у рецепшена и ждёт разруливания ситуации... Говорит, что особо не нервничает. Потому что выход всегда находится, и всегда в пользу клиента. Надо только с умом подбирать туроператора – надёжного и проверенного: «Солидная фирма всегда что-то придумает, и непременно – с бонусом».

Чаще всего бонус – это отель на звёздочку выше или отель, в котором мало туристов из России. Считается особой удачей размещение в скандинавском или американском корпусе. Одно только неудобство – на русском языке придётся говорить или шёпотом, или только в номере. Всё остальное время – на смеси английского, французского и испанского. Как-то в Тунисе забылись, и британские туристы возмутились: почему здесь русские, в договоре прописано, что их в данном отеле не заселяют. Ситуацию спасла находчивость администратора: «Это не Россия, это Украина». Так и прожили журналистки из Татарстана под личиной хохлушек.

Европейцы, британцы и американцы давно не хотят отдыхать рядом с нашим братом и часто одним из условий договора с турфирмой выставляют именно это требование. Да что говорить о них, если сами россияне предпочитают отдых подальше от соотечественников. Чем дальше те расселены – тем лучше! Как говорится, лучше «на разных континентах».

Так какой же он, наш среднестатистический россиянин за границей? Какими бываем мы на вожделенных заморских курортах, во всех смыслах слова купаясь в великолепном «не нашем» сервисе, оттягиваясь от забот, отдыхая и нежась?

«Наш брат» теряет голову у шведских столов. Блюда с тарелки валяются на ходу – столько (горками и горками) наложено на них. «На халява, сэр» тайком воруются в сумки продук-

ты в ресторане. Ладно бы булочка для ребёнка, а то масляное пирожное, жирные колбасы и фрукты внарезку – такая неаппетитная каша прячется рядом с пляжными тапками.

«Наш брат» ходит в майках врасстыжку, пьёт немерено, сбрасывает с лежаков чужие полотенца. «Эй, слышь, братан, аллэ...» – это его позывные.

«Наш брат» в обличье детей вечно капризничает, орёт, плюётся, мешает дышать всем.

«Наш брат» в обличье родителей орёт на детей (иногда и матом), даёт такие затрещины и пинки своим чадам, что европейские дамы падают в обморок или поспешно покидают это место (для них подобное рукоприкладство – подсудно!).

«Наш брат» любит заорать «Гитлер капут!!!» германским туристам, добавить кое-что оскорбительное жестом и гомерически, как Дракула, захохотать.

Впрочем, немцам давно пора осознать, что 22 июня, в день начала войны, им надо сидеть в Германии сиднем или, в крайнем случае, путешествовать в тех местах, где нет россиян. Потому что в этот день «наш брат» просто пышет невесть откуда появившимся национальным самосознанием и гордостью. Это дома, в России, он может избить старого солдата, всячески гнобить соседей-ветеранов войны, обманом отнять у них квартиры и т.д. ... А здесь он праведно «мстит паршивым фрицам». И «мстя» его страшна. В Турции, например, во время сплавления по реке наши пьяные туристы частенько дубасят и топят немецких туристов, а потом и друг друга колотят вёслами для профилактики.

Вот таков он «наш брат» – татарин, мордвин, мариец, чувашин, русский и т.д. Одним словом – наш брат из России.

И мы ещё после этого мучаемся от жуткой несправедливости человечества по отношению к нам и задаём направо и налево сакраментальный вопрос: «Ну почему нас так не любят за границей?!»...

Мы были рядом с курчавой Анджелой

Иногда кажется, что жизнь нескольких поколений наших соотечественников прошла на едином вдохе-выдохе, на одной первичной и важной идее-фикс: «Мир, мир и мир. И только бы не было войны». Наша страна – израненная, обескровленная Второй мировой войной, потерявшая миллионы своих граждан – имела особое, выстраданное право на мир. Мы ещё не родились, а беременные нами мамочки таскали на первомайской и ноябрьской демонстрациях плакаты «Мир. Нет – войне!». А потом уже мы маршировали с такими же транспарантами на таких же демонстрациях, высиживали и выстаивали в общей сложности десятки часов на школьных собраниях, классных часах, где главный клич был опять же «Миру – мир!». И, знаете, нас это не сильно напрягало.

Потому что мир – это свято.

Первая стипендия запомнилась тем, что сильно облегчилась от взноса в фонд мира – а ведь ещё предстояло жить целый месяц в чужом городе. Но мы быстро утешились благородством цели. Последующие периодические, а потому привычные вычеты из зарплаты в фонды, комитеты и какие-то акции мира хотя и раздражали, но особенно не злили, ведь мы верили, что так надо, что это поможет сохранить мир на земле.

«Только бы не было войны» – часто, особенно в периоды напряжённой обстановки в мире, хотя и за сотни тысяч километров от нас, мы вставали поутру и ложились спать именно с этим заклинанием-желанием. Многие из нас из года в год под бой курантов и вылетающую пробку шампанского автоматически загадывали одно и то же желание. Догадываетесь, какое? «Только бы не было войны!».

Потому что мир – это свято. Мир – это ...мир!

В «той» жизни, в том периоде, который позже назовут застойными временами, было немало лжи и фальши (хотя, скажите, а когда общество было свободно от этого?), но движение за мир, пусть маленькое, даже крохотное участие простых и незаметных людей в этом процессе делало жизнь более осмысленной и значимой.

Кстати, 25 октября – Международный день борьбы женщин за мир. С праздником, подруги и друзья, причём обоего пола – это наш с вами праздник. Признаюсь, не вспомнилась бы эта дата, если бы не прошедший недавно юбилей самой

яркой звезды из ливерпульской четвёрки – Джона Леннона. По этому случаю в эфире прошло много песен битлов, и вдруг одна как-то особенно ностальгически зацепила: «Angela». Ну, конечно же, – весь мир распевал её в 1972 году. По всему земному шару проходили демонстрации под лозунгом «Свободу Анджеле Дэвис!». Американская коммунистка, она, как официально звучало у нас, за свои прогрессивные взгляды была арестована по сфабрикованному против неё обвинению в соучастии в убийстве. Начиная с октября 1970-го два года интеллигенция, рабочие, солдаты, школьники СССР участвовали в митингах протеста «Руки прочь от Анджелы Дэвис!», писали письма в советский комитет мира, в американскую тюрьму – «Мы с тобой, Анджела!» (и куда интересно попадали наши петиции?).

Было так жаль её! Воспитанные на страданиях «Хижины дяди Тома», насыщенные о зверствах кукуклукклановцев, мы буквально проливали слёзы над её судьбой: может, пытаются её, морят голодом, как там она?

В один из моментов подобной дискуссии я вдруг услышала от одноклассника: «А она ничего, симпатичная чувиха». И тогда мы будто впервые увидели её: а ведь, действительно, красива – тонкое и страстное лицо, огромный нимб мелких «проволочных» кудряшек, грациозная фигура пантеры. Да, для мужчин страны Советов она была своего рода секс-символом эпохи...

Полное её имя – Анджела Ивонна Дэвис. Не правда ли, слышится что-то родное – почти Анжела Ивановна. Кстати, мы одновременно «освободились» – Анджелу выпустили из тюрьмы, а я закончила школу. Но это так, ассоциативно.

После освобождения Дэвис стала членом ЦК Компартии США, баллотировалась на пост вице-президента США. И к нам в Союз приезжала. Подруга моей подруги работала вожатой в Артеке, где Анджела встречалась с советскими детишками. А подруга моей подруги – получается – со своим как бы кумиром. Вот там-то, говорят, Дэвис и оконфузилась: попросила показать и другой лагерь, но только не детский, а для заключённых. И якобы даже уверенно сказала: мол, не сомневаюсь, что заключённым в СССР живётся намного лучше, чем заключённым в Америке. Наши функционеры и решили от греха подальше – куда ещё нос свой может сунуть эта правоза-

щитница – не приглашать её более. А потом в стране начался развал, американской компартии перестала поступать дотация из СССР, их партия, к тому же, поддержала ГКЧП, и Дэвис порвала с коммунистами и активно занялась борьбой за права женщин и заключённых.

Это потом уже мы узнали немало пикантного о ней – героине наших митингов, нашей чистой веры в неё и идеалы мира. Оказалось, что Дэвис тесно общалась с террористами из «Красных бригад» и в тюрьму села не за прогрессивные взгляды, а за то, что в зале суда из принадлежавшего ей оружия был застрелен судья и ранен обвинитель при освобождении её бой-френда-террориста. По закону страны как владелица оружия (а что – справедливый же, ребята, закон!) она стала соучастницей преступления.

После освобождения Дэвис сделала блестящую политическую карьеру. Следует отдать ей должное – она не повелась на то, что её имя стало брендом (портреты на футболках, брелках, тарелках и т.д.), она также не вернулась в уволивший её университет (а ей предлагали немалое – двойное жалованье). Сейчас Анджела Дэвис – профессор философии. Кстати, она официально призналась, что всю жизнь была лесбиянкой. Не думаю, что эта новость превратила в соляной столп её давних поклонников. По-моему, куда большее разочарование принесло изменение её имиджа: жгучая афроамериканка вдруг перекрасилась в рыжий цвет.

Множество политических мифов и легенд, в которые мы были вовлечены и в которые свято верили, по прошествии времени были развенчаны. Они оказались конъюнктурной выдумкой, откровенной ложью. История с освобождением Анджелы Дэвис – из той же серии. Но для многих советских людей разоблачённый миф с Анджелой отнюдь не стал большим огорчением и разочарованием. Почему? Да потому, что мы были искренни в своих чувствах: мир – это действительно свято. Да и эффектная негритянка с печальными и умными глазами нам нравилась. Ты всё равно молодчина, Анжела Ивановна!

...У Владимира Высоцкого есть даже такая песня: «Ну а потом, на закрытой, на даче, где, к сожалению, навязчивый сервис, я и в бреду всё смотрел передачи, всё заступался за Анджелу Дэвис».

О голодающих англичанах и влюблённом американце

После опубликования материала «Мы были рядом с курчавой Анджелой» мне позвонили коллеги из редакции Альметьевской газеты «Знамя труда»: «Помнишь акцию «Поможем голодающим горнякам Англии!» и Людмилу Жихареву? Напиши об этом!».

Ну как не помнить? Людмила Васильевна Жихарева была легендой Альметьевска. Долгие годы она, заведующая фильмотекой, была рабкором газеты «Знамя труда» – рабочим корреспондентом. И каким! Бесстрашно боролась с недостатками того (и только ли того?) времени – пьянством, приписками, использованием служебного транспорта в личных целях. И в этом не знала себе равных. Она клеймила, изобличала, называла по фамилии несуна, сунувшего в карман горсть гвоздей со стройки, пьяницу, хама из сферы обслуживания. Особенно доставалось от неё водителям, которые на служебном транспорте приезжали домой обедать или развозили детей по школам и детским садам. Номера их «КамАЗ»ов и «УАЗ»ов она аккуратно списывала, прячась за деревьями и кустарниками. А потом – жих!!! – и появлялась в газете разгромная статья Жихаревой (вот и каламбур родился!). Её уважали за обостренное чувство справедливости, смелость. А кто-то просто жалел: женщина одинокая – ни мужа, ни детей, живёт с престарелой мамой.

Как-то на свой юбилей она пригласила полредакции. Дружной колонной, зажав в руках подарки, мы пришли к ней домой – Асхат Салахов, Клара Васюхина-Замалетдинова, Дмитрий Матвеев, Анатолий Чернышев и другие. Людмила Васильевна щедро выставила на стол всё, что можно было приобрести тогда в скромном, а точнее нищем, общепите и торговле. Старенькая мама простодушно обмолвилась: несколько месяцев в диких очередях провиант собирали, здесь приобрели, там обменяли, тут исхитрились. В перерывах между романсами, которые юбилярша, кстати, исполняла великолепно, она отозвала меня, самую молодую журналистку, в коридор. «Сколько могут стоять эта вазочка и вот эти чашки?», – она показывала на наши подарки. Я потеряла дар речи. Но вскоре все прояснилось.

Как-то Людмила Васильевна напросилась к нам то ли на редакционное собрание, то ли на политинформацию (были в те годы такие мероприятия – с читкой международных и союзных новостей, с обсуждением нашей миролюбивой политики) и горячо выступила:

– Бастующие горняки Англии объявили голодовку. Всё прогрессивное сообщество обязано их поддержать. Недавно был мой юбилей. Я подсчитала: ваши подарки тянут на 15 рублей 67 копеек. Эту сумму я направляю голодающим горнякам Англии.

Мы не знали, что делать: плакать, смеяться, обидеться? Нужны ли горнякам эти денежки? Спасут ли самоотверженные жихаревские пожертвования далёких горняков от мифического – мы подозревали это! – голода? Уже и тогда нам было известно, что «несчастные» горняки живут лучше нас всех вместе взятых – сытнее, наряднее, благополучнее. Во всяком случае, не теряют, как мы, сознание в очередях за отовариванием продовольственных талонов...

Мы были сознательными гражданами: отчисляли часть зарплаты в фонд мира, собирали продукты и одежду для детей Камбоджи и народа Вьетнама, ставили подписи под письмами протеста против империалистической политики. И готовы были это делать и впредь. Тем не менее, после эскапады Людмилы Васильевны мы с особым страхом ждали, что она «опять что-нибудь выкинет», и не раз ещё. Например, объявит акцию, от участия в которой мы априори не сможем отказаться. Не потому, что это будет выглядеть аполитично. Просто нам будет совестно отсидеться в сторонке.

Поводов же для акций было предостаточно. В Америке голодал Хайдер, посадили в тюрьму борца за права индейцев Леонарда Пелтиера. Маялись без крыши над головой простые американцы типа Джозефа Маури. Много позже я решилась узнать изнаночную сторону тех политических кампаний и выяснить, были ли они правдой или же очередным мифом, которыми нас в те годы просто перекармливали. Впрочем, судите сами.

Возьмём доктора Хайдера. Американский астрофизик, бывший сотрудник НАСА в 1986 году решительно выступил против американской военщины, проведя у Белого дома 218-дневную голодовку. Он требовал от администрации Рейгана прекратить гонку вооружений и отказаться от исполь-

зования ядерного оружия. Наверняка, вспомнили? У нас в тот год новости в программе «Время» начинались с него. Его смелость потрясла Америку и весь мир. Горбачёв написал ему письмо, впрочем, ему писали целыми коллективами. Мы в газете «Знамя труда» давали подборку откликов альметьевцев на это голодание.

И что из этого было правдой? Практически ничего. Раскрутил кампанию корреспондент Гостелерадио в Вашингтоне Владимир Дунаев, а Хайдер не сидел на лужайке у Белого дома каждый день. Чтобы голодовка казалась непрерывной, Дунаев снимал в день сразу четыре-шесть сюжетов, просто меняя свои рубашки и галстуки. Худеть толстущему Хайдеру порекомендовали врачи, да он и не голодал: тайком жевал витамины и пил соки. Ежу понятно: 218 дней на одной воде не продержаться! Потом Хайдер пытался баллотироваться в президенты, но не набрал ни одного голоса. А чтобы снова привлечь внимание к себе, начал обвинять уже СССР в нарушении экологии. Понятно, что после этого у нас о нём мгновенно забыли...

А Джозеф Маури – человек в невиданной для нас бейсболке! В том же 1986 году в «Литературной газете» появилась статья Андронова о простом американце, который лишился работы и жилья. Генрих Боровик снял документальный фильм о нём. Маури пригласили в СССР, он ездил по нашим городам, собирая подписи под воззванием в защиту миллионов простых американцев, лишённых крова. В трудовых коллективах ему собирали денежку. Маури предложили остаться в СССР. Он не захотел. Как вскоре оказалось, Маури дурил всем головы. Он долгие годы работал экспедитором The New York Times, имел жильё. А вся правда выплыла уже в 2004 году: 72-летний Маури дал интервью журналу «Time». Оказалось, еще в 1964 году он, будучи туристом, познакомился в Сочи с советской девушкой, и влюбился. Узнав о романе, Маури выкинули из нашей страны, а потом методично ежегодно отказывали в визе. Через два десятилетия он и придумал историю со своим угнетением, как единственный шанс попасть в СССР. Он тогда отыскивал любимую: она неудачно вышла замуж, развелась, бедствовала, растолстела. С тех пор он ежегодно навещал любимую. Она умерла от рака в 1999 году. Но не умерла любовь: Маури каждый год ездил к ней на могилу, постоянно

останавливаясь у такого же пожилого и одинокого Андропова, который когда-то написал о нём сказку.

Вот что захотелось сегодня вспомнить. Честность и бескорыстную непримиримость Людмилы Жихаревой. И политические мифы, которые не всегда были циничными и скучными – наоборот, могли быть и добрыми, и романтическими.

Что может перевесить детскую жизнь?

Случилось это летом в начале 80-х. Большой командой после работы мы отправились на речку в пригород Альметьевска – смыть пыль и усталость знойного дня. Плавали, ели потрескавшиеся от жары помидоры. Рядом с нами расположилась компания – две пожилые четы, по всей видимости сваты, а также молодая парочка – их дети, и ребёнок. Это семейство мы как-то сразу заприметили – не потому, что они были очень оживлены и стопочку опрокидывали часто и в открытую (явление рядовое – до сухого закона середины 80-х оставалось добрых полдесятилетия!). Просто нас раздражил аромат, который шёл с их стороны: совершенно офигенно пахло копчёным мясом.

– Буржуи сальцо коптили на вишневых ветках, – потянув носом, определил кто-то из нашей компании.

Как писал поэт – «У советских – собственная гордость, на буржуев смотрим свысока». Мы даже посмеялись: сало в жару – фу, дурной, люмпеновский тон. Куда лучше сидеть в прохладной запруде. Что мы и делали с большим удовольствием. Вода кипела от барахтающихся тел. В какой-то момент я и заприметила среди них маленькую целлулоидную игрушку. Вначале подумала, что это уточка – такие игрушки были в каждом доме, ими развлекали детей во время купания в ванне. Только странно, – мелькнуло в голове – уточка розовая и что-то напоминает...

Да ведь это детская пяточка!

Друг на мой истошный крик отреагировал мгновенно, вытянув за пятку ... ребенка, который элементарно тонул. К счастью, малыш не успел захлебнуться, его вырвало водой, и он заплакал – почему-то очень тонко-пискливо, с протяжными всхлипами и икотой.

Вот так ребёнок – примерно трёхлетка – чуть не погиб из-за увлекшихся отдыхом родителей, бабушек и дедушек...

– Эй, вы, да у вас ребятёнок чуть не утонул!

– Где? Как?!

И тут бабки стали ругать кроху, а заодно и его родителей. Те отвечали соответственно. А мы, ошарашенные, – не каждый день доводится оказаться в такой трагичной ситуации, плюс ещё и вроде бы даже спасти кого-то – растерянно комментировали:

– ... не хило, да? – даже спасибо не сказали.

– ... они вообще-то поняли, что у них ребёнок чуть не утонул?

– ...могли бы, куркули, и рюмочку поднести...

– ...и прозрачный кусочек сала!

Прошли годы. Эта история забылась, растворилась во времени, в прошлом. Но вот приехал друг молодости. Он всегда помнил о том инциденте, и я даже знаю – почему. Он прожил во многом не вполне успешную, не очень счастливую, да что там говорить – просто непутёвую жизнь. Не стал тем, кем хотел, не нашёл то, что искал. И ещё десяток подобных «не». А ещё больше растерял хорошего – по легкомыслию, беспечности, бесхарактерности. И как-то так получается по всему, что жизнь-то он прожил впустую...

Ан нет! Тот его давний поступок на реке, мысль, что где-то растёт спасённый им ребёнок, стали для него своеобразным оправданием: «Всё-таки и я пригодился, жизнь ребёнка – это... В общем, это жизнь ребёнка!!!»

...Об Ирине (Ирэне) Сендлер я узнала случайно, когда заглянула на сервер современной литературы «Самиздат». Во время Второй мировой войны она спасла 2 500 детей! На ее смерть (она умерла на 98-м году жизни) откликнулись все ведущие мировые газеты – «Таймс», «Нью Йорк Таймс», все электронные СМИ. Я потом спрашивала у своих коллег, знакомых – слышали ли они что-либо о подвиге Сендлер?

– Нет, никогда!

– 2 500 детей?!

– А кто она такая?

По одним источникам, она – полька, по другим – немка. Ирина Сендлер работала в Варшавском гетто, где спасла больше евреев, чем всемирно известный Оскар Шиндлер.

Она рассчитала: чтобы спасти одного ребёнка, требуется 12 человек вне гетто, работающих в условиях полной конспирации: водителей транспортных средств, священников, выдававших поддельные свидетельства о крещении, служащих, достававших продовольственные карточки, семей прихожан, которые могли бы приютить беглецов. И она собрала эту команду – отважных и честных, а главное – добрых и жалостливых людей, которые не могли спокойно смотреть на то, как в печи и крематории фашисты отправляют малышей.

Они совершили беспримерный подвиг – за помощь евреям немедленно расстреливали. 2 500 раз она и её товарищи рисковали жизнью. Детей удавалось тайком вывозить в грузовиках или трамваях, в ящиках с инструментами, в мешках с бельём, провести тайными проходами от зданий, окружавших гетто. Операции были рассчитаны по секундам. Вот смена караула, и надо, чтобы взрослый пронёс ребенка именно в эту минуту. Спрятался вместе с ним в колодце. Переждал там ещё определённое время. В этот момент за другим углом на полминуты должна притормозить машина. И так далее...

Напряжение – страшнейшее. Младенцам вводили лекарства, чтобы они не плакали. Водитель медицинского фургона научил свою собаку громко лаять на контрольном пункте, чтобы заглушить плач малышей, которых прятали под дном машины.

А потом детям давали новые имена и размещали в монастырях, в новых семьях, приютах и больницах. Более того, Ирина Сендлер (безумству храбрых поем мы песню!) с огромным риском хранила компромат на себя – записи о происхождении детей. Она не уничтожала эти опаснейшие записи, чтобы оставить малышам возможность впоследствии отыскать родные семьи.

Нацисты арестовали её, пытали, сломали руки и ноги. Под пытками она ничего и никого не раскрыла, и её приговорили к расстрелу. Благодаря взятке Ирина Сендлер избежала казни, хотя её имя внесли в список казнённых. До конца войны она прожила под вымышленным именем. Нелегко пришлось и после победы. В послевоенной Польше ей также угрожал смертный приговор за то, что её работа во время войны финансировалась польским правительством в изгнании. В 1948 г., когда она была на последнем месяце беременности, допросы в тайной полиции стоили жизни её второму ребёнку. Она

долгие годы была «невыездной», её детям не разрешали поступать на дневное отделение университета.

«Какие грехи Вы приняли на Вашу совесть, мама?» – спрашивала её дочь. Только в 1983 г. польские власти сняли с неё запрет на выезд. В 2003 г. она получила самую высшую награду Польши – орден Белого Орла. В 2007 г. Сендлер была выдвинута Польшей на Нобелевскую премию мира. Но её обошли – премию присудили Альберту Гору из команды Клинтона за его слайд-шоу о мировом потеплении.

В нашем мире случается и такое – конъюнктурный фильм перевесил 2500 спасённых детских жизней...

И ещё. В Интернете, на каком-то блоге, читала обсуждение биографии Ирины Сендлер. Кто-то с усердием, достойным лучшего применения, подсчитывал, сколько на самом деле детей могла спасти эта женщина. Меня потряс циничный вывод: мол, не могла Сендлер спасти 2 500 детей – «наверняка, всего-то сотню – другую младенцев». Вот это «всего-то» и покорило. Невольно в очередной раз вспомнишь затасканную, затёртую фразу классика о том, что если ради великой цели прольётся хоть одна слеза ребёнка, то цель эта не стоит и ломаного гроша. Не всё ладно в нашем мировом королевстве, когда так легко мы кидаем на оценочные весы сотни душ.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Рушания Садыкова, логопед: *«Огромное спасибо, что рассказали об Ирине Сендлер. Это героиня мирового уровня, и как жаль, что до её смерти об этом не знали люди.»*

Моя мама могла бы дополнить ваш материал своим примером. Во время войны мать (моя бабушка) повезла её к родственникам в Среднюю Азию откормиться: Ташкент – город хлебный. Бабушка вышла за водой и отстала от поезда. Маму, ей было 5 лет и она всё помнит, взяли под защиту ехавшие в вагоне цыганки. Потому что красивую девочку хотели снять с поезда хорошо одетые парни с золотыми фиксами, а цыгане закинули её, как тряпичную куклу, в кучу детей, загородили и подняли крик. Парни даже с ножом к цыганкам подошли, но тут мимо проходил патруль, и они отступили.

Бабушка догнала поезд только через сутки, чуть не поседев от страха, что навсегда потеряла дочь. Она была без-

мерно благодарна цыганкам. Я в детстве часто слышала эту историю о том, что мою маму чуть не украли бандиты – считалось, что они использовали бы её для сбора милостыни... Свет не без добрых людей, на защиту ребёнка не побоялись встать цыганки. Мои подруги в детстве всегда боялись горланящих цыган, которые толпами ходили по нашему рынку и вокзалу, а я – нет».

Юля, 18 лет: «Я плакала, читая, как Ирина Сендлер спасала детей. Она ведь так рисковала!!! Я постоянно спрашивала себя – а я бы так смогла?! Это же страшно – ведь при неудаче тебя схватят фашисты, будут пытаться, издеваться, а потом бросят в печь концлагеря. Мне захотелось больше узнать об этой удивительной, замечательной женщине. Зашла в сети. Увидела её портрет – улыбочное, сияющее, всё в добрых морщинах лицо. Столько людей восхищаются её подвигом. Но меня возмутило, что в грубых выражениях, без уважения к человеку, причём подсчитывали, сколько в среднем весит ребёнок, чтобы он мог поместиться в ящике с инструментами. И их вывод: неправда, не может быть!»

Мне обидно за таких людей, за их жестокость».

И старым пальтишком можно обогреть мир

Страна до сих пор обсуждает бабу Лену. Кто-то – за царский подарок, который она получила от президента и премьер-министра России. Кто-то – за её тихую доброту, которая, тем не менее, прогремела на всю Россию.

Старая бабушка Елена Голубева во время трагедии с «Невским экспрессом» – чем могла, всем, чем владела, – помогала пострадавшим. Напомним, крушение «Невского экспресса» произошло 27 ноября. В результате 27 человек погибли, более 90 получили ранения. Согласно основной версии правоохранительных органов, причиной катастрофы стал теракт.

Домик Елены Михайловны Голубевой стоял метрах в 70 от места подрыва поезда. И первых раненых стали заносить к ней. Бабушка отдала им свои одеяла, тёплые вещи, простыни пустила на бинты и салфетки для перевязок. Говорят, дом был в крови раненых и умирающих. Старая хибара не могла вместить всех, ночь была холодной, и бабушка отдала дрова, чтобы пассажиры разожгли на улице костры и грелись возле

них. А когда не хватило дров, бабушка Елена сказала: «Ломай-те забор».

Новый дом – с удобствами, с мебелью – вместо пострадавшей стационарной казармы возвели бабушке по решению правительства. Кроме того, глава Российских железных дорог наградил её знаком «Почётный железнодорожник», выделил от компании пожизненную прибавку к пенсии.

Новый 2010-й год бабушка Елена Голубева встретила в новом доме. Об этом рассказывалось в теленовостях, потом это обсуждали в народных «клубах» – в транспорте, очередях, дружеских компаниях. Довелось услышать разные мнения по этому поводу. В том числе и такое. Энергичная, красивая и статная женщина безапелляционно рубила: говорила, что любят у нас возносить людей, незаслуженно прославлять кого ни попадя, в герои возводят «из грязи да в князи». Ну отдала бабушка одеяла, и что теперь? А уж какой шум устроили – построили дом меньше чем за месяц, аж из другой области привезли, утеплили, подвели небывалые для тех мест коммуникации – автономные канализацию и водоснабжение, супер-пупер топочный котёл. И баньку во дворе срубили моментально... Понятно, что под козырёк взяли, потому что Путин вмешался. В усердии знаком наградили: смешно даже – «почётный железнодорожник»...

Право на любое мнение имеет каждый человек, но было в том, как припечатывает слова эта мадам, в ее дергании головой что-то особенно неприятное. Это уж не просто неприязнь, а злость, явно взращённая на зависти.

Сразу подумалось: а как бы, интересно, повела она себя в той ноябрьской ночи? А как бы прожили ту страшную ситуацию мы? Смогли бы, несмотря на взрыв, темень и огонь, открыть дверь, впустить обезумевших окровавленных людей, отдать им безвозвратно одежду, постели, покрывала – всё, что было нажито за 78 лет и что уже не купишь на копеечную пенсию. Не думать в тот миг о себе, не горевать о себе (дом повреждён, где жить доведётся?), а спасать людей.

Теперь бабушку, словно тунядку, попрекают якобы незаслуженным почётным знаком. А она, между прочим, 40 лет оттрубила в железнодорожном ведомстве. И не её вина, а её беда, что за свой труд заслужила она лишь скромные метры в казарме. И не её вина и даже не её беда, что по всей стране

помпезно раструбили о щедром даре российской железнодорожной компании.

Но поступок бабушки Лены искренне восхитил и удивил миллионы людей. Да, именно так, – удивил. Возможно потому, что наша повседневность бедна искренним проявлением отзывчивости, доброты, простого участия друг к другу. И так встречается простодушное бескорыстие, которое в пору назвать героизмом души.

...И снова вспоминается она – сухонькая старушка, отдающая дрова – всё, до последнего полена, не думая, как будет согреваться завтра (где и на что купить дрова, как их расколоть), рвущая на бинты свои простыни.

Простыни, порванные на бинты... Выражение это неожиданно зацепило меня, всколыхнуло память... 90-е годы. Маршрутный автобус Альметьевск – Казань. Нас останавливают на полпути, вносят и укладывают в проходе тяжело пострадавшего в автомобильной катастрофе. В ногах усаживается его, тоже раненный, товарищ. Гаишники командуют: немедленно трогайтесь, карета скорой помощи из Казани уже выехала навстречу.

Время дорого – это жизнь. Впервые вижу в такой близости умирающего человека, в его глазных впадинах плещется чёрная кровь. Моей соседке становится плохо, и к ней тянутся руки с лекарством. Другая женщина умоляет остановить автобус – ей дурно. Не могу, кричит водитель автобуса, ну да ладно, я открою на минуту дверь – подыши, только не сорвись. Женщину крепко обхватывают другие пассажиры, и она на ходу, при открытой двери дышит часто и жадно.

Боже, как стонет раненый! «Как помочь тебе, улым, сынок»? – стоном на стон спрашивает голос сзади. И словно шлюз прорывается. Из рук в руки поспешно передают какие-то лекарства, термос с питьём. Всё это не нужно раненым, но это малое участие, стремление хоть как-то помочь. Помню, как мне передали жуткий дефицит для того времени – новую простыню, хрустящий на изломе лён, видимо, кто-то вёз подарок и не пожалел, отдал. Держу я простыню и в ступоре думаю: резать её на полосы для перевязки или же просто прикрыть раненого. К счастью, подоспела скорая помощь.

Я и сегодня физически ощущаю атмосферу автобуса – страх, переживание, наше огромное желание помочь, облег-

чить страдание. Ведь ту боль, которую переносил тот мужчина, – до слёз, до лихорадки, до озноба ощутили тогда и мы.

... В жизненных перипетиях, на трагедийных перекрёстках, в беде-несчастье, в миру и пиру пусть своевременно и спасительно окажутся рядом с нами, с нашими близкими и детьми такие Елены Голубевы – добросердечные бабушки в старых пальтишках, которыми можно укрыть и обогреть целый мир.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Лениза Исхакова, г. Лениногорск: *«На таких женщинах держится мир. Скромные и тихие люди, как бабушка Лена – нравственный стержень нашего общества. Низкий им поклон!».*

Полина Ивановна Гордеева, педагог-ветеран, учитель младших классов, г. Альметьевск: *«Статья навеяла на меня воспоминания. В старом школьном учебнике по русской литературе был такой рассказ. Шла война. На краю деревни, у самого моста жила женщина с сыном. Уходя, фашисты разрушили мост. Когда подошли наши войска, они не могли переправиться на другой берег. И тогда женщина сказала нашим солдатам:*

– Сынки, разбирайте мой дом, ремонтируйте мост.

– А как же вы?

– А мы как-нибудь у соседей проживём.

Дом раскатали, мост отремонтировали. Враг, который не ожидал столь быстрой переправы советских войск, был разбит. Женщина же до окончания войны вместе с сыном жила по соседям. А потом вернулись с войны фронтовики и всем миром колхоз отстроил для неё дом.

Вот такой рассказ о тихом героизме, о самоотверженности человека. Жаль, что в нынешних учебниках не встретишь хороших рассказов об этом, равно как и о доброте и отзывчивости».

Николай, временно проживающий в п. Нижняя Мактама: *«Николай – так по-русски меня теперь называют. Мы – приезжие, гастарбайтеры. Но так называют в Москве, по телевизору, в газетах. В Татарстане и в городах по Волге – люди простые, такого слова будто и не знают. Про нас говорят: приезжие, беженцы, хотя иногда и обзывают не очень культурно. Но самое главное – отношение людей к*

нам и нашим детям. Моя семья скиталась по району, только в Альметьевске мы жили и в пригороде, и в Техснабе, и в других местах. Нам часто помогали люди. Находили заказы, шабашку. Помню, мы только-только сняли старый домик, только заехали. И вот самые первые к нам зашли с пирошками баба Лена (совсем как в вашем рассказе) и Малика ханум с сестрой.

И другие нам заносили одежду для детей или оставляли у ворот. Соседи первый год давали картошку, свёклу и варенье. Потом мы вскопали огород, а семена опять же дали соседи. Ещё заносили лекарства, когда заболел старший сын.

Мы живём все дружно. Моя жена научила соседок печь лепёшки, делать соленья. Они у нас жгучие, с чесноком и перцем. Мы их делаем в огромном чане. Не жалко – даём всем, кто попросит. Соседки научили жену печь по-местному пироги. Уже два раза нас приглашали на свадьбы, на одной попросили уважение оказать – приготовить настоящий шашлык. Потом вся свадьба подходила и благодарила, было очень приятно. Наша семья благодарна людям. Нам очень помогли».

Гулия Давлетшина, экономист: «Спасибо за тему! Она бесконечная. Когда читаешь в газетах о таких поступках, радуешься за окружающих, восторгаешься поступками, думаешь: а чем я могу быть полезен другим? О добре много говорят, но не всегда его творят».

Оглянуться – чтобы вспомнить

Добрый день (или добрый вечер)! А может, утро? Обозначить трудно. Идут многодневные каникулы, и для многих из нас дни, непривычно лишённые рабочей спешки, слились в одну сплошную череду.

Встретили Новый год. Бой курантов, если верить сказке, карету превратил в тыкву, а возникшего – в премерзкую крысу. Трескучие китайские фейерверки тоже отгремели, салюты во дворах изрядно поугадили всех собак в ближнем окружении. Мы выспались, вот уже и на работу сбегаете на полдня, как на кратковременный отдых – всё-таки многим надоел многодневный марафон за столом с грудой вкусных вещей, или перед телевизором, или с то и дело возникающими на пороге

гостями («а это мы, шли мимо, вы нас не ждали?»). Часть населения залечивает печень, получившую ударную дозу спиртного и майонеза.

И что это всё значит? Это значит, что самое время подвести итоги ушедшего года, а лучше, коли так пришлось и сложилось, то всего первого десятилетия XXI века.

Ах, с какими надеждами мы входили в новое тысячелетие, в миллениум... Мы ведь тогда пережили 90-е годы, которые, по общему определению, стали самым сложным десятилетием для России за весь послевоенный период. Распад Советского Союза, коренные изменения в общественно-политической жизни и так далее, и тому подобное.

Нынешнее же десятилетие теперь противопоставляют «лихим 90-м» как время укрепления государства, как время изобилия и относительного благополучия (всемирный кризис не в счёт). И подавляющее большинство с этим согласится. Особо не влезая в политику, учитывая специфику нашего издания, всё-таки давайте вспомним, каким было последнее десятилетие. В перечислении, но не через запятую, а через точку. Чтобы на мгновение задуматься над каждым фактом.

Вторая чеченская война.

Многочисленные теракты.

В Баренцевом море потерпела катастрофу атомная подводная лодка «Курск». Как же мы все переживали за подводников! А фраза-комментарий ответственных лиц: моряки живы, мы слышим, как они стучат, подают знак... отзывалась в нас болью, страданием.

Останкинская телебашня сгорела.

В Европе (кажется, в Нидерландах?) впервые в мире заключили однополые браки.

Крупнейшая террористическая атака на Всемирный Торговый центр в Соединённых Штатах Америки 11 сентября. До сих пор помню, как запинаясь на экране страшно растерявшаяся дикторша (всё идёт в прямом эфире), она читает прямо с монитора компьютера экстренное сообщение. Оно только одно, сообщение повторяется. И она его зачитывает и зачитывает, и не знает, как его комментировать. Весь мир растерян, не знает, что произошло. Потом дикторшу сменяет Сергей Брилёв – он ловит сообщения иностранных агентств и тут же, на ходу, переводит. И мы прощаем ему затыжные междометья, мы все ду-

маем: это третья мировая война? С этого времени терроризм объявлен главным врагом человечества.

В мир пришло ЕВРО – банкнота и монета. Даёшь объединение Европы! Да нет, не всё так просто в мире...

Нотр-Дам – это не великолепная музыка и слова, это даже не Квазимодо. Теперь в нашем восприятии, в нашем мире это страшный террористический акт на Дубровке. Это освобождение заложников, которое оставило столько вопросов и такое недоумение, и такую боль... Погибло 130 человек.

Вторжение в Ирак войск международной коалиции во главе с США с целью свержения режима Саддама Хусейна. Ничего, относящегося к ядерному оружию, которое пытались найти там американцы, не было обнаружено. Кстати, именно на территории Ирака (а мне довелось побывать там дважды) когда-то располагался (доказано учёными, географами) Эдем – Рай. И где теперь тот рай?

Северная Осетия. Беслан, захват боевиками здания школы. Погибло много детей, их учителей и родителей. Не могу вписать точное количество – нет никаких сил искать факты, снова бередить в себе те воспоминания. До сих пор в горле комок. К школе в Беслане и сегодня родители приносят бутылки с питьевой водой – детей мучили ещё и жаждой, прежде чем убить...

Парад на Красной площади 9 мая 2005 года в честь 60-й годовщины Дня Победы. Праздник отмечала вся страна. Низкий вам поклон, наши ветераны и старики! Вечная память тем, кто воевал, кто своим тяжким трудом приближал Победу, кто отстрадал в ту войну.

В Ватикане скончался папа римский Иоанн Павел II.

Скончался патриарх Московский и Всея Руси Алексий II.

Выросло число аномальных явлений, катаклизмов. И вообще, – ау, кто знает? – что в реале всё-таки нам грозит: глобальное потепление, которым нас пугали все годы, или же глобальное похолодание, о чём громко заговорили в последнее время?

Движения скинхедов.

Первый гей-парад.

Нашествие гламура. Дранные джинсы с золотым надгробием от D&G, рюшечки, леопардовый окрас в одежде, белье, мебели. На подиум начали возвращать модели с нормаль-

ными фигурами, а кое-где даже отказались от излишне худых манекенщиц-«вешалок».

Российские хоккеисты завоевали золото Чемпионата мира по хоккею с шайбой в Канаде. А наш «Ак Барс» дважды завоевал Кубок Гагарина Континентальной Хоккейной Лиги.

От прорыва в информационных технологиях дух захватывает. Весь мир ждал и дождался дня начала продажи iPhone 3G.

Родители потеряли покой и сон. Введён Единый госэкзамен.

А ещё мы получили право провести Всемирную Универсиаду в 2013 году в Казани и зимнюю Олимпиаду 2014 года в Сочи.

Катастрофы как-то больше запоминаются, но в жизни страны и каждого из нас произошли и хорошие события. Рискну написать: позади остались кровопролитные войны в Косово и Чечне...

Оглянемся на это десятилетие, вспомним события. Найдём им объяснение, поймём их подоплёку или отвергнем? Всплакнём или засмеемся? Отмахнёмся от всего или же сделаем выводы?

...Отпустим минувшее десятилетие и продолжим жить!

У китайцев есть проклятие: «Чтоб тебе жить в историческое время!». Пожелаем друг другу мира и гармонии во всём.

Остановись мгновение, ты так страшно!

Люблю разглядывать фотографии. Особенно старые, архивные, когда выискиваешь не знакомые лица, заранее зная, что их там быть не может, а знаковые элементы минувшего времени – какие-то детали интерьера, одежды... А ещё люблю разглядывать снимки мастеров в специализированных журналах и на выставках. Особенно чёрно-белые, когда не отвлекаешься на цвет. На красочность, на красоту, а видишь всё в контрасте чёрного и белого.

Остановись, мгновение! – это фабула, это смысл, это цель фотографии. Помните, в «Фаусте» у Гёте – «Остановись, мгновение, ты прекрасно!».

Всегда интересуюсь итогами фотоконкурса World Press Photo. Это на сегодняшний день, а точнее вот уже на протяжении долгих 53–54 лет – самый крупный и престижный между-

народный конкурс фотожурналистов. В нём принимают участие тысячи фотографов из более чем 120 стран мира. Потом фотографии победителей собираются в выставку, которая объезжает крупные города мира.

Только что завершился World Press Photo-2009. Весь мир может увидеть фотографии, победившие в различных номинациях. Они иллюстрируют, как планета прожила этот год. Разглядываю эти 23 снимка, читаю поясняющие подписи. В основном – везде война, дым и взрывы на снимках.

Вот афганская женщина бежит с места взрыва в отеле в Кабуле. Там погибли люди. Женщина в крови, лицо – отстранённое, застывшее, безумное.

Другой снимок – палестинские граждане и медики бегут в укрытие во время обстрела Израилем школы ООН в Бейт Лахиа, северный Сектор Газа. В результате обстрела погибли женщина и ребёнок. Школа оказалась в эпицентре конфликта между Израилем и Палестиной.

А вот комната дома в Туффахе, Северная Газа. Свет проникает в дыру, оставленную танковым снарядом. Пояснение к снимку: 39-летний Мохаммед Шухада Али Ахмед и его семья успели выбежать из дома, но когда он вернулся в дом за вещами детей, то погиб в результате ещё одного обстрела. Наверно, думаю я, – он не думал, что найдёт здесь смерть, ведь, как говорится, в одну воронку снаряд дважды не падает. А может, боялся, не хотел возвращаться, но детишкам нужны были одеяльца, одежда...

А вот – снимок о наркомании в Гвинее-Бисау. Здесь наркомании, в отличие от других стран, не было аж до 2007 года, пока наркоторговцы не нацелились на страну. С тех пор сотни людей, живущих в трущобах Бисау, стали наркоманами. Они платят за ненасытное стремление Европы к кокаину...

А вот мать обнимает своего сына. Парень виден со спины – у него практически осталось полголовы. Пояснение – сержант Хосе Пекуено пострадал от разрыва гранаты в марте 2006 года. Пекуено был самым молодым шефом полиции в штате Нью-Хэмпшир. Он вступил в Национальную гвардию, где требовались добровольцы. Они охраняли иракский полицейский участок. Пекуено вызывал по рации базу, когда граната попала в его бронетранспортёр. Водитель умер на месте. Когда товарищи нашли Хосе, нижняя часть его тела была всё ещё в

машине, но осколок гранаты попал под шлем, и левая часть его мозга лежала на песке возле машины. Я вглядываюсь в лицо матери – она страдает за сына. Но он жив! Кому нужны эти проклятые войны?!

А вот снимок с торжеств. Автомобиль въехал в зрителей на параде в Апелдурне, Нидерланды. В результате попытки покушения на голландскую королеву Беатрис и её семью погибло пять человек. Королевская семья не пострадала.

И даже самый весёлый снимок с претензией на юмор опять-таки взят из войны. Солдаты приняли оборонительные позиции на оперативной базе Рестрепо, которую обстреливают боевики Талибана в долине Коренгал провинции Кунар. Солдат Захери Бойд даже не успел надеть штаны, выбежав из палатки, чтобы присоединиться к своим товарищам. Отстреливается в труселях в весёлый цветочек.

А вот снимок, занявший первое место в категории «Современные истории». Этот жираф умер в результате засухи в Ваджре. В Кении не было дождя несколько лет. Урожай и животные погибают, а люди слабеют. Отсутствие ресурсов в Кении и соседних странах разжигает внутриплеменные конфликты – группы дерутся за пастбища и воду. Распространение оружия лишь усугубляет ситуацию.

Вот такой осадок от просмотра. Это не гламур из фотошопа. Это истинная жизнь нашей планеты. Конечно, можно отгородиться и не смотреть, и не принимать во внимание. Но это – реальная история реальных людей.

Среди моих коллег есть человек, который не пропускает фотовыставку World Press Photo. Он смотрел ее в Харькове, отслеживает в Москве. Говорит, что увиденное там влияет на видение им мира, отношение к социуму. Как именно – не рассказывает, такой уж он сдержанный человек. А ещё он говорит, что интересно наблюдать за родом человеческим – за зрителями на этой выставке: кто-то у снимков застывает, кто-то плачет, а кто-то пишет потом главное впечатление от выставки: мол, отличный фуршет был на открытии, вино не заканчивалось и через 3 часа после официального открытия выставки.

Вот такая печаль и безысходность – в каждом победившем снимке. А было что-нибудь повеселее? – поинтересуетесь вы. Было. Исключением в конкурсе стали две победившие фото-

графии с изображением птиц в категории «Природа»: охотящийся зимородок из Венгрии и дымчатый альбатрос из Антарктики с осмысленным человеческим взглядом. Птица повернулась к нам и словно бы строго и печально вопрошает: что творите, люди, такую вашу мать?

Нас ещё предупреждают, или уже наказывают?

В последние дни наше внимание было приковано к Японии. Землетрясение, цунами, угроза ядерного взрыва на АЭС, тысячи погибших и пропавших без вести, исчезнувшие населённые пункты...

Первая мысль при просмотре видеоклипов, что это страшнее любых, самых фантастичных кадров фильмов-ужасов и фильмов-катастроф, а может, это и есть начало конца, о котором повсюду и все упоминают ...

Сколько всего – в плане природных катаклизмов – мы «прошли» за последние только годы: цунами в Азии, сильнейшие ливни в Пакистане – и то, и другое буквально смыло с лица земли целые деревни и города. А извержения вулканов и страшные смерчи? А землетрясения в разных точках земного шара? А аномальная жара? А снег и лёд в районах, где их вообще никогда не было?

Эти и другие бедствия вошли в нашу действительность, и, простите за режущую слух правду, даже стали привычными. Во всяком случае, в сознании многих они укоренились как неотвратимое явление.

Ящик Пандоры. Корзина несчастий. Шквал трагедий. Котёл катастроф. Как ещё назвать гремучую смесь этих страшных бед, которые природа обрушивает и обрушивает на человечество? И чего ещё ждать в ближайшем или отдалённом будущем?

«Природа нас уничтожает, хотя человек – её неотъемлемая часть» – обижается.

Так, может, в этом эгоизме и себялюбии и заключается причина всего? Почему только во время катастроф мы вспоминаем, что мы – часть живой природы? Чаше же провозглашаем себя Царём природы. Я и сегодня дословно помню фразу, которую нас в школе заставляли заучивать наизусть. Это кредо

преобразователя природы Ивана Мичурина «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача». Не ждать, а взять – силой, изменяя её суть, природу самой природы. Может, лучше бы в нас вбивали другую цитату, например, верной тени Карла Маркса – Фридриха Энгельса, который предупреждал не раз: «Не будем слишком обольщаться нашими победами над природой, за каждую такую победу она мстит нам».

Вот мы и одерживали победы над природой. Шаг за шагом, упиваясь своей силой, разумом и волей, которой её подчиняли, подавляли, вносили глобальные изменения. Люди, отменив все её законы, откинули живую природу с пьедестала и сделали своей служанкой, рабыней, которая обслуживает нас, выполняет наши желания и прихоти. Правда, иногда приходило озарение, что и самую безропотную рабыню надо поддерживать, иначе силы её истощатся. И природу начинали защищать – в первую очередь, от человека. Досаживали леса, чистили водоёмы, вписывали в Красную книгу «фамилии» исчезающих животных и растений. А потом вновь – в погоне за золотым рублём-долларом-динаром, иногда не по разумению, из-за отсутствия культуры – вырубали леса, сливали в реки промышленные стоки-яды и т.п.

С одной стороны, природа для человека – неисчерпаемый источник ресурсов. С другой стороны – это его колыбель, естественная среда обитания. Вот такие «ножницы», между которыми можно узреть обмелевшие в результате неграмотного орошения реки, высохшие моря, например Аральское. Или же водохранилища, из-за которых ушли под воду старинные села, плодороднейшие земли, луга и пастбища.

Наше общество забыло, что мир – целостен, что оно, общество, – часть материального мира, да, отошедшее, обособившееся от природы, но при этом всё равно тесно связанное с ней. Подобное игнорирование цельности мира приводит к самым плачевным последствиям как для природы, так и для человечества.

И ещё один аспект. Теперь-то мы поняли, что природа – она живая. Она сложная. И она разумная. Вы другого мнения? Загляните в любой офис. Только на нашем этаже десяток дам-цветочниц убеждены, что с растениями надо говорить – они все понимают, отзываются на ласковое слово, интонацию, которыми даже можно спасти погибающий цветок.

Природа долго терпела, предупреждала и, наконец, восстала против человека. Природа умеет мстить. Впрочем, не люблю ни это слово, ни это чувство, и не хотела бы его включать в данный контекст. Лучше скажем так, что природа отвечает нам адекватно нашей философии и нашему поведению, и отвечает – взаимностью. И это – не оккультный бред. Это аксиома, которая приведена в трудах философов и мудрецов, в священных писаниях всех традиционных религий, и которая всё больше укрепляется в мироощущении миллионов граждан.

Кому-то очень трудно (не вполне материалистично, видимо) объединить, связать воедино отношения человечества и природные катастрофы. Например, гражданские войны – и землетрясения. Террор, убийства, алчность – и магнитные бури. Но, тем не менее, нарастает в нас убеждение, что такая связь существует, что в природных явлениях, как в зеркале, мы можем наблюдать все последствия вражды, злобы, нетерпимости в отношениях людей и народов друг с другом. И что уже недостаточно только предпринимать меры по защите окружающей среды, но и следует работать над собой, своими привычками, гармонизацией собственного мира. И что природа будет относиться к нам точно так, как мы, люди, относимся друг к другу.

Перечитала материал. Глаз резануло множество вопросительных знаков. Значит, чересчур много неясностей, предположений и сомнений? Но не стала ничего переделывать. Вопросительный знак – признак неплохой. Он – попытка разобраться в себе, других, в окружающем мире.

И еще один в самом конце вопросительный знак: как вы выдумаете – нас ещё предупреждают или уже наказывают?

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Ла флог: *«Думаю, природные катаклизмы происходили всегда, просто сегодня мы живём в век информационной и телекоммуникационной развитости, ничего утаить уже нельзя. Однако человеку и впрямь стоит пересмотреть свою позицию по отношению к матушке-природе».*

Нина Нифонтова, ветеран-нефтяник (по телефону): *«Природа нас испытывает, кажется. Смотришь новости по телевизору – скоро Европу и другие континенты дождями смоем, а у нас засуха. Мой старик так и говорит – вон где*

наши дожди заблудились, и я согласна с ним. Пора бы климату охолодиться! Наши сады последние годы без воды – нет её, да и трубы давно пьяницы на лом унесли. Работающие соседи выходят из положения – возят цистернами. А мы, бабки, приходим с полторалитровой бутылкой в огород – это, как говорит дед, «при твоём здоровье твой весовой предел». Воды хватает лекарство запить, лицо омыть, да кустик любимого аленького цветка полить. Смотришь на потрескавшуюся землю, в трещины ребро ладони проходит свободно, и плакать от жалости хочется!

А ведь это природа нам мстит! Сколько мы её загажи-вали и уничтожали – землю, воду, всё живое. Страсть и жуть. Деревья обломаны, скамейки загажены, леса в мусоре, хотя в трёх метрах установлены урны для мусора. Я когда ведро с мусором выношу, то испытываю вину. Сколько после каждого похода в магазин мы выбрасываем мусора. Теперь все продукты фасуют не в бумажные пакеты, как до 80 и 90-х годов, а в контейнеры, коробочки – целлофан и химию. А они ведь не разлагаются в земле, не перерабатываются на специальных заводах, только загрязняют нашу природу, выделяют яд.

Я не хочу возврата в прошлое – когда молоко продавалось в стеклянных бутылках, и мы таскали эту тару в авоськах (случалось – не принимали), а сметана была разливная в баночках, пока разольют и взвесят – очередь долго двигалась! Но душа болит, что многое в нашей жизни неразумно и даже безжалостно к природе».

Отпускное

Не знаю что – здоровый авантюризм, тлеющий в каждом человеке, или же неуёмное желание двигаться, ехать, спешить (синдром вечно сидящих за компьютером людей), или же зуд, зов профессии репортёрской, – но мне всегда нравилось автопутешествие. Сесть в машину, обложиться – по выражению моей коллеги – благами цивилизации: джипис-навигатором, кипой карт и атласом дорог, и в течение полутора суток пылить на автомобиле по трассам в направлении к городу моего детства...

Окружающие справедливо считают это неразумным отдыхом, блажью (другое дело, если бы не могла позволить себе отдых в Европе или на греческо-египетско-турецких курортах...). Давняя подруга и её солидный муж, напротив, одобряют направление моего маршрута (родина малая, любящие родственники, радушно зазывающие в гости, необходимость привести в порядок отеческие могилы и т.д. – это свято)... Но и они оговариваются: зачем, говорят они, колесить по дорогам, когда можно всей компанией комфортно и весело доплыть до низовьев Волги на великолепном лайнере? Уютные каюты, вечера в баре, лунная дорожка на воде, купание в бассейне, послеобеденная полудрёма в шезлонге под шуршание волн... Это и симпатично, и мило, но вот не действуют на меня их ежегодные и настойчивые уговоры, и всё. Вот и снова я их обидела... Простите, друзья, но мне нравится наблюдать Россию из окна автомобиля, вглядываться и вслушиваться в жизнь старинных сёл, уютных приволжских городов. И непременно – увидеть что-то красивое, захотеть остановиться и взбежать на крутой яр, с которого открывается невиданный вид на реку, или же полежать в красной от маков степи.

Кстати, закономерность, много раз подмеченная: чем дальше удаляешься от Татарстана, тем дороги лучше и ровнее, а постовые на дорогах более вежливы и лояльны. Но, с другой стороны, чем дальше от республики, тем все серее, грязнее и безнадежнее. Привычная путевая картинка: здания известных, всесоюзного значения заводов заброшены практически целыми корпусами (лишь кое-что используется как столовая, слесарка, пункт шиномонтажа) – стоят на грязных окраинах областных центров с выбитыми окнами, без дверей, с разрушающейся кладкой стен. Даже «визитки» городов – стелы с названием – имеют жалкий вид: краска облуплена, камень крошится. Стела, извещающая, что мы достигли города-героя, вообще полузавалена грудой пищевой тары.

Главное дорожное наблюдение – очень много вокруг импровизированных – «нахальных» свалок из бело-голубых-коричневых залежей пустых полиэтиленовых бутылок. Лесные массивы вдоль дорог «наряжены» гирляндами – зацепившись за ветки, трепещут на ветру сотни полиэтиленовых пакетов! На полях не только сельхозтехники нет, но даже воронья, – умная птица всегда за тракторами и сеялками ходит

по распаханной, живой земле. Многие же увиденные нами поля мертвы, вот и улетело воронье туда, откуда прилетели пакеты – на свалки.

В селе, пункте нашей ночёвки (там был известный совхоз-миллионер) спрашиваем людей: «А почему ваши совхозные поля не засеяны?». «А они не наши – приехали москвичи, всю землю купили». «Так неужели им выгодно заброшенные поля?». В ответ мужичок чешет репу: «И не знаю, доца». В разговор вступает тётя Валя – Валентина Дмитриевна, бывшая именная доярка-орденоносец, а ныне хозяйка пансиона, в котором мы обычно останавливаемся: «Москвичи, купив поля, всю поливную систему из земли выдрали, а потом трубы разрезали. У них, видать, виды были на строительство баз отдыха, да дело не пошло. Вот поля без поливной системы и остались – а без неё у нас на югах никак. Так что все растаскали...».

Права тётя Валя, но и хитра, однако. Мы ведь уже успели заприметить на её огороде те самые трубы... Пригодились они в её хозяйстве. Покидая утром село, отметили, что и все индивидуальные антенны здесь сделаны из алюминиевой трубы от дождевальной установки «Фрегат». Да, народ у нас «творческий» и ловкий...

...Недавно умер знакомый фронтовик, защитник самой высокой точки Советского Союза – Мамаева кургана. Всё жалел, что больше не доведётся побывать у монумента Родины-Матери. Вспомнили это и как-то так, спонтанно решили по дороге завернуть на мемориальный комплекс. Но не тут-то было. В это время в Волгограде прозвучали взрывы, одна из бомб сработала близ здания городской ГИБДД, вторая – недалеко от академии МВД РФ. В городе объявили операцию «Перехват», которую мы, мирные путешественники, сразу же почувствовали на себе. На каждом перекрёстке огромного города – чуть ли не взвод полицейских и гаишников, они чрезвычайно взбудоражены, и их понять можно – это ведь именно их взрывали!

Операция превратила город, и так-то вытянувшийся вдоль Волги на бесконечные 100 километров (Волгоград – один из самых протяжённых городов России!), в ловушку. Транспортный поток встал. В городе вообще нервно всё: то и дело слышим по радио, что приходят сообщения о подозрительных предметах, замеченных там и сям. Усугубляют положение и

подозрительные автомобили – неправильно припаркованные. Вокруг каждого – ещё полдюжины машин с мигалками – полиция, эксперты, чины при званиях... Стоим в пробках. Вот и снова подходит полицейский проверить машину. У нас ведь автомобильные номера с кодом чужого региона, да и фамилии нерусские, и потому красивые полицейские очень уж напряжённо вчитываются в наши документы и задумчиво всматриваются в нас. И хотя у нас безмятежные лица и хорошие документы, подтверждающие нашу принадлежность к международному союзу журналистов, всё же я ловлю себя на мысли: до чего же неуютно чувствовать себя чужой в своей же стране!!!

Понятно, что нам уже не до Мамаева кургана, не до Матери-Родины, ни до чего. Вырвавшись наконец из города, мы мчимся по автостраде и молчим, – говорить ни о чём не хочется. Потом понимаем, что надо бы успокоиться, и выходим из машины на крутой волжский берег – пусть ветерок обдует разгорячённые головы. Но вот незадача: берег превращён в свалку. Но мы находим относительно чистое место и, избегая смотреть под ноги, вглядываемся в даль. А там – безбрежная ширь, мощь и красота.

Как всё же красива Россия! Эх, жаль, не пою, а то бы затянула про Стеньку Разина – «Из-за острова на стрежень». А вдали гордо и респектабельно движется белоснежный пароход, на котором с комфортом могли бы плыть и мы...

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Айсылу: «Были на Байкале в прошлом году. Нет в русском языке такого слова, которым можно выразить то, во что превратили это уникальное озеро и тайгу вокруг. Посёлок Листвянка, куда приезжает много иностранцев, по выходным дням превращается в большую свалку мусора. И так по всему южному Байкалу. Чуть получше ситуация на севере – просто трудно зато добраться. У переводчика нет ответа на вопрос иностранцев: «Почему русские так относятся к природе вокруг?».

Действительно, почему?

Анастасия Вакатова, журналист: «Только что вернулась из села Рождествено. Была там на Троицу. У нас это святое – день поминовения усопших, встречи живых. И так много яр-

ких, не проявленных до сего времени впечатлений. Вот одно из них: я впервые видела, как опыляется рожь. Наверное, я видела это и раньше, но просто принимала это облачко над полем за пыль. А на этот раз мой зять – простой деревенский мужик, любящий крепкий мат, сидя за рулём своего видавшего вида «хаммера» (уазика), просто сказал: «Вон как рожь опыляется». И мы все посмотрели в ту сторону, куда он показал. Просто поле кольшущейся ржи, а над ним лёгкое облачко пыльцы. Так рожь самоопыляется. Всё просто у Матушки – Природы...».

И надежда, спеша, обронит непременно «Здрате!»

Люблю смотреть, как работают настоящие мастера своего дела, как они ведут себя на профессиональной «кухне». Хлебом не корми, но пустите нас, журналистов, в святая святых профессионалов, дайте подсмотреть, как проходит процесс в операционной, в хлебобулочном цехе, в лаборатории, что делает при этом человек – творец! До сих пор помню капельки пота, выступившие над губой хирурга. Они мгновенно высыхали и вновь появлялись – такое он испытывал напряжение. Из самых неизгладимых впечатлений – участие в изготовлении одеяла в Пекине. Вместе с работницами завода из кокона шелкопряда вытягивала шёлковую нить, и там же мы в 12 рук растягивали эти нити (до сотни слоев!) в полотна. «Своё» одеяло я выкупила и уже устала им хвастаться. По секрету: если вы приобрели произведение народного творчества, и оно скопобочено или на нём неровно наложен мазок, – возможно, в этом повинна я или коллеги-репортёры.

Последнее открытие – концерт Государственного камерного оркестра «Виртуозы Москвы» Владимира Спивакова в Казани, в Театре оперы и балета имени Мусы Джалиля. Он проходил 25 августа в рамках Дней Москвы в Татарстане. Впрочем, об этих политтонкостях, как оказалось, я даже не догадывалась, ибо целенаправленно шла именно на Спивакова. В чужом городе, вне работы и семьи – каюсь! – меня часенъко покидает чувство времени. Что, в общем-то, неплохо: предоставлена самой себе, не надо спешить. Благодать... Даже на часы не смотрю. Нагулявшись в районе альма-матер КГУ,

похлебав ирландского грибного супчика в ресторане «Бейкер стрит», ностальгически заглянув во все расположенные поблизости скверы (наша студенческая компания называла себя «СКВЕРными» девушками и парнями – мы назначали свидание в скверах, именно там лихорадочно зубрили конспекты за час до экзаменов, туда же таскали для быстрого перекуса на скамейке эчпочмаки с улицы Баумана), я дошла до здания театра.

Позже, анализируя те события, вспомнила, что были-были какие-то шероховатости, которые настораживали, но от них я в эйфории свободы отмахнулась. Совсем как бедолага профессор Плешнер из «Семнадцати мгновений весны», который, вырвавшись из Берлина в мирную и благополучную Швейцарию, в упоении свободой не заметил сигнала о провале явки. Но вернусь к своим ощущениям. Показалось, что площадка перед театром, где всегда кучкуются зрители, странно пуста. Не было на первом и втором входах билетёрши. Поэтому я сунула билет интеллигентной бабуле около гардероба. Она посмотрела на меня странно. Как и охранник около пропускника-металлоискателя. В гардеробной не висело ни одного плащика. Ну, это понятно, день тёплый. Но где публика? Ни за что не поверю, что маэстро Спиваков не востребован в Казани! На банкетке сидел старьёвский дед в генеральском мундире, весь в орденах. Он сказал звонко: «Ждём-с!». В красном углу рекреации зачем-то стоит столик с яствами. Только шампанское и конфеты. Все без ценников – странно... До коммунизма-то не дошли. Но дойти до зрительного зала давно пора – от прогулок по Казани ноги гудят. А вот и двери, ведущие в амфитеатр. Толкаю их и попадаю в тёмный тамбур. И где же следующая дверь в зал? Ну, казанцы, ну, вечные скряги. Можно угодить в больницу с переломами из-за такой экономии электроэнергии. В полной темноте, наощупь, наконец, нахожу двери и торопливо – дайте, наконец, света!!! – распахиваю их.

Бум-с! Вместо ослепляющего солнца хрустальных люстр попадаю в совершенно тёмный зрительный зал. Освещена только сцена. А на ней... разношерстно одетый, преимущественно в футболки и рубашки «поло» оркестр, а перед ним Владимир Спиваков в джинсах. Метаморфоза, фантасмагория? Что происходит? Оглядываюсь, а в зале – ни души, я одна. И тут все странности выстраиваются в пазл. Меня угораздило прийти в

театр за час до начала концерта! И тут понимаю: мне выдалась редчайшая возможность присутствовать на рабочей «кухне» маэстро, увидеть его в «черновой» работе. А тут темнота – мне друг. Тихой сапой внедряюсь ближе к сцене, стараюсь быть максимально незаметной... Через минуту я перестаю думать об этих мелочах-«тараканах», потому что попадаю под магию работы великого Мастера. Смотрю и слушаю жадно. И вот первое открытие: маэстро, чей уникальный талант скрипача и дирижёра признан всем миром, совсем как школяр, как студент перед экзаменом, вновь и вновь проходит вместе с оркестром сложные места в сотни раз сыгранных ими музыкальных произведениях. Вот движением руки останавливает оркестрантов, зарывается в ноты, думает. Вот наклоняется к примескрипке, что-то говорит... И снова взмах палочкой. Наконец, заканчивается репетиция. Маэстро благодарит музыкантов. Вспыхивает свет. Заметив постороннего человека, Спиваков раскланивается: «Здравствуйте!». «Здравствуйте, – уже успев войти в роль лазутчика, я лишь конспиративно шепчу. Спыхватившись, для убедительности, как китайский болванчик, начинаю кивать головой. Спиваков улыбается и тоже кивает. Он подзывает девочку-скрипачку лет 10, обнимает её. Никогда не видела такого странного и интересного движения – свою огромную ладонь он мягко кладёт ей на затылок: «Далеко не уходи!». Тут подбегает мальчик и снова такое же движение – ласковое, отцовское. Понимаю, что ощущение огромной ладони (ведь не пахарь, не сталевар!) создают пальцы – длинные, гибкие и одновременно сильные. Позже, уже в ходе концерта я узнаю, что дети – подопечные маэстро, стипендиаты Международного благотворительного фонда Владимира Спивакова. С каким уважением и любовью он выводил этих вундеркиндов на сцену, как разделял их успех, целовал, помогал держать букеты, сам уводил их со сцены. «А ведь через час – вылет самолёта» – услышала я за спиной. Концерт назвали лучшим подарком от Первопрестольной всем татарстанцам. Он прошёл блестяще, музыканты исполнили произведения Моцарта, Вивальди, Чайковского, Рахманинова, Россини.

Камерному оркестру стоя, и долго не отпуская, аплодировал весь зал во главе с Премьер-министром республики. Самые разные люди – бомонд и рядовые – уходили взволнованные и потрясённые. А для меня в этот вечер странным и

счастливым образом открылась тайна – как неистово работает Профессионал, и как нужна людям хорошая музыка. А это из поэзии Семена Лившица:

«Кто-то вскинет смычок,
Кто-то бросит на клавиши руки,
Каждый нотный значок
Обращая в мажорные звуки.
Встрепенётся душа,
Выбираясь из груди напастей.
И надежда, спеша,
Обронит непременно «Здрате!»».

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Валентин и Валентина 29.09.2011. 18:40: *«Давайте позовем Владимира Спивакова к нам, в Лениногорск или в Альметьевск! Представляете, во Дворце «Нефтьче» живой маэстро и музыка его виртуозов! Одно дело слушать классику в наушниках или тупо в телевизоре. И другой вопрос – вживую. Конечно, его гастроли расписаны по дням и часам. И все же...»*

Раиса 28.09.2011. 07:39: *«Благодарю за интересные статьи. Как хотелось бы побывать на этом концерте, услышать настоящую музыку. Приятно осознавать, что Великие музыканты по-настоящему добрые и помогают талантливым детям. Значит, у классической музыки есть будущее. Эта музыка для тонких струн души, она бесконечна».*

Венера: *«Мне нравится название колонки, интригует: «Это все называется жизнь...». Я понимаю это так: «Жизнь надо жить» или «Жизнь надо прожить». То есть не просто философствовать или по-пустому мечтать, или слишком подробно анализировать, а жить! Жить надо! Надо жить – интересно, полно, любознательно, с пользой для себя, других и всего мира!».*

Ласковое слово и Перельману приятно!

В Григория Перельмана, гения, величайшего математика нашего времени, современного Ньютона, который решил одну из самых сложнейших задач тысячелетия – доказательство гипотезы Пуанкаре о вероятных формах Вселенной, я почти влюбилась. И это несмотря на то, что внешне он небрит, насуплен, говорят, ногти не стрижёт. Да, этот гений странен и одиозен до неприличия, до подозрений в его вменяемости, но у нас, глубоких гуманитариев и лириков, перед математикой и теми, кто ею занимается, – особый пietet. Она – царица всех наук – дисциплинирует мозг, развивает логическое мышление и совершенствует абстрактное воображение. «Великая это сила – математика!» – любимая присказка моей подружки-одноклассницы Аиды Атаньязовой-Каримовой.

Она всегда была сильна в точных науках. Я писала за неё сочинения и упражнения по русскому языку, а она в это время щёлкала за меня задачки. Воспитавший её дед Файзрахман бабай (у неё даже отчество по бабушке) с умилением смотрел на нас, по сути переписывающих чужой труд: «Умницы!», и задерживал полог между комнатами: в это время к нему приходили особые гости. Файзрахман бабай был в крае известным религиозным деятелем. Он слыл богословом и праведником, к нему часто захаживали негры и арабы, учившиеся в нашем городе в знаменитом институте рыбного хозяйства («миру – мир!» – СССР тогда помогал полпланете). Эти ходки в 60-е годы не вызывали напряжения со стороны властей и соответствующих служб города. Зато в 70–80-е годы, когда дед умер, а Аида уже преподавала в этом институте математику, к ней на репетиторские занятия приходили иностранные студенты. А ещё изредка заглядывал кэгэбэшник – с «профилактическими» беседами. «И как ты с ним общаешься? – холодея от страха, интересовалась я. «Он хороший человек, умный, интересный, – спокойно объясняла Аида, – а если начинает сильно занудствовать, то я ударяюсь в математические дебри. Для посторонних скучно, он уходит. Великая это сила – математика!».

Но вернёмся к Григорию Перельману. Весной 2010 года Институт Клэя присудил ему премию в миллион долларов (этот математический институт в Бостоне в 2000 году определил семь «задач тысячелетия» – считается, что если их удастся ре-

шить, то человечество продвинется в освоении воздушного и космического пространства и криптографии). Перельман вроде бы и не жаждал миллиона. Он просто вывесил свою статью о доказательстве гипотезы Пуанкаре ... на одном из математических ресурсов в сети, даже не анонсируя это как доказательство гипотезы, и не предпринял последующих необходимых шагов. Он просто получил удовлетворение от проделанной работы. Это потом уже мир ахнул и целых три команды сильных математиков два года корпели над его работай, доделывая более подробную расшифровку доказательства для общематематического сообщества. Кстати, Григорий Перельман, в прошлом вундеркинд и в настоящем гений, когда-то работал в Америке, но вернулся в Россию, хотя умные «мозги» давно «утекают» из нее!

Все телеканалы мира показывали нашего скромного гения: заросший, бедно одетый, он угрюмо молчал, не реагируя на поздравления и восторги, отказывался от интервью и встреч. Огромный ажиотаж вызвало его решение об отказе от миллиона (он, кстати, до этого уже отказывался от престижной европейской математической премии). Вот уж про кого не скажешь, что «зажрался» – ходит в одной курточке все сезоны, в стареньких брючках и вязаной шапочке-«петушке». Живёт скромно и бедно с мамой в «хрущобе» в Купчино, что в Петербурге. В полном недоумении (отказаться от миллиона !!!) многие не услышали некую благородную подоплёку странного решения. Перельман считал, что Ричард Гамильтон, математик, в чьих работах была изложена программа исследований, которую сумел осуществить и завершить Перельман, заслуживал премии за доказательство гипотезы Пуанкаре не в меньшей степени.

Перельмана долго потом отлавливали наши журналисты, подстерегали его у магазина, в подъезде, кричали ему: «Гриша, поговорите с нами!», совали ему бананы (он что – обезьяна?!) или пироженки (которые, якобы, он обожает, но из-за безденежья не может купить). Перельман молчал. Он вообще отказался от наград, денег, приглашений в лучшие университеты мира, ушёл с работы и даже, по его словам, из математики.

И только «Комсомольская правда» опубликовала недавно статью, содержащую якобы фрагменты интервью с ним. Прочитала с удовольствием: насколько же просто и популярно Григорий Перельман говорит о сложнейших вещах. Первое публичное интервью! И взять его удалось бывшему россий-

скому, ныне израильскому журналисту, который действовал не нахрапом, не натиском и хамством, а через еврейскую общину, через маму Григория Яковлевича, используя такт и мягкое убеждение. И Перельман, объяснивший, что не общается с российскими журналистами из-за неуважительного к нему отношения и фамильярности, на этот раз растаял, встретился и даже, якобы, согласился участвовать в написании сценария фильма «Формула Вселенной». Ласковое слово и Перельману приятно! Обилие в моём материале слова «якобы» оправдано. Сегодня мир гадает: это интервью – правда или фальшивка?

Меня, гуманитария, больше волнует другой вопрос: неужели Перельман – человек, жизнь которого занимала только и только математика, способен отказаться от дела всей своей жизни? И почему он так решил? Он объясняет это глубоким разочарованием во всём. Математик-гений был уверен, что весь мир должен быть устроен по его математическим чётким и безукоризненно логическим представлениям и законам – то есть правильно и справедливо. А мир оказался другим. Сегодня мир зиждется на деньгах, личном успехе, медийной славе. И даже гению Перельману, заявляющему «Я умею управлять Вселенной!», в нём неуютно и холодно.

Ну и поганенький же вы человек, классик!

6 июня был день рождения Пушкина. А 9 сентября будет день рождения Толстого. А ещё это дни рождения двух моих коллег-соплеменников по учёбе в Казанском университете. И что же – в огороде бузина, а в Киеве дядька? К чему это я и о чём?

О головной боли с их ежегодными поздравлениями. Звоню им в день варенья, поздравляю и думаю: чур меня, чур, может быть, хотя бы в этот раз не свернёт разговор на Александра Сергеевича или Льва Николаевича... Слишком уж это явная параллель и душевная отрада для творческих людей – родиться в один день с классиком. Тешит это их самолюбие и даже возвышает. Я и Пушкин (Толстой) – мы, мол, родились под одной звездой, в одной планиде, а ведь, как известно, ничего случайного не бывает...

Вот и вяну я с трубкой у уха: мне бы поздравить человечка из моей славной юности, душевненько поддержать напутствиями, скоренько обменяться новостями об одноклассниках, да

и раскланяться: каждого из нас ждут, как нам кажется, великие дела – задание на службе или жаркое на плите.

Я не против интеллектуальных разговоров. Я их даже приветствую – когда они в меру и по обстоятельствам. Преклоняю голову перед творчеством Пушкина и Толстого, в отпуске перечитываю что-то любимое из них. Вот только не испытываю неестественного, я бы сказала, патологического пиетета, как эти мои два товарища!

Римма – родилась в один день с Александром Сергеевичем. Она не Пушкин, но в творческой профессии и жизни состоялась: руководит серьёзным коллективом, уважаема коллегами, дочку-художницу вырастила. «Пушкин – это наше все», – под этим она с готовностью подпишется, правда, патриотично добавит: «Ну, а Тукай, конечно, – это наше татарское всё». Разумная, твёрдо стоящая на ногах женщина, великолепный организатор и хозяйственник, в семье – первая скрипка – о таких говорят, «сама баба, сама бык». Но и она в свой день рождения такие турусы на колёсах разводит! Вот звоню ей, поздравляю. А она, на полном серьёзе, – «да, повезло мне родиться в этот день, вся Россия отмечает день рождения классика...», и давай Пушкина вспоминать. Пытаюсь разговор в сторону увести, спрашиваю, выживает ли её газета. «Ага, – говорит она, – держимся, но проблем с типографией и штатной сеткой – Пушкину и не снилось». И айда про батеньку Александра Сергеевича дальше лепить: и мученик он, и жизнью бит, и царём гоним, и ветреной бабёнкой Натали предан. Святейший образ!

И каково мне это всё выслушивать в десятый раз? Звоню то подруге, а не в клуб словесности имени великого Пушкина. Довела меня Римма последний раз до белого каления, и чтобы остановить её словесный поток, я и выдала сполна, каким на самом деле хамом, шулером и развратником был её кумир. «Да ладно, – обиделась она, – он гений, и вообще, где всю эту грязь о нем насобирала?».

Не собирала я сплетни и иные пикантные исследования-откровения псевдолитературоведов. Хотя их полным полно! Мне обо всём этом Пушкин сам рассказал. Накануне купила книгу с его воспоминаниями, заметками и письмами. Дорога из Казани дальняя, часа четыре, но мне и полутора оказалось достаточно – противно было читать откровенничающего Пушкина. Как цинично и матерно он отзывается о тех женщи-

нах – дамах и матронах семейств, которых совратил (каждую под номером вводит в список), какие интимные подробности гадко расписывает, в том числе и об Анне Керн, которой он посвятил стих высочайшей пробы – «Я помню чудное мгновение, передо мной явилась ты, как мимолётное виденье, как гений чистой красоты». А ещё у певца чистой любовной лирики была совершенно отвратная привычка не просто соблазнить и бросить женщину, а поведать об этом всему свету – рассказать на балу, написать товарищам и подругам. И потом, в довершение всего – всё-таки поэт! – сочинить и распространить по Петербургу и Москве злейшую эпиграмму на её несчастного мужа, непременно выставив его рогоносцем, живущим с развратной женой.

Сколько горя в эти семейства принёс шалун-поэт! Судьба, или вмешался закон всемирной справедливости, но и ему воздалось потом сполна – женившись на красавице Натали, он завяз и в комплексах собственных (мне наставляют рога!), и в ревности. Да и драчун был известный, забияка... Всегда рвался на дуэль. 30 раз стреляться на дуэли и в итоге погибнуть в расцвете сил и таланта, действительно, огромного, может, это – не убивайте меня пушкиноманы!!! – естественный финал?

...Телефонное поздравление после устроенного мной ликбеза на тему о человеческой натуре гения прошло на удивление гладко. Мы хорошо пообщались – уже не упоминая классика. Так что когда в сентябре буду звонить однокашнику, имениннику Толстого, то применю оправдавший себя метод: начну с дневников и писем Льва Николаевича. Оказывается, каким картёжником, выпивохой и соблазнителем, а главное, злым на весь свет был классик! Любимое слово у него – «дрянь». «Панаев нехорош...», «Авдотья (Панаева) – стерва...», «Писемский гадок...», «Лажечников жалок...», «Горчаков гадок ужасно...», «Тургенев скучен...», «Тургенев – дурной человек...». А вот что о Пушкине: «Цыганы» прелестны, остальные поэмы – ужасная дрянь...». «Читал полученные письма Гоголя. Он был просто дрянь человек. Ужасная дрянь...».

Помните, в школе мы писали сочинение о любви Л.Толстого к Родине? Дудки, ох и обманывал же нас граф Толстой! Ибо в своём дневнике он не раз восклицает: «Противна Россия. Просто её не люблю...».

...Не сотвори себе кумира! Не возвышай гениев в общечеловеческом плане. Перефразируя того же Пушкина, часто ге-

ний и праведность – понятия несовместимые. Восторгайся их творчеством, но не комплексуй, что ты никогда не станешь таким, как они. Пусть не удастся написать книгу века, придумать эликсир молодости или доказать сверхсложную теорему. Зато проживёшь другую, более простую, заземлённую, но от этого не менее счастливую и достойную жизнь.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Ринат Сафин: *«Интересно читался материал о гениях – Толстом и Пушкине «Ну и поганенький же вы человек, классик». У гениев был скверный характер, который отмечали окружающие их современники. Что, действительно, не умаляет их огромного литературного таланта. Сейчас многие перечитывают классику и даже школьную программу вспоминают. Видимо, мы обьелись детективами и мистикой всякой. Но – одно другому не мешает.*

Мне тоже нравится выражение «Пушкин – наше всё». Это очень распространённая цитата. А вот кто сказал – не указывается. Оказывается, это сказал Аполлон Григорьев. Этой фразе исполнилось полтора века.

И ещё – интересный факт. Аполлон Григорьев – автор очень известного стихотворения в русской поэзии про семиструнную гитару с рефреном «эх, раз, ещё раз, ещё много-много раз».

Н.П.Спирчин: *«Прочитал статью «Ну и поганенький же вы человек, классик». И очень возмущён, почему вашу статью напечатали. И прав был Лев Толстой, воскликнув «Противно всё, я просто не люблю Россию, потому что всё в ней ужасно»... Объясните, почему сейчас до небес хвалят Евтушенко, этого бездарного охламона, который не пишет стихов, а пишет разную чушь. Да, он, как и поэты Ваншанкин (видимо, Ваншенкин. – С.Г.), Боков, Добронравов, Танич, Резник – это не поэты, а полиглоты чужих трудов, иначе я их не назову – шуты времени. Вы слышали ... (выражение упускаем из этических соображений. – С.Г.) Роберта Рождественского, самохвала Энтина... В каждом времени живёт своё сословие и подхалимаж своего существования, будь то с царских, социалистических, буржуазно-демократических субъектов обывательщины...»*

Простая наука – взлетать, если тянет ко дну

Этот день вполне можно было назвать днём вопросов. Впервые, с самого утра сотрудница «Нефтяных вестей» эмоционально выплеснула на нас, коллег, рассказ о том, как накануне десятилетний сын допрашивал ее очередными «почемучками». Например: что такое общество слепых? А общество глухих? Как устроен детектор лжи? И ещё задал массу других, неудобных, смешных и странных вопросов, на которые пришлось отвечать.

В итоге вопросов-ответов он проникся сочувствием к инвалидам, узнал, что многие слепые трудятся – например, собирают выключатели. И, возможно, из солидарности или же по аналогии он разобрал устройство бабулиного квартирного звонка, в итоге решил применить его проводочки (вкупе с фольгой, сахаром и катушками медной проволоки) для изготовления детектора... дождя. «А разве такое бывает?!» – в четыре голоса спросили мы коллегу. Вид у мамы был вполне довольный: «Задаёт вопросы – значит, развивается. Вопросы, это же значит – познание?».

Во-вторых, пришёл «привет» от Александрины. Она – кандидат наук, преподаёт в вузе, и у неё сын – Димка, тоже вечный почемучка. Привожу её, без купюр, сообщение: «Вдогонку к предыдущему посту об исследовательской деятельности. Немного о моём «исследователе»:))) Иногда он задает сложные вопросы. И сам отвечает:) Вот только что, отходя ко сну:

- Мама, что самое главное во Вселенной?
- Любовь???:)))
- Не-а.
- А что?
- Время. Без времени ничего нет.
- Но без любви тоже ничего нет:)))
- А деревяшка? Она же без любви. А часы? Они не умеют любить.
- Ну, да. А почему время?
- Время уничтожает всё. Оно как разрушитель, так и создатель.

И уснул:) Я не поменяла ни одного слова. Стенографировала «в процессе»:))) Вот так. Философ и исследователь))) 10 лет».

...Мда, вот он – признак детства: задать вопрос в полной убеждённости, что на него непременно кто-нибудь ответит. А

если ответ не устроит – то самому мудро, ловко и смело разобратся с непонятками... А у нас, взрослых, это получается?

Ну и, наконец, – это уже в-третьих, – я поняла, что на этот раз, видно, мне никак не отвертеться от вопросника, такового флэшмоба, пришедшего накануне от друзей по переписке. Да, мне иногда интересны симпатичные мини-акции в блогах, я проглядываю ответы на некоторые экспресс-опросы, мысленно аплодируя кому-то за остроту ума и находчивость или поражаясь чьему-то мыслительному убожеству, но сама в них не участвую. А тут, видимо, день такой выдался, что решила – а, была не была! – ответить на анкету. С ответами (круг чтения, увлечения, пристрастия, любимый афоризм и т.п.) быстро справилась. Застряла на пункте: «Какой мега-вопрос (только один!) вы бы задали при условии гарантии получения точного ответа?».

Эка их, ребят, распирает... Но, действительно, какой? Вот какие вопросы теснятся в моей голове прямо сейчас? Над чём непрерывно работает лично моя «мясорубка» по перемалыванию бесконечных мыслей? Может:

– «Сколько лет я проживу?» – Да ни за что не спрошу!!!. И все же:

– «Есть ли жизнь после смерти?» – Нет, лучше вот это:

– «Как аукнется нам всем японская Фукусима?» – Эх, япона мать, у них на каждом шагу роботы-роботы, а АЭС вручную тушат несчастные камикадзе... Или же вопрос:

– «Когда человечество найдёт чудо-лекарство от рака?»

– Скоро поминки 40-дневные по моему старшему другу, и сколько их уже – «друзей моих прекрасные черты появятся и растворятся снова» .... Нет уж, лучше вопрос не о смерти, а о жизни:

– «Не проснётся ли опять вулкан с труднопроизносимым названием, гад этакий (далее идут сплошные пи-пи-пи), если я соберусь поехать в Европу?». – В апреле прошлого года вместо прогулки по Елисейским полям я два дня отмеривала шагами терминалы аэропорта Шереметьево. А, может, проще:

– «Как будут звать девочку, на которой женится мой Данилка?». – И чего это меня так разобрало от любопытства, поживём – узнаем! А вот тема для вопроса – война и мир:

– «Кто или что остановит США, насаждающие «мир и демократию во всём мире»? – Три погибших при бомбардировке малолетних внука Каддафи – очередной «вклад»...

...Считайте, что моя работа над анкетой прошла впустую. Прости меня, читающее и пишущее сообщество! Никуда и ничего я не пошлю – ни свои, как мне кажется, умные ответы, ни свои глупые вопросы. Зачем?

Вот детские вопросы – это другое. Они происходят от детской наивности и святости, от желания познать, понять, удивиться и вырасти. На них всегда ответит взрослый. Если сразу не сможет, так перероет справочники, заглянет в Интернет, или же, не мудрствуя и не напрягаясь, схитрит и изловчится, переведёт вопрос-интерес в другое русло.

А кто ответит на наши, взрослые, такие тяжёлые, неподъёмные – потому что не решаемые – вопросы? Кто – эй, ау? В ответ – молчание. Самое время – перевести разговор в другое, более приятное русло. Вот вопрос: кто написал эти замечательные строчки: «Давай о хорошем. Ты любишь мультфильмы? Ватрушки? Ходить босиком? Валяться в сугробах? Звонить на мобильный, «Целую» шепнуть перед сном? А реку, а звёзды? А катер летящий и пенный бурун за бортом? А клочья тумана? А ягоды в чаше? И чтоб заблудиться потом? Охоту на уток? Ходить за грибами? И щуку ловить в камышах? Давай о хорошем. О лучшем. О самых простых и понятных вещах. Про утренний кофе и дым сигареты (да, вредно, но так зашибись!). А наши бродилки с тобой до рассвета ты любишь? Ну вот, улыбнись. А музыку Гайдна? А песни Земфиры? Собакино пузо чесать? Давай, приходи. Есть коробка зефира. Ну, в общем, чего объяснять... Депрессия, скука – поганая штука. Но мы ей объявим войну. Давай о хорошем. Простая наука – взлетать, если тянет ко дну».

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Анастасия Михайловна: *«Добрый, добрый день! Мечты сбываются! Вернулась с Байкала, и он теперь в сердце моём! Боюсь расплескать. Это что-то огромное и неведомое – то, что ты ощущаешь там.*

Святой Байкал, где каждая бухта, каждая скала овеяна легендами. Люди совершенно другие – выглядят значительно моложе своего возраста. Дома на замки не запирают, крючочки, как было раньше у нас. Цветы ярче и ароматнее, деревья красивые, мощные, растут семейками из одного

корня 2–3–4–5 стволов. Кедры растут из одной шишки. В одном случае я насчитала до 15 ростков...

Байкал – это все чудеса света – вместе взятые... Написала стихотворение «Август на Байкале»:

Запомни всё, запомни всё: седой Ольхон, святой Байкал,
Слюдянку, Ангару, Аршан и пик хребта Хамар-Дабан.

Друзья вокруг, друзья с тобой.

Тебя ведут-ведут с собой

От высоты до высоты – для исполнения мечты.

Мы этот август сохраним в заветных кладовых души».

Марьин корень тёти Маши

Люди делятся на тех, кто обходит трамвай спереди, и тех, кто обходит его сзади, – это, кажется, из Ильфа и Петрова. Впрочем, у каждого из нас своя квалификация человечества... Например, я «делю» людей на разрушителей и созидателей. Первых в жизни, к сожалению, предостаточно, о чём свидетельствуют массовые убийства, революции, войны, терроризм. Они происходят не в отсталых племенах на богом забытых мысах и в глухих уголках планеты, а в самых благополучных странах.

Человеческая способность к разрушению всеядна и многообразна – она проявляется в отношении друг к другу, к природе, к окружению. Например, бессмысленным, вандальным разрушением, как смерчем, проходит по памятникам культуры и архитектуры, интересным созданиям рук человеческих и просто по всему, что попадётся под эти разрушающие руки – скамейкам, фонарям, столикам в кафешке...

А есть очень симпатичные и обаятельные, умные и деятельные люди, которые хотя и не крушат всё видимое вокруг, не ломают, не портят, но несут в себе огромную силу разрушения. Всего, к чему «прикасаются», – отношений, идеи, дела. При этом последовательно, даже не догадываясь об этом, разрушают и себя. Вокруг и внутри такого человека – пепелище, пусть не поверхностное, невидимое взглядом, но сожжённое, растущее пепелище. «Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать», – вычитала у Роберта Уоррена, написавшего легендарную книгу «Вся королевская рать».

Но давайте лучше вспомним другой тип людей – созидателей. Рамиль абый Калимуллин, ветеран-нефтяник, специалист в области капитального ремонта скважин и известный автор очень симпатичных, точных, наблюдательных и часто остроумных рассказиков-воспоминаний о нефтяниках, – один из них.

Всю свою жизнь Рамиль абый засеивает, засаживает, наполняет – какое ещё слово подобрать? – населяет нашу землю красотой и радостью. Неустанно выращивает саженцы благородных деревьев и кустарников, а потом высаживает их в нашем городе и в округе. Причем бесплатно, ибо это по порыву души, это естественное проявление его мироощущения. Ведь Рамиль абый убежден, что человек пришёл в этот мир созидать, строить, помогать. Что сам и делает. Кто бы подсчитал, сколько сосен, рябин, калин, боярышника, барбариса и других пород деревьев и кустарников выращено, а потом посажено в землю умелыми руками этого человека-трудяги! Сколько километров пройдено им по лесам, дорогам, склонам гор! Его зелёные «дети» радуют глаз, наполняют нас радостью и хорошим самочувствием. Более того, Рамиль абый чувствует ответственность перед каждым своим деревцем: не просто втыкает в землю, но поливает, ухаживает, делает обрезку.

Попросили меня в этом году татары, живущие далеко от родины, найти саженцы любимейшей им сосенки, как напоминание о родимой земле. Обратились мы в питомник, а там руками разводят: снега много, не пройти, в питомник попадём в конце апреля. Нет саженцев сосенок и в магазинах. Вот ведь проблема – окружены сосновыми лесами, а саженец не достать – пора снежная. Вот ведь незадача – подумают, что не захотела возиться с поручением. И тут я увидела, что навстречу весело шагает Рамиль абый – несёт в редакцию очередной материал. Решила с ним посоветоваться, как быть.

...Через неделю у меня были саженцы сосны – от крошечных, пятнадцатисантиметровых до полуметровых. По каким снегам протопал этот старец, как откопал только? А ещё через неделю я передавала их из рук в руки и видела, как им радуются люди. Юные сосенки были посажены за тысячи километров от нас – на даче, в палисаднике, на городской улице. Сколько искренних слов благодарности неизвестному для них человеку – ветерану Калимуллину – было передано через меня! Ра-

миль абый смущённо отмахивается, его больше интересует, прижились ли деревца в чужой для них почве, и даёт совет: пусть хозяева притеняют их в такую жару. И за них, далёких своих питомцев, теперь он переживает – такой уж человек.

И ещё хотелось бы добавить, что уважаемый аксакал взращивает не только живые зелёные ростки, но и ростки душевные. В нашем городе он когда-то организовал – естественно, что бесплатные – курсы изучения арабского языка, которым он сам замечательно владеет. Многие из десятков взрослых людей, бывших его учениками-шакирдами в арабском языке, верой и правдой служат Всевышнему и своим прихожанам. А ещё он щедро раздает книги из своей библиотеки, всё, что может пригодиться другим в работе, – книги экологические, технические, литературоведческие, а ещё для души – поэтические сборники.

Каждый, кто входит во второе здание «Татнефти» на улице Заслонова, обращает внимание на букет, стоящий на подоконнике. Букеты часто приносит из своего сада наша тётя Маша – Мария Григорьевна Мамяшева. Даже маститые садоводы долго потом обсуждают её цветы – редкие, не часто встречаемые на наших участках. Теряют тётю Машу: что за цветы, как растишь? А она порой и не знает названий, главное, что они по душе и ей самой, и другим. Один Марьин корень (так называется дивный цветок – и определила это наша умница-садовод Наталья Ларионова из технического отдела) чего стоит – красоты невысказанной. Впрочем, и обычные цветы у тётки Маши всегда прекрасны и ухожены. Во многих наших кабинетах горшки с цветами появились с её благословения и помощи. Она по характеру настоящая пчёлка, никогда не стоит без дела, даже в минуту отдыха – наблюдаем мы постоянно – склоняется над растениями: лечит их, пересаживает, протирает листья. Наводит она красоту цветущую и вокруг своего подъезда.

Принцип нашей Марии, её Марьин корень (а это уже образное выражение) – своими руками, в меру сил и возможностей, радовать людей, приносить добро и красоту.

Кстати, цветок Марьин корень в народе называют Марьей-королевой, а ещё – сердечной ягодой.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Васильевы: *«Спасибо таким, как тётя Маша (Мария Григорьевна Мамяшева) и дядя Рамиль (Рамиль Салихович Калимуллин). Глядя на них, и мы начинаем приводить в порядок дворы и подъезды. Просто многие люди инертны и ленивы. А если рядом есть такие активисты, стыдно сидеть в стороне. Пишите побольше о таких людях, это поучительно и полезно».*

Гость 12.07.2011. 11:35: *«Долгих лет Рамилю абый!»*

...Кстати, о Рамиле Салиховиче Калимуллине. Неугомонный наш земляк-нефтяник вернулся недавно из удивительной поездки. Ему всегда хотелось узнать, где, в каких местах погибли его отец-фронтовик и репрессированный дед, в какой земле они упокоились. В 1967 году он побывал в Украине, своими глазами увидел братскую могилу, где похоронен отец, набрал горсть донбасской обожжённой земли, привез её на могилу матери. А на днях побывал в Свяжске – там, где нашёл последний покой в 1942 году его 72-летний дед, и оттуда привез землю, а точнее щепотку штукатурки из местного каземата, где мучился старик...

Дудочка Крысолова

Горожане в большинстве своём дождя не любят. Разве только прошлое лето – жаркое, мучительное, без капельки небесной влаги – внесло коррективы в их пристрастия. Дождь для многих – помеха, досадное вмешательство в планы выходного дня: пикники, путешествия, походы, прогулки. А вот для других он – великое благо. Для тех, кто растит хлеб, картофель, овощи, кому скотину всю зиму кормить сеном. Как-то в начале лета, после небольшого дождика человек, занимающий высокий пост в аграрной системе, так ответил на рядовой вопрос о настроении: «Да после вчерашнего дождика я себя счастливым человеком чувствую. Спать не хотелось, я ночью на крыльце стоял, радость-то такая, на дождь смотрел, молился: пусть нас минует прошлогодняя засуха. Я сам ощущал себя измученной землёй, которая наконец-то напьется, задышит. И завидовал другим районам Татарстана – там чаще дождь идёт.

Так что, ребята, с урожаем будем! Эх, пусть ещё хотя бы пару раз за лето прольёт такой дождь! Другого ничего и не прошу».

Минувшие выходные были дождливыми. Невольно вспомнила того хорошего дядьку – тоже, поди, рад, опять, наверно, дождю молится: лей, лей, пои землю! ... Дождь вначале лениво барабанил по пыльной земле, потом разошёлся молниегрозой, небольшим градом. Семейством мы выскочили в сад, пока думали, что предпочтительнее спасать – маленькие пупырчатые огурчики или великолепно цветущую красавицу-астильбу, пока разворачивали укрывное волокно, и град кончился, к счастью, ничего не повредив. Стояли под проливным дождём и смеялись над собой – спасатели заторможенные... А в домах – рядом и вдалеке – широко распахнутые окна, а в них довольные люди, любовавшиеся дождем. Ещё бы – целую неделю не придётся мучиться и поливать сад: руки и спины от ежедневного полива, леек-шлангов-вёдер так устали! А пенсионеры вдвойне довольны: дождь – это бесплатно, ведь полив кубометрами водопроводной воды делает сад-огород золотым. Так что да здравствует дождь!

Но в жизни все относительно, и сходятся в один миг полярные диаметрально противоположности: радость и горе, благо и потеря, путешествие – и конец... И дождь, благодатный и спасительный для одних, в тот же час, в то же самое время становится губительным для других. ... Случилась катастрофа на Волге с теплоходом «Булгария», и многое в этой трагедии усугубилось плохой погодой и дождём. Говорят, среди спасшихся в основном те, кто был на палубе. Утонули пассажиры, находившиеся в тот момент в каютах. Для них дождь стал роковым. Было бы солнце – сидели бы люди в шезлонгах, разгадывали кроссворды, дети бы по палубе бегали, а родители призывали их не свешиваться за борт... Но пассажиры продрогли на экскурсии, дождь не располагал надолго задерживаться на палубе. Вот и спустились в каюты, в помещения. Детей собрали, и они большой командой пошли в музыкальный зал. Наверное, шли как в детский сад по утрам – кто-то с радостью, кто-то с рёвом, кто-то с жалобной улыбкой, спотыкаясь и оглядываясь на родителей: «Не хочу!!!».

Маленькие заложники, невольные пленники нашей жизни... Той самой, когда коррупционными становятся органы, изначально наделённые обязательством наблюдать, нака-

зывать, карать. Когда любую бумагу-справку можно купить – есть лишь цена вопроса. И тогда в смертельный рейс уйдут технически неисправные самолёты, теплоходы, автобусы. В продажу поступят ядовитые продукты. Превратятся в печку-топку для живых людей ночные клубы, дома для престарелых, интернаты для детей.

Не меньшее зло в сегодняшней жизни – торжество некачественного и равнодушного труда: культ тяп-ляпства, работы спустя рукава. Можно спокойно не затянуть винт в самолёте двигателя, не закрепить тросы в строительной технике, пустить в производство некачественную сталь, полениться убрать в холодильную камеру фарш для котлет в пионерском лагере, играть в карточки вместо того, чтобы следить за купающимися детьми. ...

Есть старинная легенда-сказка про Крысолова из немецкого города Хамельн (Гамельн). Однажды беда обрушилась на его жителей: страшное нашествие крыс. Тому, кто избавит город от напасти, была обещана награда. И вот явился в город странный человек. Он выполнил своё обещание: заиграв на дудочке, он увёл под её мелодию огромные полчища крыс. Но власти города пожалели заплатить ему, и он под мелодию дудочки увёл из города детей. Они последовали за Крысоловом и утонули в реке Везер. Кстати, появление Крысолова в Гамельне и исчезновение ста тридцати детей зафиксированы как достоверный факт! Тот, кто был в этом городе, может увидеть соответствующую запись на здании старинной ратуши – её так и называют Домом Крысолова. Улица, по которой он увёл детей, – улица Молчания. Здесь до сих пор запрещено бить в барабан... Но вернёмся к легенде. Есть и другой её вариант: дети поднялись на гору неподалёку от Гамельна и исчезли в расступившейся перед ними скале. А вот уже значительно позже люди придумали другую концовку страшной легенде. Дети проходят сквозь гору и оказываются далеко от родных мест, и там они основывают свой город, свою страну Счастливого Детства – где нет и никогда не будет места жестокости, обману и алчности...

Постскриптум. В день всероссийского траура по погибшим во время крушения теплохода «Булгария», 12 июля, в Альметьевске, на городском озере, дети и подростки в знак скорби и потрясения спустили на воду сделанные ими венки из полевых

и садовых цветов. А на следующий день в адрес нашей колонки пришло электронное письмо от ветерана управления «Татнефтегазпереработка», журналиста Анастасии Вакатовой:

«Сегодня на нашем городском озере приводнились шесть белых грациозных лебедей. Мы почти час ими любовались. По всей видимости, это три пары, так как среди них трое крупных, с чёрными околышами. И три ослепительно белые лебёдушки. Вот так в один присест наше озеро стало лебединым».

Но вскоре лебеди улетели...

Кольцо Поликрата, или Счастье без оглядки

Мало найдётся среди читателей людей, которым было бы неизвестно слово Немезида (возмездие, кара, неотвратимость наказания). Немало романов и фильмов с таким названием – от Агаты Кристи о старушке «божьем одуванчике» мисс Марпл до фантастических эпопей о конце света, Армагеддоне. И всегда в одном, определённом смысле: Немезида накажет, возмездие всегда наступит и покарает каждого, кто нарушает законы мироздания. Но всегда ли точный смысл и правильную «начинку» вкладываем мы в это понятие? И многие ли из нас знают, что Немезида наказывает людей и за неумеренное счастье?

Немезида – богиня возмездия и кары, постигающей нарушителей мирового порядка, богиня неотвратимого возмездия судьбы. По словарю Брокгауза и Ефрона, Немезида – первоначально этическое понятие, возникшее из идеи судьбы. Понятие о мировом порядке привело к мысли, что человек должен более всего избегать гордости и что смирение и умеренность вернее всего ведут к счастью. «Это воззрение сложилось в понятие Немезида, которым обозначали божеский гнев, постигавший того, кто нарушал предустановленный ход мировых явлений; таким нарушителем являлся, например, или необыкновенно счастливый человек (Поликрат), или слишком заносчивый гордец (Ниоба)».

В русском языке есть фразеологический оборот: «Владеть перстнем Поликрата». То есть быть очень счастливым, везучим человеком. Смутно помню, что в университете по предмету «античная литература» нам рекомендовали ознакомиться с

произведением Геродота о Поликрате. Но не сложилось как-то – в юности вовсе не хочется читать о наказании за счастье. Счастье хочется иметь. Да и может ли быть интересен для молодых какой-то древний Поликрат – тиран с острова Самос (6 век до н. э.)? Узнать о нём подробно пришлось в ходе подготовки данного материала.

Поликрат, действительно, был счастливым и везунчиком. Всё, о чём мечтал, сбывалось. Был очень богат и могуществен, пользовался властью и славой. Во всех своих походах и деяниях он никогда не знал неудач. Ему удалось захватить множество островов и городов на материке, а ещё Поликрат был тираном, пиратом и – по современным представлениям – первым крупным рэкетиrom. Он допускал беспрепятственное торговое судоходство на подконтрольных ему территориях только за денежку, а иначе – грабил грузы, людей отдавал в рабство. Был меценатом, любителем искусств. Материально помогал семьям и вдовам погибших воинов и создал для этой цели специальный фонд. Одновременно жестоко расправлялся с оппозицией: семьи мятежников были репрессированы, а детей и жён даже своих сторонников он запер в доках, как заложников, чтобы сжечь их в случае измены.

Его друг, фараон Амасис, получал постоянные известия о необыкновенной удачливости Поликрата. Это его тревожило, и он отправил тирану письмо: (не откажу себе в том, чтобы привести его полностью, – настолько оно актуально и современно!):

«Приятно узнать, что друг наш и гостеприимец счастлив. Но всё же твои великие успехи не радуют меня, так как я знаю, сколь ревниво божество. Поэтому я желал бы, чтобы и у меня самого и моих друзей одно удавалось, а другое нет, чтобы лучше на своём веку мне попеременно сопутствовали успехи и неудачи, чем быть счастливому всегда. Ведь мне не приходилось слышать ещё ни об одном человеке, кому бы всё удавалось, а в конце концов, он не кончил бы плохо. Поэтому послушайся моего совета теперь и ради своего счастья поступи так: обдумай, что тебе дороже всего на свете и потеря чего может больше всего огорчить тебя. Эту-то вещь ты закинь так, чтобы она больше не попала никому в руки. И если и тогда успехи у тебя не будут сменяться неудачами, то и впредь применяй то же средство по моему совету».

Поликрат, следуя совету друга-мудреца, выбросил в море самый ценный и любимый перстень. Через несколько дней рыбак поймал большую и красивую рыбу и подарил её Поликрату, и в её брюхе был обнаружен тот самый перстень. Поликрат обрадовался и написал обо всём в Египет Амасису. Тот понял, что Поликрат добром не кончит (боги уже отвернулись от Поликрата!) и разорвал с ним союз, чтобы не скорбеть о друге, когда его постигнет неудача.

Вскоре недруги перехитрили Поликрата – он попался на элементарной жадности. Сказочно богатый, он жаждал новых богатств, и его заманили драгоценными камнями и повесили (распяли). Вот такова легенда о самосском тиране Поликрате, который был неправдоподобно счастливым человеком.

Говорят: «И боги бывают завистливы», а уж люди – и по-давно...

Часто мы желаем друг другу любви безоглядной и счастья без оглядки. А вот по Немезиде получается, что полное счастье – вещь хрупкая и уязвимая. И что не менее актуально не просто достичь счастья, но и сохранить его и себя. А что для этого нужно, – возможно, неведомо никому. Или же у каждого свой вариант решения. Может быть, будучи очень счастливым и удачливым человеком, не возжелать большего, как тот Поликрат? Может быть, не возгордиться собой, своей удачей? И не забывать о тех, кому не так повезло, или хотя бы не добивать их пренебрежением и презрением? И, наверняка (что полезно для жизни, здоровья и своего будущего), – видеть основную причину достигнутых успехов не в своей уникальности и заоблачном таланте, но ещё и в руке судьбы, в генах, в усилиях родителей, в поддержке окружающих. Может, тогда и удастся удержать птицу счастья и не получить ощутимо болезненный щелчок от фортуны?

А что вы думаете об этом?

И ещё. Из всей истории с перстнем я извлекла подтверждение простой человеческой мудрости: не бойтесь ничего! Неудачи и малые огорчения не должны вас пугать и выводить из себя. Воспринимайте их как малую плату, как малую «кровь», как жертву, как некое отступное за счастье, здоровье и благополучие – ваше и близких вам людей.

Кстати, о второй ипостаси Немезиды поговорим в следующем раз.

«Приятно знать, что есть возмездие...»

И снова о Немезиде – богине и явлении. Немезида – возмездие, карает как за чрезмерное счастье (о чём и шла речь в предыдущем материале), так и за грехи и нарушения. Понятие «неотвратимость возмездия» есть и в правовой системе, что, увы, часто вызывает у нас скептическую ухмылку. И не без основания. Сколько вокруг живёт и процветает убийц, казнокрадов, мошенников, взяточников, и они не в тюрьме, не понесли заслуженного наказания, не посыпают в раскаянии голову пеплом. Услышав об очередном рассыпавшемся судебном процессе, политическом или карьерном взлёте злодея, мы громко возмущаемся, а потом успокаиваем-утешаем себя: всё равно конец будет, наказание придёт – сколько верёвочке не виться. Каждый из нас, верующий или атеист, убежден: есть, есть мировой порядок или божий гнев, или Немезида, закон справедливости – То, что неотвратимо настигнет всех, кто вершит насилие и зло. Как говорят в народе, навредишь на копейку, получишь неприятностей на рубль. Все жизненное дерьмо, вся грязь (физическая, нравственная, духовная), которую ты раскидал вокруг себя, ВСЕГДА возвращается как бумеранг. Тем же дерьмом, грязью, болезнями, неприятностями. Расскажу историю, которую пережила сама. Она поставила жирный восклицательный знак вместо вопросительного в вопросе: а есть ли оно, это полумифическое возмездие? Есть!

Итак, история, в которой не придумана ни одна ситуация. Было это четыре года назад. Возвращаемся на машине из отпуска. Юг, полупустыня. Тормозят на каком-то КПМ – контрольном пункте милиции. Оружие? Не везём. Наркотики – нет. Мы невозмутимы – ведь мы добропорядочные граждане, но уже тянет-сосёт под ложечкой предчувствие: что-то идёт не так. Машину окружают аж четыре гаишника, осматривают багаж. Из груды гостинцев извлекается кусок рыбы – гостинец с Волги. И вокруг этого четырёмсотграммового куса начинается пляска, а точнее, свистопляска. Оказывается, мы – контрабандисты, промышленяющие торговлей ценной рыбой, нарушители ряда статей Уголовного кодекса (номера статей и пунктов, сумма штрафов и годы тюрьмы следуют со скоростью пулемётной очереди). Тут находят среди наших вещей баночку консервную, её торопливо (чудится зернистая икра вместо скромной сайры) вскрывают перочинным ножиком!

Увы, мы туда икру не запаяли, и гаишники откровенно огорчаются. Нет в багаже и иных «контрабандных» вещей, и в четыре голоса вновь начинают говорить о рыбе. «Это всего лишь скромный гостинец. У нас называется кучтэнэч», – встречаю я с объяснениями. Рыжий детина с автоматом наперерез говорит: «Я сам татарин, я всё-ё-ё понял, о чём вы пытались мужа предупредить». Ну вот, точно за рецидивистов принимают, ещё и терроризм припаяют.

Вы скажете, что это смешно? Мне даже сегодня не смешно, а тогда было реально страшно. Представьте: облезлый КПМ, никого вокруг, только пески, связь не работает (а если бы и работала, то кому звонить – министру Нургалиеву: господин министр, ваши доблестные ребята занимаются произволом?!). Де-факто: четыре наглых служивых в форме, а потому в нашей стране именно они априори правы и всесильны, а ты рядом с ними – червяк извивающийся, и тебя можно легко прихлопнуть. Требуют проехать (заметьте – не в областной центр!), а в БогомЧертомЗабытыйОбшарпанныйГородок аж в 150 км в стороне от трассы (видимо, у них там всё схвачено). Отказываемся. Мужа уводят в здание. Его нет долгих 40 минут. Что я пережила – промолчу. Там ему после прессинга (плати 50 тысяч, иначе сядете в тюрьму – мы постараемся!) выпотрошили портмоне с 9 тысячами рублей. Он в последнюю минуту отвоёвывал назад (под их недовольное сопение) 2 тысячи на бензин: доехать до бензоколонки.

Рыбку нам вернули. Муж схватил свёрток и пошёл к обочине.

– Зачем? – закричала я.

– Зачем? – завопили гаишники.

– А выброшу, чтобы на следующем КПМ не повторилась история.

– Ну что вы, езжайте спокойно, – сказали нам подобревшие ребята, – вас никто больше не остановит. Мы позаботились...

Но рыбу на их территории КПМ я не дала выбросить: «Еще чего, фиг вам, пусть рыба достанется другим – небесным – стервятникам». Что и сделали: отъехали, вышли из машины и выкинули рыбу за бархан: питайтесь, орлы и ястребы! Вопрос о том, чтобы везти её домой, и не стоял. Не потому, что слишком дорогой, прямо золотой, оказалась бы ущица. Просто она комом бы встала в горле от мерзких воспоминаний.

Горьким и долгим оказался осадок от испытанных унижения, страха и чувства собственного бессилия... Историю эту я как-то рассказала в компании журналистов федеральных и республиканских СМИ. Лишь один из них сказал, что мы должны были держаться до конца, отстаивать правду, даже если бы пришлось задержаться в пути и посидеть в КПЗ. Остальные же нас поддержали: правильно поступили, вам и пакетик наркотиков могли подбросить, и тут же заснять на видео. Так что забудьте этот страшный эпизод.

Мне вспомнился иностранный мультфильм: стоит девочка-пятилетка с косицами и громко пеняет копу-полицейскому: мол, я добропорядочная гражданка, плачу налоги, и вы не имеете права... Тушуетесь полицейский, козыряет. Господи, почему же в нашей стране нет элементарного уважения к своим гражданам, почему в каждом из нас видят в первую очередь преступника? В долгих и частых размышлениях я дошла до того, что впервые в жизни породила в себе огромную ненависть к кому-либо. Злость буквально плескалась во мне. И тогда я поняла: пережёвыванием ситуации, мысленными проклятиями, которые я обрушивала на головы служака, я лишь наказываю себя. Не получится ли так, что моя взращённая ненависть вернётся и ударит по мне? Осознав всё это, решила просто отпустить ситуацию. Не мне распутывать ту верёвочку, которая, сколько не вейся, а хвостик высунет. Надо простить, забыть, попроситься: чао, мужики, я не держу на вас зла. Сразу стало легко.

Прошло чуть больше года. И вдруг в теленовостях я вижу тот самый КПКМ и слышу: задержана группа сотрудников из области N – они обвиняются в шантаже и вымогании взяток. И вот они, знакомые всё лица – те ребята в погонах, которые когда-то куражились над нами. «Приплыли», называется. А через несколько месяцев их снова показали на всю Россию – но уже без погон, в зале суда. Сроки – до 8 лет лишения свободы.

Честное слово, я не чувствовала никакого злорадства и радости. Ну, может быть, просто облегчение от мысли, что принцип верёвочки действует!

Гениально о подобном написал Игорь Губерман:

«В туманной тьме горят созвездия,
мерцающая зыбко и недружно;
приятно знать, что есть возмездие
И что душе оно не нужно».

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Юлия 03.08.2011. 13:14: *«Хорошая тема! Часто об этом задумывалась: не оценишь счастья (когда родители живы-здоровы, дети подрастают и радуют нас, на душе благостное спокойствие...), пока не случится хоть какое-то тревожное событие или неудача, несчастье не настигнет кого-то из близких. Или не оценишь, насколько прекрасно то время, когда сама или близкие здоровы и ничего не болит, пока серьёзно не переболеешь сам или близкие. Зато потом... по выздоровлению... не нарадуешься каждому дню без боли! И не устаёшь восхищаться жизнью, когда всё преодолеешь, все неудачи позади! Спасибо Вам за статью, она сподвигает каждого задуматься о многом...»*

Сафина Раиса 02.08.2011. 12:38: *«Возмездие настигает обидчика и без нашего участия – я часто в этом убеждалась, поэтому не нужно проклинать и злиться. Но трудно не обижаться и не злиться в тот момент, когда тебя незаслуженно обижают. Я считаю, что зло всегда должно быть справедливо наказано, а как это произойдёт – решат высшие силы. Не нужно забывать, что позитивные мысли и действия в десятки раз сильнее негативных. Пусть всегда побеждает добро и будет меньше вокруг нас зла!».*

Аида Белова: *«Я тоже верю в возмездие. Каждый человек должен быть ответствен за свои поступки. Надо думать, как отзовётся и действие наше, и даже слово».*

Диагноз: ледяной осколок в холодном сердце

Думаю, понятно, что речь идёт не о физиологической аномалии, а о нравственном, духовном уродстве. Немало, к сожалению, тех, кому можно поставить подобный «диагноз». Ледяной осколок ассоциируется у нас с самой известной сказкой Андерсена «Снежная королева». Лёд превратил доброго и отзывчивого мальчишку Кая в злого и бездушного, и только самоотверженность и верность девочки Герды расколдовали его.

Сильнейшие морозы, охватившие большие территории России, стали испытанием не только телесным. В централь-

ных СМИ появился ряд сообщений, где рассказывается, как в 36–40-градусные морозы детей выкидывали из автобусов и троллейбусов. Кто-то из них был «зайцем», а у кого-то элементарно не хватало пары рублей на билет. В профессиональном раже борьбы с безбилетниками водители и кондукторы (а ведь это женщины – чьи-то матери, бабушки и тёти, да у них забота о ребёнке в крови должна бурлить!) высаживали детей в мороз, совершенно не заботясь, как те доберутся до дома.

А если замёрзнут, забьются куда-то в сугроб, окоченеют? До беды ведь недолго и недалече. Всего один шаг от жестокости и бессердечия.

Вот алтайский случай. Одиннадцатилетнего мальчика тётя сама посадила на автобус. Оплатила проезд. В пункте назначения его ждали родители. Когда в пути автобус постепенно опустел, водитель решил, что из-за одного какого-то мальчишки крюк делать просто невыгодно. И он высадил ребёнка на дорожной развилке со словами: не маленький, пешком дотопаешь. А топать по морозу еще 5 километров – больше часа пути, да по утренней темени, да при колючем ветре, да при отсутствии попутков (они в тех глухих местах – редкость)... Изнемогшего и замёрзшего мальчика, он успел пройти треть маршрута, к счастью, подобрала случайно оказавшаяся здесь машина.

В том же Барнауле другого десятилетнего ребёнка вытолкали из автобуса посреди дороги. Он хотел заплатить за билет, но не хватило нескольких рублей. Никто из пассажиров не возмутился, не заступился, не предложил внести пару рублей... Подумаешь, пацан сопливый!

А вот альметьевский случай. Десятилетний мальчик, сын моих знакомых, вызвал такси – ему надо было ехать в спорткомплекс «АЛНАС» на тренировку. То ли объяснил невнятно, то ли ограничился одним словом «АЛНАС», вот и повёз его водитель в совершенно другом направлении. Довёз до завода погружных электронасосов («АЛНАС»), а в ответ на испуганное ребячье – «А мне же в ДЮСШ «АЛНАС» надо было...» – получил деньги и просто высадил его в рабочей пригородной зоне.

Денег на обратный проезд у мальчика не было. Водитель развернулся и уехал опять в город, да ещё и порожний, то есть ему ничего не стоило подбросить мальчишку хотя бы до улицы Шевченко. Ну, поругать за невнимательность, поворчать,

надавать советов, но просто подбросить до города, до которого всего-то 5 минут пути...

Это было бы по-человечески.

И его не встревожили (как и тех водителей маршрутных автобусов) простые, человеческие сомнения: а как мальчик доберётся, а вдруг денег на троллейбус нет и высадит его тётка-кондукторша, очередная гроза безбилетников всех мастей... И не посетила опять же простая, человеческая, отцовская мысль: а случись с моим сыном (дочкой) такая ситуация? Вот так же бросят его (её) в поле за городом?

...Эффект бумеранга (как я с тобой – так и ты со мной; отдал зло – получил беду; посеял ветер – пожнешь бурю) – он существует, он работает, он выполняет свою, порой довольно жестокую миссию в нашем мире. «Так как они сеяли ветер – то пожнут бурю», – это, кстати, из Ветхого Завета. Вон и барды о том же самом поют, правда, более незатейливо, но столь же мудро: «Так устроено в судьбе зло любого ранга. Возвращается к тебе в виде бумеранга. Есть одно отличие – очень неприятное. Возвращается к тебе зло десятикратное». А кто-то утверждает, что и сто, и миллионнократное. Ведь посланное зло ВСЕГДА возвращается и часто бьет не по обидчику, а по его «слабому звену», по самым любимым и беззащитным людям в его окружении. И часто ими оказываются именно дети.

Кстати, о сказке «Снежная королева»... С удовольствием перечитала её. Оказывается, мы знаем её содержание по кино и мультверсиям. В книге-первоисточнике Ганса Христиана Андерсена повествование о Снежной королеве, Герде, Кае и прочих персонажах – это история вторая. А первая история, предваряющая сказку, – «История первая, в которой рассказывается о зеркале и его обломках». Так вот, жил-был тролль, злой-презлой, сущий дьявол. И смастерил он такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось, а всё дурное и безобразное так и выпирало, делалось ещё гаже. Потом зеркало разбилось на миллионы осколков, и оттого произошло ещё больше бед. Некоторые осколки, с песчинку величиной, разлетаясь по белу свету, попадали людям в глаза, и те начинали видеть мир только в дурном и плохом свете. А некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, что было страшнее всего: сердце делалось как кусок льда. Жестокое и бессердечное. Так что вовсе не ледяной осколок попадает в сердце Кая, а зеркальный.

Впрочем, эти детали неважны, они не умаляют величину зла...

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Сообщения с сайта «Нефтяной газеты»:

20.02.2012. 16:43 Ужас... другого слова не найдёшь после прочтения таких историй...

21.02.2012. 12:05 К сожалению, даже удивляться не приходится, если даже в поликлинике медсёстры проходят мимо севшего на пол старика.

21.02.2012. 15:34 Неужели своих детей нет..... а если бы их детей так..... то что тогда?

22.02.2012. 09:53 Прочитала и нахлынуло. Промозглой осенью всей семьёй стояли на остановке в деревне, отец посадил меня на попутный КамАЗ, чтоб не мёрзла и попросил водителя довезти меня до города. Помню, мама была против, но отец не слушал. Водитель благополучно высадил меня в промзоне, объяснив, что в город не имеет права заезжать, и показал ближайшую остановку. Бабища-кондуктор высадила меня с автобуса сразу же – не хватило 2 коп. на проезд (было только 3). Я прошла 5 км пешком и всё боялась, что иду не туда – промзона, а мне только 10 лет, в первый раз одна и так далеко от дома. Какое же было счастье, когда дошла до города и увидела знакомые очертания магазинов. Дома никого не было и пахло лекарствами – родители успели вернуться домой, и в истерике ушли на мои поиски...

Галия Я.: *«Я лежала в больнице, вдруг перевели в другую, за городом. Тогда не было мобильных телефонов, и я не могла маме об этом сообщить. Она пришла в больницу, ей сказали, что меня уже нет, перевезли в новую клинику. Мама запаниковала и ринулась ко мне. Новая больница была за городом, а там льготный проезд для пенсионеров не действует. Мама об этом не знала, началась проверка билетов. Она объясняла всем, что дочь неожиданно перевезли в другую больницу, возможно, ухудшилось её состояние. И вот она, как была, с мелочью в кармане и проездным, села в автобус...*

Её выслушали и... высадили. День знойный, под 40 градусов, она с тяжёлой сумкой с фруктами, банкой с супом. Без глотка воды. Она стеснялась голосовать. Мама шла целый

час, шатаясь от слабости, так что многие, наверно, подумали, что вон женщина идёт, выпила. Пока её не посадили в машину добрые люди. Мама ничего не рассказала, когда добралась до моей больницы, не хотела расстраивать. Это мне рассказала моя сестра. Сестра даже плакала: ну как же так, почему, ведь ты, мама, всем добро делаешь, всем помогаешь. Ну почему с тобой так поступили? А мама даже её успокаивала: за меня пассажиры заступались, просили водителя не высаживать. И тогда сестра сказала: сволочи твои пассажиры, подумаешь, просили, если они такие добрые, должны были просто скинуться на один билет. Добро не в жалости и слезах, а в конкретном действии.

Мама уже нет, но мы до сих пор вспоминаем тот случай. И легче от времени не стало».

Светлана Аглиуллина, 35 лет: «Когда мне было лет 7–8, мы с мамой шли в гости. И вдруг она упала – прямо на лестнице в чужом подъезде. Как я узнала многим позже, в те дни мама на ногах перенесла микроинфаркт. Я, маленькая девочка, стояла и беспомощно звала её, а мимо проходили люди и брезгливо возмущались «надо же так напиться! при ребёнке!»... Сегодня мама, слава Аллаху, жива. Живы и мои детские воспоминания, ставшие жестоким уроком на всю жизнь».

Ильнур: «Несколько месяцев назад ехал на такси в Бугульму. По дороге нас обгоняет джип, виляя и как-то неадекватно маневрируя. Таксист решил от греха подалее остановиться у обочины, и в это время на наших глазах гонщик улетает в кювет и переворачивается. Мы рванули к машине, из которой уже выбирались женщина-водитель и её муж в очень нетрезвом состоянии. Сзади сидели две их дочери и сестра гонщицы, прикрывшая телом детей. Мы взяли на борт девочек и их тётю, все были в шоковом состоянии. Довезли детей до дома, передали родным, а спасённую женщину оставили в больнице. Как потом оказалось, у нее была тяжёлая травма позвоночника...»

А недавно я снова ехал с тем таксистом. Он рассказал, что участники тех печальных событий нашли его в социальных сетях в Интернете и поблагодарили за оказанную вовремя помощь. И ещё. Все проезжавшие мимо аварии в тот вечер останавливались и предлагали свою помощь».

Виталий, водительский стаж 32 года: «У нас в гараже спор был. Вот на дороге голосует человек – брать его в салон или нет? Понятно, что мы не учитывали пьянь и рвань, «нанюханых» и т.д. Но ведь ситуации разные. У нас одного водителя тормознула девушка. Слезы на кулак наматывала, вся несчастная. Он тормознул, тут вылетели её дружочки. Кулаком заехали в лицо, кошелёк, телефон, куртку выдернули. Прошло время, он едет по утречку по верхней дороге (Шугурке) мимо садов-огородов. На обочине девчонка стоит в лёгком платьице, нечёсаная, дрожит на улице осень, ночью подморозило. Наверняка, искательница приключений. Ругая себя, всё-таки остановился. Девчонка поворачивается к нему, а у неё в руках завернутый в её же куртку ребёнок. Он довёз их до родительского дома: оказывается, муж «белочку» поймал, выкинул жену с дочкой на улицу. А мамашка молодая, дурёха, нет, чтобы к мамочке с папой рвануть, побоялась их расстраивать, ночевала в саду-огороде. А те всю ночь на каплях (думали, дочь руки на себя наложила). Нашего водителя они перецеловали, мамаша дочку и внучку согревающими мазями натирает, плачут все. А отец девушки говорит, что, по правде, он бы сам и не стал подбирать такую попутчицу, теперь есть ему повод подумать. А спор – сажать ли попутчика к себе в машину – он вечный, как для проводителей, так и для любителей».

Как провожают пароходы?

Совсем не так, как поезда. Ля-ля-ля-ля. Песенка такая есть, пел Эдуард Хиль. Знаете ли вы, как провожали пароходы в крупных волжских городах? Расписание отбытия (особенно в вечерние часы) пароходов-теплоходов там знают наизусть. За береговой вечерней и ночной прохладой к причалам стекаются взрослые с детьми, пожилые люди. Забиты все скамейки у причальных сквериков, людьми облеплены парапеты набережной. Последние объятия, слёзы, смех. Отъезжающие прижались к бортам парохода, провожающие на берегу стискивают в руках платочки. Об зре мобильников ещё никто и не подозревает, и поэтому все дружно орут то, о чём забыли сказать. Шум, гам, никто никого не слышит. Наконец, пароход даёт долгий гудок и – вот она главная минута, апофеоз!

– марш «Прощание славянки» в исполнении портового духового оркестра, и, наконец-то, пригодившиеся платочки.

Сама десятки раз провожала подруг и родственников в туристические водные путешествия, несколько раз провожали меня. Были пожелания: от нейтрального «Счастливого пути!» до «Смотри, не вывались за борт...». Были слёзы расставания, но никогда не ощущалось трагического ожидания, даже не думалось, что пароход может, например, затонуть. Мы, живущие в советской стране, были убеждены, что у нас самая лучшая сталь, все заклёпки на днище на местах (а как иначе?!), что капитаны получили прекрасное вузовское образование, боцман – гром и гроза, а команда вышколена и в трепете отлично исполняет свои обязанности. Да, в ресторане не всегда была ресторанный еда, в каютах не первой свежести ковровые дорожки – сервис у нас всегда хромал. Это потом был «Адмирал Нахимов» и сотни погибших... И страх, который повеял от воды.

Год исполнился трагедии с «Булгарией». У меня к этой трагедии собственный счёт. Там погибли дети. И погибли чудовищным образом – их собрали вместе для игр. Родители где-то на палубах. Дети одни, чужие воспитатели – не в счёт. И когда начинается ЭТО, когда всё накрывается, переворачивается и летит в тартарары, – переворачивается их мир. В буквально-прямом и переносном смысле. Ничего не понять, крики, плач, ВСЕ зовут маму. И ЕЁ нет рядом. Вот это – самое страшное. Ощутить себя покинутым, брошенным, потому что зовёшь её, а она не приходит. Наверное, это чувство пронзило каждое детское сердечко. А как разрывались сердца тонущих в это время родителей, когда они в последнюю минуту думали о погибающем ребёнке...

И второе. Все дни, пока шли спасательные работы на «Булгарию», болело мое материнское сердце. Среди тех, кто обеспечивал фронт этих работ, была и моя младшая дочь. Она прошла тогда через многое. Как профессионал, она так и не раскрыла подробности тех страшных недель. Только позже, когда несколько отошла от тех дней: соприкосновения – прямого, кожей и глазами – с огромным людским горем, круглосуточной работы с сонмом нагрянувших российских и иностранных журналистов; трёхчасового сна в одежде (спала в казарме-палатке рядом с десятком храпящих военных – там,

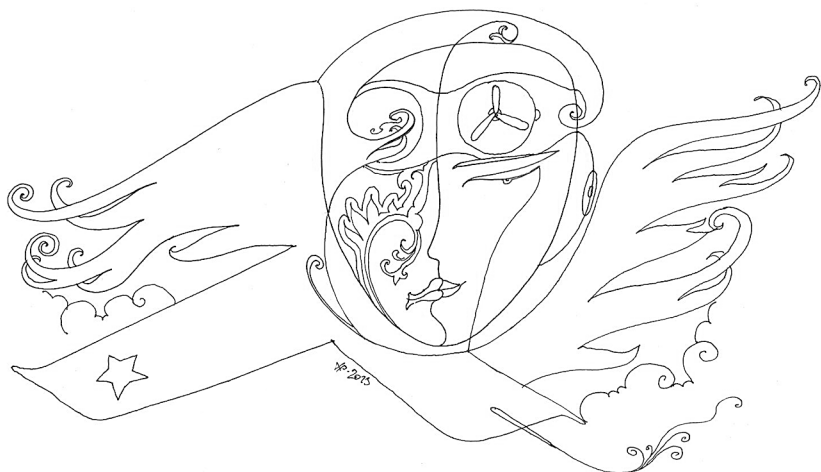
где катастрофа, не предусмотрены послабления для женщин, ибо считается, что катастрофами занимается только сильный пол), – рассказала немногое. Что самое страшное было, это когда водолазы вытаскивали на поверхность тельца детей. Они мужественно делали своё дело, но их лица были опрокинутыми от горя. А кто-то из них рыдал потом так, что тряслись мостки, а кто-то никак не мог распрямить сведённые пальцы, и из рук выпадали сигареты и зажигалки... Мне подумалось, как мудро поступило руководство компании «Татнефть», отметив их тяжелейший труд материальной помощью. После этих событий дочь решила получать второе образование – поступила в юридический институт на психологический факультет. Наверное, в нашем психованном мире не обойтись без специфических знаний...

...Не проверили исправность двигателя. Всего лишь не подложили шайбу под гайку (или как это правильно называете вы, мужчины?). Не до конца обработали средством от обледенения крыло самолёта. Не закрепили железом на крыше дома. Недоварили стык на футбольных воротах для школьного стадиона. Не хочу больше выковыривать из памяти детали, ставшие причиной гибели ни в чём не повинных людей. Детали – это детали. Причина – непрофессионализм людей, пренебрежение прямыми служебными обязанностями. Недоделал-недокрутил-забыл, плюнул и растёр – вроде бы всё непреднамеренно, не злодейски. Но это тот самый пофигизм, который возвращает преступление. КАЖДЫЙ работник должен быть профессионалом в своей области!!!

Пишу это в наивном и, возможно, в нелепом порыве ещё раз озвучить очевидные вещи. Вдруг прочтёт это рабочий и выточит деталь качественную, идущую в самолёт. А производитель выпустит качественный керосин. И дети-внуки этих товарищей полетят на самолёте, который техники аэропорта подготовят самым должным образом, а пилот их авиалайнера не будет бравировать в небе и нарушать правила. И всё будет у всех хорошо. Если каждый выполнит в полной мере и по букве инструкции и закона свои прямые служебные обязанности, в нашем людском мире убавится горя, тревоги и потеря.

Пусть данный материал также будет рядовым примером исполнения профессионального долга журналистов.

**ГЛАВА 2.
И СРАВНЯЛИСЬ БЫ ВСЕ ВЕСЫ...**

Сегодня началась война

Эта история произошла два года назад. Большой разновозрастной компанией поехали на пикник. С нами были и едва начавшая ходить малышня, и молодёжь – студенты и молодой специалист, работающий в одной из далёких восточных стран.

Думаю, надо немного подробно рассказать о местности, где был разбит наш бивак. Этот райский уголок, спрятанный от чужих глаз, мы обнаружили случайно несколько лет назад. В него попадаешь лишь при сухой погоде: несколько довольно крутых виражей по взгорьям, лес, опять холмы – и вот он, наш затерянный мир. Заброшенные, начинающие дичать сады, заросли шиповника, ковёр цветов и лекарственных растений, лесная ягода, малина, непуганая живность – востроносая личка, снующие в траве ёжики...

... Пока мужчины священнодействовали вокруг мангала, я увела подруг наслаждаться этой почти дикой природой. Мы кувыркались на поросших травой-муравой холмах, гуляли по лугу, лежали на копне, разглядывая голубую ширь неба с причудливыми облаками...

Ах, как хорошо. Не это ли – счастье и покой? Об этом и повёлся разговор:

– Всё ищем что-то, чем-то всегда недовольны, не довольствуемся малым. А ведь самое главное, чтобы был мир. Забыли, как только об этом мечтали в период «холодной войны», как дрожали за только что родившихся детей...

– А ведь в 41-м году, 22 июня тоже кто-то вот также радовался жизни, как мы сейчас, а потом пришли фашисты – жечь, убивать. Въезжали на танках, мотоциклах...

– А сегодня тоже июньское воскресенье, 25 июня 2006 года...

И тут тишину неожиданно разорвал стрекот мотоциклетного мотора, громкие крики. Мы в испуге вжались в копну. На поляну въехал чёрный мотоцикл. За рулём – голый по пояс солдат. Такой же – в люльке. Они громко гоготали и что-то выкрикивали. Вслед, урча и глухо ревя, двигался старый грузовик с деревянными бортами – и в кузове люди. Что происходит? Война? Нашествие? Да откуда оно здесь, вдали от государственных границ? Или это мираж? Повторение пройденного? Прорыв и перемещение во времени?

Всё. Спокойно, этого просто не может быть!!!

И всё встало на место. Из раздолбанной машины выпрыгнули люди не с ружьями и автоматами, а с косами в руках. На мотоциклисте были обычные брюки, хотя и маскировочной расцветки – их особенно любят охотники и рыбаки. Разговаривали они – сейчас уже не помню – на русском или татарском языке. Главное, что не по-немецки!.. Да это же жители ближайшего села!!!

И мы перевели дух, сползли с копны и – всё-таки почему-то таясь, хоронясь за кустами – двинулись к своим. Быстрее, быстрее! На поляне аппетитно пахло шашлыком и печёными на огне южными баклажанами, малыши тянули через соску сок, и дремота прикрывала им глаза, на ветру качалась лесная мальва... Мы пытались рассказать об испытанном шоке, о том, как мы вообразили, что началась война и в голове уже всё пронеслось мгновенно: эвакуация, что будет с мужчинами, где прятать детей.

ТЬфу, наваждение просто...

Говорили и не верили, что наш бестолковый рассказ поймут, что не поднимут нас на смех. Но никто не улыбнулся, даже молодёжь, до этого беззаботно распевавшая песни. А мы, наконец, перевели дух и посетовали, насколько же глубоко сидит в нас генная память о войне. Пять минут назад нам словно бы дали пережить то, что испытали наши родители, что вошло в нас через литературу и кино – на себе ощутить, как вривалась война в мирную жизнь... Это был – честное-пречестное слово! – настоящий шок. Но он заставил по-новому понять кое-что в жизни. Например, что счастье – это когда мир на земле. Когда дым и огонь – лишь от костра, а не от взрывов. А шум и гам – от веселящейся молодёжи. И глаза детей закрываются лишь во сне. И не надо прятать и спасать их, думать о голоде и смерти.

Война и правда

Ушёл очередной февраль – военный месяц. Отпраздновали День защитника Отечества. А ещё 2 февраля отмечали 65-ю годовщину битвы под Сталинградом. Сокрушительное поражение вермахта у стен этого города в 1943 году стало переломным моментом в Великой Отечественной войне.

...Увидела кадр по телевизору. Стоит красивый старый солдат, придерживая на груди дублёрку, а потом ухарским движением распахивает её – совсем как пьяный баянист, что раздирает меха своего инструмента. Так эффектно герой передачи демонстрирует свои многочисленные медали, ордена и значки.

Пусть простят ветераны, но как-то не по-доброму полоснуло по сердцу и уму это ухарство. Искусственным, неуместным показалось оно на фоне кадров с горящей от подожжённой нефти Волгой, с трупами, плывущими по воде, и горького до слёз рассказа о больших потерях, о матерях и вдовах...

И ведь понять несложно: перед нами заслуженный ветеран, воин, наконец, человек хороший. И злюсь я на то, что это – наверняка! – наш брат журналист расстарался, и в поиске интересного кадра подговорил старика устроить эффектное «раздевание», показать «товар лицом». А теперь посмотрел, наверно, старик фильм, и от погрёков своих же друзей-фронтовиков страдает. Старые солдаты, да ещё сталинской заправки – это те ещё вояки. В них справедливость и особенно неприятие фальши и пустого бахвальства до сих пор в нраве ржавым болтом свербит.

А Волга, действительно, тогда горела, и трупы плыли. Мне об этом рассказывали родители. Им было по 15 лет. В Астрахани, где они жили, Семнадцатая пристань – исконно любимое место горожан. Астраханцы – сибариты по природе. Вечером у них неперемный моцион – прогулка по набережной у Волги. Они не изменяли ей, даже когда фашисты рвались к кавказской нефти и бомбили заодно мирный город.

Любовь астраханцев к Волге можно объяснить даже физиологически. Дневная жара, пекло, в котором ощущается дыхание пустынь, выматывает и спадает к ночи. Вот тогда весь город вылезает из раскалённых домов и идёт к спасительной воде – там прохлада, свежий бриз, оживляющее дыхание близкого Каспия, там шуршащая волна.

Так вот эта шуршащая мирно волна прибывала трупы солдат – советских и немецких. Их течением несло со стороны Сталинграда, который иные старые люди типа моей бабушки иногда называли Царицыном. Я запомнила её слова: «Вода в Волге у Царицына была красного цвета. От крови». Моя бабушка считала, что некоторые вещи в жизни надо называть своими именами, не завуалировать, не пришивать бантики и оборочки. Это она заставила родителей рассказать мне, как они наткнулись на мёртвого солдатика, которого нежно баюкала волжская волна. Вот из таких картинок-мозаик и вытканно моё видение войны.

И сегодня я уверена: чтобы сохранить память о великом подвиге советского солдата, о тех невыносимых испытаниях, через которые прошёл наш народ, надо рассказывать об этом всем – молодёжи, нашим детям, внукам. И рассказывать по-особенному. Не хвалясь, не геройствуя, просто называя вещи своими именами. Беда. Страх. Отступление. Вой бомб. Месиво трупов. Блокада. Минное поле. Командир, поднимающийся навстречу танкам.

Опытный педагог, директор Альметьевского медицинского училища Наиль Хабибрахманович Шарипов часто приглашает на встречу со студентами ветеранов войны. Просит рассказывать просто и правдиво. Ему важно, чтобы воспитанники училища, решившие стать медицинскими работниками, лучше узнали о войне и боли и стали более милосердными.

Никогда не забыть рассказ очередной гостьи училища – Миннебики Абдулловны Хайбуллиной. Она, кстати, сама бывшая учительница, Отличник просвещения РФ. Миннебика апа просто и без пафоса рассказала – какой она была, именно её война. Вот маленький эпизод. Она – начальник отделения разведки в зенитно-артиллерийском полку. Её задача – наблюдать за немецкими самолётами и передавать данные об их полетах в штаб командиру дивизиона. По её корректировкам наши орудия ведут охоту за вражескими самолётами. Разгар боя. Грохот, взрывы, гарь, дышать нечем, в горле саднит. Надо срочно передавать данные, от которых зависит успех операции, а значит, жизни наших солдат. Но во рту пересохло, слюны нет, язык не ворочается, вместо звуков – сип... И тогда она просит, чтобы подружки-зенитчицы ...плевали ей в рот. И вот благодаря чужой слюне Миннебика выполнила задание.

Этот её рассказ девушки-модницы слушали потрясённо, в слезах, забыв о расплывающейся косметике, о покрасневших глазах. Война на них пахнула своей правдой – да, натуралистичной, да, сермяжной, но правдой. И теперь память о войне останется в них навсегда.

Говорить и писать формально – проще всего. Чтобы донести правду и боль, надо пережить эту боль и оценить эту правду.

Я нашла тебя, Мансур!

Вот мы и встретились с тобой, Мансур! Ровно через 65 лет ты передал привет самым непостижимым образом – мне, племяннице, которую ты никогда не знал и не мог видеть. Ты погиб в неполных 19 лет – в 1943 году.

Сегодня, 29 апреля 2008 года, я случайно попала на сайт <http://www.obd-memorial.ru/> и отправила в поисковую систему твоё имя. Через несколько секунд на экране компьютера (в твоё время их не было, но, поверь, это чертовски умная машина, которая всё и про всех знает) высветились строчки: Мансур Ягудин. Год рождения – 1924 г. Место рождения – Астрахань. Красноармеец 45-й мотострелковой бригады. Убит в боях за дер. Латыши Кировского района Смоленской области. Дата выбытия – 14.08.1943 года. Похоронен в братской могиле №2 д. Латыши.

Я никогда не плачу. Вот и в этот раз заплакало-заныло только моё сердце. Здравствуй, Мансур! Я нашла тебя – через годы и расстояния. Извини, что обращаюсь к тебе на «ты» – узнай об этом бабушка, непременно бы отругала. Но, как бы тебе объяснить... Ты – мне дядя, но ты так и остался девятнадцатилетним. А мне уже... Да ладно, не будем о моём возрасте...

Ты – старший сын моей бабушки. Твой братишка Анвер – мой отец. Всё мое детство прошло под рассказы о тебе. Ты был очень спокойным и благоразумным ребёнком, главной маминной усадой и надеждой. Она – твоя мама и моя бабушка – вспоминала о тебе с огромным сожалением, всегда считала, что будь ты жив, её жизнь сложилась бы по-другому, более счастливо, в большем покое и особом почёте со стороны домочадцев. Это, Мансур, она так специально говорила, чтобы позлить нас, пококетничать.

Она видела тебя инженером или бухгалтером – ты хорошо учился в школе. Такую же профессию она просила выбрать и моего отца. Он же – душа неугомонная, натура непостоянная, как чёрт ладана боялся сидячей работы за казённым столом и прогиба спины перед начальством. Он тянулся к Волге и Каспию, служил на Балтийском флоте, и в «мирное» время в море ушёл. Бабушка была этим недовольна. Занятие ли это – для сына известных купцов и нэпманов?!

И папину жену, мою маму, бабушка недолюбливала за строптивость, самостоятельность. А вот твоя жена, Мансур, – уверяла бабушка – непременно была бы спокойная, домашняя, почтительная к свекрови.

Написала про жену, и словно холодом меня обдало. Мансур, милый Мансур, а ведь тебе так и не довелось познать любовь. Не успел ты подружиться с девушкой, никого так и не пригласил на свидание у Волги. Вот и на фронт ушёл, провожаемый только малочисленными родственниками и уличными приятелями, без принятого в таких случаях платочка или кисета, вышитого девичьими руками.

Ты многого не познал, Мансур, – любви, счастья, рождения ребёнка.

Я слышу твой тихий, приглушённый вздох.

Знаешь, а во мне всегда жила шальная мысль, жёсткое предположение: будь у бабушки выбор, она бы отправила на войну не тебя, а младшего сына. Меня она, кстати, любила особенной любовью – в отсутствие тебя... А ведь я была – яблоко от яблони моих мамы и папы. И дерзкая, и хулиганистая, и самостоятельная. Бабушка же словно этого не видела. Втайне от родителей зашивала мои платья, порванные на заборах и деревьях, на отложенные от пенсии деньги (ей платили за твою гибель, Мансур, вначале 12, потом 19 рублей в месяц) покупала мне велосипед, который я ломала и корёжила за одно лето. Зато всегда принародно хвалила за твои черты, которые неожиданно для всех вдруг замечала во мне, за некоторую похожесть на тебя.

Признаюсь – когда я выбирала спутника жизни, среди нескольких претендентов – а были среди них и состоятельные, и влиятельные мужчины, – я выбрала мужчину с твоим именем. Не ошиблась. Мансур – победитель. Во всяком случае, человек сильный, не хлюпик, не нытик, полагающийся только на себя. Ты был именно таким.

Коли уж разговариваем мы сегодня с тобой так откровенно, повинюсь за всё. Я разрушала то, что ты создавал, и что осталось в нашем доме как память о тебе. Прости, это была просто детская глупость! Две из трёх фотографий, оставшихся от тебя, я безбожно исчеркала до дыр карандашом. И письма твои с фронта залила зелёной тоже я. Думала, так надо – ведь они уже были толсто вымараны чёрной тушью. Оказывается, это поработала почтовая цензура.

Что же столь недозволенного ты рискнул рассказывать в письмах, если над ними – задолго до меня – так поизгалялась цензура? Бабушка умилялась твоей хитрости и смекалке. Ты писал, что «свистят дожди, неба не видно» – эту строчку прошляпила цензура, а бабушка поняла: свистят пули, твоя часть сразу же попала в бой...

И ещё. Это я в пятом классе оборвала все струны на твоей мандолине, которую 20 лет после твоей гибели хранили бабушка и папа... Меня за это бесконечно долго ругали и напоминали, что «дурная голова на проказы богата», пока я не придумала резать струной плавленый сырок – он меньше крошился. Бабушка сказала, что и не подозревала, насколько я могу быть практичной при таких непрактичных родителях.

– Как Мансур, – улынулась она, – он тоже был горазд придумывать полезные штучки. Однажды сделал мне из старой тёрки рыбочистку – я с самым большим сазаном вмиг управлялась...

Сегодня из сведений о тебе на сайте «Мемориал» я узнала дату твоей гибели и, наконец, поняла, почему бабушка никогда не отмечала свой день рождения. Ведь он был днём твоей смерти! Ужасное совпадение!

Наверняка, в день своей гибели ты с самого утра думал о своей маме, её знаменитых пирогах, прикидывал – с чем они будут на этот раз: с абрикосами – их пора вот-вот отойдёт, или с орехами и лимонами, или с вязигой осетровой? Ты сказал: «Энием, мама, с днём рождения, не болей, жди, постараюсь вернуться живым». И ушёл в бой.

Что ж ты так, почему не уберёгся хотя бы в этот день? Впрочем, глупости говорю... Не расстраивайся, ты ни при чём. Если бы всё зависело от тебя, разве такой скорбью ты наполнил бы день её рождения?

В сокровенную минуту бабушка как-то сказала, что ей было бы легче, если бы на тебя пришла не похоронка, а извещение «пропал без вести». Пропал – не погиб. Сколько вон находилось людей! Бабушка и так до конца жизни с мыслью о тебе оборачивалась на скрип ворот, на лай Верного (в нашем доме все псы с твоей лёгкой руки, Мансур, носили только эту кличку – но я как-то заупрямилась и свою болонку назвала Бельчиком. Когда он умер, снова пошла черед собак с кличкой твоего любимого четвероногого друга).

Отвлеклась. Снова о бабушке, о том, что она ждала тебя долгие годы. И один раз чуть не случилось чудо. Влиятельный родственник бабушки по её настоятельной просьбе сумел выйти на военные архивы. И ему сообщили, что найдено официальное извещение – Ягудин Мансур не погиб, он пропал без вести!

Эта новость ворвалась в наш дом, который содрогнулся от звонков в дверь, от топота ног – спешили, буквально вламывались соседи, задыхаясь (бежал три трамвайные остановки) влетел в залу твой двоюродный брат Искандер...

Только бабушка, одна она была спокойной. Прошедшая жизненную школу страданий и разочарований, она быстро разобралась, что в новом извещении речь шла о твоём полном тёзке. А ещё она сказала, что другая мать оказалась более счастлива, чем она. Ей ещё надеяться можно...

Я вспомнила эту историю, и вновь кинулась к компьютеру. Ведь был же тезка! Был! И снова компьютер помог мне воссоздать прошлое. Пропал без вести Ягудин Мансур. Но ...уроженец деревни Усть-Турка Юго-Осокинского района Молотовской области.

Сегодня я позвонила в школу пос. Бетлица – деревни Латыши больше нет, да и это теперь не Смоленщина, а Калужская область. Милые сельские педагоги говорили со мной тихо и интеллигентно. Сказали: не волнуйтесь, есть братская могила, за ней приглядывают, у нас очень хорошие детки.

Милый Мансур! Люди помнят о вашем солдатском подвиге. А место это печально известное! Ты никогда не узнаешь, что ровно через месяц в местах, где погиб ты, грянул новый бой, о котором узнал весь мир. Это бой за Безымянную высоту. О нём снимут фильмы, напишут книги. Есть даже песня, которую знает вся Россия (её пел Марк Бернес):

«Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте, –
У незнакомого посёлка,
На Безымянной высоте».

Вас, молодых и необученных ребят, сразу кинули в бой. На Смоленщине разворачивались боевые действия. Огромными были потери на этой земле. Она вся нашипована снарядами и костями – останками советских и немецких воинов. Бабушка радовалась, что тебе, хотя и попавшему в смертельную мясорубку, всё-таки повезло в одном – тебя опознали, предали земле.

И это так. Компьютерные данные поведали, что в твоей братской могиле покоятся свыше тысячи солдат, что могила ухожена, находится в хорошем состоянии. Над ней шефствуют учащиеся средней школы посёлка Бетлица. Удивительно, но у этой школы, затерявшейся на пересечении трёх областей России, есть свой сайт. Причём интересный – в него пишут даже из-за границы.

А ещё, Мансур, я нашла в списках похороненных вместе с тобой и Толю Мартынова – твоего ровесника-друга с соседней улицы Плещеева. Вам суждено было погибнуть вместе и рядом обрести вечный покой.

Мансур, мы помним о тебе!

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

А.И.Ковалёва (г. Бугульма): *«Словно пелена с глаз упала: мало мы рассказываем детям о войне. Кто из них слышал о Сталинграде-Волгограде, о концлагерях, о взятии Берлина? Иногда критикуют фильмы о разведчиках, о войне, которые стали, наконец-то, снимать. А я радуюсь: пусть хоть так детишки узнают, что война была тяжёлой и кровопролитной, а наши солдаты – отважными и совершали ежедневные подвиги».*

Гульнара Музипова, руководитель пресс-службы компании «ТАНЕКО»: *«Заметку «Я нашла тебя, Мансур» я вырезала из газеты и отнесу всей семье для чтения. Спасибо за статью. Я каждый раз узнаю много нового и с нетерпением жду новой встречи с Вами».*

Айгуль Алпарова, инженер исполнительного аппарата ОАО «Татнефть»: *«Родная сестра моего дедушки – я её всегда с*

любовью называла бабушкой, так как в детстве проводила с ней много времени, вышла замуж по любви. Прожили всего два месяца, как грянула война. Принесли повестку: на следующее утро, в 4 часа, следовало прибыть в райцентр Черемшан. В подводу сели её муж, свекровь и братишка мужа, а она осталась провожать у дома. Воротца невысокие, она опёрлась на них, голову бессильно опустила на руки. От него пришло единственное письмо, он писал, что до сих пор перед ним стоит эта картинка: воротца, её глаза, утонувшие в слезах, её руки...

Больше писем от Вали не было. Через два месяца Минсьлу увидела сон. Будто заглядывает она под стол – а там он, её муж. Но какой... Сидит на полу обрубок – ни рук, ни ног. Смотрит на неё печальными глазами и говорит: «Не жди меня, ты молодая, выходи замуж». А бабушка Минсьлу во сне поклялась ему, что будет его ждать всю жизнь, ни за кого замуж не выйдет...

Так и случилось. Пришло сообщение, что муж пропал без вести, и бабушка его ждала всю жизнь. Она была готова принять его любого. Пусть слепой, безногий, пусть такой – каким она видела его во сне, – страшный обрубок...

К ней сватались, она всем отказывала – ждала. И вот мой папа, много лет спустя, всё-таки, выяснил судьбу солдата. Каримов Вали Каримович погиб 16 сентября 1942 года под Сталинградом. Его могила неизвестна. Бабушке Каримовой Минсьлу давно за восемьдесят. Клятву свою (представляет – данную во сне!!!) она исполнила: для неё её Вали остался единственным мужчиной, единственной любовью...».

Костя и Костик: «Те годы кажутся такими далекими, солдаты – старыми. Но это не так! А они были очень молодыми – мечтали, стремились овладеть хорошей специальностью, отстроить дом, завести семью. А разве не об этом мечтает современная молодёжь? Так что мы очень похожи! Представишь, что и мы могли бы так же погибнуть, и становится их жалко. Мы, их внуки и правнуки, уже пережили их по возрасту...».

От автора:

...Великая Отечественная война прошла по каждой семье, оставив отметины в судьбах миллионов людей. Уходят из жизни не только ветераны войны, солдатские вдовы, но и их дети и внуки. Обрывается нить памяти. Разве это справедливо?

Нельзя, чтобы стёрлась, исчезла с годами священная память о войне, о подвиге нашего народа. Великая Победа – это наша национальная гордость, это – то, что может объединить всех нас в единое целое. Как жить, как работать в стране, как растить детей, как с оптимизмом смотреть в будущее, если презираешь своё отечество, потому что не знаешь его историю, не помнишь тех, кто погиб во имя Родины?

Судьбы тысяч людей до сих пор остаются невыясненными. До сих пор продолжаются поиски мест захоронений погибших воинов. Непременно загляните в компьютерный банк данных «Мемориал». Попробуйте узнать о своём деде, отце, дяде, брате. Адрес: <http://www.obd-memorial.ru/>

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

«Альбина плюс Анатолий»: «Зашли на сайт «Мемориал». Оп-па!!! А кого будем искать, если в поисковое окошко полные имена и отчества прадедов (один погиб в войну, другой сразу по возвращении) даже вписать не можем?! Потому что мы их не знаем, и вообще, смутно знаем о своих корнях. Вот готовимся завести потомство. А подрастут дети, захотят свою родословную узнать, так что будем отвечать? Вот поедем на деревню к бабушке картошку от колорадского ин-тервента спасать, постараемся и что-то разузнать».

Гольнара, педагог из Лениногорска: *«Только бы был мир на земле! С остальным со всем справимся! Прочитала газету и вновь вспомнила моего любимого дядю Хаматгату. Инвалид войны, он всю жизнь носил в теле осколки, тяжело страдал. Но при этом работал в колхозе. Меня любил, моих двоюродных братьев, оставшихся полными сиротами, на ноги поставил, моей маме дал возможность получить образование и реализоваться в искусстве. Его нет в живых, но и сегодня я говорю ему «Рахмат, абый».*

Сергей Гордеев, ведущий инженер исполнительного аппарата ОАО «Татнефть»: *«Мне сделали распечатку данных с сайта «Мемориал» о моём деде, Мироне Ефимовиче. Он считался пропавшим без вести. И вот я узнал о его судьбе. Оказалось, что он, сапер, подорвался на mine в 1943 году, похоронен в Ленинградской области. Почему же родные не получили извещения о его смерти? И тут в графе архивного*

документа, где написано, куда и кому направлена похоронка, вижу чужие адрес и фамилии. Элементарная путаница произошла! К чужим людям пришла похоронка, а бабушка всю жизнь так ничего и не знала о гибели своего мужа...».

«...Любовь к отеческим гробам»

Хорошая новость пришла от друзей: их престарелые родители благополучно вернулись из Барнима, городка в Германии. Мама, Факия апа, назвала эту поездку хаджем – святым поклонением. Её муж, дядя Володя – более прозаически: возвращённым долгом.

История вкратце такова. Отец Факии апа погиб во Вторую мировую войну на территории Германии. Семья всегда горевала, что не увидит могилы отца, не принесёт на неё горсть родной земли. Мама Факии апа так и умерла уверенная, что душа похороненного на чужбине мужа не обрела покоя и что наверняка могила, которая находится во власти и на территории «немчуры», давно осквернена или разровнена с землёй.

Факия апа – деятельный человек, и, возможно, давным давно съездила бы в Германию по туристической путёвке, но долгие годы из-за работы на секретном предприятии была невыездной. Однажды даже нашла подход к гиду, специализирующемуся по Германии, но и там не срослось: Барним лежал в стороне от туристических маршрутов.

И вот, уже на пенсии, решив все организационные вопросы, получив вызов из Германии, супруги посетили могилу. Она утопала в цветах. Изгородь выкрашена. Дорожки подметены. Оказалось, что за порядком здесь строго следит община, а деньги на ремонт и благоустройство выделяются из местной казны. Супруги специально привезли некоторую сумму, чтобы оставить её в виде взноса за «шефство над могилой», пытались отдать её – не приняли.

Перед отъездом с ними встретился представитель немецкого Народного Союза по уходу за военными могилами. Он рассказал, что правительство и немецкий народ считают для себя важным актом гуманности следить за порядком на кладбищах, где захоронены советские воины. Все работы оплачиваются правительством. И таких мест во всей Германии – не-

мало: более 760 тысяч могил! В них обрели последний покой советские солдаты, наши военнопленные и угнанное в Германию мирное население.

Счастливой вернулась Факия апа домой. Она уверена, что теперь «можно и умереть спокойно – немцы люди слова, отцовская могила будет всегда ухожена».

...Каждому из нас приходится отдавать дань памяти – хоронить родных и друзей, посещать их могилы. Христианские кладбища и мусульманские зираты в нашем Альметьевске – ухожены, содержатся в порядке, но и здесь немало забытых, заброшенных могил. Многие посетители, несмотря на наличие урн и контейнеров, забывают убрать за собой мусор, выдранные сорняки, пустые банки из-под краски. Кто-то не считает кощунством затоптать чужую могилу, поставить ограду так, что она перекрывает доступ к другим захоронениям.

В других местах, в других городах России – хуже. Убеждалась в этом сама неоднократно. Поваленные могилы, развороченные или унесённые с могил плиты, заросшие бурьяном даже новые и дорогие памятники, покосившиеся ворота, бродячие меж захоронений животные и скот... Не местом поминовения, а местом забвения всё чаще становятся наши кладбища. Оголтелый, чистой воды вандализм – когда разрушают и оскверняют могилы. Об этих фактах сообщают СМИ, об этом с возмущением говорит общественность. А когда забывают о могилах близких, не посещают их годами, или разворовыванием средств доводят кладбища до чудовищного состояния, – разве это не тот же вандализм, пусть и с другой grimасой?

В одной телевизионной передаче прозвучали и надолго запомнились слова духовного лица. Он говорил о том, что многие века рождение человека было чудом, а его уход из жизни всегда являлся таинством. Теперь же смерть человека приобрела черты формальности и суеты. И ещё запомнились его слова: кладбище и клад – слова одного корня, необходима и ценна наша память об усопших.

Похоронить – чтобы забыть? Или всё-таки: похоронить – чтобы помнить? Каждый делает свой выбор.

...Снег начинает покрывать землю. Самое время – в очередной раз сходить на кладбище и навести порядок перед долгой зимой. Как писал Пушкин,

«Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам».

ДядьКоль, а ведь мир помнит!

Когда прохожу мимо киосков, заваленных номерами журнала мод «Бурда», непременно вспоминаю 80-е годы. Тогда в наш Альметьевск впервые попал этот немецкий журнал – он только-только начал издаваться в СССР на русском языке. Его не то что купить, но и достать по блату было невозможно. И всё-таки доставали. И разглядывали-разглядывали, передавая из рук в руки. Там, на глянцевах страницах, был другой мир – ухоженные женщины в великолепных костюмах, счастливые нарядные старики, и всё это на фоне умопомрачительных гостиных и столовых, каминов и торшеров, всяческих стильных аксессуаров и милых бытовых мелочей. Такой «привет» из другого мира до глубины души потрясал нас, граждан страны вечного дефицита. Один из номеров я отдала на время подруге. На следующий день, всхлипывая в телефонную трубку, она срочно потребовала меня к себе.

На столе лежал разодранный журнал. Поток упрёков – как же ты не уберегла от собаки? – подруга сразу прервала: полюбуйся, это не пёс, это всё он, папа. Как, и это Николай Афанасьевич, или попросту дядьКоль, как называли мы его – покладистый, скромный и выдержанный человек, в прошлом – фронтовик?!

Оказалось, что журнал случайно попал в его руки, и началось... Он ведь особо никогда не жаловался на жизнь. Всё как у всех – тесная «хрущёвка», пустые прилавки, работа в огороде, продуктовые карточки на масло, крупы, сигареты. А тут увидел сытых, нарядных немцев, и выдержка старого солдата отказала:

– Я с ними воевал, я их победил, и вот как я живу – победитель, и как они – побеждённые? А ещё в голову нам вбивают – мол, «помнит мир спасённый...».

Дядю Колю с тех пор жена поддразнивала – мол, борец с «Бурдой», на что он – в зависимости от настроения – стыд-

ливо отмахивался, или же боевито петушился: не с «Бурдой», журналом вашим бабским, а с бурдой и бардаком в жизни боюсь. Понимать надо разницу.

С тех пор утекло много вод. Умер старый солдат, а перед самой смертью, рассказывала подруга, ему чехи прислали медаль-памятный знак за освобождение Чехословакии. Это к его давней, военной медали «За освобождение Праги». Старик был и рад, и польщён, и до благодарных слёз доведён. Так что – всё-таки, «помнит мир спасенный»?

Дядю Колю я вспомнила неожиданно, когда в сентябре побывала в Праге. Никакими образными словами и сравнениями не передать удивительную красоту этого божественного города, его очарование. Но не о замках, улочках и не об удивительной любви горожан к своим местам проживания пойдёт речь. Я, как и многие считала, что благополучная Европа, жители стран экс-соцлагеря давным-давно забыли о том, что их освобождали от фашизма советские войска. Нас ведь где-то называют оккупантами, где-то ненавидят, где-то не помнят. Не буду опровергать – всё имеет место быть, и дискутировать на эту тему вовсе не хочу. Но какие-то убеждения у меня к концу поездки поблекли. Не только меня, но и многих из тех, кто когда-либо бывал в чешских и немецких городах, удивило, в каком нерушимом состоянии и порядке находятся захоронения наших солдат.

Например, тот, кто был в Карловых Варах, подтвердит, что ухожены памятники и братские могилы советским воинам-освободителям, обсажены цветами. А на монументе, кроме привычных нам «Никто не забыт. Ничто не забыто!», высечены слова, довольно необычные для нашего уха, привыкшего к помпезным надписям:

«Вас бурной войной,
Как морской волной,
В край далёкий сюда
Привело навсегда.
Спите же, дорогие, спокойно.
Ваш тяжёлый конец
Мы с горем навеки приняли,
Как терновый венец».

144 тысячи советских солдат и офицеров похоронены на территории современной Чехии – там более трёх тысяч могил

наших воинов. Места, где они покоятся, поражают масштабностью (земля и здесь дорога, но на неё не посягают), красотой (всё утопает в красивых кустарниках и цветах) и ухоженностью (ни соринки, ни мусора – даже сухих веток, прошлогодней листвы). Самое большое захоронение – около полутысячи воинов от рядовых до генералов – знаменитое Ольшанское кладбище в самом центре Праги. Рядовой Старцев, рядовой Гудков, сержант Удовиченко, гвардии лейтенант Белов, капитан Слонов, гвардии генерал-майор Герой Советского Союза Максим Козырь... нашли здесь своё последнее пристанище. На аккуратных каменных стелах – одинаковые барельефы: пятиконечная звезда, скрещённые знамёна, ружья. На каждой могиле цветёт розовый куст. В центре кладбища – памятник советским солдатам. Говорят, что 9 мая здесь многолюдно, всё утопает в цветах. Но чехи приходят сюда и в остальное время. Доказательство тому – букетики, горшочки с цветами, свечи на могилах, цветные ленты.

В Праге немало таких обелисков. Вспоминается история с памятником освободителю Праги маршалу Коневу. Когда встал вопрос о целесообразности его сохранения, было решено провести референдум среди жителей, и чехи практически единогласно решили памятник не трогать. Маршалу-освободителю приносят цветы – чтят его память. Есть в Праге и советский танк, первым вошедший в Прагу в мае 1945 года. А гуляя в самом сердце города, увидела в окружении уже отцветших кустарников скромную могилу с мемориальной плитой: «Вечная слава товарищу Белякову, павшему за освобождение г. Праги». На двух языках. Боком к плите скромно притулились две свечи – их может разжечь каждый. Для меня это был шок: нетрудно понять, что эта скромная могила – а расположена она буквально в десяти минутах неспешной ходьбы от президентского дворца, рядом со знаменитым храмом Лоретты, местом паломничества тысяч туристов со всего мира – не вписывается в стиль данного исторического места. Бьюсь об заклад, что у нас наверняка перенесли бы могилу подальше, с глаз долой. А здесь она стоит непотревоженная.

Совсем рядом, на пяточке, расположились три художника со своими картинами и репродукциями на продажу. Один из них – Евгений, выходец из России, с которым мы разговорились, рассказал столько интересного о Праге! А заметив наш

интерес к солдатской могиле, подчеркнул особо: «Да, здесь так. наших солдат помнят. Здесь вообще ничего не забывают».

Жаль, что этого не слышит дядьКоль.

Блокада совести

На днях исполнилось 65 лет снятию ленинградской блокады – самой долгой осады одного города во всей новейшей истории.

...В середине 70-х я пришла работать в многотиражную газету «Калининец» Казанского завода точного машиностроения, расположенного в Ново-Татарской слободе. Это был коллектив сильных газетчиков – все потом стали маститыми журналистами, писателями, сатириками, поэтами. Я же попала в редакцию исключительно по протекции: моя любимая квартирная хозяйка Васима апа и редактор Бакши когда-то заканчивали один юридический институт. Бакши – это Эдиан Иосифович, эрудит, полиглот, известный в Казани человек. Я всегда помнила, что я самая юная в редакции, да ещё из «блатных», а потому от усердия разве только землю не рыла: бегала по цехам, искала интересные темы. Особенно полюбили ленинградцы – на заводе их было немало. Завод-то особенный, эвакуированный в Казань из Ленинграда в конце лета 1941 года, перед самым началом блокады. А кто-то приехал в Казань уже после снятия блокады, да так и остался здесь жить. Мне интересны были эти люди, о них я взахлёб рассказывала в редакции.

– Ну что ты хочешь, это же Ленинградцы, – говорил Бакши, – люди особой «кости», особого духа. Это же царь Пётр, блокада, Берггольц, это мужество, подвиг. Это определено что-то такое, что мы будем ещё осмысливать годами и веками.

Мне не хотелось осмысливать годами: следовало завтра, в крайнем случае через неделю, рассказать о том, что узнала от них, через что они прошли там, в осаждённом Ленинграде. По вечерам отправлялась в район посёлка Поповка или слободы, где ещё проживало немало ленинградцев. Ступала в длинный коридор, заставленный велосипедами, корытами, плитами и керосинками. «Вам кого, деточка?» – интересовался

какой-нибудь божий одуванчик с чайником в руках, и провожал (вот она, ленинградская предупредительность!) до нужной двери:

– Мария Леонидовна, гости. А у меня кипяточек подоспел. Постучите в стенку.

Я попадала в комнатку со светильником, прикрытым ажурной салфеточкой, с круглыми, военной поры, черными тарелками радио на стенах, с фотографиями в фанерных рамках. На столе у пожилых людей непременно стояли пузырьёчки с противно пахнущим лекарством, и меня – не знавшую ещё вкуса валерьянки – просили её накапать. Тяжело давались им воспоминания, да и у меня расплывались чернила в блокноте – от слёз.

Как мог выстоять город, окружённый врагами? Как могли работать и жить люди, обессиленные, но не сломленные, получающие в день 250 граммов хлебной клейкой пайки (если работали на заводе) и 125 граммов – служащие, старики и дети? Как не сдались, выжили, не ожесточились потом?

– Мы эвакуировались почти на хвосте последних поездов, которые вырвались из Ленинграда – кольцо уже смыкалось. Выехали 24 августа, а через три дня прервалось железнодорожное сообщение. 9 сентября 1941 года город был полностью осаждён. Я помню вокзал – плач стоял! Я ещё не знала, что прощаюсь навсегда с маленькими племянницами. Везде чужая речь, я вздрагивала, думая, что это фашисты – а это прибыли беженцы из Прибалтики. По дороге нас бомбили. Казань встретила гостеприимно. Моя квартирная хозяйка, я называла её баушка, не знала русского языка, и мы потешно общались – ломая язык, жестами. Работа в условиях военного времени была тяжёлая, но я знала – моим, в Ленинграде, ещё тяжелее. Я просила баушку, и она к молитвам за возвращение сыновей добавляла молитву татарскому богу за жителей Ленинграда.

– Сестрёлка умирала от голода. Когда она уходила в забытё, мама тормошила её, рассказывала сказки. Мама потом говорила, что все сказки для неё были неподъёмно-длинными. Сил-то не было. И она просила: «Милочка, как наша киска говорила?». «Мяу». А Людмиле пятнадцать лет! Слово «Мяу» они обе никак не могли одолеть – обессилели... А спаслись благодаря маминой воле. Она дала себе партийный наказ спа-

сти дочку – ведь та была и дочерью красноармейца. Хотелось лежать и ждать смерти. Ради Люды она в 4 утра шла на Неву за водой, стояла в очереди за хлебом.

– Нашу семью спасла бабушка. Мой отец был коммунистом, а бабушка, его тёща, – верующей. В году 23-м он вернулся с собрания и говорит: «Мама, нам сказали, что в доме коммунистов икон не должно быть. Унесите, мама, или разрубите». Бабушка так поступить не могла, но и подводить зятя не хотела. В нашей квартире (это была когда-то бакалейная лавка) была ниша. Вот она её досками и забила, а за ними оставила иконы. А в блокаду она вспомнила, что ниша-то оклеена обоями! Несколько дней, копя силёнки, бабушка с дядей и соседкой отодвигали доски. А потом отдирали обои, а под ними, вот спасение! – несколько слоёв газет, которые мы растворяли в воде – получалась клейстерная, мучная вода. Тем и спаслись.

Это из тех рассказов, которые запомнились мне. Бывшие ленинградцы рассказывали об ужасах блокады, и всегда о том, как люди помогали друг другу выживать. Как делились кусочком хлеба, ибо даже его горошинка с лесной орех могла спасти другому жизнь. Как обессиленные и умирающие, выходили по общественному зову на улицу – подбирать трупы, чистить город от нечистот, чтобы с весной в город не пришла инфекция. Как в нечеловеческих условиях сохранили всё человеческое – стыд, совесть, достоинство. Это была ещё и блокада совести!

Материалы, которые я собрала, нам печатать запретили. Завод «Точмаш» считался засекреченным (бывший почтовый ящик № 421) со всеми вытекающими отсюда ограничениями. Главлит (цензура) мышей тогда очень даже ловил. Коллега Пётр, всегда мыслящий смело и самостоятельно (он вскоре перешёл работать в редакцию республиканского сатирического журнала «Чаян»), выдвинул версию: ленинградцы тридцать лет после окончания войны всё ещё продолжают прозябать в бараках и коммуналках. Поэтому, мол, «их» тему и не ворошили.

...Мы сидели в редакции и пили чай с сушками. Старшие коллеги трепались о чём-то и с сочувствием поглядывали на меня. Я уговаривала себя: все хорошо. Чай горячий. Сушки с маком. Скоро домой на каникулы поеду. А ленинградцы... Их я никогда не забуду. И я сказала с вызовом:

– Блокада Ленинграда – беспримерный подвиг!

Мудрый Бакши вздохнул:

– Пусть детям и внукам не достаются такие подвиги!

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Дмитриевы, педагоги: *«Спасибо за Ленинград, за «Блокаду совести». Мы с женой потрясены. Нас не покидает мысль: как же мы счастливы, что едим вдоволь хлеба, не прячемся в бомбоубежище, что дети в плаче не просят есть. Стоит заглянуть в булочную, какой там выбор плюшек, тортов, хлебной продукции! После прочтения статьи, так жена рассказывает, зашла она туда, и запах хлебов, ароматной свежей выпечки вызвал у неё слёзы счастья и благополучия.*

А почему не опубликовали тогда ваш материал – попробую разъяснить. Это не ваша вина! У нас был дальний родственник, начитанный и интеллигентный человек. Он однажды в разговоре (это было очень давно), сказал, что, мол, ленинградцев у нас не любят, к славе ревнуют. Я удивился, не поверил, а так как он сам из тех краёв (не помню, жил где-то под Ленинградом), то я подумал, что в нём сидит какая-то личная обида. Но он сказал так: почему салют по случаю окончания блокады давал сам Ленинград, по своей инициативе, а не Москва, как было всегда в войну, когда освобождали город или в честь города-героя? И почему приказ о салюте над вышедшим из блокады Ленинградом подписывал не сам И.В. Сталин, а Смольный и Военный Совет Ленинградского фронта?

Мы, граждане нашей страны, помним и чтим память погибших в Ленинграде, а по существу, замученных голодом и холодом людей. Война – это горе, беда! Редакции и читателям, всем и всем, – мира, свежего хлеба на столе и покоя в душе!».

И.Н.: *«Есть темы, которые вызывают слёзы. Блокада Ленинграда – из таких. Тут есть несколько причин. Ведь об этом много говорили в советской школе. А ещё это семейное, моя бабушка – бывшая ленинградка, была эвакуирована в Среднюю Азию. В прошлом году мы похоронили её родную сестру, бабушку Полю, которая выжила в блокаду. Она жила рядом со знаменитыми Бадаевскими продовольственными складами. Когда их разбомбили, начался сильный пожар.*

Поля и её мама (моя прабабушка) набрали в ведра землю с пожара и только поэтому спаслись. Ведь она впитала расплавленный сахар, масло, какао, муку. Землю растворяли в воде, воду сцеживали через тряпицу и пили.

После войны моя бабушка захотела вернуться в Ленинград. Вместо дома – воронка, родственников не осталось. «Не нашлось мне места там», – сказала она. Она вышла замуж за партийного работника, жила в Москве, Ярославле, Новосибирске, но мыслями и воспоминаниями всегда была в Питере. Да, кстати, ругалась на название «Питер», «Санкт-Петербург» тоже не приняла. Только Ленинград, город Ленина. Всегда была культурная, тактичная, не пропускала концертов и театральных спектаклей. Утверждала, что тот, кто жил в Ленинграде, тот ленинградец – до самой смерти.

О Ленинграде и других подвигах нашего народа надо писать, рассказывать в школе и даже в детском саду. Мои дети знают многое о блокаде, вообще о войне, об орденах. Надеюсь, они никогда не обидят ветерана и будут всегда любить свою Родину. А вам спасибо за ленинградскую тему.

История про ленинградские конфеты

Эту коробку конфет «Ленинград» привезла из Питера заместитель редактора газеты «Нефтяные вести» Эльвира Гаутаулина. Видимо, вспомнила мои публикации про ленинградскую блокаду. На коробке известный товарный знак – лев крылатый, внутри – конфеты «Ленинградские» и «Северная Аврора», завёрнутые в фантики. Такие сладости знаменитой кондитерской фабрики им. Н.К.Крупской раньше привозили как лучший гостинец из города на Неве.

Коробка, стилизованная под 60-е годы, лежала на столе в кабинете: угощайся, всяк входящий. Побывала председатель журналистской организации Анастасия Вакатова, не единожды забегали коллеги. Когда я начинала вскрывать коробку, останавливали: потом, мол, ещё найдётся повод. Но коробку разглядывали – оформленная неброско и стильно, она привлекала внимание. И столько разговоров вдруг возникло вокруг неё – о войне, о блокаде, о голоде. Нет более страшной

муки, большего подвига, чем судьба ленинградцев в блокаду! Это 900 дней, отрезанные от мира, продовольствия и тепла. Во время блокады погибло от голода почти 642 тысячи человек!

...Вскоре мне срочно понадобилась справка-подтверждение о стаже работы на Казанском заводе точного машиностроения. Позвонила в их отдел кадров, и инспектор, представившаяся Люцией, ошарашила меня: «Завтра улетаю в отпуск. Выезжайте прямо сейчас». «Я могу не успеть до конца рабочего дня». «Не переживайте, подожду. Самолёт же завтра». Какая отзывчивая девушка, какое отношение к совершенно незнакомому человеку, – восхитилась я и схватила первые попавшиеся гостинцы – глиняную игрушку ручной работы и ленинградские конфеты. Пригодятся!

Завод нашла с трудом, долго блуждала вокруг трёх сосен, держа у уха телефон, по которому Люция давала штурманские ориентиры. Да я его просто не узнала – знаменитый когда-то «Точмаш»! Входная дверь на одной петле, окна кое-где выбиты. Зато с раздрыганного подоконника верхнего этажа свешивались аж три женщины: «Приехали! Наконец-то. Долго же плутали! Поднимайтесь!».

Проходная – хоть сегодня снимай фильм о войне: будочка, мутное стекло, за ним – тётка со старомодной кокушкой-узлом на голове, табличка с надписью старым шрифтом: типа, бди, товарищ, потеря пропуска – это преступление. Ступени каменные, отбитые, полы скользкие от машинного масла, допотопные станки. Я в замешательстве: в 70-е годы, когда работала в заводской многотиражке, предприятие, обеспечивавшее оборонку страны, процветало. А сейчас завод обанкрочен, унижен. Завод этот знаменитый – он в начале войны эвакуировался из Ленинграда. И в Казани работал на фронт. Многие рабочие и мастера, особенно те, кто потерял близких в блокаду, после войны так и остались в ставшей им родной Казани, жили в бараках района Поповка. Я даже застала их – питерских степенных мастеровых...

Женщины – и это удивительно! – встретили без тени упрёка. У них рабочий день закончился, а они ждали меня!!! Чуткое, человеческое отношение совершенно незнакомых людей меня потрясло. Справка была готова. Игрушка перекочевала к Люции, оказавшейся прехорошенькой девушкой. Она и две женщины постарше – видимо, в купе отдел кадров и ещё

какая-то служба – разглядывали игрушку: «А глина-то тёплая, наверное, лечебная, это из ваших краёв?». Посыпались расспросы: как живёт Альметьевск, есть ли безработица, крепко ли держится «Татнефть»? Повздыхали: а вот их завод никому не нужен, всё разваливается. Пожилым осталось немного до пенсии, вот и дорабатывают. Наверняка, и энергичная, расудительная Люция здесь не задержится. Уже когда мы расстались, я вспомнила: конфеты не отдала! И тут подумалось: загляну-ка на чай к бывшей заводчанке Фирая апа.

Оказывается, вот где должна была завершиться история с ленинградскими конфетами! Коробку она сразу узнала: «Мы с мамой тоже такие в Ленинграде покупали». Мама у нее – эвакуированная из Питера, всю жизнь, как впоследствии сама Фирая апа, проработала на заводе. Была бригадиром токарей-ленинградок. О них я написала когда-то большой репортаж.

– Померли в основном наши питерские, – Фирая апа сказала это так простенько, как бы между прочим, между жалобой на больные ноги и неремонтируемый подъезд. – А если кто и остался – связи нет. Был бы завод в силе, так встретились бы на празднике. Например, в день Победы. Это их праздник! Они всю войну пели:

«Я точку, точку снаряды,
Пусть на немцев полетят
За досаду, за блокаду,
За родимый Ленинград».

Ленинградки, мамы наши, вместе со всеми на победу работали! Хорошие были люди, честно жили. Вот тётя Аня, ты её должна помнить, мы её Красной Пресней звали почему-то (она из Ленинграда, не из Москвы же, вот ведь – в огороде бузина, в Киеве дядька). У неё сын стал академиком, степенный такой дядечка, говорят.

А Муся – Мария Никитична – как мужа не стало, в Петербург уехала. Когда здесь жила, так всё Ленинград вспоминала, а уехала – по Казани скучала, нахваливала нас Муся подружкам новым. Мы дружны были. Ленинградки (особенно те, кто блокаду хоть чуть-чуть узнал, или у кого от голода родные померли), ведь голодом побитые были, всю жизнь потом бесхлебья боялись, сухари сушили и запас в шкафу держали. Закон: крошки со стола – непременно в рот. Без запаса муки, мыла и соли – ни-ни. В кладовке крупа жучком повреждается – нехай, главное, запас должен быть. А уж как с тестом любили возить-

ся! Кухня общая – кто-то поставит опару, да побольше, клочок бросит, так все ленинградки со своими припасами из комнат вылезают. Тесто, бывало, жбаном ставили. И хлеб пекли, и плюшки, и кулебяки царские из кошачьей (мы так называли) рыбы – из хека»...

На прощание Фирая апа спросила: «Написать хочешь о блокаде? Хорошее дело. Напиши-ка ты о девочке, которая всех схоронила и записи вела». «Написала я об этом. Это Таня Савичева». «Нет, ещё, говорят, татарочка была». «Может, путаете, Фирая апа, – я насторожилась: чур меня, чур, бабушка чего-то заговариваться начала от моих расспросов, – Таню весь мир знает». Но собеседница стояла на своем: «Таню знают. Но была ещё татарская Таня, имя не помню, кто-то из маминых девчат уже после войны рассказывал. А они не врали, да и не путали, они ведь горой всегда за правду стояли. Чуть что, так сразу: мы – за правду, мы – из Ленинграда. Прямо как будто в Смольном заседали всю жизнь».

Я обещала всё разузнать. Тогда я ещё не знала, какая правда – страшная правда о голоде и маленькой татарской девочке – откроется передо мной.

«Ленинград, Ленинград, я ещё не хочу умирать. У меня ещё есть адреса, по которым найду голоса»

Это известные строчки Осипа Мандельштама. Написанные до войны, они трагически уместно «легли» на блокадную тематику... В ту, последнюю встречу, бывшая ленинградка Фирая апа преподнесла мне новость: оказывается, кроме всемирно известной блокадницы Тани Савичевой, оставившей пронзительные записи в дневнике о смерти своих близких, есть и другая – «татарская Таня». Я тогда обещала найти данные о ней и написать материал.

Вначале несколько слов о блокаде Ленинграда, о страшном голоде, равного которому человечество не испытывало за всю свою историю. К 20 ноября 1941 года норма выдачи хлеба в блокадном городе, и так-то с начала блокады недостаточная, достигла 125 граммов (граммиков) – говорили блокадники). Известная поэтесса Ольга Берггольц (это ей мы обязаны крылатой фразой «Никто не забыт, ничто не забыто») об этих

граммах писала: «Сто двадцать пять блокадных грамм с огнём и кровью пополам».

В Ленинграде и сегодня жива легенда о водителе, у которого на ледовой Дороге жизни Ладожского озера заглох промёрзший двигатель грузовика. Он с трудом оторвал руки от руля – они были обморожены. Облил их бензином, поднес спичку и вот так – двумя живыми факелами! – стал отогревать двигатель. Он всё-таки довёз муку до умирающих от голода ленинградцев. Никто не знает ни его имени, ни дальнейшей судьбы. Но ленинградцы не сомневаются, что именно из муки, доставленной тем водителем, пекли «сто двадцать пять блокадных грамм с огнём и кровью пополам».

А теперь о «татарской Тане». К чему привели мои поиски? О ней никто не слышал. Потом кто-то вспомнил, что читал что-то подобное в какой-то книге, где шла речь об участии татарстанцев в Великой Отечественной войне. Дальше – больше. Оказывается, писатель Рахим Теляшов выпустил книгу «Татары в Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда», где поведано и о блокаднице Рашиде.

Но неисповедимы пути Господни! С историей об этой девочке я познакомилась благодаря ленинградцу-питерцу Ренату Мустафину, о котором давно была наслышана и к которому испытываю самые тёплые чувства, как к близкой морской душе. Он – капитан 1-го ранга, служил на знаменитых кораблях Северного флота. Он же – интересный фотограф, эссеист, поэт. «Вышла» я на него случайно. Услышала, что он официально закрепил за собой афоризм «Нет в мире прекраснее трёх вещей: женщины, лошадей и военных кораблей». Мне же захотелось поспорить: мол, он застолбил выражение, которое вот уже несколько веков в обиходе как поговорка у английских моряков: «Нет в мире ничего прекраснее танцующей женщины, скачущей лошади и идущего под всеми парусами чайного клипера». Но поехидничать не удалось – я услышала имя ленинградской школьницы Рашиды Саадетдиновой, с которой, оказывается, у Рената Рафиковича родственные связи по линии жены. Благодаря Мустафину я и прочитала это незабываемое письмо. Последнее письмо татарской Тани Савичевой – Рашиды Саадетдиновой.

26 марта 1942 года: «Здравствуй, дорогой брат Омяр! С приветом твоя сестра Рашида и мама. Мы шлём чистосердечный и

пламенный привет и также счастья в жизни и последний привет от папы и Мюнера. [...] Брат Омяр, я хочу тебе сообщить о тяжёлом несчастье, выпавшем 25 декабря 1941 года. В 11 часов утра наш отец скончался. Папа был болен с 10 декабря 1941 года. Его смерти мы совсем не ожидали, так как болел он не тяжело. Мюнер умер в больнице 12 января 1942 года. Остальные себя чувствуем ничего... Хлеб у нас иждивенцам дают по 300 гр., служащим – 400, рабочим – 500. С продуктами в этом месяце лучше. Но жиров и сахару дают мало (200 гр масла, 400 гр сахару на месяц). Мы думаем, что к 1-му Мая с продуктами будет совсем хорошо. Погоды равномерные, холодные. Дров, свету и воды нет. Трамваи не ходят.

Хочу написать несколько строчек о нашей квартире. Марьям с дочкой Хасеной умерли в середине января, Аталла умер тоже, дядя Исмаил умер в январе. Абдурахим и Хафискина мать пропали без вести... Муся умер 25 марта 1942 года. Привет от Игоря, отец Игоря умер, остальные пока живы. Коля Васин умер в декабре. Толю я совсем не встречаю, он, наверное, эвакуирован...

Дорогой брат Омяр! Прости меня за то, что я так долго не сообщала тебе о смерти папы, я думала, что это отзовется и помешает твоим занятиям. Мама тоже не советовала писать. Дорогой братец, нет сил больше писать о домашних обстоятельствах. Если останемся живыми и здоровыми и увидимся, то узнаешь сам подробно... До свидания! Пиши быстрее. Твоя сестра Рашида».

Как уточнил Ренат Мустафин, это последнее (тринадцатое) письмо 16-летней девочки брату. Рашида, пожалев брата, не сообщила ему ещё об одной смерти – 16 февраля 1942 года умерла их мать. Сама Рашида умерла в июле 1942 года... Вот так – «Ленинград, Ленинград, я ещё не хочу умирать. У меня ещё есть адреса, по которым найду голоса». Остались адреса, но нет голосов, и некому их искать...

Когда людей, прошедших через блокаду, просят рассказать о подвиге Ленинграда, они рассказывают о голоде. Их просят рассказать о героизме, а те снова – о голоде. Писатель Даниил Гранин (он вместе с Алесем Адамовичем написал книгу «Блокада») объясняет это так. Воевали те, кто держал оборону. А три с половиной миллиона жителей воевать не могли – они были окружены и подлежали уничтожению голодом. Оль-

га Берггольц верно сказала: голод был заслан в Ленинград, главный невидимый враг. Но и в страшных условиях блокады люди не «расчеловечились». Хотя было всё – и мародёрство, и фальшивые карточки, и воровство, и людоедство. Но чаще всего выживали люди, которые сами помогали другим.

В одном из дворикиов нынешнего Санкт-Петербурга, где проживает немало старых людей, решили поставить скульптуру. Обратились к блокадникам: подскажите тему. И те ответили: пусть это будет ребёнок, который с аппетитом ест, счастье – это когда сытые и радостные дети!

И последнее. Информация для размышления. Печальная. Несколько лет назад какие-то вандалы-недоумки разбили стекло в витрине музея на Пискаревском кладбище и украли легендарный кусочек блокадного хлеба. Те самые 125 блокадных «граммиков»...

Баба Катя – «нереальной судьбы человек»

В динамике – песня «Бабушка» в исполнении группы «Любэ». И куда делся шепутной и дерзкий Коля Расторгуев, выкрикивающий «Атас»? О бабушке он поёт с нежностью, и голос при этом особенно проникновенный, даже застенчивый.

«У бабушки комнатка светлая,
Глаза – в мире ласковой нет.
Молитвой её беззаветною,
Молитвой её беззаветною,
Я с детства храним и согрет».

А передо мной – Светино письмо. Читаю его, перечитываю, думаю о бабе Кате и удивительном поколении наших мужественных бабушек:

«Её мобилизовали в сорок втором, когда ей было всего 24 года. В мирной жизни остались родители, двое братьев, младшая сестра и любимый человек, с которым они встречались три года и собирались пожениться. Впереди было 2 месяца строевой подготовки, ускоренные курсы медсестёр и фронт.

Их направили в самое пекло. В Сталинград. И первый же раненый, которого она пыталась вытащить с поля боя, – пышущий здоровьем командир роты, – был убит прямо на ней. После этого она начала курить.

Бои вспоминать баба Катя не любит. Очень редко рассказывает о том, как их часть форсировала какую-то безымянную, не нанесённую на карты речку, – в ноябре, по пояс в ледяной воде. Или как оперировали в землянке под бомбёжкой, растянув над раненым марлю в несколько слоев, чтобы с потолка не сыпалась земля. Зато иногда с улыбкой вздыхает: «Ах, какой лейтенант за мной ухаживал, какие ландыши дарил, по неделе не вяли!..». Фотографии показывает. На фотографиях девчонки – молодые, большеглазые. И мальчишки – совсем «зелёные». Младше, чем мы сейчас. В сорок третьем её контузило, и она почти на месяц потеряла слух. А потом осталась работать в том же госпитале, где лечилась.

Девятого мая сорок пятого года их полк стоял где-то под Прагой. Вспоминая тот день, баба Катя плачет. Гладит дрожащими пальцами фото, полыхающее бешеным, ослепительным счастьем, и шепчет: «Вот этот уже ушёл... И этот тоже... И она...».

Из Германии бабушка привезла трофейные перину, вышитую вручную шёлковую скатерть, которая сейчас лежит у меня в комод, граммофон и стопку пластинок. Улыбается: «Чай, не какая-то там бесприданница была!». Через два дня после возвращения они расписались с моим дедом, который всю войну её ждал. А ещё через год родился мой папа.

В 2004-м по недогляду врачей баба Катя потеряла совершенно здоровую ногу и сейчас прикована к коляске.

Но такой силы духа, такого оптимизма, такой стойкости я ещё ни у кого не встречала. Девяностолетняя ампутантка каждое утро просыпается с улыбкой и благодарит жизнь за ещё один день, который ей доведётся прожить, за нас, родных и близких, а ещё за то, что ещё не все её друзья «ушли». Варит обеды. Печёт. Вяжет красивые салфетки (те, кто был у нас дома, наверняка их видели). Тайком, чтобы не заметили родители, сует правнучкам пятисотки «на булавки». И считает, что ей в этой жизни очень повезло. Нереальной судьбы человек. Преклоняюсь».

Вот так. Слов лишних не требуется. Добавлю только, что Света – это Светлана Светлакова. У неё не только имя-фамилия такие солнечные, но и характер соответствующий. Работает в нормативно-исследовательской станции (НИС) ОАО «Татнефть». Ценит каждый миг в этой жизни, любит своих близ-

ких, друзей, коллег. Обожает своих бабушек. «От них – такая тихая мудрость, такой свет струится», – говорит Светлана Анатольевна.

А ее баба Катя – это Екатерина Леонтьевна Афанасьева. Всю жизнь проработала учительницей младших классов. Живет в Бугульме. Радует жизни и молится за всех. В том числе и за нас с вами – чтобы не шибко плутали по жизненным дорогам, а шли к свету и добру. И, конечно, чтобы были здоровыми. Вот на судьбах таких баб Кать и держится наш мир.

Горькое сливовое вино

К родителям подруги в третий раз приезжают родственники из Америки. Познакомилась с очередным дядей-дедушкой. Чудной такой, улыбчивый человек. Жил в Аргентине, был виноделом. Последние годы живёт в Калифорнии и на пенсии что-то там мудрит в своих погребках.

– Я угощу вас собственным вином, – говорит он и осторожно цедит из чёрной бутылки капелюшки вина.

– И шо, ты краев не видишь?! – хохочет отец подруги, – вот так у вас всегда, у буржуев, жадных капиталистов.

Но винодела ничем не смутишь, он лишь вкрадчиво говорит:

– А пусть дама вначале продегустирует и скажет своё мнение.

Ох, не люблю я подобные ситуации, когда ты в приятной обстановке готов незатейливо и душевно общаться, а тебя вдруг начинают пытаться-напрягать всевозможными экзаменами: а знаете ли вы, сколько длилась Столетняя война, а кто угадает, откуда произошло слово «идиот», а почему..., да зачем? И здесь то же самое:

– А что вы почувствовали в этом вкусе?

Вино как вино – очень хорошее. Ну и что? Не в тундре живём, и у нас продают хорошие напитки. Но не обижать же пухленького пожилого винодела сухим откликом «Вино хорошее». Задумываюсь. Настоящий винодел растит вино в дубовых бочках. Хорошее вино у нас, женщин, часто ассоциируется с горьким шоколадом. Поэтому отвечаю нахально: «Шоколад, дубовые листья». И добавляю, откровенно посмеиваясь над

своим невежеством: «Именно сухие листья и ... пожалуй, жёлудь».

Славный толстячок как-то даже сдувается и выдыхает: «Точно...».

Публика потрясённо молчит. Сама смущена случайным «попаданием». «Молодец, кызымка, уела, дочурка, а то они думают, что мы тут щи лаптями хаваем», – заливается довольным смехом хозяин дома. А винодел говорит: «Но вы не угадали основное – чёрную сливу...».

Не угадала... Хотя её-то я почувствовать должна была сразу, – думаю я запоздало. Ведь в моей жизни уже было такое – почти чернильного цвета терпкое, горькое вино...

Моей соседкой в доме № 5 по улице имени Сажиды Сулеймановой была Хазинэ Фасухутдиновна Фасухудинова. Бездетная женщина, она вырастила множество благодарных племянников – все они квартировались у неё в Казани, пока учились в вузах. Тетушка постарела, и её перевезли в Альметьевск. И здесь уютная «двушка» стала штаб-квартирой, где собирался хурал разновозрастной родни. Заботы, мудрого совета и очень ласкового внимания сполна доставалось и нам, соседям. Она всегда восторженно говорила о своих близких, любила, гордилась ими. Родные отвечали ей взаимностью.

Впрочем, её нельзя было не любить – добросердечную оптимистку. Она была ненавязчива, не докучала нравоучениями, и с ней всегда было и интересно, и комфортно. Даже переехав в другой дом, наша семья продолжала общаться с Хазинэ апа. И уж святой традицией были встречи 9 мая у неё дома. Хазинэ апа доставала из резного шифоньера жакет с медалями и орденами. Ведь милая, ухоженная старушка в бархатных тапочках была в прошлом фронтовой хирургической сестрой, прошедшей Курскую дугу, участвовавшей во многих боях страшной войны.

Она же рассказывала об этом просто: «Наши хирурги проводили на ногах сутки напролёт, то и дело теряли сознание. Конечно, было страшно... Самое ужасное – вывороченные внутренности, ампутации. Мы, сёстры, были молодыми. Очень уставали. Операции шли бесконечно, и часто мы не знали – ночь сейчас или день. Спали, как лошади, на ногах. А ещё скучали без сладостей, мне даже снились чернослив и курага. Как-то в минуты затишья решили отметить 8 марта. С трудом

нашли и запекли морковку и свёклу – о, это должен был быть праздник во время войны-чумы и весеннего авитаминоза! И тут началась бомбёжка. Землянку завалило, угощение осталось под землёй. От обиды мы горько плакали. Нет бы – радоваться, что не накрыло бомбой. Девчонки, одним словом...».

...Последний раз день Победы мы отметили с Хазиной апа в 1994 году. Вот тогда она и выставила на стол то ли вино, то ли коньяк и рассказала историю напитка, который хранила, не откупоривая – трудно поверить, но это в её характере – долгих 49 лет! Было так. Вернулась с фронта Хазинэ апа в свою казанскую больницу. Она там была на хорошем счету – ассистировала всем знаменитым хирургам. Руководство больницы решило подкормить медиков-фронтовиков из нехитрых складских запасов. Кто-то из медиков выбрал пару вилок капусты, кто-то полмешка картошки. Она же – мисочку с черносливом. «Непрактично, Хазиночка», – укорила её начмед. Чернослива, действительно, досталось чуть-чуть, вволю не наестся. И Хазинэ Фасухутдиновна поставила из него вино и поклялась открыть его не раньше, чем на 50-летие Победы. И вино ждало своего часа!

1994-й не был юбилейным, но, несмотря на наше предложение подождать ещё год, Хазинэ апа твердо решила раскупорить бутылку: «Год – много для старого человека». Налила по «напёрсточку», и подняли мы рюмки с чёрным и густым вином за фронтовичку, хирургическую медсестру Хазинэ Фасухутдинову и за всех солдат Великой Отечественной.

Напиток был вкуснейший! И когда мы попросили повторить «напёрсточек» на «бис», получили отказ. «Достаточно, – сказала она строго, – оставим вино на 50-летие Победы. Может, и доведётся встретиться...».

Хазинэ Фасухутдиновна всего несколько месяцев не дождала до юбилея Победы! И теперь, когда ненароком мы встречаемся где-нибудь с её племянником Анасом Фарзутдиновым и его женой Накией, мы вспоминаем милую-милую, мудрую тетюшку Хазинэ – её добрые дела, привычки, слова, и – непременно! – глоток того старого послевоенного сливового вина.

Как хорошо, что она, женщина железных правил, изменила своему слову и откупорила его раньше, дав возможность нам, молодым своим друзьям, не знавшим войны, прикоснуться к истории!

У вина был терпкий и горьковатый вкус. Именно такой представляли мы Победу.

И сравнялись бы самые справедливые весы!

Закончился парад, посвящённый Дню Победы. Возвращаюсь из Альметьевска в Нижнюю Мактаму. Во всех домах – праздничные звуки: включены телевизоры, радиолы и магнитофоны. А вот в этом доме... Неужели звучит пластинка? Точно – играет старенький патефон с характерным, столь памятным сердцу шипением.

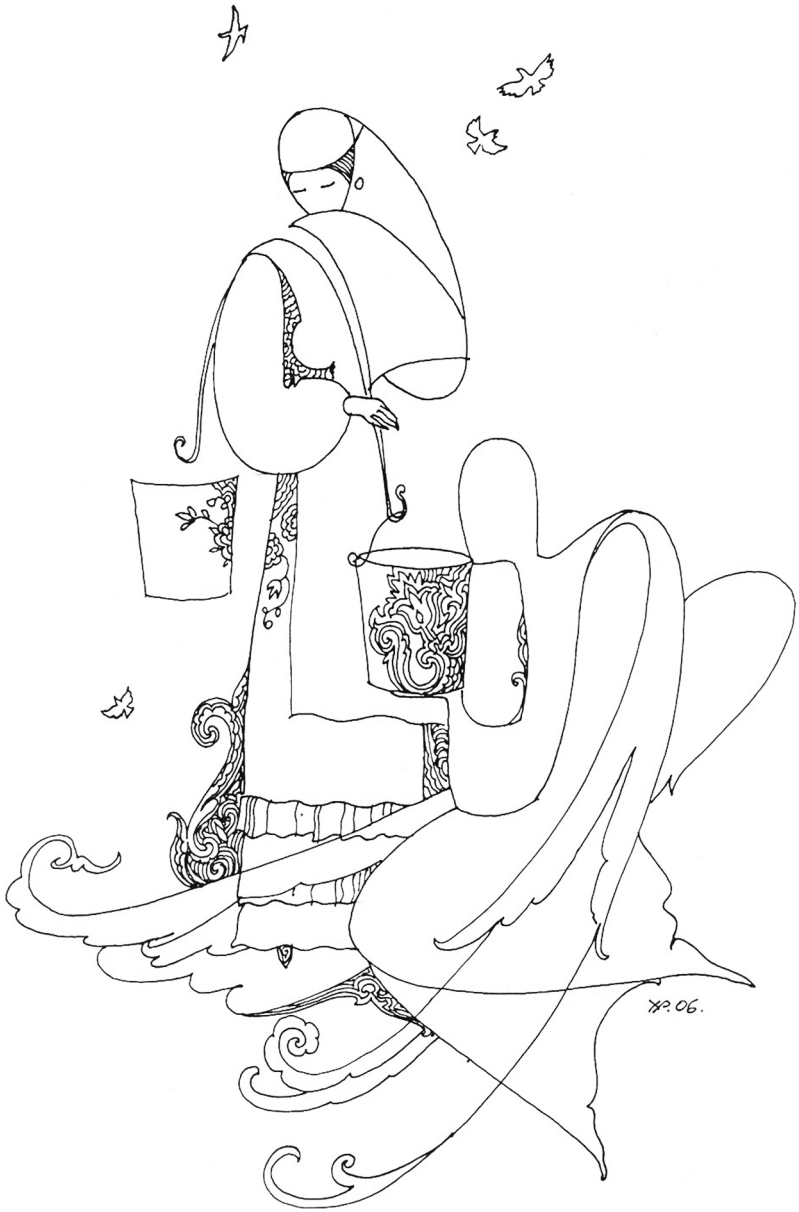
На улице малоллюдно. Праздник-праздником, а весенний день, как известно, год кормит. В каждом дворе свои хлопоты – сажают лук, картошку, пересаживают любимые цветы старых бабушек – герань да бальзамин. Они пышно цветут на каждом подоконнике, делая дома вкупе с резными наличниками особенно ухоженными и нарядными.

В ярких платьях и бабушки. Это они не специально наряжались в честь праздника. В платьях и халатах изумительно насыщенных расцветок я их вижу постоянно: любят деревенские бабушки-татарки ткани – чтобы маки атели, розы лепестками вздымались!

Бабушки, живущие на моей улице, даже в праздник не сидят на скамейке – они в постоянных хлопотах. Набрал остатки картошки в ведро, спешит на соседнюю улицу, к дочкиным цыплятам Нажия апа Гафиатуллина. Заглядывает и к нам:

– Балалар, дети, с Днем Победы вас! Какой день хороший, радостный, пусть ваши дети, дети ваших детей никогда не узнают, что такое война.

Люблю поговорить с Нажией апа. Столько мудрости народной, столько интересных наблюдений черпаешь в разговоре с ней... Нажия апа – победитель Всесоюзного соревнования, всю жизнь работала с огромным старанием и энтузиазмом, не жалея себя. Она заслуженно гордится каждой грамотой своей. А ещё больше – детьми. В труде, на примере собственного отношения к Родине, к долгу, к людям вместе со своим дорогим мужем Арслангали она воспитала замечательных детей – уважаемых в городе и посёлке работников, заботливых, трепетно любящих её.

Не устаю восхищаться и неутомимым трудолюбием другой моей соседки, подруги Нажиной апа – Муллахметовой Нуржиган апа, строгой и одновременно приветливой. В её огороде не найдёшь сорной травинки, в доме – от крылечка и до красного угла – ни пылинки. Ни на минуту не присядет она, ни на секунду.

Обе прожили нелёгкую жизнь. Обе работали в тылу. И, несмотря на возраст (за 80 лет) – они и сегодня моторные, работающие, весёлые, всегда в движении. Довольны малым – пенсией, а счастливы большим – что на земле мир, у детей есть работа, внуки радуют, на столе всегда хлеб и молоко. Вот с таким ощущением порядка в мироздании живет большинство старых наших женщин – матерей, бабушек, тётушек.

Хотя, если подумать, чем же отблагодарила Отчизна своих героинь – тружениц тыла? Званием ветеранов войны, малой прибавкой к пенсии, смешными льготами, – да и под них не везде выделяются средства... Одно радует, что в дни празднования Великой Победы стираются различия между рангами, и рядом с ветеранами Великой Отечественной войны – за трибунами, у открываемыхobelisks заслуженно стоят женщины-труженицы тыла.

Война – если следовать правилам русского языка – существительное единственного числа. А если мерить жизненным мериллом, то война – существительное множественного числа. Никого в нашей стране не пощадила, не обошла стороной. Не было тогда у женщин иного выбора судьбы, профессии. Война всё рассудила по-своему: мужчины – на фронт, женщины – на их место. А место – поле, кузница, цех, артель. И везде – тяжёлый, вытягивающий жилы труд.

Великая Отечественная – это и великий подвиг женщин. Что пришлось пережить им? Как-то, перелистывая статистические данные о соотношении ручного и механизированного труда в СССР, обратила внимание на строчку – 1942 год. 80 процентов всех выполняемых работ были ручными! А кто работал тогда в городе и на селе? Женщины. На их руках, плечах и согбённых спинах базировался тот «ручной» труд. ...Пахать на коровах и на себе, рубить лес, подправлять мосты, строить дороги, рыть котлованы, выполняя огромную норму, осьмушку хлеба с лебедой делить на несколько детских ртов, шагать на полевой стан за добрый десяток километров, до обморока

– теплового и голодного – полоть нескончаемые поля, потом работать на сенокосе, убирать, жать вручную хлеб, вязать снопы, скирдовать, свозить на стан, обмолачивать, везти хлеб на станцию, разгружать подводы, вскидывая на плечи четырёх-пятипудовые мешки.

– Мы были солдатками, – сказала мне как-то соседка, баба Настя.

– Мама, ты пугаешь, «солдатки» – это те, кто потерял мужей, – поправила её дочь.

– Вот те и дела, а я всю дорогу считала себя солдаткой, – обиделась-огорчилась баба Настёна, – я и в войну и потом работала за себя и за тех, кто воевал. Так я и есть солдатка!

Милое, дорогое поколение наших мам и бабушек – рабочих и колхозниц, врачей и учителей, домохозяек! Вы – стойкие солдатки нашей жизни, героини и дети войны. Седина покрыла ваши волосы, и не только близкие, но и вы сами уже забыли, что были шатенками, брюнетками и блондинками. Ваше немолодое сердце то трепещет, то замирает – но оно живо и оно радуется.

...Эх, создать бы виртуальные, самые точные и справедливые в мире весы и положить на одну чашу ратный подвиг солдат, а на другую – трудовой подвиг народа... Наверное, сравнялись бы эти горькие чаши.

Уходят солдаты, уходят братишки

Недавно в Германии, Франции и Италии умерли последние солдаты Первой мировой войны. В Британии таких оставалось четыре человека. В начале года умер последний британский солдат, участвовавший сразу в двух мировых войнах XX века...

Придёт день, когда и российские газеты запестрят заголовками: «Умер последний солдат Великой Отечественной войны!». Так и будет – подсуетятся какие-то фонды, статисты прошерстят свои данные, общественные организации подмогут, и СМИ распишут, ярко и громко – знаю своего брата-журналиста! – судьбу последнего героя, последнего служивого страшной войны.

Но я этому сообщению не поверю. Россия у нас необъятная, народу – уйма, архивы военных лет (как в Подольске, напри-

мер) до сих пор не разобраны. Так что и после официального сообщения наверняка где-нибудь – в таёжной глухомани, забытом богом железнодорожном тупике, в кривом, десятом по счёту от арыка переулке – останется жить какой-нибудь скромный пехотинец, рядовой последнего военного призыва.

Заглянул на днях коллега Ильшат Мингараев: «Умер сосед. В нашем доме он был последним участником Великой Отечественной войны».

Останавливаюсь у стенда ветеранов войны исполнительного аппарата. Вроде бы только недавно мы с председателем совета ветеранов Татьяной Яковлевной Игнатъевой придумывали сценарные повороты встречи с ветеранами войны. На нём Раузетдин Минапович Гилязов накидывает на плечи своей милой жены Зайнап ханум синий платочек – как благодарность за верность, за то, что ждала. А вот под песню «Давай закурим, товарищ, по одной» Анатолий Васильевич Ардашев достаёт кيسет с махоркой и вместе с генеральным директором сворачивает фронтую самокрутку. А потом – «наркомовские сто грамм». Было так интересно, ветераны пели, смеялись, плакали.

...Я родилась ровно через 10 лет после победы. Утраты людей, их горе, ожидание пропавших без вести – все это естественным образом влетало в детство. Да и как иначе – война обожгла каждую семью, каждого человека!

Начало 60-х годов. Вместе с мальчишками бегу на припаркованную площадь. Там, рядом с величественным православным храмом был огороженный невысоким забором пяточок. Режиссёр Леонид Гайдай, кстати, позже облюбывал эту площадку для фильма «Не может быть» по рассказам Михаила Зощенко. Помните: стоит Вячеслав Невинный в роли продавца разбавленного пива и поёт легендарную песню: «Губит людей не пиво, губит людей вода!». Всё это снималось на этом пяточке.

А в те, 50–60-е годы, именно здесь, а не только на паперти, собирались инвалиды войны, и каждый горожанин, проходя на базар или на речной причал, мог дать им копейку или пяточок. Как ни странно, именно здесь выстраивались и почтенные хозяйки, чтобы «отдать в добрые руки» кошечку или щеночков. Не топить, а отдать...

Вот такой юдолью милосердия был этот пяточок, намоленный людьми, наполненный страданиями – своего рода иллю-

страция страшной войны и людских потерь. Всё тут кипело горем и болью, всё было до ужаса натуралистично. Безногие и безрукие инвалиды – обрубки, изувеченные на войне солдаты и матросы. Меня, помню, родители буквально тычками в спину загоняли на этот пятачок: «Пооди, дай садака (мило-стыню)». Я зажмуривала глаза – настолько жалко мне было этих людей, а если честно, – просто жутко от их вида. Да и как сунуть пятачок в изувеченную культю старика или в пустые рукава бушлата матроса? Бабушка огорчалась моей бестолковости, а матрос весело скалился: «Кидай, сестрёнка, в бескозырку матросу-братишке. Вон она, родимая двухвостка, на земле лежит».

В тот раз на нелюбимое мною место меня затянули Тимур и Юрка с благой целью: надо было отдать «в добрые руки» при- блудного котёнка. Встали потихоньку – стыдно нам было там стоять – чай, не побирушки, думали мы. Подошёл к нам проходивший мимо пожилой военный. Погладил котёнка, спросил, как кличут, аккуратный ли, приучен ли ходить в песочек. И в это время началась драка между инвалидами. Мат, пере- кошенные лица, сломанные костыли, опрокинутые инвалид- ные тележки. Пыль с песком и кровью.

– А ну, смирно! – рявкнул наш военный.

И миг на пятачке стало тихо, поспешно инвалиды натяги- вали на голову кепчонки, бескозырки и пилотки, заползали на тележки. Помню, как в моей спине моментально разогнулась пружина, и я вытянулась так, как не вытягивалась в школь- ном строю. Инвалиды вперились взглядом в военного. Толь- ко прикажи, и пойдут они жалким строем – слепые, придер- живая друг друга за плечо, безногие, толкая рукой тележку... Вот она, сила военного приказа, вот она, солдатская душа, – не пропёшь её, не проплачешь в страданиях... Эх, содатики- матросики! Мы от страха рванули с места, и только ветер до- носил обрывки слов сердитого военного: «Стыдно... воины... присяга».

А что лично для вас война? Как – в каком облике, в каком воспоминании или впечатлении, в каком рассказе вошла она в вашу жизнь? Что знают о ней ваши дети? 2010 год – год 65-летия Великой Победы. Цифра не круглая, но юбилейная. Потому что до настоящих юбилеев наши старики не дотянут. Уходят старые солдаты. Как ангелы покидают нашу землю ба-

бушки – солдатские вдовы – уходят с надеждой встретиться в другом мире со своими погибшими сужеными, верность которым они сохранили. Уходят нефтяники-первопроходцы, крестьяне и тысячи их сограждан-товарищей по военным цехам, колхозным полям – и там ковалась Победа.

Умирают солдаты, но не память о войне.
Солдат войну не выбирает –
Куда пошлют, на ту идёт,
На ней живёт и умирает
И, умирая, в ней живёт.

О солдате. Без пафоса. И грустно

Работает телевизор. Гремят марши, звенит в пафосе голос комментатора с парада Победы. Без перерыва крутятся кадры хроники и в фильмы про войну. Всё это так режет по сердцу, так переворачивает душу, что вскакиваешь и выключаешь телевизор – ну жалко, невыносимо иной раз всё это видеть... И думаешь: спасибо тебе, солдат, спасибо, горемычный, терпеливый. Русский, татарин, грузин, якут, – одним словом, простой лапотный мужик-крестьянин от сохи, рабочий-заводчанин с вьёвшимися в кожу рук крупинками металла, очкарик-интеллигент с торчащей из воротника гимнастерки шейкой. Четыре года топали вы по дорогам войны, кидались в её жертвенный свинцовый огонь, горели в небе, с криком «полундра!» голыми руками рвали врага. Великий народ, великая страна.

9 мая проходит со слезами радости и горестных воспоминаний. Давно уже нет рядом со мной родственников-фронтовиков, но в этот день они незримо присутствуют рядом. В Казани накануне или в этот день мы шли на могилу моего свёкра капитана запаса Зайнуллы Гарифуллина. Он похоронен сразу же за могилой Габдуллы Тукая. Место это не достижимое для простых смертных. Сколько людей, денег и амбиций боролись за эти возделенные метры, сколько козней строилось, чтобы только быть похороненными в таком престижном месте! А тут... Свекровь рассказывала: принесли в контору кладбища требуемую справку о факте смерти, попросили место посуше (на старом кладбище в Татарской Слободе подземные воды близко находятся). Посмотрел справку слу-

живый кладбища, равнодушно спросил, что за человек покойник был. Успели только сказать: фронтовик, прошёл до Берлина, но война для него закончилась только в 53-м: работал в горячих точках – военных комендатурах Пруссии. Награждён боевыми орденами. Порядочный человек, пусть земля ему будет пухом. Был майором, да разжаловали до капитана, ибо храбрым был не только на поле боя, но и в вопросах чести и долга, заступался за других, карьеристов на дух не выносил. Им называли номер участка, и только уже на месте они с удивлением узнали, где предстоит упокоиться победителю войны.

«Он заслужил это», – со слезами радости (?) говорили на похоронах те, кто знал капитана Гарифуллина, – как же это правильно, справедливо, что такое почётное место получил воин, честный и работающий человек». И все согласно кивали и печально, но с ободрением поглядывали на вдову (для неё это была потеря из потерь – старше по возрасту, он был для неё и отцом, и братом, и идеальным мужем). Та в ответ вместо слов благодарности сказала, как отрубил: «Лучше бы ему дали не почётное место после смерти, а обычную изолированную квартиру». И все вздрогнули. И даже кладбищенская черёмуха уронила горсть лепестков на тропу.

Фронтовик, орденосец, передовик производства, наставник молодёжи даже через четверть века после окончания Великой Отечественной войны, кстати, как и большинство его товарищей по оружию и испытаниям, продолжал жить в коммуналке без удобств. А до этого – в офицерских общежитиях. Изредка он надевал ордена и стеснительно простаивал очереди в чиновничьих коридорах. Говорил то, чему жена научила: что живут вчетвером со взрослыми сыновьями на площади в 16 метров в деревянном полусгнившем доме-бараке, что согласно решению правительства он как кадровый офицер имеет право на улучшение жилья. В ответ слышал множество обещаний, а то и откровенно хамское: «Да если бы воевал, то погиб бы на фронте, а не квартиру просил тут, бессовестный такой». Да-да, ему ответили точно так – слово в слово. А апофеозом чиновничьего лицемерия был следующий довод одного руководителя: «Конечно, положена, положена вам квартира по праву. Но и вы в наше положение войдите. Квартирный вопрос в Казани тяжёлый. А вы коммунист, солдат, офицер, то есть человек сознательный, патриотичный, должны по-

нимать, что надо терпеть. И потом вам по крупному повезло. Вы ведь живёте в уникальном месте – в Профессорском переулке, на улице Шапова, рядом с домом купца Завьялова, где – нет, вы только послушайте – полгода жил САМ Ленин. ОН ходил по вашей улочке, ОН сидел на вашей скамеечке. Вон даже фильм сняли «Последняя бастилия» – молодой Ульянов бежит по вашему переулку, и дом ваш показали. Это очень-очень священное место для каждого советского человека. А вы ОТТУДА сбежать хотите. Как же это?!».

«А ты бы предложил ему поменяться квартирами – и пусть бы он жил рядом с домом вождя в нашей хибаре – с соседями-пьяницами, крысами и сортиром во дворе на 7 квартир», – плакала и смеялась свекровь.

И даже на 25-летие Великой Победы свёкру не дали жильё. Сказали: «Ждите, какие ваши годы». В утешение, правда, выделили путевку в Кисловодск. Там, в поезде, на него, спящего, с верхней полки свалился пьяный пассажир. Свёкор получил серьёзную травму головы, в итоге – инсульт. Из Кисловодска его привезли на самолёте. Друзья-лётчики бережно поддерживали носилки и просили его: «Держись, родной, борись, в войну жив остался, неужели сейчас сдашься».

Он умер накануне 25-летия Победы. Официальная поздравительная открытка пришла уже после похорон. Там было написано: «Вы защитили мир. Мы обязаны вам жизнью». Открытка ещё долго стояла рядом с его портретом на комодке...

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Марданова Гулира Валиевна 15.05.2012. 14:12: *«Таким же лицемерием ответили чиновники моему отцу, участнику ВОВ, Закиеву Ахметвали Закиевичу. Его призвали в Армию в 1939 году, он воевал с белофинами, потом началась война, в 1942 году его ранило, потом опять призвали, участвовал в боях за Сталинград, за Калининград, 17 дней весь раненный, голодный, ползком вышел к своим (ночью ползком, а днём прятался от немцев).*

После войны работал всю жизнь в колхозе, воспитал 6 детей, дал им образование, все дети хорошие. Умер в 1983 году от ран (осколок был в шее), не пользовался льготами, жил честно. Читая ваш рассказ, плакала и вспомнила отца,

и было обидно за него, потому что нас он воспитал также жить честно, по совести. Мы так и живём, ничего не прося и не требуя».

Наша генетическая память

Эту фразу я впервые произнесла в 1997 году. Это была первая командировка в Ирак, на Всемирную выставку нефти. И «милое» решение президента США Клинтона бомбить Ирак именно в эти дни, когда на выставку приехали представители десятков государств. Реально ожидалось бомбовые удары по Багдаду, и на выставке ощущалось напряжение. Особенно нервничали те, кто разместился в гостинице Аль Мансур – её до этого уже бомбили, впрочем, и наша гостиница Широ-ton, сказали нам, потенциальный объект для бомбового удара. Помню, как не выдержали и, бросив всё, первыми покинули страну коллеги-японцы. На прощание раскланялись: «До свидания, до свидания, нас уже американцы когда-то бомбили...». Вслед за ними рванули отважные итальянские мачо и, конечно, осторожные немцы. Мы, россияне, остались и довели свою экспозицию до конца, до последней минутки программы.

В эти дни рядом с нами был чрезвычайный и полномочный посол России в Ираке Николай Васильевич Картузов – умница, полиглот, знаток арабского Востока и просто очень приятный, воспитанный человек. Он рекомендовал главе представительства ОАО «Татнефть» в Багдаде Сулейману Абунагимову в целях безопасности забрать меня из гостиницы и дать кров на оставшиеся дни. Сотрудники «Татнефти» Геннадий Абражеев и Илья Самойлов сопровождали меня до гостиницы, откуда требовалось забрать мои вещи. Мы ехали в такси по приготовившемуся к обороне городу, водитель подозрительно на нас косился, какие-то толпы пытались остановить машину. Наконец, наш отель. Боже, как страшно подниматься по широкой лестнице, где бушует толпа, где тебя хватают за руки и освистывают. Впрочем, здесь две толпы – одна свадебная, а другая митинговая. Одна песни поёт и пляшет, другая поджигает американские флаги и размахивает этими пылающими полотнищами. Мы говорим то, чему научил Картузов: «Мы – Россия». Я запомнила его информацию, что багдадцы благо-

дарны трём странам, которые имеют собственную позицию по отношению к Ираку. Это Россия, Франция, Китай. И эти три слова были тогда пропуском безопасности. Пока иду сквозь расступающуюся толпу, улыбаюсь на все 32 зуба и без паузы твержу: «Привет я Россия Франция Китай я Россия Франция Китай...». И только в номере становится реально страшно. На полном «автомате» собираю необходимые на ближайшие дни вещи, и одна мысль в голове: война – как это страшно, жутко, да пропади она пропадом, сволочь... В номер заглядывают Абражеев и Самойлов: слушай, а нас на свадьбу пригласили, хороший народ...

Немая сцена в моём единственном исполнении, прямо из «Ревизора». Застываю и думаю: может, война только в нас, женщинах, вызывает животный страх, а мужчин лишь заводит?..

Впрочем, вся наша делегация, в том числе Абражеев и Самойлов, забаррикадировалась в представительстве. В городе забрасывали камнями иностранные посольства. Нам рекомендовали не выходить из здания, но ребята всё равно ходили на выставку (опасались за целостность экспонатов) и через весь город в отель. Мы смотрели через щель в шторах на опустевшую улицу района, где находятся представительства разных стран, на небо с раскалённым и тоже напряжённым, будто ожидающим что-то страшное солнцем. Оно, как и мы, словно вопрошало: будет бомбить или не решатся?!

А потом мы сели за стол и под руководством хладнокровного Сулеймана Абунагимова быстро составили список покупки необходимых на случай войны вещей. И хотя я была моложе всех, но закрученная внутри пружина страха ожидания войны мгновенно раскрутилась. Я чётко знала, что понадобится: запасы воды, если будут разрушены коммуникации, свечи, спички, соль, крупы, мука... «Ты будто эвакуацию прошла или осаду военную», – хмыкнул кто-то. ...Вот тогда я и ответила, что это память о войне, которую никогда не видела, но которая заложена в нас на генетическом уровне...

Сегодня Россия вновь вспоминает о войне – в этот день началась Великая Отечественная... Сегодня старые люди в очередной раз прочитают молитву и в большинстве случаев, как всегда, закончат её пожеланиями мира не только своим близким, но и всем, кто живёт на земле – не дай, Всевышний, ни-

кому испытать её ужасы... Старые люди – мудры, многие приветствие при встрече начинают со слов «мир вам» или «мир вашему дому». Ибо, как писал гений-Толстой, «Зло войны и благо мира до такой степени известны людям, что с тех пор, как мы знаем людей, самым лучшим пожеланием было приветствие “мир вам”».

...Меня нисколько не раздражает (как некоторых) георгиевская лента, привязанная к антеннам крутейших иномарок. Рискую вызвать праведный гнев ряда читателей, признаюсь: она меня даже умиляет. Я знаю ребят, которые упорно не снимают эти выгоревшие на солнце и обтрепавшиеся на ветру ленточки, и знаю тех, кто снимает их, но тут же повязывает... новенькие. Поверьте, капиталец у этих ребят такой, что ради идеи украшения машины они могли бы придумать что-то иное – престижное и роскошное. Так что георгиевская лента для них не дармовое украшение, а память, приобщение к истории, к чему-то стоящему, настоящему, истинному, правильному...

Наша память о войне, возможно, и есть тот генетический код, который помогает нам выживать и оставаться людьми и в буднях, и в испытаниях.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Гульназ Яминова: *«Как всегда, «пролила я немало слёз», читая Вашу заметку про генетическую память. Спасибо Вам за неё – душа раскрылась».*

Откуда, из каких глубин идут эти «воспоминания» об ужасах Великой Отечественной, не знаю, но сидят они в нас крепко.

Если бы я была реалистом и материалистом, то сказала бы, что причиной тому рассказы бабушки о голодных военных годах. У неё перехватывало горло, когда она об этом говорила, и её душили слёзы. Эбием всегда заботилась о том, чтобы на столе всего было вдоволь, и старалась накормить своих домашних и пришедших гостей досыта. И её боль и ужас передавались нам и отложились в памяти ещё с детства. Опять же книги, фильмы, стихи и песни, с которыми мы росли. Но человек я верующий, к тому же верующий в ренкарнацию, и объясняю то, что чувствую, больше этим.

Иной раз думаешь, Господь дал мне хлеба, я сыта в этой жизни и тем довольна, и вдруг останавливаешься на словах «в этой жизни». Мне кажется, в них ключ. Возможно, я голодала в прошлой жизни, да так сильно, что в этой, слава Богу, ем досыта. А где люди могли голодать? Не думаю, что жила в Африке когда-то. Моё место – в России. Так что, наверное, здесь и жила. И голодала, небось, в те военные годы.

Страх войны, паника при малейшем признаке начала военных конфликтов, охватывает не только меня. Сколько знаю женщин – многие начинают закупать спички, соль, крупы и молиться.

А слова «мир вам» и «мир вашему дому» я запомню. И постараюсь отныне приходить к людям именно с ними».

ГЛАВА 3. ЖЕНЩИНА И ЕЁ ПЛАНЕТА

«Земляничная поляна»

Так называется фильм великого Ингмара Бергмана, снятый им в 50-е годы и завоевавший множество наград. Фильм до сего времени востребован, включён в список 45 величайших фильмов всех времён, составленный в Ватикане, и до сих пор в рейтингах числится одним из лучших фильмов мира. Сюжет его таков (сценарий был номинирован на премию «Оскар»): пожилой профессор вместе с невесткой едет на машине на вручение то ли награды, то ли докторской степени. По пути останавливается в местах, где был счастлив-несчастен, встречает знакомых, вспоминает сны (земляничную поляну). И, таким образом, перетряхивает совершённые ошибки, переоценивает пройденный жизненный путь. Радуетя, ужасается.

Я же расскажу о супругах, которые никогда этого фильма не видели, а, возможно, начинали смотреть, поддавшись названию, да выключили: затянутым показалось кино с рефлексирующим профессором. Зато у них была своя земляничная поляна!

...Он всегда любил собирать лесные ягоды, считал земляничную пору самой красивой, благословенной порой. Детство-то босоное деревенское как раз и проходило на полянах, где было вдоволь ягоды. Она же – городская кокетка, дитя урбанизации. Её первую вылазку по ягоды они помнили все последующие 30 лет. Это занятие показалось ей ужжжжа-а-асным! Ягоды прятались от неё нагло, она их не видела и злилась. Спину заломило, пот струился по телу, и она оказалась облеплена комарами и мошкой. Глаза щиплет, тело зудит, земля парит, голову припекает. Она упала в траву и разрыдалась: «Лучше втридорога куплю на рынке, но больше мучиться не буду». А он обнял её и крепко целовал ароматными от ягод губами, дразнил, дурачился.

Все 30 лет потом она каждое лето топала за ним по ягоды. Вошла во вкус и даже опередила его в этом. Энергичная, быстрая, она не застревала, как он, надолго, на поляночных «пятаках»: оглядится, оценит «урожай», да дальше в лес ломанётся – искать лучшее место. Возвращается гордой победительницей, с полным ведром, и спросит его эдак покровительственно: «А ты, роднуля, всё на одном месте топтался? Да после тебя всё тут полегло». «А вот и нет, – отвечал он, – при-

везу тебя через пару дней сюда, сама увидишь: трава снова поднялась. Такие у нас в крае сильные травы. Бегай, кувиркайся, играй – снова сильная трава встанет горой».

Вот такая уж манера у него была: найти поляну и, мурлыча песню или углубившись в мысли, «прочесать» её всю, собирать ягоду сидя, лёжа, отдохнуть, развалившись на траве, пожевать травинку, прикрыть глаза... Умел он находить полянки – урожайные, щедрые, красивые, упорно и методично искать ягоды. Никогда не торопился бросать место, а осматривал кромки полян, густые травяные заросли и кочки. И урожай его никогда не был меньше, чем у неё. А вот выходили из леса они по-разному. Она, скакавшая по лесу как сайгак в степи, – уставшая до раздражения; он – весёлый и бодрый.

...Сегодня она тоже найдёт такую поляну. Ей это надо. Обязательно. Сын и дочь настойчиво звали её наведаться в ближайшие овражки, но она настояла на своём: «Здесь останусь». Она видела, как они обменялись взглядами и как сноха пару раз оглянулась, уходя. Последний год был тяжёлым, дети беспокоились за неё, тормозили, не оставляли без внимания. Вот и сегодня почти силком вытащили из дома по ягоды. Спасибо, детки... Знали бы вы, как тяжело заходить сюда. Зачем мне теперь эта ягода?..

Она пошла по лесу, не запоминая дороги. Да, горожанка, но, полюбив лес, она чувствовала себя в нём, как в собственном саду. Обладала цепкой памятью: никогда не терялась, нюхом отыскивала грибы. Он шутил: «Может, в предках у тебя леший или Шурале был? А что, характер у тебя боевой». Сам он грибы не собирал: «Я же татарин. Это ты маржужка, маржа – вот и собирай, родная». С трудом она научила его распознавать опять: «Видишь под шляпкой «юбочка» – значит, настоящий опёнок». «Ах, ты учишь меня под юбочки заглядывать, – хохотал он, – и на что толкаешь?!». Она грибы собирает, а он сухостой для бани наберёт, трав всяких лечебных, просто сядет на пенёк и о чём-то думает. Уже год, как он ушёл из жизни, покинул её, оставил одну.

...Вот и она нашла полянку. Присела. Опустошённая, без мыслей, с одной сплошной тупой болью – непонятной, тяжкой – то ли в голове, то ли за грудиной, то ли на сердце-душе. Тяжко, тянуче, непонятно. Равнодушно прошла взглядом по траве, отметила не спелую, но огромную крупную ягодку, по-

думала: а он любил их кислинку ароматную. Потом увидела почти бордовую россыпь перезревших ягод: именно такие он сушил. И тут все разом налетело: мысли, воспоминания, не-сказанное ему при жизни. И развязались, разлетелись узелки, растопилась глыба льда, рассыпались жёсткие комья... Задышала, заплакала. Полегчало сразу.

За тот час, пока дети не вышли на Его полянку, она столько всего передумала и пережила заново. И, главное, – сказала ему то, что не успела сказать. Спасибо за всё. Прости и прощаю. Ты был – и это счастье. Пока живу – ты будешь рядом. Моя ты любовь.

Нет, ведро ягодами не наполнилось. Покоем и любовью наполнилась душа.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Ия (Илья рядом): *«Вы будто написали о наших родителях. Нам с мужем повезло: и у него, и у меня любящие родители. Их чувства не угасли к 45 годам, так берегут друг друга. Наблюдаешь за ними, радуешься. Трогательно так. Мы тоже хотим прожить жизнь также красиво. С лаской, верой, любовью и земляничной поляной. Мы Вас обнимаем крепко-крепко!»*

16.08.2012. 11:14 *«Очень трогательно...».*

01.08.2012. 15:37 *«Очень хорошо написано, пронзительно, даже до слёз, спасибо за ваш рассказ, заставляет задуматься...».*

26.07.2012. 14:53 *«София, Вы очень талантливый писатель. Спасибо за Ваше творчество. Вы умеете затронуть душу. Это не каждый может».*

23.07.2012. 07:40 *«Вот это и есть Любовь, с большой буквы!».*

11.07.2012. 08:31 *«Трогательно».*

Не обещайте деве юной Любови вечной на земле...

За окном – декабрьские сумерки. А на шкафу расцвело пурпурными нежными цветами растение, прозванное в народе декабристом. Потому и называют, что расцветает оно в декабре, когда другие комнатные цветы уже засыпают, чтобы накопить силёнки к весне. А он, декабрист, упрямец этакий, цветёт ярко, эффектно – назло морозам за окном и сквознякам. Его стебли любят свободное провисание, поэтому декабрист обычно водружают на шкафы, из-за чего не всегда удаётся регулярно поливать цветок. Другой бы давно погиб, а этот пожелтеет-поболает, но всё равно выстоит.

Декабрист, одним словом.

И не я одна была уверена, что его назвали в честь декабристов, вышедших в 1825 году на Сенатскую площадь, – историю революций нам в школе преподавали с большим рвением. Помните? Пять декабристов были казнены, многие попали в казематы Петропавловской крепости или были сосланы в Сибирь. Несколько подзабылась ленинская цитата о них: мол, страшно далеки они от народа, но декабристы разбудили Герцена, а он... Забыла, кого разбудил «Колокол» Герцена, – наверное, пушку крейсера «Аврора», февральскую и октябрьскую революцию вместе взятые.

Меня, как и моих одноклассников, как-то всегда больше интересовала человеческая, а не политическая природа декабристского движения. И даже не сами декабристы, их подвиг и муки. В конце концов, это были сильные и влиятельные мужчины, государственные мужи, которые, заседаая в своих прогрессивных кружках, произнося смелые речи, планируя переустройство России, не могли не предвидеть последствий своих поступков. И необходимости – при поражении – отвечать за них.

Другое дело – их беззащитные, изнеженные жены, дамы высшего общества.

Никогда – ни до этого, ни после – в мировой истории не было примера подобного подвига, который совершили эти жёны, невесты, дочери и сёстры. Подвига верности, любви и стойкости.

Томные дамы из высшего света, тонкие аристократки, падавшие в обморок от нескромных взоров кавалеров или чресчур затянутых корсетов, благородные создания, не знавшие физической работы. За решение поехать за любимыми в Сибирь их проклинали родители и близкие. От них отвернулось негодующее общество. А женщины (кстати, среди них было немало тех, кого и замуж-то выдавали насильно, без любви) остались верны христианскому долгу («...потому оставь отца своего и мать свою и прилепись к жене своей и будет одна плоть»), своему чувству.

Они стойко выдержали или не выдержали (только потому, что умерли) и трескучие морозы, и цингу, и унижения со стороны властей, и тяжёлые бытовые условия, и редкие встречи с мужьями в закопчённых крестьянских избах. Каждая из них стала для мужа «звездой пленительного счастья» – той звездой, которая светила, обогревала любовью и нежностью.

Знаю многих женщин-современниц, ставших счастливой звездой для своих избранников.

...Фаину муж в молодости звал Календарь Ходячий. Так уж получилось: родилась она в селе Мартовском Ивановской области, после окончания медицинского института работала фельдшером в селе Апрелевка в тех же краях. Поехала за мужем в г.Октябрьск, где молодожены снимали клетушку в сених у злой бабки. Муж в числе первых десантников в середине 70-х годов ринулся в Ямало-Ненецкий округ – и куда бы вы думали?– конечно же, в Ноябрьск, которого тогда и на карте не было.

Вскоре – и она за ним. И везде Фаина-Файнана (с подачи ансамбля симпатичных парней Бари Алибасова этот припев сразу подхватил её муж) наводила уют, доставала продукты, варила протёртые супы почти на французский манер своему любимому язвеннику. Она гладила ему рубашки, а бывало, – и редяющие волосики на голове. Это когда он, изредка, устав от унижений и бессилия, бывало, что плакал на её плече. А когда прошла по его жизни, корежа и сминая всё, черная трагическая полоса – Фаина, бросив всё, поехала за ним на поселение.

Потом он сделал замечательную карьеру, и вообще оставил после себя много полезного и хорошего в тех краях, где работал большим начальником. А ещё они воспитали замечательных парней.

Он не кличет её больше Календарём Ходячим. Он называет её Декабристочка Моя. И когда говорит это, да ещё смотрит на неё совершенно не постаревшим, «орлиным» взглядом, между ними (честное слово!!!) «искрит». Это Любовь!

...Мои молодые коллеги на вопрос: «Есть ли в наше время молодые декабристки?» отвечали мне очень убедительно: «Конечно, есть». Я им сразу поверила. Хотя бы потому, что они как-то изменились за тот краткий миг, пока обдумывали ответ: неожиданно глубоким стал взгляд, мечтательнее и добрее глаза.

Кстати, на растения мода за последние годы сильно изменилась, «ушли» давно признанные мещанскими герань и «ванька мокрый». И декабрист оказался вытеснен иноземными цветами. Конечно, последние стильно смотрятся в современном интерьере. Но они не пахнут, не радуют и, что интересно, воспоминаний никаких не вызывают... Я задираю голову и рассматриваю декабрист, «присевший» на самый краешек моего шкафа. О чем думаю?

... Всегда мужественный князь Трубецкой, один из руководителей Северного общества, так и не нашел в себе силы и мужества выйти на Сенатскую площадь. В глазах не только соратников, но даже императора Николая I он предстал изменником и трусом.

А его жена перенесла муки адовы, одной из первых добравшись до рудников, до любимого мужа. Ради этого дрожащей изящной рукой она подписалась под документом, который гласил, что она лишается титула, всего имущества, гражданских и иных прав, а её будущие дети (как же страстно она мечтала о них!) будут считаться крепостными и поступят на воспитание в сиротские приюты.

...«Кавалергарда век недолог,
И потому так сладок он.
Труба трубит, откинут полог,
И где-то слышен сабель звон.
Ещё рокочет голос трубный,
И командир уже в седле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле...».

Этот нелюбимый ноябрь

Человечество иной раз бывает удивительно дружным в некоторых своих оценках. Например, для большинства людей самый нелюбимый месяц – ноябрь.

Действительно, за что его любить? В наших широтах это чаще всего – хлябь небесная, чавкающая грязь или снежная каша под ногами, пронизывающий ветер и ранние сумерки. Человечество (доказано учёными, подтверждено врачами) именно в эту пору чаще всего впадает в депрессию. Неприятная это вещь. Потом умные люди с тощим кошельком борются с ней обычным рыбьим жиром (дёшево и сердито, главное – полезно!), а умные, но денежные, подсаживаются на крючок личного психолога или уезжают на зарубежные курорты, где солнце и заморские фрукты перерабатываются в телах в «вещество радости».

И всё-таки мы зря грешим на ноябрь. Нынешний, например, оказался очень даже симпатичным. С ясными, без осадков днями, с лёгким морозцем, который бодрит тело, проясняет мысли в голове, приглашает на прогулку и одновременно заставляет скучать о домашнем тепле и уюте.

Вот только событий печальных в этом месяце 2007-го было, как всегда, немало.

Самое трагическое из всех – гибель в Донецке 100 шахтёров в шахте с показавшимся смешным названием «имени Засядько». Шахтёр – самая опасная из мирных профессий, как свидетельствует статистика, её представители в среднем живут чуть больше несчастных спивающихся чукчей – что-то около 48 лет... И, тем не менее, аварии в шахтах – каждый раз как гром среди ясного неба: взрыв метана, обрушение, пожар под землёй, задохнувшиеся или сгоревшие рабочие и мастера. А в случае с шахтой имени Засядько – ещё и ужасающая цифра, которую кто-то невидимый словно округлил для пущей назидательности. Из 457 человек, работавших под землёй, спаслись 357. «Чёрный остаток» – ровно 100 погибших.

Поразил кадр из теленовостей. Дорога к административному зданию этой шахты проходит... через кладбище. Причём не в переносном, а в прямом смысле слова. Вот так оно и есть: слева и справа от дороги, по которой ежедневно шагают на работу шахтёры, кресты и могилы их погибших товарищей – тех,

с кем они спускались неделю назад в забой, с кем делились на перекусах бутербродом из тормозка, с кем крестили детей и сидели за одним свадебным столом. Идти на рабочую смену через кладбище друзей, зная, что их трагичную судьбу ты можешь повторить уже сегодня, уже через час...

А самый славный ноябрьский день – это День матерей. Есть, конечно, ортодоксы, которые как-то непонятно – потому что очень агрессивно – игнорируют сей день, считая, что для поздравлений уже существует 8 марта, и зачем ещё дополнительно огород городить. Эх, их бы принципиальность и твёрдость – да на мирные цели... Ну скажите, как можно лимитировать, ограничить по времени любовь и внимание к матери?

...Бывая в Москве, по старой, «советской» ещё памяти, непременно заезжаю в «Детский мир». И хотя цены здесь чаще всего несусветные – ничего не могу с собой поделатъ, непременно что-то прикуплю. Любимый «Детский мир» – это бренд, это традиция. В последний приезд забрела в отдел для новорожденных и долго разглядывала пелёнки. Выбор их огромный: одноразовые и многоразовые, скрипуче-синтетические, атласные и даже украшенные бисером и стразами в уголках. Самыми дорогостоящими оказались невзрачные, блеклые на вид пелёнки – как гласила этикетка, суперэкологичные, из чистого хлопка. Они мне очень напомнили матерчки, в которые заворачивали мою сестрёнку. Помню, в пору, когда не было никаких памперсов, я и сама, как и множество моих современниц, для обеих дочерей (не только из-за хлопкового дефицита, но и по внутреннему наитию) шила пелёнки из бабушкиных и маминых старых ночных сорочек и мягких, многократно стиранных байковых халатов. Они были самые нежные на ощупь, почти шелковистые. В них и пеленала ребёнка для ночного сна, свято веря, что в них дитя будет спать спокойнее и дольше. Так и происходило.

Каждое материнское сердце – вещун и сама мудрость – не ошибалось. Недавно в медицинском обзоре прошло сенсационное сообщение учёных и медиков именно о таких пелёнках, которые женщины разных народов и племён издревле шили из своих старых рубашек. Научными методами учёные доказали, что льняные и хлопковые ткани практически навечно (!!!) сохраняют в своей структуре антитела, которые вырабатывались в материнском организме во время её болезней

и через кожу впитывались в ткань. Никакая стирка не в состоянии их уничтожить. Эти материнские антитела оберегают детей, делают их крепче, помогают сопротивляться болезням.

Вот так всегда нас, начиная с раннего младенчества и до самой нашей кончины, оберегают матери. Они делают это всю свою жизнь. Уверена – эту свою главную миссию они продолжают, даже уйдя из жизни.

Они были сильными, а сейчас сильные – мы

В последние годы и у нас в России отмечается День матери. Он приходится на последнее воскресенье ноября. Многие, особенно представительницы самого старшего поколения, об этом празднике даже не подозревают. Они и к 8-то Марта всю жизнь относились без пиетета... Но какой бы ни была ваша мама – по-прежнему стройная и задорная девчонка, элегантная и очаровательная дама, энергичная бизнес-вумен, харизматичная женщина-вамп или тихая домашняя хозяйка – отметьте в этот день в её жизни. Непременно. Хоть как-то. Позвоните, справьтесь о самочувствии, загляните на чаёк, занесите подарок или скромный гостинец, нарубите дрова для баньки, перелистайте альбом, поговорите о предстоящих планах, отпусках и приобретениях – может быть, и для неё найдется в них местечко...

Люблю общаться с умудрёнными жизнью людьми, добрыми и порядочными. В этом плане тестом о наличии этих качеств для меня служит их отношение к детям, их уровень материнской любви – терпимости, благодушия, благородства. Вот мои старые бабушки-соседки. Как они гордятся своими детьми, как понимают их проблемы, прощают милостиво, как даже в собственной немощи и при самом скромном достатке стараются помочь в воспитании внуков и правнуков! Две из них перенесли тяжелейший инсульт, но мужественно выкарабкались – опять же в стремлении не только не быть в тягость детям, а наоборот, и впредь поддерживать оных, вести их дальше по жизни. Мои соседки не жалуется ни на что, радуются каждому дню, философски относятся к трудностям и заражают жизнелюбием и своих дочерей-сыновей, и внуков, и всех окружающих.

Люди в возрасте ценят не только успех, профессиональную, жизненную и материальную состоятельность своих детей, но и их доброе отношение к себе. Старики буквально на флаг поднимают оказываемые знаки внимания, по-детски гордятся: сын вчера позвонил, говорит, ходи осторожно – скользко; дочка перед работой забегает; а мои меня на газету подписали; зять только мои пироги жалует...

Их руки всю жизнь занимались домашним, таким нелёгким и не всегда замечаемым трудом. А ещё – обнимали нас, укрывали, поддерживали. Они были сильными, а сейчас сильные – мы. Теперь им самим время крепко и по-детски прижаться к сыновнему плечу, погреть руки в тепле дочерней ладошки. Если День матери создан хотя бы только ради этого – то он оправдывает своё назначение.

А напоследок притча.

Поспорили как-то человеческие чувства: кто из них сильнее?

– Я сильнее, – сказала Ненависть. – Я могу заставить человека совершить что угодно, благодаря мне появились Предательство и Гнев.

– Нет, я сильнее, – сказала Ревность. – Хотя благодаря мне и не появились никакие чувства, но зато я могу толкнуть человека на преступление. И даже на убийство.

– Ну что вы! – возмутилось Одиночество. – Что такое убийство? Вот я могу даже до самоубийства довести, значит я – сильнее.

– Да нет же! – воскликнула Доброта. – Зачем вы говорите о таких ужасных вещах? Я сильнее, я могу помочь созидать, дарить.

– Хо-хо! И в чём тут сила? – перебила её Ненависть. – Это полная ерунда! Подумаешь, созидать! Да если все станут ненавидеть друг друга, то кому оно будет нужно, это твоё созидание?

– Не спорьте! Сильнее меня нет, – воскликнула Любовь. – Я могу хорошего человека сделать плохим, и наоборот. Я могу увести за собой. Я могу преодолеть любые препятствия.

– Но в наше время Любовь уже никто не ценит, – пробурчала Измена.

– Да – да, Любовь давно сдала свои позиции, – ухмыльнулось Сомнение.

– Выходит, мы все одинаковые? – протянуло Разочарование.

– А вот и нет! – сказала Мудрость. – Есть чувство, которое не кричит о своей силе, но оно намного могущественнее любого из вас. Оно преодолевает Предательство и Гнев. Оно не боится Ненависти, оно совсем не знакомо с Изменой, оно несёт в себе Любовь, и может созидать, дарить. Оно сильнее каждого из вас в отдельности, и даже всех вместе, потому что не знает страха и своей силы.

– Не может быть!!! – вскричали все чувства хором. – Такого не бывает! Нет такого чувства, а если и есть, то где оно?

– А ему просто некогда участвовать в ваших спорах. Оно и сейчас оберегает, наставляет и защищает, а не теряет понапрасну время. Оно всегда на страже Счастья и Покоя. Потому что это – Материнство.

Весь мир – мой

Как каждая женщина, мечтаю о тихом, уютном вхождении в предновогодье. Долго и с любовью выбирать подарки, не торопясь выскоблить дом, чтобы зазвенел он чистотой и хрустальным воздухом. И умиротворённо, неспешно завершив все дела, вечерами сидеть, забравшись в кресло с книгой, а потом, забыв о ней, думать о чём-то своём – опять же неспешном, неуловимом.

В действительности же всё происходит по-другому. Каждый раз – предновогодний слалом-хаос-текучка-аврал-завал. Вдруг, сразу, непременно скопом, вылезает из всех щелей недоделанное, недодуманное и совсем уже неожиданное. И каждый раз крутится вопрос: «Как все успеть? Не забываю ли я о самом важном?».

Даже с животными творится что-то удивительное. Учудила, не ушла в обычную зимнюю спячку черепаха Чича, мотается, сердечная, туда-сюда день и ночь, рискует быть раздавленной под ногами вечно мечущихся домочадцев.

Кто сказал, что черепахи медлительны? Чича ловко снуёт по кухне и гремит своим панцирем как рыцарь латами. Да ещё напал на неё необычный жор, а это – лишняя хозяйская забота: давно минула пора дармового одуванчика и огородного

подножного корма, и теперь приходится её кормить недешёвым пекинским салатом.

– Слушай, может, сварить из тебя черепаховый суп – и вся недолга?

Чича вытягивает изящную головку из-под «каменного» панциря и внимательно смотрит на меня, будто и она задаёт тот же вопрос: «Как всё успеть? Не забываю ли я о самом важном?».

Последние дни не похожа на себя и овчарка Рэда. Впервые за 11 прожитых ею лет она вдруг начала линять именно зимой. По этой причине в одностороннем порядке отменяется утренний многолетний ритуал прощания, когда ей было позволено прижаться носом к сапогу хозяйки, а то и легонько коснуться рук. «Фу, Рэдка, не подходи близко!».

Постарела верная Рэдка, редко (вот и каламбур, господа) вылезает из конуры, и ест не с обычным аппетитом, хотя из-за морозов, из-за жалости к животине я в эту пору особо щедро бросаю в её похлёбку мослы и жирные мясные обрезки. А она всё смотрит печально на полную луну, в глазах – всё тот же вопрос: «Как всё успеть? Не забываю ли я о самом важном?».

Тьфу, наваждение, да и только.

Утром бегу по коридору с тем же собственно-черепашьесобачьим вопросом в голове, как вдруг останавливает меня шеф и этак особливо задумчиво-озабоченно вопрошает:

– А не забываем ли мы, София Анваровна, что-то особенно важное?

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Точнее – предновогодье.

А за окном – мороз. Чудесный, пушкинский – ядрёный, вкусный, хрустящий, с инеем и солнцем. И всё равно народ, особенно из нежной породы, стонет: ах, морозы, ах, метёт-заметает, что будет в январе?!

Глупый вопрос! Будет то, что было всегда: мороз и снег. Не это ли природное спасение России и наше, народное? Снег – лучший декоратор-конspirатор, не только всю грязь уличную прикроет, но все недоделанное и недосданное, щербатое и разрушенное. Эдакий натуральный, природный и бесплатный потёмкинский забор, которым при Екатерине и последующих царях и правителях обносили-прикрывали грязь, нищету и казнокрадство.

Мороз в своё время (Отечественные войны 1812 и 1941 гг.) Отечество наше спас. Ведь что французу и немцу – смерть, то россиянину – как говорится, в масть. А ещё тем хорош мороз, что встряхнёт, взбодрит он, не даст раскиснуть тонкой и рефлексующей российской душе, не позволит замутить себя разными ненужными вопросами.

Вон развалился на снегу мальчишка. Продрог, варежки превратились в лёд. А он счастлив и доволен. Ещё и зазывает: айда, мол, с горки скатимся. Почти по Пушкину в «Евгении Онегине»: «Шалун уж заморозил пальчик:

Ему и больно и смешно,

А мать грозит ему в окно».

И не страшны ему морозы и пока не задается он длинными и взрослыми вопросами: «Как всё успеть? Не забываю ли я о самом важном?».

Он-то все успеет, и о главном не забудет! В отличие от нас, взрослых, он понимает, что главное – это сегодняшний миг. Для него – это зазывный свист друзей под окном, крутая ледовая горка, новые коньки под кроватью.

Вот уж, действительно: весь мир – мой, и ещё коньки впридачу...

Любить – значит быть ответственным

Автомобильная пробка на перекрёстке у автовокзала. Дорогу, лавируя между стоящими машинами, переходят две женщины. Одна – старенькая, деревенская, хотя и наряженная по-городскому, вот и модное парчовое пальто смотрится на ней нелепо, как некая стилизация плюшевых бабушкинских зипунов. Вторая – явно её дочь, лет 40, элегантная, современная. Они спешат: старая – к рейсовому автобусу до села, а младшая провожает её. У каждой – по тяжёлой сумке в руке.

Машины перестраиваются, начинают оглушительно сигналить трактористу – виновнику пробки. У бабушки испуг на лице, словно именно ей водители выражают своё неудовольствие, будто это она виновница затора. Впрочем, от автомобильного гудёжа и дочка в смятении. Неожиданно машины резко трогаются с места. И тогда мать и дочь в едином, порывистом движении переплетаются руками – совсем как в игре

для детсадовцев «Запутайся-распутайся». Я проезжаю мимо и отчётливо вижу их – застывших в позе неловкой, неудобной, но такой трогательной...

... Женский голос в трубке: «Три года не выхожу из дома, прикована к постели, перелом шейки бедра. Читаю вашу газету. Не могли бы заглянуть ко мне на полчаса, кое-какие мысли моей дурной голове покоя не дают».

Так я оказываюсь в этом доме. Когда-то, давно, собирая материал для газетной статьи, я обходила первые в городе многоэтажные дома в центре – их жильцы могли много интересного вспомнить о 50-х годах, когда начинал застраиваться Альметьевск, о его нефтяниках и строителях. Помню, тогда люди без опаски распахивали дверь, приглашали войти, усаживали на диван, вытаскивали фотоальбомы. Жизнь была проще и спокойнее, и люди были другими – незакрытыми наглухо, не настороженными...

Сегодня всё по-иному. Но в этой квартире меня ждут – дверь открывает девочка в ярком вязаном жилете. Запах в квартире мне вдруг кажется знакомым: пахнет южной лавандой и ... лежачим больным. А ещё кажется, что вот войду я сейчас в эти нестандартные широкие двери, и в углу увижу старинный тяжёлый шкаф с книгами... Оп-па! А ведь он, действительно, стоит там. Дежа-вю, да и только!

Моя собеседница, женщина лет 60, лежит в постели. После её радушного «проходите-проходите» мы свободно, будто давно знакомы, начинаем говорить «про жизнь» – о кризисе, и что ждать от него, о семейных делах, о детях и внуках.

– Знаете, у меня всё хорошо, жизнью довольна. С дочкой мы очень дружны, близки, она у меня хорошая, ухаживает за мной, как за ребёнком. И для зятя я не рваный лапоть, который хочется подальше закинуть. Ну а внучка – вообще свет в окошке, добрая очень. Она всех-всех в мире любит. Ну вот, расхвасталась я...

Девочка просачивается в дверь:

– Бабулькин, готовься к подвигу, пей лекарство, а то маме пожалуюсь.

– А ты творожок свой ела?

– 1:1, ладно, съем эту гадость, но и ты не подкачай, – чадо исчезает.

Женщина поясняет:

– Каждый день заставляем её есть творог. Это мы с дочкой так по-своему перестраховываемся. Остеопороз, зараза, и, как следствие, перелом шейки бедра – это у нас, увы, наследственное по женской линии. Мама, покойница, долгие годы страдала, вся в переломах лежала, и вот я теперь, мой черед наступил.

Она неловко, через голову, поправляет жёсткую наволочку, и я невольно отмечаю про себя: в этой семье сильно крахмалят постельное бельё. Стоп! Я вспомнила. Я уже была здесь в 1979 году. И на этой кровати лежала другая женщина, и тоже прикованная к постели. И по краешку белоснежной простыни я, помнится, тогда тоже автоматически, чисто по-женски отметила: крутое подкрахмаливание. Та женщина рассказывала мне, как приехала в Альметьевск из Ленинграда, похоронила мужа, вырастила дочку, и вот теперь добрая дочь, ухаживающая за ней, – главная отрада, счастье и оправдание прожитой жизни.

– Я была у вас ровно 30 лет назад! – восклицаю я, – видела вашу маму и вас – вы так ухаживали за ней!

Женщина тактично переступает через мою неуместную радость:

– Да, вот так я и повторила участь мамы, а дочка – мою судьбу. Теперь она смотрит за мной, обихаживает, да так, что я только поражаюсь.

– Но ведь и вы, – говорю я, – маму свою не бросили, поэтому и ваше поведение стало примером для дочери.

– Бабушкин, – ноет в дверях юное создание, – я сочинение наваяла, а надо ли после слова «значит» ставить запятуюшку?

И вот мы склоняемся над тетрадьё девочки. «Лис открывает Маленькому принцу тайну приручения: приручать – значит создать узы любви. А еще Сент-Экзюпери в книге «Маленький принц» говорит, что приручить – значит привязаться к кому-то, относиться к нему нежно и, самое главное – быть ответственным за его судьбу».

– Здорово! – хвалю я её, – сама сочинила или сдула откуда-то?

– Мне обидеться или как? – кокетничает умница.

...Девочка провожает меня до выхода. Мы одновременно говорим друг другу «пока-пока», начинаем смеяться. В последний раз мелькает уголок её жилета.

Я не прочь ещё раз заглянуть на огонёк в эту семью. Славные люди. Мне здесь понравилось. Здесь по наследству передаётся не только болезнь, но и умение любить и жалеть, а ещё – ответственность за жизнь близкого человека. Ведь как раз об этом в школьном сочинении написала девочка, которая любит вся и всех, – впрочем, конечно, кроме творога...

Не лебединая – мужская верность

Еду утром на работу, ловлю радиоволну. В салон врывается песня «Лебединая верность». И как всегда, когда слышу её, – мурашки по коже:

«В небесах искал подругу он.
Звал из гнезда.
Но молчанием ответила
Птицам беда.
Улететь в края далёкие
Лебедь не мог.
Потеряв подругу верную,
Он стал одинок».

Песня о лебеде, потерявшем свою подругу и от горя камнем кинувшемся вниз, на скалы. О любви и преданности. Красиво, сентиментально и романтично. И всё же: сказка это из мира животных или же символ верности и преданности сильных, настоящих мужчин?

– Да вы что, – снисходительно говорят мне молодые коллеги женского рода, – нет её, мужской верности, даже мужской ответственности перед женой, и то нет.

– Редкое это явление, – улыбаются женщины с солидным семейным стажем, – да ты журналчики-то почитываешь? Там столько историй об этих обманщиках.

Действительно, ни один женский журнал не обходится без материалов о мужской «верности». Слезные эпитафии («отдала ему всю жизнь, а он, подлец, бросил»). Гордые письма («он ушёл, но я ему благодарна...»). Советы, часто совершенно противоположные («ушёл – не догоняйте», «ушёл – верните»). Стратегические рекомендации («поменяйте причёску, скиньте 27 килограммов живого веса», и будет вам счастье). Исследования учёных («мужская природа полигамна... уровень тестостерона»). Особенно впечатлил вывод: мужа быва-

ют двух видов – неверные и верные. Последние – потому что не пойманы. Пока.

И всё же (получи, фашист, гранату) подмечу и другое. Сколько материалов, обличающих мужчин, столько же (фифти-фифти) статей и сообщений в журналах, газетах, на форумах, где сами дамы откровенничают, а то и устраивают нехилые разборки по поводу своих любовников. И все эти страсти – при наличии официальных мужей...

Всё-всё, молчу-молчу – нет никакого желания разбирать семейные передражки, пытаюсь понять, кто виноват больше. Просто звучала песня, просто лебедь метался в небе, и вообще – просто «без любви твоей небо все грустней».

...Тяжело болеет подруга. Теперь телефонную трубку берёт только её муж. Я слышу, как она дышит где-то рядом, передаю ей огромный привет и пожелания скорейшего выздоровления. Звоню им обычно поздно вечером, когда улягутся хлопоты: мои – рабочие, и его – домашние. Мы говорим о неутешительных прогнозах врачей, о её детях, редко звонящих. Сообщаю, что до сих пор под впечатлением вкусного рагу, которым он угощал, когда я к ним заглянула, прошу рецепт.

Ему приятно. Сегодня он умеет ценить приятные мелочи. Они помогают отряхнуться от мрачных мыслей, отвлечься. Например, телефонные звонки подруг жены, их комплименты по поводу его кулинарных способностей, их предложения «хоть в чём-то помочь». На последнее он отвечает ласково и твердо: «Спасибо, мои дорогие. Я – сам».

Он – опытный, талантливый, известный специалист. И востребованный – немало предложений поработать или выступить консультантом. Его часто зазывают в гости друзья. Когда-то он был лидером в коллективе и душой компаний, сегодня его главное дело – ухаживать за больной женой. Он – и сиделка, и уборщица, и медсестра, и психотерапевт. И вокруг всё так, как любила она. На мебели – ни пылинки, сантехника блестит, на жене – всегда отутюженное платье (только не халат!), колготки – без морщинки, её седина аккуратно им прокрашена.

Он не жалуется, лишь тихо погорюет, когда совсем невмоготу: «Она теперь вообще не разговаривает, не реагирует ни на что, и это тяжело». Помню, какой шумно-гомонящей была их семья до болезни, и понимаю, как не хватает ему именно это-

го: совместного, с постоянными её комментариями просмотра нового диска, её едких замечаний по поводу идиотской книжки, её восторга от нового сорта чая, бесконечных дружеских розыгрышей, объятий и миллионов чмоков. И прочей, прочей чепухи, которая обычно наполняет дом любящих супругов ощущением счастливого бытия. А тут – безмолвие... Не достучаться до нее – ни до её мозга, ни до души.

Знаю, что не всё в их жизни до этого было безоблачно. У каждого был свой (и солидный!) пакет обид. Но пришла беда – и всё остальное стало несущественным. Он без упрёков сжег свой пакет претензий, запер себя в четырёх стенах, стал преданной сиделкой.

...Песня «Лебединая верность» всегда была любимой в их семье. Но это не мешало ей, тогда ещё здоровой, с присущей прямоотой препарировать стихи Андрея Дементьева – мол, не бывает у животных самоубийств и прочих «человеческих» проявлений верности. А он в ответ божился, что ещё в детстве видел, как селезень спасал на реке раненую уточку, клювом толкая в густые камыши речного затона. Он даже дергал при этом головой, изображая утинового «или утинового?» мужа.

– Он такой у меня забавный, – ласково говорила она нам тогда.

– Он такой нелепый, – думали мы...

Опять весна – но уже без Тебя...

...Это была, скорее, исповедь мужчины. Его признание в любви. Его слово, поведенное миру, о женщине – жене, подруге, единомышленнице. Шел 2008 год, объявленный Годом семьи. И самым ярким, памятным материалом на эту тему в корпоративной газете «Нефтяные вести» стало письмо ветерана управления «Татнефтегазпереработка» Фоата Гарифуллина «Наши любимые». Он рассказывал о своей любимой супруге, с которой прожил 53 года – более полувека самых счастливых лет. Тайсугановский паренёк встретил свою избранницу вдали от родины – в Украине, во время службы на флоте. В маленький городок на берегу голубого Дуная его Зулейху, с детства сироту, завзвала к себе старшая сестра. Это была любовь с первого взгляда. И ей суждено было продлиться всю их жизнь.

А дальше – я цитирую отрывки из того письма-публикации 2008 года:

«Как встретившись, заря и темнота
Рождают в небе дивные цвета,
Так встреча двух людей несёт разгадку
Той тайны, что в природе разлита».

«Опять весна ...Колесница жизни мчит на огромной скорости. Дух захватывает. Вот только вчера мы были молоды... А сегодня сидим у окна с моей самой любимой, единственной и неповторимой женщиной в мире, и, улыбаясь друг другу, вспоминаем свои самые лучшие годы. Мы – это я и моя жена Зулейха».

«...я считаю, что прожил большую, хорошую и достойную жизнь. Я смело могу смотреть в лицо своим детям и внукам. Меня никто не обвинит в недостойных деяниях. Я люблю жизнь и всех, с кем близко свела меня судьба. Но я твёрдо знаю, что моё счастье дала мне моя единственная, моя любимая и неповторимая женщина. Самая красивая, самая лучшая женщина на земле – моя жена и мать моих детей, моя Зулейха.

Я преклоняю пред тобой колени, моя радость. Мы с тобой всегда шли по жизни рука об руку, стараясь не обижать друг друга и быть хорошим примером для наших детей. Какие бы невзгоды ни преподносила нам жизнь, мы крепко держались друг за друга, поддерживая и словом, и взглядом, и даже молчанием».

«Скоро у тебя день рождения, снова соберутся дети и внуки, и опять наш дом наполнится хлопотами и детским смехом. Я от всего сердца желаю оставаться всегда такой же доброй, мудрой и красивой. Я дарю тебе самый красивый букет цветов и прошу простить меня за те моменты нашей жизни, когда я доставлял тебе огорчения.

Я призываю всех мужчин – молодых и не очень. Берегите своих любимых! Не обижайте их упреками, ненужными подозрениями и неуважением!».

Вот такое письмо Фоата Гарифуллина, почётного нефтяника управления «Татнефтегаз», когда-то кочегара и оператора МГПЗ, главного механика и главного инженера СМУ, впоследствии почти два десятка лет трудившегося на ответственной должности начальника смены ЦИТС управления «Татнефтегаз», было опубликовано 23 апреля 2008 года. Оно

звучало как поэма о любимом человеке – написанное просто и изящно, возвышенно и естественно. И читая его, можно было представить, как волнуется немолодой, но по юному влюблённый человек, рассказывая о своей лучшей и неповторимой женщине.

Вот его вдох – как прекрасна жизнь. Вздох – седины покрыли, милая, твою голову. Шёпот – люблю, восхищаюсь, трепещу...

Прошло два года. И снова пришло в редакцию письмо. Но теперь уже не от Фоата Мутиковича Гарифуллина, а от его дочери Равии Фоатовны Ярыш, зав. кафедрой электроэнергетики Альметьевского нефтяного института:

«Мама ушла из жизни в октябре 2009 года. Ушла, оставив нас всех без своей заботы и любви, в одночасье сделав несчастным нашего папу. Его горе было безутешным. Жизнь остановилась для него, и все наши попытки отвлечь давали лишь незначительный эффект. Тоска вселилась в его сердце, заполонила душу. Как лебедю – который не может жить без своей подруги, так и папе было неуютно без единственной и самой любимой.

Грустно встретили новый год, потом мамин день рождения ярким апрельским днём («опять весна»). Всё валилось из его рук – ему ни о чём не хотелось ни думать, ни говорить, ни что-либо делать: «Нет сил жить без тебя, любимая. Я решил про себя: в мой день рождения мы с тобой снова будем вместе. Иду к тебе, моя любовь, встречай меня...».

Я и два моих брата – Марс и Рустам – не можем сдержать слёз. Папа умер, как и хотел, – в свой день рождения – 18 июля. Мы теперь понимаем, какой бывает Любовь...

Ранним утром, когда умер папа, Рамзия, жена старшего брата Марса, увидела во сне нашу маму – такой она была красивой и счастливой. И мы поняли – они снова встретились. Они снова вместе! Там, на небесах, без болезней и бед «будет им светло и радостно в небе вдвоём», как в той песне о лебединой верности».

Что добавить к этим двум пронзительным письмам? Разве только пожелать каждому такого накала чувств, такой верности. У них была Любовь. Впрочем, почему была? Разве любовь умирает вместе с теми, кого она посетила?

...Я пыталась найти стихи, которые привёл Фоат Гарифулин в начале своего письма. Кем они сочинены, кому посвящены? Узнать не удалось. Но из безграничных глубин Интернета всплыли строки Нобелевского лауреата Иосифа Бродского:

«Два путника, зажав по фонарю,
одновременно движутся во тьме,
разлуку умножая на зарю,
рассчитывая встретиться в уме...».

Мы не знаем, есть ли жизнь после жизни на земле. Будут ли там встречи, будут ли узнавания. Но так хочется верить в силу любви. В то, что Фоат и Зулейха снова встретились. И они снова вместе.

Женщина и её планета

Ну надо же – в среду мимо Земли, да ещё в опасной близости, пролетел огромный астероид – а мы и не заметили. Мы иногда многого не замечаем в повседневности... Даже тех, кто живёт, работает рядом с нами и занимает в нашей жизни отнюдь не последнее место.

Первые дни марта выдались богатыми на девишники и посиделки. Вот где был простор для наблюдения над женской половиной человечества.

...Шагают по коридору офиса «Татнефти» прекрасные женщины – в большинстве своём высокопрофессиональные, грамотные и энергичные специалисты. Они элегантны, деловиты, преданы делу и профессии. А ведь у каждой своя жизнь – там, за вертушкой, за проходной: у кого-то мир и покой в доме, счастье с любимым человеком, а у кого-то глухое одиночество, беда в семье и лучшая «подружка»-подушка до расвета от горьких слёз не высыхает.

Но приходит рабочее утро – и вновь идёт женщина по коридору. По-прежнему деловая и собранная. Никому и никогда не узнать, что у неё на сердце творится. И садится она за бумаги, цифры и показатели, отвечает на звонки и выносит за жизненные скобки, отключает на время и собственное недомогание, и тревоги за детей, и болезнь стариков-родителей, и семейные неурядицы.

По-другому нельзя. Для женщины важно работать самоабвенно, как принято говорить – с душой, с желанием сделать

работу лучшим образом. Именно женщины в большинстве своём перфекционистки, мучимые синдромом отличницы – стремлением сделать всё как положено, самым наилучшим образом.

Мне практически не приходилось видеть женщину, которая работала бы бездушно и бездуховно, не осознавая важность своего долга-предназначения и уникальность своей работы. И вроде бы давно пора «поумнеть» и измениться, и, наконец, научиться разумному пофигизму. И может быть, для начала написать на стене крупными буквами: «Работа – это всего лишь только бизнес! Бизнес!! И ничего личного!!!». Написать, заучить и неукоснительно следовать этому, уж извините, сугубо мужскому правилу.

Ан нет, не получается это у нас, женщин. Работа и коллектив – это та же сфера применения женского ума, старания, тревог и забот, душевного участия – почти как семейная жизнь. Нам ведь надо неустанно вертеть свой земной шарик, свою планету, на которую мы, женщины, водрузили свой дом, работу, разбили свой сад и населили его людьми, которых любим и за которых несём ответственность.

Восхищаюсь вами, дорогие!

А на днях попала на встречу с совершенно иными (по статусу) женщинами. В деревенском доме собрались по случаю простые деревенские женщины – бывшие учителя, доярки, работницы теплицы. Гостинцев собственного изготовления, как и принято, принесли с собой – щедро, от традиционной татарской выпечки до сложных тортов. Надели на себя уже немодную, но опрятную и замечательно праздничную одежду.

В доме – выскобленные щёткой бревенчатые стены, и излучают они несказанный свет и тепло. Всё как-то уместно, покойно и мило – и белоснежные салфетки, и аляповатая клеёнка с набивным рисунком, и привезённые из Турции и Китая неутоемыми челноками яркие коврики, вазочки всех мастей...

Руки у этих тётушек и бабушек – натруженные, лица посечённые временем и нелёгким трудом, но светлые и красивые. Едят аккуратно, даже как-то застенчиво, не торопясь, постоянно потчуют друг друга и нахваливая блюда. С особым удовольствием слушаю их разговор. Ни разу не заметила повышенного тона, не услышала ни одной сплетни, ехидной реплики, недоброжелательного выпада в чью-то сторону. Их

голос мягчел, глаза теплели, когда говорили о внуках и правнуках, и только добрые слова – о своих соседях, снохах и зюловках.

Сколько крестьянской мудрости, женской стати, интеллигентной выдержки и такта в них!

И вами восхищаюсь, мои дорогие!

...Всё-таки, до чего же красивы наши женщины – вне зависимости от происхождения, условий жизни, наконец, цены косметики или полного её отсутствия... Значит, не ошибаются те, кто считает, что красота женщины зависит в первую очередь от её внутреннего мира.

Как-то очень вовремя попались на глаза 10 секретов красоты, которые декларировала одна из самых красивых и талантливых актрис мира – Одри Хепберн («Оскар» за лучшую женскую роль в фильме «Римские каникулы» и ещё четыре оscarовские номинации). Почитаем и поразмышляем.

Чтобы губы стали соблазнительными, – говори лишь добрые слова.

Чтобы глаза были красивыми, – излучай свет и добро.

Чтобы фигура была стройной, – делись едой с голодным.

Чтобы волосы были красивыми, – позволяй ребенку проводить по ним пальчиками раз в день.

Чтобы быть уверенной, – живи с сознанием того, что ты не одна.

Люди больше вещей нуждаются в реставрации, поощрении, прощении и т.п. Никогда и никого «не выбрасывай» из своей жизни.

Если тебе понадобится рука помощи, она всегда при тебе – твоя собственная. А вообще-то, у тебя две руки: одна, чтобы помогать себе, другая – чтобы помогать другим.

Красота женщины не в одежде, фигуре или причёске. Она – в блеске глаз, ведь глаза – это ворота в сердце, где живёт любовь.

Красота женщины не во внешности, истинная красота отражена в её душе. Это забота, которую она дарит с любовью; страсть, которую она проявляет.

Красота женщины возрастает вместе с её годами!

Кто-то пусть гениально играет на флейте...

Гайнеевым – Гульсине и Раифу

Я очень люблю эту пару – Его и Её. Нет, не так. Я очень люблю Его, Её, их дочь и сына. А ещё их добрую и симпатичную маму-тёщу, которая хотя и живёт в отдельном доме, но в том же дворе.

И двор их я люблю – он уютный, с большой и открытой террасой от дома. Двор как трансформер, его облик часто меняется – засеивается газон, возникает альпинарий, расцветает новая клумба.

И сад их люблю, ухоженный и засаженный необычными деревьями и кустарниками – здесь нет жадной крестьянской тесноты, когда каждый сантиметр непременно должен плодоносить, приносить прибыль, когда урожай достигается количеством посадочного материала и земельной площади. Здесь всё сажается по уму. Старинные или, наоборот, новые огороднические технологии позволяют с малой территории, при малых затратах сил получать чистую продукцию, хороший урожай.

Я люблю их уютный и опрятный дом – от подвала с прачечной, где можно посидеть на удобном диване, до маленького хозяйского кабинета, этаким комнатки-скворечни, созданной для уединения и тишины.

Люблю запахи дома – цветущего граната на подоконнике, свежеприготовленной здоровой пищи, запечённой утки, дорогого и хорошего чая.

Люблю и звуки – чирикание попугайчиков в кабинете, качественные записи дисков – шум водопада, клёкот птиц, шорох саванны, по которой крадёт хищник. Конечно же, несущиеся из комнаты сына музыкальные импровизации на фортепиано, а с недавних пор – его же наигрыши на гитаре. Но лучшие звуки – это пение хозяина и негромкий, приятный тембр голоса хозяйки, расспрашивающей о нашем житье-бытье...

Оба – умные, духовные люди, сохранившие в наше непростое время и достоинство, и гордость, и естественность. Поэтому и дом у них – уютный, спокойный и счастливый. Жаль только, в гости сюда мы заглядываем не так часто, как хотелось бы – и всё из-за занятости, а скорее, из-за псевдозанято-

сти, да бестолковой жизненной гонки. Зато если попадём, то, как студенты, засиживаемся за разговорами почти до рассвета. Говорим обо всём – о политике, жизни, работе, мироощущениях, религиях, домашних заботах, путешествиях и книгах. Мне интересно сверить свои позиции и взгляды именно с этими людьми. И по душе, что даже на самом пике обсуждения, на самой острой проблеме, мы не критиканствуем, не острым тяжёло и зло, не сплетничаем. Здесь это не принято.

А ещё люблю нашу совместную выездку на реку с ночёвкой в палатках и спальниках, хотя по характеру я скорее антитурист, поход в лес терплю максимум 5 часов, и комфорт, каюсь, для меня первичен. Но вот двухдневные вылазки с этой семьёй, как ни странно, люблю. Может потому, что с ними свободно – никто и ничто не напрягает. Можно быть естественной. Проиигнорировать утренний клёв или забуриться на реку на долгие часы, завалиться пораньше спать или гулять, ойкая от страха в поле под огромной, низко нависшей луной, сидеть в долгом молчании у костра или же шумно играть в шарады, превращаясь в актёра, изображая элементы и образы пословиц и поговорок (в них мы играли с нашими умнющими детьми и, надеюсь, их освоят и подрастающие внуки).

Она и Он. Он и Она. Они заканчивали один институт. Прошли через общагу, съёмные квартиры, часто болеющего ребёнка. А потом – обычное дело – он, мужчина, пошёл в гору, ибо позволяли и знания, и опыт, и сильный характер, и безукоризненная репутация. Она тоже работала инженером, а когда он заимел собственный бизнес, стала трудиться в фирме, помогала печатать и вести документацию. Потом, когда он пошёл на повышение, она полностью посвятила себя ему, детям, дому.

Я уверена: в основе его достижений разного плана, его авторитета – не только личные незаурядные дарования и качества, но и огромный вклад жены. Её трудоспособности, хозяйственности, такта, мудрости, нежности. Ведь именно на ней держится многое из того, чем я восхищалась в начале статьи – дом, двор, сад, запахи и звуки, свет и тепло... Это она обеспечивает надёжный тыл, где нет места скандалам, напряжённости, упрёкам, изматывающим капризам.

Сегодня очень часто от молодых дам (а уж из гламурных журналов это буквально прёт!) слышу: «Я никому и ничего не

должна». Хорошая, в общем-то, установка, если не реализуешь её односторонне и агрессивно.

Та, о которой я пишу, никогда не ныла, что её наняли в няньки да на службу. Она с любовью делала женскую работу, вершила женскую миссию. Да, многое переложила на себя. Да, впряглась в воз домашних забот. Но не обабилась, не нарастила тяжёлые, давящие всё вокруг копыта, чугунные бока и бодливые рога. Она осталась женщиной.

...Воспринимайте этот материал как скромную оду женщине-домохозяйке, а точнее – домоправительнице. Той, что создаёт надёжный тыл для близких, в чистоте и добре ведёт дом, воспитывает детей, делает мужа сильнее, умнее и благороднее. Знаю немало таких женщин и искренне уважаю. Домашний труд – он ведь тяжёл, безмерен и не почётен. Знаю, что и у них бывает недобрый час сомнений, когда накатывает усталость от монотонности жизни, от домашней хозяйской рутины, и тогда они переживают о своей не реализованной карьере... Особые страдания доставляет мысль: у мужа дело, огромный круг общения, интересна ли я ему?

Чтобы легче пережить такие сомнения, хочу переадресовать им поэтические строки – точные, ёмкие и справедливые: «Кто-то пусть гениально играет на флейте... Но ведь песни берёт он из вашей души!».

Любви все возрасты и времена покорны...

Давлетиным – Гульнур и Шамилю

В предпраздничных телефонных перезвонах я не узнала её голоса. Переспросила даже – кто звонит? Мы потом посмеялись: как же так, всю жизнь узнавала, а вот теперь – перестала.

Но её голос действительно изменился совершенно! Нет, не так – изменился его тембр... Вновь – не то! Тембр замечательной певуньи остался прежним. Что же тогда? Я поняла – изменилось наполнение голоса – он звучал молодо, по-хулигански напористо и звонко. Я вдруг поняла, что, оказывается, за последние годы отвыкла от таких голосов, позабыла, что телефонная трубка может столь мощно звенеть от радости и полноты жизни. Радостные и счастливые люди – вы где?! Ау!

Мне оставалось только радоваться за неё. Ибо всего лишь два месяца назад все обстояло совершенно по-другому. Она, оптимист по натуре, дочь мудрых крестьян, мать большого и, в общем-то, благополучного семейства, впервые в жизни испытала, что такое депрессия. Её в одночасье проводили на пенсию. Нет, она, конечно, знала, что это произойдёт, но почему-то была уверена, что в последний момент руководители предприятия, взвесив всё, вдруг поймут – да как же они обойдутся без неё, и предложат поработать ещё хотя бы несколько месяцев...

Когда оказалось, что в понедельник не надо идти на работу, она впала в жуткое состояние. Всю жизнь отдала коллективу, была в гуще производственных дел и кипучей деятельности по организации выборов, художественной самодеятельности, вылазок на природу, – и вдруг оказалась никому не нужна. Да ещё этот кризис! И как – горько размышляла она – прожить на одну зарплату и хоть как-то помочь детям и внукам?

Не было никакой обиды на коллектив. Она понимала: пришло её время уходить, более молодым сотрудникам нельзя без работы – им надо кормить семьи, поднимать детей. У неё же пусть и скромная, но пенсия. Всё понимала, но к новому статусу привыкала тяжело. На мой вопрос, как она адаптируется к новой жизни, её муж ответил задумчиво:

– От стены к стене целый день шарается. Надо что-то делать...

Учитывая, что результат превзошёл ожидания, о чём свидетельствовал её помолодевший голос, видимо, он всё-таки нашёл выход.

Оказалось, не сделал ничего особенного. Просто постарался быть рядом с ней. На предприятии давно ввели сокращённый рабочий день, но он, трудоголик, всегда пропадал на работе день и ночь, вне зависимости от того, платят ему или нет. А тут решил больше бывать дома. Приезжал задолго до обеденного перерыва. Вечный торопыга, он теперь по возможности сиднем сидел за столом, пересказывая ей городские сплетни. Давал заказ на приготовление нового блюда. Вечерами ужин готовили уже вместе, потом пересматривали семейную видеотеку, играли с внуком, корпели над кроссвордами. Он выводил её на прогулки, вывозил в лес.

А ещё... В свой голос он добавил больше теплоты, в объятие – чуть больше страсти. Это произошло само собой, не специально. Просто увидел свою всегда сильную жену в ином свете – расслабленную и просто слабую. Оказалось, что у неё мягкие и податливые плечи, ладошки маленькие и ногти крохотные... Горло перехватило от волнения и нежности к ней.

Женщины это чувствуют. И она поняла то, что всегда знала и ощущала, но может быть, немного подзабыла за годы. Что он – её истинное сокровище, родная душа, которую не променяешь ни на карьеру, ни на денежную работу, даже на детей. Да-да. Дети – это кровная часть тебя, но у них – своя жизнь, свои заботы и планы. И даже самые лучшие дети на свете не поймут тебя так, как может понять твой любимый и любящий муж. Он обхватит за плечи, поддержит, вместе с тобой до конца пройдёт через испытания. Самая крепкая опора – плечо твоего сильного мужчины, а самое лучшее лекарство – чашечка чая, выпитая вместе с ним.

Замечено: в период кризиса важными и главными становятся для нас те вещи, что наиболее ценны. Взгляните новыми глазами на окружающее – работу, которая до этого казалась вам рутиной, коллегу, раздражавшего вас, на спутника жизни.

...Накануне 8 марта старейшему экономисту компании «Татнефть» Галиме Халимулловне Мухаметзяновой исполнилось 80 лет. В Азнакаевское УБР она пришла работать в 1954 году. Была незаменимым работником и наставником. Её ученики, экономисты и инженеры, работают сегодня во многих структурах компании. Они-то и поделились с нашей колонкой впечатлениями о проведённом дне рождения, об этой женщине.

Она была истинной женщиной – ухоженной, всегда «при причёске», высоких каблукках, задорной улыбке, хотя жизнь проходила в хлопотах, в заботах о матери и маленькой дочке, которую ей пришлось поднимать одной, после смерти любимого мужа.

Одинокая, она не обзлилась на жизнь, радовалась за счастье своих влюблённых коллег, всегда помогала им. И при этом мечтала о счастье! И оно улыбнулось ей. В 65 лет она встретила своего Галимуллу. Рука об руку они шагают по жизни. Шагают – громко сказано. Галима Халимулловна перенесла два тяжёлых заболевания, каждое из которых – по сути

смертельное. Выстоять ей помогла её надежная опора – муж и любимая дочь.

В день рождения приехали к ней коллеги. В доме – порядок, множество цветов, пахнет белишом, который приготовила верная подруга-соседка Мавлида апа под приглядом хозяйки, известной своей вкуснейшей выпечкой. По-прежнему истинной женщиной остается Галима Халимулловна – опрятная, ухоженная, с задорным взглядом ещё молодых глаз. А царит здесь любовь – с нежностью и признательностью смотрят друг на друга Галимулла ага и Галима ханум.

Любви все возрасты и времена покорны...

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

«Добрый день! Вас сердечно благодарят все, кто знал ветерана «Татнефти» Галиму Халимулловну Мухаметзянову. В материале «Любви все возрасты покорны» – всё – правильно и всё – правда. Она и её муж сохранили до глубокой старости благородство и уважение друг к другу. Пишите, пишите о таких интересных людях, о замечательных людях! У нас таких немало и в «Татнефти», и вообще вокруг. Когда читаем про таких людей, про добрые чувства, то и сами стремимся к этому. Новых творческих успехов! Любящие вас сотрудиники Азнакаевского УБР».

Фотошоп, или Мечты Агафьи Тихоновны

Рабочий момент. Отсматриваем материал очередной печатной продукции. Исполнитель показывает проекты эскизов: вот снимок счастливой семьи, вот дедушка с бабушкой, вот влюблённые на прогулке, а вот менеджеры на совещании.

На фотографиях все ярко, до зубного хруста улыбаются фальшивыми улыбками и челюстями, старательно изображая счастье, шик и успешность. Всё красиво, но при этом искусственно и навязчиво-агрессивно: мы, мол, очень успешны, мы на коне и в шоколаде...

Столичный исполнитель вкрадчиво спрашивает мнение собравшихся: впечатляют ли работы, создаётся ли из увиденного палитра чувств по имени «Счастливая семья» или «Команда единомышленников»?

Я говорю:

– Мне категорически не нравится дед ...

– Почему же? Европейский тип, респектабельность...

– А зачем он у вас такой ярко-рыжий? 80-летний дедушка должен быть седым!

– Хорошо-хорошо! Добавим седину и мудрость во взоре.

– И зубов, точнее протезов, таких у российских пенсионеров тоже нет, – почти капризничая я, – прямо Голливуд! У олигархов челюсти хуже!

– Хорошо-хорошо!

Всем понятна его предупредительность: ему так хочется впарить нам выгодный заказ и потому он готов на всё ради клиента:

– Тогда этого деда выкидываем, ставим другой типаж. Если надо, и бабушку убираем. Или же ограничимся сменой причёски и очков? Детей сохраняем, мужадвигаем назад... Из кабинета семейку перенесём в лес. Да, и ещё радугу пририсуем. Всё, что угодно смонтируем. Возможности фотошопа безграничны!

...Действительно: всего несколько нажатий на клавиши компьютера, и вот уже на экране монитора уродец Квазимодо превращается в красавца-мачо, старуха – в юное создание, а любая неуютная персона легко вырезается и отправляется в корзину для мусора... Вот что это такое – современная техника и технологии!

А как вам такая бредовая и фантастичная идея: если бы тот же фотошоп стал не плоской, а объёмной – бытовой реальностью? Тогда ненавистного человека можно было бы мгновенно превратить в симпатичного обаяшку, никчемного мужа – в супермена, детей-двоечников – в вундеркиндов, коллег-балбесов в энергичных и опытных спецов. Согласились бы вы на такой эксперимент?

Возможно, кому-то это покажется заманчивым – иметь рядом с собой совершенных людей. Людей – словно сошедших с картинки, красивых, с разглаженными морщинами, а лучше без оных, и самое главное, с набором блестящих душевных и деловых качеств. Например, любимого человека создавать как коктейль: внешность от Тома Круза или Антонио Бандероса, амбиции от Наполеона, щепотку авантюризма от графа Калиостро...

Да уж, фантазия разыгралась... И что-то напоминает мне этот перечень... Гоголь, «Женитьба», мечты Агафьи Тихоновны, выбирающей себе идеального жениха: вот если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому ещё дородности Ивана Павловича...

Перезрелая девица Агафья Тихоновна, хоть и не по своей вине, но так и осталась на бобах да у разбитого корыта. Так что не будем заражаться её мечтательными опытами.

Рядом с нами, дома, на службе – живут пусть не совершенные, но зато реальные люди. Мы вращаемся с ними на одной орбите и не собираемся соскакать с неё. Мы живём одной жизнью – и другой нам уже не будет дано. Не мудрствуя особо, будем беречь, ценить и любить их!

Я всё смогу...

Роза и Миран Митков (его все больше называют Мишей) Мирановы – представители самой что ни на есть мирной и создающей профессии: педагоги-строители. А вот дома у них – бой. Долгий бой, которые они плечом к плечу ведут с болезнью своей дочери Гульнары.

Бой особенный. В нём вообще нет отпусков, перерывов и перемирий. Ибо болезнь эта – церебральный паралич. Бой ведётся с переменным успехом. И в нём, возможно, не было бы вообще победителей, если бы не удивительная сплочённость этой семьи, и если бы не поразительная личность по имени девушка Гульнара. Я знаю, что говорю, ибо давно её знаю – больше 20 лет. А ещё в этой битве все герои. И не только Миша и Роза, но и сама Гульнара.

Страшная болезнь в её случае – это с рождения прикованность к креслу, это не слушающиеся руки и ноги, это необходимость круглосуточного пребывания рядом с ней близких. Но это ещё и – слава Всевышнему! – острый и быстрый ум Гульнары, её тонкая интуиция, душевная чуткость, умение слышать звуки и мысли, разлитые в Космосе, творческая тяга думать, анализировать и мечтать. Вот это ей с лихвой передано...

Такой она была с детства. И сегодня помню сценку: старшая сестра Гузель играет на фортепиано, а Гульнара... Её огромные глаза сияют, на кончиках длинных ресниц запуталась-застыла жемчужина-слеза, и слушает она так пронзительно и нервно, что, кажется, вот-вот перевернётся от музыки её детское сердечко. Ну, а у меня-то точно переворачивается душа. Я смотрю на неё и думаю: что будет с тобой, милая, ведь пройдёт детскость, придёт ощущение, что «я – не такая, как все». Как пройдёт это твоё вхождение во взрослый мир, твоё становление?

Кто знает Мирановых, тот гордится Гульнарой. Все эти годы с ней были её самоотверженные родители. Они отдают ей все силы с избытком, но главное – свою огромную любовь к роднудле, дочери, Гульнарушке. Они с её рождения обходили всех врачей-светил, аж до болгарской Ванги дошли (Миша – из Болгарии), они исчерпали все возможные и невозможные варианты и все ходы-выходы, чтобы поставить Гульнару на ноги. Они сделали всё от них зависящее, и потому я считаю их победителями. Они подарили миру интересную Личность, но самое главное – они сделали счастливой свою дочь.

Быть родителем ребёнка-инвалида – это значит подчиниться раз и навсегда железной дисциплине. Здоровое питание, физические упражнения (они сами мастерили тренажёры), идеальная гигиена, стерильность, занятия с ребёнком, чтение книг. Родители всегда рядом с Гульнарой. У них, кажется, каждый вдох-выдох – общий. Вот она, волнуясь, пересказывает кадры кино и формирует свою мысль об этом. Вот ей придумалась интересная сказка или эпизод, или загадка и она просит маму записать их скорее. А вот она сочинила ребус, и, конечно, папа сейчас всё зафиксирует. Большинство бы отмахнулось от этих хлопот, а Мирановы с уважением к Гульнариной работе хватаются за бумагу. Они с готовностью поддерживают в ней интерес к творчеству. Они – это Гульнарины руки...

За эти три десятилетия она ни разу не спросила «почему я такая?», она ни разу не обвинила судьбу и мир в несправедливости. Американский нефтепромышленник Дон Элисон, работавший в России в совместной компании «Татэкс», просто влюбился в её открытую улыбку. Он организовал её приезд в Америку на консультацию к специалистам, подарил инвалид-

ную коляску. Поездка в Америку оказалась радостным открытием иного мира: к ней подходили простые американцы, говорили ей «привет», просто махали рукой. Столько улыбок и доброжелательности она никогда не видела.

Гульнара выросла. Она обаятельная, самодостаточная, неординарно мыслящая, оптимистичная девушка. Она – советчик для мамы, она поражает окружающих своей гражданской зрелостью и чисто житейской мудростью. Её ребусы и кроссворды используют педагоги на занятиях в школе, вот и школа «Менеджер» прислала ей свою благодарность.

Она – дипломант литературных конкурсов «Новая литературная волна» (2006 г.) и «Подарок детям» (2007 г.), организованных фондом «Рухият». А её рассказы даже вышли отдельной книгой. Книжка – о детстве, юности, о прекрасном мире, о вещах, которые нас окружают, о природе, друзьях-животных, первых, зарождающихся чувствах. Эта книга – сгусток радостного восприятия окружающего, тихого нежного смеха, лёгкой грусти и светлой слезы. Гульнара пишет радостно, с юмором, с лукавинкой.

Вот уж воистину, Гульнара Миранова – необыкновенный человек. И не столько потому, что вследствие тяжелейшего заболевания она никогда не ходила, не бегала, ощущая упругую твердь земли или бархатистость травы. Никогда не могла уверенно держать в руках ручку или кисть, вырисовывать уверенными мазками картину, собирать из бисера и бусинок столь любимые девчонками фенечки и заколки.

Она – особенная. Потому что в этой терпеливой, нежной, радостной и улыбчивой девушке каждый видит, в первую очередь, личность. Гульнара – мудрый и солнечный человек. Она особенно тонко улавливает чью-то грусть, заботу и беду. Она очень любит своих замечательных и мужественных родителей. Её сердце при всей её физической слабости готово поддерживать всех. А мы – люди, её окружающие – видим в ней мужественную попытку ЖИТЬ полной жизнью, воздействовать на процессы, происходящие вокруг, помогать другим людям.

Книга называется «Я всё смогу...» Читая её рассказы, думая о её судьбе, каждый буквально на подсознательном уровне, начинает верить: «И я смогу!». Гульнара учит нас мужеству и решительности.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Раиса 24.08.2011 13:25

– *«Я поражаясь мужеству Гульнары и её родителей. Откуда берутся силы, терпение и желание жить, радоваться жизни? Роза и Миша, вы молодцы, что в горе и в радости вместе – значит у вас настоящая любовь. Желаю вам удачи во всём. А редакции – спасибо за интересные статьи».*

Регина 23.08.2011. 16:25

– *«Очень трогательная статья про удивительную девушку Гульнару и её замечательных родителей. Многим из нас, физически здоровым людям, надо бы брать пример с Гульнары – человека, который ЖИВЁТ радуясь жизни и радуя окружающих. Особая благодарность родителям Гульнары за то, что они смогли передать самое главное ребёнку – ДОБРОТУ и ЛЮБОВЬ».*

«Небо лишь изредка синее, а серые вовсе не скалы...»

Стала свидетелем женской интеллектуальной «разборки». Знаю обеих собеседниц, более или менее в курсе их дел. Они живут теперь в разных странах, обе – образованные, самодостаточные, практичные, счастливые в браке. И та, и другая работают дома, в свободном режиме, но Таня «пашет» день и ночь в домашней мастерской, тащит на себе дом, сад, собак, ищет клиентов для мужа (кризис сильно ударил по фирме её талантливой спутницы), а Катя замечательно обеспечена, работает дозированно (переводы) и живёт благополучно и спокойно. Для первой (энергия из неё просто прёт!) ничего не стоит сделать всю мужскую работу по дому: корчевать сад, отремонтировать забор, перетянуть мягкую мебель, разгрузить машину.

Об их споре... Оговорюсь сразу: они дружат давно, и дискуссия эта, хотя в некоторых моментах и накалялась, но на их дальнейших взаимоотношениях не отразилась. Каждая осталась при своём мнении. А в чём яблоко раздора? – спросите вы. Началось с того, что вторая в ответ на похвалу первой (освободила от тяжелых колёс гараж) мягко упрекнула:

Таня, нельзя же так, вспомни, что мудрость и сила женщины – в её слабости. Восточная мудрость гласит: умная женщина не та, которая демонстрирует своему мужу свою силу, а та, которая демонстрирует своему мужу свою слабость.

Катя знает, что говорит: она замужем аж за японцем: «И я когда-то, когда жила в России, тоже могла всё сама, ремонт там, шить-вязать-паять-латать... на все руки – мастерица такая была, ага. И когда вышла замуж, то по привычке и тут стала себя вести так же. Но меня быстро одёрнула одна мудрая 70-летняя женщина, его родственница. Она мне сказала: «Ты что?! Что ты делаешь?! Разве можно мужу своему демонстрировать свою силу?! Он же сразу поймёт, что ты от него не зависишь и в нём не нуждаешься, и перестанет быть твоей опорой... мужиком быть перестанет!».

Когда японец предлагает руку и сердце, он клянётся, что сделает всё, чтобы его возлюбленная всегда рядом с ним чувствовала себя защищённой. Так что японские женщины наравне со своими мужьями блюдут это обещание, создавая мужьям своим такие ситуации, чтобы они... не расслаблялись».

После такого ответа, как говорится, попала шлея под хвост «лошади» по имени Таня. И Татьяна дала полную отповедь. Она заявила, что данный принцип – глуп, что это признак российско-азиатской ментальности, которая влезла, выросла в наше сознание со времен царя Гороха, а точнее «Домостроя», и была позднее поддержана Марксом – это ведь ему принадлежит фраза: «Сила женщины в её слабости». И вообще, изображать из себя слабую, ждать поддержки от мужчины – это пережиток. Если бы женщины так поступали, уверена Таня, мир бы давно рухнул. Войны, разрухи, конфликты – всё вытянула, всех спасла именно сильная женщина.

... Лично я в эту дискуссию не влезла никоим образом. Это как в анекдоте, где обитателям джунглей говорят, мол, разделитесь на две группы: красивые – пройдите налево, умные – направо. Все послушно следуют команде, расходятся по сторонам, лишь одна обезьяна мечется в центре: «А что же мне теперь – такой красивой и такой умной – разорваться, что ли?!». Вот и я в центре осталась, не зная, к какой из спорщиц примкнуть. Вопрос – какой быть: сильной или слабой – для меня, как и для всех женщин, это вопрос-фикс.

Большинство из нас выросло в мирное время и при относительном материальном достатке, в отличие от наших бабушек и мам, поднимавших на своих хрупких плечах (так обычно пишут-умиляются в книгах – но какие они, на фиг, хрупкие тогда?) страну в войну и в послевоенную разруху. И, тем не менее, большинство из нас верят, что и мы, «если надо», если потребуется, если Родина, семья, коллектив призовут, то и коня на скаку остановим, и в горящую избу войдём.

А это нам надо, вообще-то? Может, товарищи-женщины, лучше о собственном здоровье подумать – нам ещё своих детей поднимать и постаревших родителей поддерживать, себя в этом мире защищать и тех, кто за нашей спиной, а их, при нашей бабьей жалости и стремлении к справедливости – ой, как много: и дитятки свои и чужие, и старики, и родня, и друзья, и обиженные богом и судьбой чужие люди. Кто сомневается, что если действительно потребуется спасти – дитя, близкого, малого – да разорвём мы врага в клочья! Ибо женщина всегда сильна – такой её создал Всевышний, накрутив-намесив в ней столько сил-стихий, столько талантов к терпению, выносливости, столько любовий всяких. Одна материнская сила и любовь чего стоят!

Вот только стоит ли показывать-то так откровенно да ежедневно нашу силу женскую нашим мужчинам? Похоже, очень им нравится, когда мы коней на скаку останавливаем. К хорошему быстро привыкается. А тут ещё мы героически 24 часа в сутки демонстрируем, что мы – лошади рабочие, готовые на подвиг, на труд и ... лямку. Лошади. Вот тогда нас точно запрягают!

Женщины почти все – за редким исключением – тоскуют по сильным мужчинам, вспоминают то дикарей, притаскивающих к ногам женщины мамонтов, то рыцарей, то полумифических суперменов. Мол, вот были же в своё время настоящие мужчины – где они? Вымерли, как те же мамонты? Так может, и вымерли потому, что мы, женщины, при всей нашей красоте, мудрости и прозорливости, сами способствовали этому? Не верили в их возможности и намерения, демонстрировали собственную силу при любом удобном случае, унижали их этим, задавливали ростки их самосознания... Умные люди говорят: чтобы мужчина был постоянно в тонусе, он должен чувствовать свою ответственность – в первую очередь, за семью, жену.

Так сильной или слабой должна быть женщина? Я отвечаю просто: в первую очередь, – счастливой.

«Ты небо рисуешь синим, а серым рисуешь скалы, затем мужчин – обязательно сильных, и женщин – конечно, слабых.....»

Но небо лишь изредка синее, а серые вовсе не скалы, и вот тут приходится быть сильной, а хочется быть слабой...».

Тема, в которой нет точки, или Коней на переправе не меняют

Что за прелесть, эти наши читатели-мужчины... Занятые, умные, к сантиментам не расположенные – редко (в отличие от женщин) когда позвонят в редакцию, откликнутся, даже если газетная публикация их проймаёт. Правда, в памяти такие материалы они держат более цепко, цитируют иной раз целым абзацем.

Позвонил читатель, давний знакомый, и по-дружески пожурил. Мол, пошто мужиков забижаешь? А ведь было время – написала ты, Гарифуллина, материал «Берегите мужчин», так эту газету мы домой унесли, чтобы жёнам дать почитать. Конечно, в ней нас ты на пьедестал не поставила, не захотела, наверное, хотя могла бы... Но всё равно спасибо – ты же мужчин защищала, мать ты моя Тереза. А то нашли, понимаешь, моду – твякать на мужиков, унижать, в грязь втоптывать. И вообще, ты бы поставила жирную точку в этом вопросе, определила бы: кто есть кто, мужчина и женщина, да что и почём...

Вот такой разговор-эскапада. Но он мне понравился, и улыбку вызвал, и я ещё некоторое время была под впечатлением мужской, ностальгической, а может, просто обиженно-мальчишеской тональности. Кстати, это не первый человек, кто вспоминает статью «Берегите мужчин» с благодарностью и дружеским признанием. Нет, что ни говорите, а мужчины – самые лучшие и искренние друзья.

Несколько лет прошло, я и сама уже – признаюсь – не могу вспомнить, о чём там писала. Нашла. Перечитала. Обычный материал. О том, что мужчину, действительно, необходимо беречь. Хотя бы потому, что он по природе своей, по физиологии – более слабое звено, чем женщина. Чаще подвержен негатив-

ным экологическим, социальным, психологическим и иным воздействиям окружающего мира. Мужчины умирают чаще, живут меньше. Продолжительность их жизни значительно короче, чем у женщин, а у наших российских мужиков (почти как у чукчей) – вообще одна из самых низких в мире. Только мужчина живёт в состоянии постоянного стресса, которому женщина подвержена значительно реже. А если и случится, то она справляется со стрессовой ситуацией быстрее, легче, с меньшими потрясениями для себя и близких. Уж она-то всегда соберёт себя «в кучку» и сумеет реализоваться – пусть не на работе, так в семье, создавая кулинарные шедевры, выращивая экологически чистые овощи на своём участке. А вот мужчинам очень тяжело.

Перечитала статью и поняла, почему позвонил знакомый. Потому что призыв «берегите мужчин» актуален как никогда сегодня, когда кризис отнимает у сильного пола не только условия для дальнейшей самореализации и самоутверждения, но и жизненно важный статус опоры и кормильца семьи.

Для многих сегодня наступила чёрная полоса!

Конечно, есть немало сильных мужчин, которые будто созданы для работы и жизни в экстремальных условиях – неприятности их заводят, раскрепощают, они сжимаются в волевой кулак и, поймав за хвост и грифу фарт-удачу-попутный ветер, добиваются успеха, невиданного даже в прежние, благоприятные времена.

Другие, сжав зубы, сграбастав всё чаще подводящее сердце в слабеющий кулак, наступив ногой на самолюбие, гордость, скрывая проблемы и неприятности от близких, страшась завтрашних бед, всё-таки мужественно и отчаянно борются с настоящими.

Третьи – они более слабые, а потому ищут причину неудач в других: в коллегах, родных и близких. Они ожесточаются или раскисают, уступают поле битвы или поле с неубранным урожаем и уходят в свою нишу – алкоголь, тунеядство, семейный деспотизм, в вечное брюзжание.

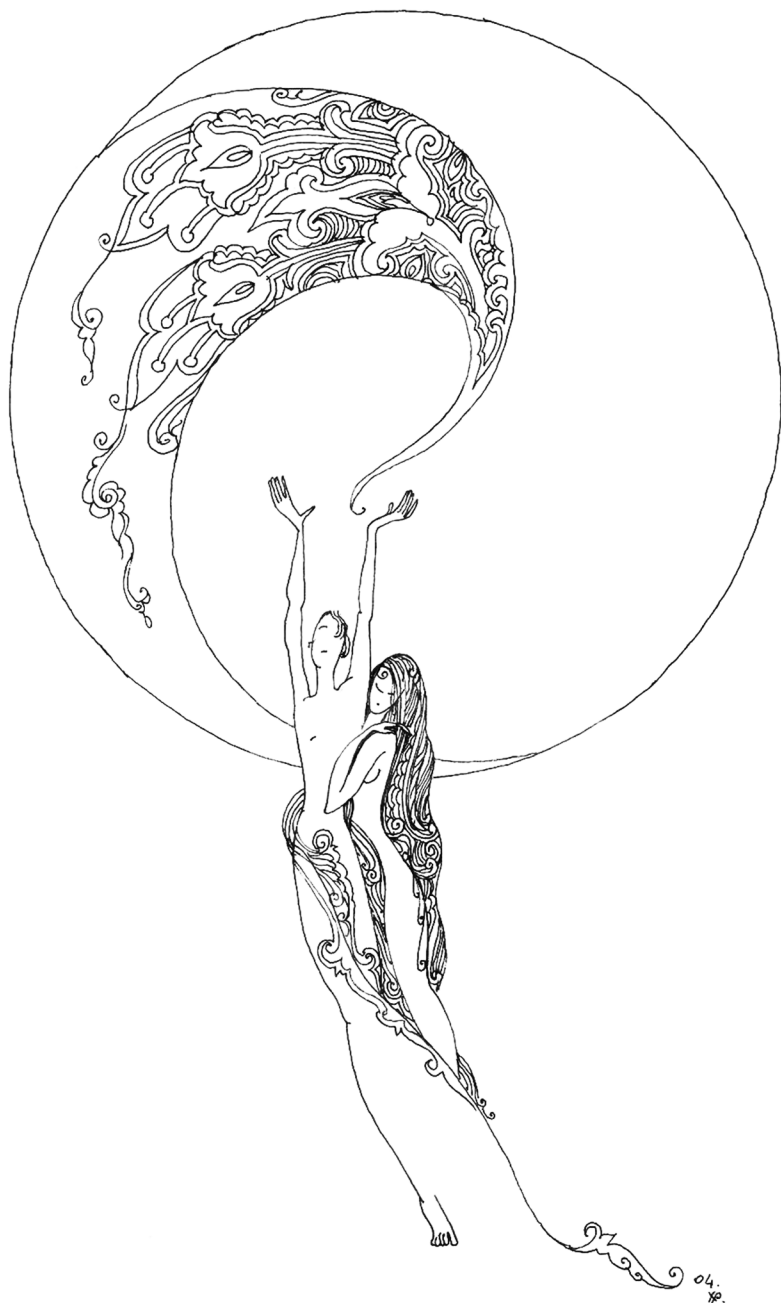
И тем, и другим, и третьим нужна женщина рядом. Её поддержка, взвешенность, мудрость, твёрдость и ласка. Демографы предвидят взрыв разводов, которые являются спутниками кризисов. Что сказать на это? Если есть любовь – то коней на

переправе не меняют, близких не предают, пошатнувшегося не подталкивают, упавшего не пинают.

Любите их – не выдуманных, а своих. И того, кто в промасленной робе, и того, кто при должности. Сегодня тяжело всем. Гордитесь их успехами, поддерживайте в неудачах. Не точите, не грызите мозг и душу, и этим сбережете его сердце, которое будет вас всегда любить. Не пинайте его самолюбие, и ваша верная дружба поможет ему выжить и победить.

А насчёт точки в теме «женщина и мужчина»... Разве можно поставить в ней точку? В теме, которая охватывает не просто взаимоотношения полов, но любовь, верность, красоту. Жизнь – одним словом...

ГЛАВА 4.
САД ВОСПОМИНАНИЙ

Дом, который нас ждёт всегда

Дом – фундамент, очаг, костяк, опора, тепло, защита, запах ванили и корицы, который источает вынутый из печи яблочный пирог, огромный стол, за которым дружно, всей семьёй лепятся пельмени и с хрустом шинкуется капуста для засола... И ещё десяток совершенно пустячных на первый взгляд, но наполненных огромным смыслом и значением воспоминаний, которые выстраиваются именно в этот ассоциативный ряд «ДОМ». Нет, наверное, народа или племени, у которого дом не был святым понятием. Мои предки – не исключение.

Прадед, начинавший приказчиком у тетюшского помещика Баринова (тот имел три парохода на Волге – «Лев», «Львица» и «Львёнок»), был человеком безграмотным, но чрезвычайно честным и умным. Подписываться не умел, и помещик выправил ему серебряную печатку с фамилией – факсимиле. В благодарность за безупречную службу предложил выполнить любую просьбу. «Дом» сказал прадед. В ответ услышал: «Выбирай любой лес». Так вместе с лесничим дед собственноручно отметил лучшие деревья, из которых впоследствии и вырос в конце 19 века высокий дом. В нём родилась моя бабушка.

«Дом. В первую очередь я куплю дом», – сказала бабушка, едва сойдя в 1924 году на астраханскую пристань. Характер у неё был командирский, не столько крутой, сколько конкретный. Она всегда знала, что будет делать завтра, через час, через минуту. Её растили как будущую жену купца-предпринимателя, что не помешало ей каким-то боком, вскользь, но поучаствовать в работе кружка Хусаина Ямашева, быть знакомой с Габдуллой Тукаем. Своего первого мужа – горячо любимого известного симбирского купца, а также маленькую дочку она потеряла во время тифа или чумы. За моего деда – подозреваю, нелюбимого – вышла замуж лишь (во всяком случае, именно так рассказывал отец) ради интересов бизнеса.

В Астрахани стала крупной нэпманкой, занималась – и довольно успешно – мыловарением. Она купила дом с огромным участком в центре города в самом, как сказали бы сейчас, престижнейшем месте. Такого светлого и духовного места попросту не бывает в природе. Но это так: напротив, в десяти шагах – красивейшая Белая мечеть. Через три дома справа – Чёрная

мечеть. Наискосок – знаменитая Красная мечеть. Через квартал – главный православный собор. Противоположные концы улицы венчают два знаменитых торговых и рыночных центра – Татар-базар и Большие Исады. В пяти минутах ходьбы от дома – центральная площадь, где впоследствии установят памятник В.И.Ленину. Ленин стоит, вытянув руку, показывая направление светлого пути, а фактически – городской тюрьмы, которая в двадцати шагах от площади. Но это уже парадоксы нашего времени.

А в то время бабушка сделала мудрейший шаг. Всё, что было, отдала за дом, сообразуясь с любимой поговоркой «Дорого – да мило, дёшево – да гнило». Большой дом в самом престижнейшем месте, ей отдали за старинный, говорят, что немислимой красоты, антикварный набор из изумрудов и хризолита.

Бабушка до конца жизни оставалась истинной Женщиной и так ярко описывала этот набор – от светских серёжек до исконно татарского браслета, что даже я, ребёнок, воочию представляла великолепный гарнитур, на который можно было купить целый особняк. Но, видимо, и во мне уже просыпалась будущая женщина-сорока, любящая блестящее, и я капризно тянула: «А почему ты мне колечко не оставила? Хоть бы одним глазком взглянуть...».

И бабушка произнесла слова, которые я запомнила на всю жизнь: «Дом – первая необходимость. Заложи всё, останься с парой белья, без калача на завтрашний день, но крышу над головой имей! Будет дом – будет всё».

Дом всегда был и оставался бабушкиной епархией, её владением. Он никогда не ассоциировался у меня с дедом. И не потому, что он умер задолго до моего рождения – в 1937 году, где-то в неизвестных советских тюрьмах. Приезжая из торговых набегов (он занимался контрабандой золота – то ли в Китае, то ли из Китая), к себе домой он приходил под покровом ночи, чтобы увидеться с женой и двумя сыновьями. А ещё – с друзьями, жившими по соседству. Его пребывание всегда заканчивалось приходом «человека» из органов.

«Мне было 8 лет – я его хорошо запомнил, – рассказывал мне потом отец, – Штаны-галифе сзади и с внутренней стороны бёдер были у чекиста обшиты кожей. Дед давал ему денег – откупался, они крепким рукопожатием заключали «мир»,

и только после этого чекист говорил: «Хороший ты человек, Гариф, умный. Хочешь скажу, от кого узнал, что ты снова приехал? От тех, кто на корточках около твоего дома сидит».

На корточках, – пояснял отец, – по мусульманскому обычаю сидели друзья отца. Вот они и «стучали» в органы. Дед знал об этом, но когда приезжал домой, с непонятной настойчивой обречённостью встречался с соседями... Я тоже всегда скучала по своему дому. После смерти бабушки дом сильно сдал. Последние годы он держался на маме. Для отца – мужчины сильного, здорового, а тут всё более слабевшего, – заботы о доме с каждым годом становились тягостнее. Но женские руки – не для больших дел по большому дому. Дом горестно вздыхал и разваливался: просело некогда солидное крыльцо, накренился забор, захламлился донельзя двор.

Родители очень гордились этим домом. Не раз обманутые государством и всяческими эмэмэмами, Государственным банком и Госстрахом, они, тем не менее, никогда не расстраивались из-за денежных фиаско. Ну и что? Есть же дом! А это – не только крыша над головой, но и капитал – недвижимость в центре.

А потом дом в одночасье осиротел: в течение 20 дней ушли один за другим родители. В доме осталась жить сестрёнка с сыном-школьником. Дом она поругивала – за отсутствие удобств, за необходимость ухаживать за ним. Жила в одной половине, во вторую практически и не заглядывала.

Дом пренебрежения не простил. Как-то ночью он загорелся от окурка, брошенного из соседнего балкона. Тем не менее, добротно построенный, с крепкой крышей, дом мужественно держался, да и, к счастью, быстро подросла пожарная команда. В доме вырубили электричество и газ, вскрыли полы и потолок, залили всё пеной и водой.

Окна и двери заколотили. И дом уснул на долгие пять лет. Его поспешно покинули, совсем как город Припять при Чернобыльской аварии: не заправив постели, не смахнув крошки со стола...

Этим летом, наконец-то, я попала в родной дом. Дверь парадного входа перегородил выросший у самого порога из семечка двухметровый клён. Он так мужественно защищал вход от чужаков, так цепко распластался по поверхности двери, что не поднялась рука рубить его. Лишь обтесали боковые ветки

и бочком-бочком, на глубоком вдохе, буквально просочились в помещение. Отодрали от окон доски, и дом тут же, мгновенно, радостно впустил в себя солнечный свет, зашелестел куском отклеившихся обоев, скрипнул разохшимися половицами. Он вздохнул радостно-печально: «Наконец-то, приехала, вспомнила про меня. А я всегда помнил тебя с рождения, с твоих первых пяти дней жизни. Вот таким я и стал в одиночестве. Печально...».

Каждый предмет – раскрытая книга отца, старинный шамаил на стене, швейная машинка, под лапкой которой остался недостроченный мамой лоскут, розетка с подсохшим вареньем – напоминал о потере родных и повторял вслед за домом: «Печально, печально, ох, беда».

Меняхватило на час. Окна снова забили досками, клён снова распластался по двери. Виноградная лоза тревожно выглянула из-за угла дома: «Ты куда-а-а?». Бежать, бежать, чтобы не расплакаться перед всеми. И я действительно бегу к машине. И резко останавливаюсь. Рядом с машиной – толпа людей. Меня целуют и обнимают соседи, с которыми в мире и дружбе прожили мои родители. Здесь, в центре Астрахани, на пересечении древних караванных путей, всегда жил, как шутили старожилы, 4-й интернационал. Азербайджанка Сафия – её свекровь Хамнас ханум я в унисон с её внуками, моими приятелями, называла по-азербайджански «нана» – бабушкой.

Её золовка – гордая, немногословная Сона – разглядывает меня с исконным женским интересом: «Вот ты какая стала, милая...».

С тростью в руке стоит ногайская татарка Ражиа апа – спина прямая, глаза молодые, кожа словно отглажена, и я с сожалением думаю, что так и не спросила, как удалось ей, соотечественнице самой Сеюмбике, сохранить женскую привлекательность в 86 лет.

Увижу ли я в следующий раз Мадину апа – тётушку моей подруги Аиды – ведь ей далеко за 80. В её крови – калмыцкая кровь, но точно такие глаза, горящие как угли, я видела в иллюстрациях Врубеля к лермонтовскому «Демону» и «Мцыри».

Гордо восседает на скамейке явно под «мухой» дядя Валентин. Обычно я ему всегда давала возможность подзаработать на плотницкой работе по дому, а тут – «ишь, самостоятельная

какая, окна заколачивает». И он сварливо кричит мне: «Давай, давай, беги в свою Казань! Скатертью дорога!».

По астраханскому обычаю мне суют гостинцы, по азербайджанскому – брызгают на капот машины водой, по мусульманскому – читают на здоровье молитвы. Увижу ли я вас снова, мои дорогие свидетельницы и участницы моего такого счастливого детства?

– Ты ничего не забыла в доме? – спрашивает тревожно Рашида апа.

– Забыла – значит, вернётся! – весело отвечает Сафияханум.

Только в Альметьевске, разбирая вещи, я поняла, что, действительно, забыла захватить из старого дома старинный комнатный термометр и только что купленный навороченный фонарь. Значит, ещё вернусь, ещё увижу и дом, и своих родных соседей.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Надежда Филонова, г. Лениногорск: *«Родной дом – это свято. Приезжать, если живы родители, – счастье. А даже если умерли, пока есть твой родимый дом или квартира, в которых прошли детство и юность, то и ты вроде бы не сирота. Здесь можно залечить самые большие раны, пережить трагедии. Лечит даже запах дома. У нас всегда пахло Богородицкой травкой, её пучочки бабушка и мама рассовывали за зеркало трюмо, и томлёной в печи кашей. А ещё – промасленной спецовкой отца, мама заставляла скидывать робу ещё в сенях.*

Когда мне или сестре было плохо, мы тут же на попутке добирались до села. Проветривали дом, мыли полы, затапливали баньку. Садились за старенький наш стол и разговаривали долго, иной раз до утра. И всё обходилось, утрясывалось. Говорили: «все будет хорошо, перемелется – мука будет».

Но однажды мы сделали ошибку: поддались на уговоры, продали дом. Сейчас локти кусаем, корим себя, но поздно. Наш дом стоит, но нам теперь не с руки ехать в родное село. Дом будто нас укоряет. Тем более, что поселились в нём дальние чужаки».

Флюра Бурганова, инженер ОАО «Татнефть»: «*Растрогана до слёз новой новеллой «Дом, который нас ждёт всегда». И ещё раз сказала «спасибо» маме, которая осталась вдовой в 42 года практически без родных, в чужой республике, с тремя неустроенными детьми, и сумела сохранить Дом, который построил наш папа. Ей поступало много предложений продать или обменять на городскую квартиру, но она всем покупателям отказывала. И сегодня наш дом, который находится в Старом Альметьевске, – самое ценное, что есть у нас: за 2–3 часа там высыпаться, а если проведёшь 2–3 дня, чувствуешь себя как после хорошего отпуска».*

М.Хабибрахманов, посёлок Нижняя Мактама Альметьевского района: «*Конец 60-х. Конец ноября. Вносится с огорода капуста, из чулана корыто с таялкой. Мама рубит капусту, мы с сестрёнкой помогаем: очищаем кочаны, шинкуем морковь, ошпариваем бочонок и гнёт. Тогда если солилось что-то в доме, то обязательно в деревянных бочках: капуста, огурцы, помидоры. Работаем весело. Вот такое, одно из самых лучших и дорогих воспоминаний о детстве, о матери. Это – традиция нашей семьи. А традиции – это и есть хранители домашнего очага. И сегодня, когда в доме солится капуста – на душе и покой, и счастье».*

...Самое время всей семьёй, дружно и весело рубить капусту: «*Лист смородины груб и матерчат. В доме хохот и стёкла звенят, В нём шинкуют, и квасят, и перчат, И гвоздики кладут в маринад...».*

Раушана Исхакова: «*Я верю: счастливым дом делаем мы сами. Наша квартира досталась нам от бабушки. Это был человек с тяжёлым характером. Мы с родителями старались бывать там редко, старались отвертеться, пока он не заболел. Потом помогли, конечно. Когда он умер, я даже боялась переезжать, и мы долго привыкали к квартире, даже после ремонта. А потом всё пошло обычно. Мы стали вспоминать бабушку, и только по-хорошему, и начали его понимать. Ведь трудным его сделала смерть бабушки и другие причины. А он ведь с нами, внуками, занимался: устраивал по знакомству в пионерский лагерь, записывал в кружки, делал очень приятные подарки.*

И ещё. Ко мне пришла подруга. Она увлекается Фен-шуй, и с порога огорчила меня. Оказывается, в этом учении кухня

считается самой несчастливой частью дома. Там должна быть соблюдена гармония огня и воды, а значит, мойка и плита не должны соседствовать рядом. А у нас – они рядом. Чтобы создать гармонию, подруга предложила поставить между раковиной и плитой буфет. Это в нашей-то маленькой кухне?!

Мы с мужем потом шутили по этому поводу. И мы считаем, что гармония в жизни – это не символы, а любовь и понимание в семье. И разве может быть несчастливой кухня, в которой мы уютно ужинаем, смеёмся, обсуждаем новости? То есть, в которой нам так хорошо вместе».

(Без подписи): «Наш сын часто меняет автомобиль, сноха – мобильные телефоны (дорогие), оба каждый год ездят отдыхать за границу. На это тратятся все, без остатка, сбережения. Зарабатывают неплохо, детей пока нет. Не можем убедить их приобрести недвижимость, просторную квартиру. Такое впечатление, что домой они приходят только ночевать. Гостей собирают в кафе и ресторане, все выходные проводят или на работе, или у друзей, или на базах отдыха. Как-то это все неправильно! Семья должна базироваться, обитать в доме. Извините, не удастся подобрать точное, правильное слово, но, наверно, и так все понятно». (Автор просил не указывать имени.)

Анастасия Вакатова, председатель Альметьевской организации Союза журналистов РТ: «60 лет назад в этот день мои родители расписались в сельсовете деревни Русские Берлибаши. Была зима, очень морозно, как рассказывала мама. Им предлагали отложить свадьбу до лета: папе надо было куда-то ехать. Он только что вернулся с Дальнего Востока, видимо, оформлялся. Но дедушка сказал: «До лета их так в деревне разрисуют, что они не взглянут друг на друга. Тянуть не будем!» С его легкой руки они и поженились.

Разрисуют – это значит, что будут одному про другого рассказывать всякие сплетни. А у нас дедушка Максим этого не любил больше всего. Вот и упреждал события...

Кстати, мои родители очень трогательно называли своих: папаша и мамаша. Так у них в семье было принято. У деда Максима и бабушки Александры было семеро детей: 5 сыновей и 2 дочери. Это – мои дед и бабушка по папиной линии.

А счастье... В настоящем, добром и счастливом доме счастье от порога чувствуется! У нас от порога пахло пирогами, соленьями, мочёными яблоками, грибами. И всё было так вкусно.

Папа звал маму на «Вы». И мы тоже, в детстве. Взрослея, я взбунтовалась и перешла на «ты». В доме при нас родители никогда не выясняли отношений. Когда они это делали и делали ли вообще, не знаю. Но если кто-то из детей нашкодил, они выступали единым фронтом – осуждая этот поступок. И заступничества ни с той, ни с другой стороны не было.

Я точно знаю, что папа очень любил маму. А мама это поняла только, когда его не стало. Он очень рано умер. Ему было всего 53 года. В этот год они отметили свою серебряную свадьбу.

Будьте здоровы и счастливы! И пусть в вашей жизни, в вашем доме тоже будут замечательные дни любви и согласия, нежности и тепла! И многого другого, что греет любящие сердца...».

Счастливый дом – в независимости от того, что он представляет из себя: хоромы, квартирку, скромную хибарку «на курьих ножках» – это тёплый и уютный дом. В нём ищешь отдохновение и утешение, находишь понимание и силы, в негоходишь как в крепость и, одновременно, как в собственный мир радости, ласки и любви.

Несчастен человек, если он не сумел создать такой дом.

Мой бедный мальчик! Мой славный мальчик!

Поднималась на чердак. Задела на лестнице стеллаж со старыми книгами. Рассыпались, родимые, с грохотом. Неисправимая я мусорщица, когда дело касается книг! Никогда не поднималась рука выбросить старые и потрёпанные книжицы, ибо каждая из них – непременно какая-то затейливая история приобретения. Это сегодня любой заветный томик таковым в принципе не является. За ним не надо, как в годы дефицита, ездить по глухим деревням, покупать за ползарплаты у спекулянтов или сдавать прорву макулатуры, чтобы получить вожделенный талон на приобретение хорошей литературы.

Многие книги как чемодан без ручки: и не пользуешься ими годами, и выбросить жалко. Потрёпанные, зачитанные, побывавшие в десятках чужих рук, шагают они за мной по жизни – из квартиры в квартиру, из одного города в другой, из второго – в третий.

Вот именно такие книги и лежали на этом стеллаже. А может, просто собрать в охапку книжную макулатуру и, не глядя, в пару заходов, унести все это в баньку на растопку? Просто и быстро!

Какое счастье, что не поддалась я тогда этому искушению, и, повздыхав, принялась ликвидировать погром: стряхивать каждую книгу и ставить её на полку. Добросовестность была вознаграждена: я вдруг нашла дорогую моему сердцу пропажу – старинный, датированный 1910 годом ежедневник, когда-то принадлежавший неизвестному мне мальчику. Уже не вспомню, какими путями-ходами (имею в виду букинистическо-антикварными) маленькая книжица в твёрдой коричневой обложке досталась моему отцу. Это он подарил её мне когда-то со словами: «Мечтаешь о журналистике, а вашему «брату», что курице, любое зёрнышко пригодится. Ознакомься...».

Долгие годы потом я при каждом удобном случае листала эту удивительную книжечку. Её, специально для «наших юных клиентов», в начале прошлого века выпускало издательство Отто Кирхнеръ.

«Каталогъ моей библиотеки», «Книги, взятыя для прочтєнія», «Книги, данныя для прочтєнія», и ещё уйма специальных страниц, которые, по понятиям того времени, должны были быть полезны гимназистам. Например, календарь с религиозными праздниками – причём не только православный, но и весь (!) «иноверческий» – для мусульман и иудеев.

Меня, школьницу, нет-нет да способную прогулять уроки, помню, накрыло жгучей завистью, когда я прочитала на этой же страничке примечание, что приверженцы данной веры могут в этот день не посещать (!!!) занятий в гимназии. А ещё была специальная страничка с графами, в которые надо было вписать странные теперь сведения: номер часов, номер галош, номер по ранжиру, номера манжет, штыка и т.д., а также странички – именины, моя корреспонденция, мои ноты, кому я должен, кто мне должен и т.д.

Тот мальчик явно ленился и не очень-то регулярно заполнял ежедневник. Все-все краткие сведения, вписанные чернильным пером или изредка карандашом, иногда такие экзотичные для современного восприятия, я складывала как мозаику, как картинку из потрёпанных, стёршихся, облупившихся фрагментов. Таким образом я рисовала образ этого мальчика из прошлого.

Была специальная страница о доходах (папа дал столько, мама – столько-то) и расходах – на что потратил. Помню, с каким непонятным мне в то время умилением я читала подробную запись о ежемесячных расходах на церковь. И даже ясно представляла, как он вытаскивал крохотный кошелёчек с монетками и под взгляд маман покупал свечки и молитвенник, раздавал милостыню нищим на церковной паперти (он написал и про свечки, и про молитвенник, и про нищих).

Но больше всего меня поражала страница «Театральный листок». Мальчик был потрясающим театралом! Например, в марте он посещал театр каждые три дня, и оставил записи просмотренных спектаклей («Ревизор», «Царевич Алексей», «Генрих Наварский» и др.). В последние месяцы он пересмотрел, наверное, весь репертуар театра: «Кармен», «Аида», «Травиата», «Евгений Онегин», «Черевички» и т.д. Он писал, с кем из кузин был в театре, номер ложи, кратко о впечатлениях.

Вот тогда-то я и поняла, что этот мальчик – проявление иного времени, иного мира, иной – я была уверена – более тонкой и одухотворённой формации, чем мы, современные люди. Он был так не похож на меня и моих сверстников, изрядных шалопаев и разгильдяев! И от этого почему-то становилось немного совестно.

По-настоящему же совестно стало значительно позже, когда я увидела, во что моя безалаберность превратила этот ежедневник. Книжечка в своё время благополучно пережила революции, мятежи и войны, и попала ко мне в руки в прекрасном состоянии. А вот мои многочисленные переезды, затопленные соседями квартиры, пыльные чердаки... Облез коленкор обложки, пятнами сырости покрылись страницы. Может, из-за стыда перед отцом я и не встревожилась, когда поняла, что ежедневник потерялся?

...У моей бабушки было три брата. Двое из них – Рахматулла и Нигматулла в гражданскую оказались по разные сторо-

ны баррикад. Верный царю и присяге Рахматулла – в Белой армии. Нигматулла – человек с обострённым чувством справедливости – в Красной армии. Когда его, тяжело раненного, привезли умирать в родной дом, в их селение вошли белочехи. «Это что за комиссар тут у тебя отлёживается за занавеской?» – спросили хозяина дома, моего прадеда Салаватулла бабая. Он отчаянно кинулся штыкам наперерез: «Это мой сын, мирный купец, от чухотки помирает, не заразитесь, родимые». Он (как и вся семья) любил одинаково обоих сыновей, не деля их на красных и белых. И точно также он отбил бы, случись аналогичная ситуация, и другого своего сына – но теперь уже у красных.

Оба брата были горячо любимы моей бабушкой, которая часто рассказывала мне об их детских годах. Возможно, мальчик-гимназист напомнил мне их, так рано погибших. Иначе почему я и сегодня то и дело листаю старинный ежедневник и так часто вспоминаю его владельца – моего бедного, славного мальчика!

Я думала о нём, когда читала о белогвардейском движении и гражданской войне, когда смотрела фильмы о судьбе России и нашего многострадального народа. Что стало с ним, рождённым на рубеже девятнадцатого и страшного двадцатого веков? С ним – умным, тонким, одухотворённым, воспитанным в доме, наполненном музыкой, книгами, родительской любовью. В чьём лагере, на чьей стороне мог оказаться повзрослевший и возмужавший юноша?

Кем стал, если выжил? Стал знаменитым или просто счастливым человеком, или же безвестно-печально сгинул в кровавой исторической мясорубке?

И «дрожжи на 5 копеек»

Сегодня модно вспоминать старинные рецепты блюд и напитков, до сих пор популярны кулинарные книги дореволюционного выпуска. Ежегодно огромными тиражами, например, выпускаются книги Е. Молоховец. Елена Ивановна – дворянка, окончила с отличием Смольный институт, родила десятерых детей. Её кулинарные книги выдержали 29 только прижизненных изданий.

Тот, кто читает и даже готовит по ним, подтвердит: хотя счёт продуктов в них ведётся не на привычные нам граммы, а на золотники и фунты, а советы типа «попросить прислугу достать масло из погреба» веселят современную женщину, – увлекательно следить за скрупулёзным описанием технологии приготовления блюд с точными мерами продуктов, учётом сезонности и религиозных постов. Нас фунты и осьмушки не напрягают: в женской голове со скоростью калькулятора они легко переводятся в граммы. Но есть одна, постоянно упоминаемая фраза, которая меня не веселит, а напрягает. Это простая рекомендация: «возьмите дрожжей на 5 копеек».

И вот я каждый раз думала: а почему бы не написать 50 грамм, или 2 столовые ложки, или размером с грецкий орех. Ан нет: из раздела в раздел – «возьмите дрожжей на 5 копеек». Это же глупо, в конце концов один и тот же кирпичик дрожжей, стоивший вчера, предположим 5 копеек, может стоить сегодня 50 рублей, а завтра – 50 тысяч. Ведь так уже было, и мы это проходили!

Стоп, останавливаю я себя, – не путай времена! Это мы теперь живём в эпоху вечных перемен. А они жили во времена иные – там, где ничего десятилетиями и столетиями не менялось, где за неперемные 5 копеек всегда покупался определённый брикет дрожжей. Вот оно – спокойствие и постоянство мира. Хочешь – завидуй, хочешь – огорчайся.

А я восхищаюсь. Ай да женщины, ай да вселенская женская мудрость и одновременно святая простота – ввести в мир такую земную градацию, такую константу, постоянную величину и тест: дрожжи на 5 копеек. Счастливые и наивные, они свято верили – ничто страшное не сдвинет привычный мир, ничто не рухнет, не полетит в тартарары.

Женщины во все времена знали, что будет утро – будет хлеб. Будет день – будет песня. Женщина – что бы ни происходило в мире – всегда зажигает огонь в очаге, печёт пирог и варит сытный суп: ей надо накормить детей и поддерживать силы у сильного мужчины. А вот ему – охранять мир и покой, красоту и незыблемость её мира. Одно из условий которого, что вчера, сегодня и завтра дрожжи будут стоить 5 копеек.

... Почему же настолько наивны и беспечны оказались их сильные мужчины? Если бы они тогда только предполагать могли – что их ждёт, что караулит в переулках истории, в ту-

пиках цивилизации... Это сегодня, оглядываясь в прошлое, в историю государства (книга Молоховец вышла в 1861 г.), мы знаем, через какие потрясения впоследствии пройдёт страна. Смена крепостного права, рабочие стачки и крестьянские волнения, поражение в войне, дикие пережёлты революции и террора, гражданская война, тяжёлые и опустошительные войны, непонятные перестройки и смены власти.

...И у нас дома была подобная книга. Обсыпанная мукой, с ветхими страницами, ставшими прозрачными от топлёного масла, она валялась в чуланчике. Главная Хозяйка дома бабушка заглядывала в неё очень редко – мол, «мы сами с усами». И имела право на самомнение – она была знатной по пирогам и плову, особенно славилась её квашеная капуста. Она даже ходила по домам (говорила – «пошла на ходку»): по строгой очереди заглядывала во дворы и на кухни, где трещали и взрывались от ножей и тыпок огромные капустные «голова». И только отдавала команды: сколько моркови натереть, чтобы не размякла капуста, сколько соли положить. Кстати, соль она брала свою – из двухлитровой деревянной тары. Отмеряла не ложкой, не стопкой или стаканом, а как рука размахнётся, да душа подскажет. Через три дня собственноручно протыкала скалкой капусту – выпускала углекислый газ, говорила, сколько дней выдержать капусту в тепле. Её глазу и чутью до такой степени верили, что пока она не даст команду, никто не смел капусту в холод вынести. Дело-то тонкое – уберёшь раньше на день, значит, не дашь молочной кислоте развиваться, капусте созреть, стать особо ядрёной. Передержишь – получишь желтоватую или серую, запахом которой останется только чужих кошек, забредших в чулан, пугать.

А мне книжка нравилась – там были советы по составлению меню, кормлению избалованных барчуков и прислуги. И был рецепт царского варенья из крыжовника. Когда приходила пора его варки – это был час «Ч», головная боль, «холера», как в подобных случаях любили выражаться в моём родном городе. Купить крыжовник на базаре должна была мама. Всю жизнь прожившая под игмом Истинной Свекрови, она и в этом не могла угодить ей: то он был, якобы, незрелый, то перезрелый. Мама ещё долгие годы вспоминала, как она купила изумительный крыжовник («устала по дороге отвечать – где, у кого и почём, все встречные на него глаз положили»), по-

ставила перед свекровью, а та ласково так спросила: у входа направо брала? И ещё ласковее: у человека в вязаной куфайке, который всё время улыбается? А когда мама радостно закивала (в кои-то веки угодила!), свекровь с осуждением сказала: как можно было покупать у этого человека – у него огромные и жёлтые лошадиные зубы. Нет, не получится ТО, царское варенье.

А дальше – кто не успел сбежать, сидел за самое муторное дело на свете: шпилькой вытаскивать мелкие зёрнышки из крыжовника. Однажды припрягли к этому и отца, который никогда не прикасался к женской работе – так было заведено в семье. Он вычистил меньше стакана, увидел ещё не тронутый жбан с ягодой и, нахмурившись, спросил: «И что это будет?». «Варенье падши, падишаха, царское, – гордо сказала бабушка, – в прошлом году наварили, ты же всю зиму ел. У нас помещик в Тетюшах только его признавал». «Ах, царское, – протянул отец, – помещик ел... Так у него сколько деревень было, а в каждой по сколько дворовых? Ему что – вычистили и сварили. Так что кончайте канитель разводить, и обычное варенье с зёрнышками хорошо съедим».

Мы выжидающе и с надеждой смотрели на бабушку. А она будто и не слышала: «Поторапливайтесь, жарко, ягода размокает. И вообще – что мужчины знают? Мы уж сами как-нибудь. Так ведь, килен, сноха? Ладно, что хоть ты меня понимаешь».

И мама, обрадованная невиданным доселе вниманием и неожиданным признанием свекрови, ясно так улыбнулась: да уж, что они могут, эти мужчины... Как варили, так и будем варить царское варенье.

Поди сюда, мой белый хлеб!

Так полушутливо-ласково пожилые люди обращаются к своим детям и внукам. Те для них дороги – совсем как белый хлеб. У стариков, прошедших мучительное испытание голодом, именно белый хлеб – эквивалент чего-то дорогого, жизненно важного, – в первую очередь, сытной и благополучной жизни. О ценности продукта №1 знают не только те, кто прошёл коллективизацию, блокаду, военное лихолетье, но и среднее поколение.

В начале 60-х гг. во многих городах СССР белый хлеб продавался только по талонам, да и полагался он детям и, кажется, больным гражданам. Чтобы отовариться, приходилось занимать очереди в магазины затемно – калача из белой муки не хватало даже по талонам.

Взрослые вместе с детьми, которых не на кого было оставить дома, подолгу стояли или сидели на табуретках, прихваченных с собой, и, чтобы скоротать время, говорили «за жизнь». Репрессии остались в прошлом, страх отступил, и все смело ругали «лысого кукурузника» (Хрущёва), который «позорище-то какое: довёл великую хлебную державу до хлебных очередей». А потом облегчённо вздыхали: слава богу, что есть хлеб ржаной и серый, не то, что в войну...

Жизнь приучала детей уважать и ценить хлеб. За печкой в мешочке практически в каждом доме всегда имелись сухари – чёрные, серые и белые. Другой, большой холстяной мешок с оставшимися от ужинов корочками хлеба хранился на чердаке или в чулане. На расспросы детей родители отвечали уклончиво: «На корм курочкам». На самом деле – наученные горьким опытом войн, они делали припас «на чёрный день».

А ещё взрослые учили детей «низко кланяться хлебу». Если увидел, что он на земле валяется, убери его в сторонку. Да не ногой, не палкой, а рукой! Хлеб что на пашне, что в жизни любит, чтобы ему в пояс кланялись. За раскрошенный, изуродованный кусок хлеба ставили в угол, лишали сладостей.

Свои уроки хлебной «этики» вела и школа. На всю жизнь запомнился урок, преподанный первой нашей учительницей, заслуженным учителем РФ Елизаветой Ивановной Артамоновой. Его бы я предложила ввести в антологию педагогической мудрости, а точнее – в практику каждой современной школы.

А было так. По окончании уроков она попросила нас заглянуть в столешницу парт – в специальную нишу для портфелей, и извлечь всё, что там лежит. Лежали, кроме бумажек, ластиков и железных пёрышек для ручек, ещё и корочки хлеба, недоеденные булочки, «попки» пирожков.

Елизавета Ивановна ходила по рядам и печально качала головой. Мы недоумевали. И тогда она сказала нам: «Этот кусочек спас бы жизнь Тани. А эта булочка была бы ужином для семьи Савичевых».

В нашем классе не было девочки по имени Таня. И фамилия была нам незнакома. Так в этот день мы впервые узнали о дневнике блокадницы – ленинградской девочки Тани Савичевой, умершей от голода. А ещё о том, что это огромное счастье – иметь вдоволь хлеба.

Солидные однокашники (мы это как-то проверили при встрече) и сегодня по памяти повторяют скорбный список из блокнота Тани: «Женя умерла...», «Бабушка умерла...», «Лека умер...», «Дядя Вася...», «Дядя Лёша...», «Мама...», «Савичевы умерли. Осталась одна Таня».

...Елизавета Ивановна взяла в руки кусок хлеба:

– Вот этот кусочек – в нем 125 граммов – полагался блокадникам на целый день. Дети, вы могли бы им наесться?

– А к нему дадут в столовке суп и котлетку с макаронами? – закричали мы.

И подробно, весело перечисляли, что ещё можно заполучить на обед: гречку с «фрикадюлькой», пирожок с яблочным повидлом... Но уже через минуту рассказ учителя о блокадниках, которые варили обои, ели собак и кошек, обессилевшие ползли за водой, умирали целыми семьями, – мы слушали, затаив дыхание, в полной тишине.

Елизавета Ивановна была талантливейшим педагогом. Её «хлебные» уроки мы пронесли через все годы. И что не менее важно, – передали его своим детям и друзьям.

Сегодняшняя жизнь – сытая и благополучная. Пусть так будет всегда! Но как жаль, обидно и стыдно видеть на помойках и улицах, на полу в столовой, в подъезде небрежно брошенный хлеб. Его ленятся убрать с дороги, пинают ногой.

– Чему удивляться, ведь современной молодёжи всё равно, что под ногами валяется, – хлеб, осколки бутылок или мусор, – сказал мне один мудрый человек.

Неужели это так?

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Лилия Алишева, 30 лет: *«Молодёжь сегодня всякая (впрочем, как и во все времена), но с белой хлебной душой всё-таки больше... Я это точно знаю!».*

Артистка погорелого театра

12 апреля, когда всё человечество праздновало День космонавтики, некоторая часть планеты подняла бокалы с мартини, стаканы с виски, кружки с пивом за другой праздник, который отмечается в этот же день (в некоторых странах – 13 апреля). И повод-то смешной: день рождения рок-н-ролла (1954 г.) – музыки весёлой, дерзкой, скандальной, завораживающей. Её «иконы» – король рок-н-ролла Элвис Пресли, Битлз, Роллинг Стоунз. Рок-н-ролл – это больше чем музыка и танец... Это эстетика и философия.

Впрочем, мало ли праздников на планете – все и не упомнишь. Как говаривала когда-то тётя Маша, «вечно чой-то тока эти буржуи на нашу башку не начешут». Рок-н-ролл, кстати, нам «открыла» её доча – Анна Гостева, одноклассница, по совместительству соседка. Она заложила двери школьного кабинета шваброй и под собственное мычание «ду-лу-лу-лу», заменившее аккомпанемент, показывала танцевальные движения. Школа была с нравами строжайшими, так что рок-н-ролл не приветствовался.

В 10 минутах ходьбы от школы располагался Астраханский театр юного зрителя. Здесь, кстати, начинали свой творческий путь многие известные кинорежиссёры и артисты. Нас, старшекласниц школы № 11, воспитанниц известного словесника-литератора Евгении Анатольевны Уткиной, приглашали участвовать в массовках. В спектакле Льва Кассиля «Будьте готовы, Ваше высочество!» мы играли пионеров черноморского лагеря, в который и приехал юный принц Сурамбук из Джунгахоры, будущий король Дэлихьяр Пятый. Мы бегали по сцене, скандировали «Хинди-русси – бхай-бхай» («индийцы и русские – братья»). Самая талантливая из нас и очень непосредственная Галя Давлекамова изображала пионерку так истово и, как мы считали, по-станиславски достоверно, что даже растянулась на сцене. Конфуз был тот ещё, нас пригрозили выгнать за излишнюю самодеятельность, но, в конце концов, посмеялись и простили.

Рок-н-ролл за кулисами, в перерывах репетиций, прекрасно отплясывала одна молодая актриса ТЮЗа. Мы подглядывали с восхищением и завистью. В один из таких дней в полуметре от нас прошёл великий и знаменитый Олег Стриженов, приехавший из Москвы, МХАТа, в Астрахань, играть Артура в

спектакле «Овод». Для миллионов людей он был кумиром – самый красивый и благородный актёр советского кино. Но вот фантазмагория, о которой я вспоминаю теперь со смущением, – здесь, в звуках танцевального ритма, рядом с очаровательной актриской, отплясывавшей рок-н-ролл, он показался просто старым человеком, с бледным, хотя и благородным лицом. Ох уж, эти возрастные представления юности: все, кто старше тебя, кажутся ортодоксами и «мамонтами». Взглянули мы на него мимолётом, страшно сказать, – без интереса. И снова все внимание – на актрисочку. Как же, «рок-н-ролл» – это так здорово!

Наши театральные авантюры на фоне приближающихся выпускных экзаменов закончились запретом родителей. Только Анька упорно зависала в ТЮЗе – она мечтала стать актрисой. Её с детства называли артисткой погорелого театра. В ходе написания этого материала мы с коллегами перебрали множество справочников и энциклопедий, пытаюсь точно выяснить, какой смысл вкладывается в этот старый и любимый многими фразеологизм. Выяснили, что эта идиома предназначена для оценки непрофессионала, человека, не оправдавшего надежд в каком-либо деле...

Мы считали её очень талантливой. Она великолепно читала стихи – до мурашек, до стиснутых от волнения рук. А как пела! Аня решила поступать в театральное училище. На экзамен заявила любимую свою песню «Что ты жадно глядишь не дорогу в стороне от весёлых подруг». Этот чудесный романс на слова Алексея Некрасова великолепно исполняла прима Большого театра меццо-сопрано Надежда Обухова. Непонятно почему (может, на фоне простого, шлягерного репертуара других абитуриентов), но к Аньке отнеслись с предубеждением и не разрешили исполнить это произведение. Я и сегодня считаю, что эта песня в исполнении Ани – маленький шедевр.

С экзаменом по танцу тоже не заладилось. Её просили встать в ту или иную позу, экзаменаторша сердито выкрикивала непонятное – батман тандю, плие, девлопе. Анька – плясунья-самоучка немного сникла, но, услышав знакомое – «каблучные выступления», в такой пляс пошла, такую дробь каблучками выбила... Не мытьём, так катаньем, дошла и до творческого этюда, где ей пришлось изображать «пожар». Что она творила там – орала, бегала, как оглашенная, норовя

скинуть графин со стола приёмной комиссии. «Деточка, пожалуйста, идите, – взмолилась приёмная комиссия, – вы тут всё нам сокрушите...».

Мама встречала её на скамеечке у дома: «Ну как, Анюта?». «Ой, мама, изображала я пожар, да плохо изображала». «Ты – да плохо?!» «Мамуля, я старалась, я так зажигала, зажигала...».

В это время, дико разрывая воздух мощными клаксонами, в сторону центра полетела на вызов пожарная машина. Мама побледнела: «А-а-а-н-я... Неужели это ты подожгла?!».

Говорят, Анька хохотала на всю улицу, объясняя маме различие между «зажигать» и «поджигать». «Ох, Аня, артистка погорелого театра...».

Видимо, было что-то в нашей Анне Гостевой такое-этакое артистическое. На актерское её не взяли, а вот на хореографическое отделение зачислили. Закончив его, она получила распределение в клуб в районной глуши. Мы не могли представить нашу Аньку, ставящую танцы агитбригаде пастухов и доярок. Перед началом великой трудовой деятельности её, опечаленную распределением, родственники, в складчину выкупив путёвку, отправили в Польшу. Там она зажигала такой рок-н-ролл на площадке, что в неё влюбился молодой поляк. Через год он приехал и забрал её в страну шляхтичей. С тех пор, вот уже более трёх десятилетий она – пани Анна.

Когда я в родном городе встречаюсь с одноклассниками, мы иногда по-пионерски громко приветствуем друг-друга: «Хинди-руси бхай-бхай». Это вызывает некое остолбенение у окружающих. А нам, кажется, только это и надо.

От тюрьмы и от сумы...

В каждом мало-мальском городе есть и площадь центральная, и тюрьма. Своего рода контрастные, полюсные объекты: здесь символ помпезности и праздника – а там юдоль скорби и греха. Выбирай, душа, куда тебя тянет!

В моём родном городе, видимо, в силу его древности (453 годочка) тюрьма расположена вообще в центре, и от площади её отделяет всего лишь узкая полоса дворика да горкомовский жилой дом, где всегда проживала номенклатура. Но курьёз в том, что скульптура Ленина в центре площади была развёрнута так, что Владимир Ильич, скомкав в правой руке кепочку,

левой показывал как раз на городскую тюрьму. Мол, «правильной дорогой идёте, товарищи!».

Астраханцев и многочисленных туристов это здорово веселило. Потом скульптуру обнесли лесами и в одно прекрасное утро город ахнул: Ленин тот, да не тот. Правая рука осталась на прежнем месте, а левая в знакомом по фильмам жесте поддела обшлаг жилета. Вот такая политкорректность. Впрочем, астраханцы «своего» Ленина из-за этого не разлюбили. Наоборот. В отличие от пафосных скульптур Шадра, Алексеева и других ваятелей, «наш» Ильич работы Азгура – уставший, немного сгорбленный, без указующего перста и ... оттого человечный. Свойский почти...

Недалеко от тюрьмы школьники собирались перед майской и ноябрьской демонстрацией. Её здание – как мне помнится, жёлтая штукатурка – было привычным для нас, горожан. Сохранился в памяти детский эпизод. Вот идём мы мимо с девочками от молочной бочки, несём в руке по бидончику, домой торопимся. Тюремные ворота открываются, выходит военный, а рядом – маленький, скверно одетый человек, а точнее, – очень уж помят и неказист показался его костюмчик. Он останавливается, смотрит на меня внимательно, улыбаясь, и говорит с такой мягкой, обволакивающей интонаций в голосе: «Молочко в бидоне?». Я испуганно киваю. «Наверно, вкусное», – ласково продолжает он.

У дядечки этого – глаза чёрные, влажные, и очень он похож росточком и выражением лица на Чарли Чаплина, а ещё на дедушку Полада, нашего соседа, всегда угощавшего нас бакинскими гостинцами. Но мы, дети, знаем, что это тюрьма, что это страшное и запретное место, и сидят в ней убийцы и прочие гады. Словно вынырнув из гипнотического взгляда странного дядечки, мы с криками улепётываем прочь – тряся бидончиками, из которых молоко льётся в мягкую придорожную пыль.

Конечно же, дома ругают. Но вовсе не за пролитое молоко, а за то, что «не той дорогой, коза, пошла», а ещё больше, что «не догадалась налить молоко в крышечку бидона и угостить бедного арестанта». В голове «гады-сволочи» и «бедный арестант» никак не совмещаются.

Тогда-то и довелось впервые услышать пословицу «От тюрьмы и сумы не зарекайся».

Умная, между прочим, поговорка. Не гордись, человек, не расслабляйся. Обстоятельства могут так сложиться-вывернуться, что доведётся попасть за решётку (тюрьма) или остаться без гроша (сума). История наших народов в России – яркая тому иллюстрация: сажали детей за сорванный на бахче огурец, за недосданное государству лукошко с пяточком яиц, за сдвинутый в сторону бюст вождя в клубе, за неосторожное слово, за стихотворение-крик души. Говорят, что в России каждый четвёртый человек за свою жизнь так или иначе сталкивается с тюрьмой. Слушала радиообсуждение недавно – самое большое количество заключённых (500–700 человек на 100 тысяч населения) – в России, Белоруссии и США.

Мы с детства-юности по книгам Достоевского и Толстого знаем, что тюрьма в России – больше, чем тюрьма. Это судьбина и голгофа, и не только для упырей, воров и убийц, но и для праведников и правдоискателей. Шлиссельбургская крепость, Тобольский острог (там сидел царь Николай II), Туруханский край (сидели Иосиф Сталин и другие революционеры), Петропавловский рavelин, Кресты в Питере, Владимирский централ, Матросская тишина, Лефортово, Бутырка – эти названия мы знаем лучше, чем названия городов-героев. Да и любимые певцы, и шансон, и блатняк всяческими песнями своими поддерживают тюремную романтику. Тюрьма, что могила, всякому место есть...

Мне педагог одной из альметьевских школ рассказала: она сделала замечание парню, да предупредила – мол, твоё поведение может и до тюрьмы тебя довести. А он в ответ: нашли чем пугать, да в тюрьме – нормально. И за спиной дюжина мальчишек голос подаёт: там Интернет и телевизоры... Вот она, киношная романтика о суперменах и сильных мужиках, которых показывают в ежевечерних телевизионных сериалах, где герои, попав в зону, отбиваются от насильников, завоёвывают уважение, становятся авторитетами и – гордые и закалённые – выходят на волю. Говорят, что те, кто прошёл настоящую тюрьму, буквально ржут над этими «мультишками». Никакой баклан (презрительно – хулиган), атлет, танкист и гладиатор (так там называют сильного человека, исполняющего приказы блатного), никогда не станет авторитетом.

Интересуюсь у коллеги, специализирующейся на теме правонарушений: боятся ли взрослые люди тюрьмы, знают ли ре-

ально о жизни в зоне, и слышу ответ: чаще всего, нет. Каждый рассчитывает на условный срок, ну а если пойдёт в тюрьму, – так «не каторга же, не урановые рудники». Часто подобное бахвальство-заблуждение рождается на опыте короткого пребывания в камере предварительного заключения или обезьянника. Но КПЗ – это далеко не тюрьма. И тем более, не места заключения в Америке и других развитых странах, с красивой жизнью их арестантов.

Наша тюрьма, её особая жестокая этика унижают, ломают человека, даже очень сильного и волевого. В тюрьме обыденность – это не Интернет, о котором говорит неопытный мальчишка, единственным наказанием которого был угол в родном доме да лишение воскресного похода в Макдональдс. Тюрьма – это близкое нахождение с рецидивистами и преступниками, совершившими тяжчайшие преступления, стравливание людей друг с другом, порабощение одних другими, подлость, унижение, насилие, извращения. Остаться в таких условиях нравственно здоровым человеком, свободной и независимой личностью – очень трудно, практически невозможно. По статистике почти треть осуждённых после освобождения вновь совершают преступления.

...Близкий мне человек во время командировки на границу России и Казахстана по большому благу был допущен туда, куда не ступает нога обычного человека – тюрьму «Чёрный дельфин» в Соль-Илецке, где сидят смертники – те, кому казнь заменили на пожизненный срок. Послушали там рассказы администрации тюрьмы, прошлись по коридорам, заглянули в камеры. Рассказывает, что экскурсия – реально самая страшная и незабываемая в жизни. Оскал каннибала-людоеда, взгляд серийного маньяка...

Вышли мужики после такой «экскурсии» на солнышко, пот вытерли, еле дух перевели: это что было-то?!

...Виноватый боится закона, невинный – судьбы. Судьба, будь благословенна – не допусти до тюрьмы и сумы ни нас, ни наших детей, ни их детей.

Кукушкина слеза

Отзвенел, отгремел День защиты детей. Немножко странновато – не кажется вам? – всего лишь в рамки одного дня этак по-кампанейски втиснуть великую мысль-идею о защите ребёнка. Вот день 1 июня закончился, и что же – завтра уже не надо будет оберегать детей от всяческой напасти? Надо ждать еще 364 дня, чтобы снова заговорить о праве ребенка на счастливое детство?

... Память уводит далеко назад. В один из майских дней жутко влетело от родителей. Память так избирательна и необъяснима: не помню, что вызвало бурное недовольство близких, что послужило поводом устроить мне форменное аутодафе, но зато и сегодня реально вижу, кто и как стоял на веранде, как был одет, какими интонациями произносились укоры и увещевания, как вибрировали голоса и в какую тоненькую трубочку дрожащими от волнения руками я скатала фантик от конфеты.

Они ушли – я осталась. Чтобы, как мне сказали, думать о своём поведении и исправляться. Было стыдно, горько, обидно. Плохо!!! И тут внутренний голос произнёс: «Ну, прямо сердце от горя разрывается». Это была явно фраза, вычитанная или услышанная где-то. Я стала прислушиваться к себе: может, сердце действительно разрывается? Вот было бы хорошо: умираю тут же за столом, родители входят – и ... немая сцена, потом все рыдают и раскаиваются. Но сердце просто стучало – в то благословенное время мы ещё не знали, как оно может болеть!

Надо было срочно придумать, как вернуть расположение семьи. Отличными оценками? – так плохие почти и не получила. Напилить с отцом на пару дрова? – так ведь до зимы далеко. Вымыть у одинокой тётушки старые деревянные полы? – нет уж, фигушки, опять занозу под ноготь «поймать». И тут осенило: я всегда неохотно, через пень-колоду исполняла своё постоянное поручение – отправлять поздравительные открытки родным и друзьям семьи. Быстренько перелистала календарь-«численник» на стене. Праздников не предвиделось. Но тут открылся листок с картинкой смеющегося ребёнка: 1 июня – День защиты детей. Недолго думая, в великом раже и порыве «стать человеком», я написала открытки по привычному списку семейных поздравлялок. Гордилась сво-

им поступком. Знай наших. Вот придут ответы, и тогда узнают родители, какую хорошую дочь воспитали.

И вскоре они узнали... И разразился скандал. Ибо поступок с этими открытками я совершила определённо странноватый. Ну не принято было в нашей стране поздравлять друг друга с Днём защиты детей. Вся страна перекидывалась открытками лишь накануне Нового года, Международного женского дня, Первомая, 7 ноября – Дня Великой Октябрьской Социалистической революции и т.д. Мало того, что я влезла с непонятным праздником, чем встревожила тех, кто получил мои открытки (у вас всё хорошо? – засыпали нас письмами), так я ещё и умудрилась обидеть бабушкину сестру, ту самую нашу тётушку с занозистыми лапами, которую в сердцах кое-кто из наших родных называл за глаза кукушкой.

...Она с плачем пришла к нам. Причём ее рыдания были слышны уже с улицы. Мы не могли понять, о чем стонает она: «Вы меня всю жизнь считали кукушкой... голод... тиф ... и теперь меня обвиняете... он умер... а вы: не сберегла-не сберегла, и сейчас издеваетесь». Тетушка швырнула на пол открытку с красивыми ромашками. Я её сразу узнала. Открытку все прочитали, дружно склонившись над ней головами. И все посмотрели на меня. Они хоть что-то поняли, а я – ничего!

А когда поняла, по-настоящему стало страшно. Не стыдно, а именно страшно. Потому что вместе с открыткой она принесла фото. На снимке был изображён мальчик 4–5 лет с закрытыми глазами. Я отметила, что у него очень-очень длинные ресницы и красивый лоб. А рядом с ним лицо женщины в старомодной маленькой шляпке. Она печально смотрела на него, её лицо было измождённо-прекрасное. Это и была тётушка Гайша Ахметзяновна Рахимова, которую я считала старой девой, ибо, сколько помню себя, она всегда жила с моей бабушкой (маминой мамой) или по очереди у родственников. Она воспринималась многими кем-то вроде приживалки, хотя никогда не считалась классической бедной родственницей, наоборот, – одевалась красиво, без конца ездила по стране, навещая многочисленных подружек.

Фотоснимок был высочайшего качества. Ракурс интересный и вместе с тем странный. И тут я поняла, что мальчик-то лежит в гробу. А Гайша апа на снимке потому так на него странно смотрит, что он умер и она прощается с ним.

В этот вечер и открылась некая семейная тайна. Оказывается, Гайша апа, в 20–30-е годы жившая в Казани, была замужем за важным партийным функционером, у них рос мальчик. Её единственный сын. И он умер от тифа. В этой смерти родственники даже полстолетия спустя жестоко обвиняли её: не доглядела, всё по митингам и кружкам бегала, подружек куча была. И, случалось, в пылу ссоры жестоко бросали: «Кукушка – она и есть кукушка»...

Теперь понятно, как восприняла Гайша апа мою открытку – получалось, что я по злему наущению «неблагодарных и подлых» родителей открытым текстом упрекнула её в её же беде, и, «ехидна маленькая», провозгласила: с Днём защиты детей, «а вот ты, Гайша, своего-то дитяти загубила!». Запахло мировым скандалом – в смысле, ссорой на всю оставшуюся жизнь в мире родственников.

А Гайша апа продолжала плакать:

– Я бы сама за него померла, если бы можно было, я ведь и сама полумёртвая была, бредила. Глухой осталась на всю жизнь, да одинокой. А вы – «кукушка да кукушка».

– А при чём тут кукушка? – убитым голосом (интуиция меня никогда не подводила: сейчас мне дадут жару) спросила я.

– Да помолчи ты, наделала уже дел! – зашикали на меня все.

Мама и её мама утирали слёзы. И тут инициативу перехватила другая бабушка – папина мама, скомандовала:

– Будет уж вам! Заварка застоялась. Все идём пить чай.

И скороговорочкой закончила:

– Сбереги, Всевышний, наших детей – от горестей и напастей, от злых бед и людей, от голода и холода.

Мне даже не влетело. Гайшу апа, хотя и считали её по-прежнему конченной эгоисткой, кукушкой уже больше никто не называл, по крайней мере, я этого не слышала до самой её смерти. А прожила она долгих 94 года, и никто из наших родных не бросил её в старости и одиночестве. Из-за её глухоты (она обижалась, что мы говорим тихо: «и что это вы всё время шепчетесь?!»), мы все привыкли говорить громкими голосами. И это осталось на всю жизнь. Я, как и остальные, и сегодня по-прежнему разговариваю громовым голосом, и не смеюсь, а почти хохочу – вот такой «привет», память из детства. Кстати,

после окончания школы именно она повезла меня в Казань, в университет, следила за моим режимом, готовила мне, абитуриентке, сытные и «пользительные» обеды. И позже, вместо неухоженного студенческого общежития поселила меня у своей подруги и ее родственников Исламовых. В Казани, где лучше и полнее знали обстоятельства её молодости, её любили, ценили и жалели.

...Люди, берегите детей! От всего – от чего только можете сберечь.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

La flor: «Что может быть безобиднее и невиннее детской наивности: Не знаю почему, но детская память выборочно хранит только некоторые моменты из детства. Особенно в душу западают те, что причинили обиду, боль, а счастливые мгновения имеют особенность теряться или растворяться в общей массе положительных эмоций».

Weldika: «Мурашки по коже побежали. Спасибо!».

Нина Ивановна: «Я очень люблю детей, особенно маленьких. Когда-то мечтала пойти на педкурсы, что сделала моя подруга. Но родители были против, я против их воли не пошла. Я всю жизнь проработала инженером, думаю, неплохим. Имею благодарности, медаль, несколько рацпредложений. Пока работала, меня несколько раз отправляли в подшефный лагерь вожатой. Я делала всё, чтобы попасть к маленьким в отряд».

Вот это было моё счастье! Детишки-несмышлёныши, перво-кляшки-второкляшки, души чистые, сами смешные, как зверюшки. Помню, у одной девочки была длинная толстая коса. Её мама переживала, кто же будет причёсывать её, заплетать, да и боязно – вдруг завшивеет (в те годы это была ещё та проблема, к тому же, кроме керосина и дуста, не было средств обработки). Я успокоила её, каждое утро волосок к волоску заплетала косу (у меня самой трое сыновей), мыла ей волосы сама. И всё обошлось. Ту косу и свою радость и сегодня помню!

А как детки сладко спят на рассвете! Это такая красота – почему художники не пишут и такие картины? В дружных отрядах детей будили горном или стучком вилки о банку.

Я же жалела их, тихонько напевала песенки. Они просыпались и потягивались.

Если у человека детство хорошее было – то и жизнь потом нормально сложится».

Айсылу: «Спасибо Вам! Солнечно-счастливое беззаботное детство мчится быстро и остаётся только в памяти такими вот воспоминаниями. Нужно как молитву повторять слова бабушки («Сбереги, Всевышний, наших детей – от горестей и напастей, от злых бед и людей, от голода и холода»).

Лера: «Поучительная статья, ведь не зря говорят: начинаем ценить тогда, когда уже теряем».

Сария: «Когда мы призываем: берегите детство, то чаще думаем о детях-сиротах, о брошенных на произвол, голодных детях. То есть из неблагополучных семей. А надо беречь всех детей, даже из самых счастливых семей. Нет у нас сейчас абсолютно здоровых детей – у всех с малолетства от чипсов и колы желудочки больные, глазки у всех-всех страдают от компьютеров и игр-стрелялок! Дети часами сидят, уткнувшись в мониторы, не выходят на воздух, не играют в подвижные игры. У всех – искривление позвоночника с раннего детства, а значит, нарушены и внутренние органы. Это – вопрос родительской ответственности и заботы».

Палисандровая горка

Каждая вещь – слепок времени, которому принадлежит. У каждой вещи – своя история, которая становится и нашей, собственной.

Было это четыре года назад. Отправляясь в турпоездку, захватила с собой две книжки для чтения. Конечно же, лёгкий детективчик – скоротать время в ходе долгого перелёта, почитать на сон грядущий в отеле, а потом без сожаления оставить там в ящике прикроватной тумбочки. Лёгкое чтиво имеет особенность быстро проглатываться. Поэтому всегда беру с собой и более серьёзную литературу – из отложенной стопки книг, на которые никак не хватает времени дома. Таковой на этот раз оказалась потрёпанная книга о возможностях человеческого мозга. С ней-то и произошла история во время досмотра багажа в аэропорту.

– Эту книгу вы не имеете права вывозить за границу, – вдруг отчеканил таможенник, – это антиквариат.

Вначале я подумала, что он шутит:

– Какой антиквариат? Это же не рукопись «Слова о полку Игореве», не брошь музейная. Всего лишь книга, не имеющая ценности.

– А это как поглядеть, – и служивый человек разъяснил мне, что любая вещь, которой исполнилось 50 лет, считается антиквариатом в соответствии с президентским указом «О реализации предметов антиквариата».

– А вашей книге, – он снова заглянул в титульный лист, – уже 66 лет.

Так меня развернули с пункта досмотра багажа. Тикали минуты: предстояло срочно решить судьбу книги. И какого рожна под руку попала именно она?!

– Это что, – «успокоил» меня пассажир, с интересом слушавший наш диалог, – в США автомашины и инструменты считаются антиквариатом, если им больше 25 лет. Кстати, вот вы сейчас выбросите книгу, а таможенник быстренько её подберет. Так что лучше вы её разорвите, чтобы им не досталась.

– Не смогу порвать, – ответила я. Он же понял меня по своему:

– Это точно! Обложка-то из настоящего коленкора, твёрдого.

Вот ведь парадокс: пылилась-валялась эта книга чуть не на чердаке, не востребованная, ненужная. Случайно в руки взяла, в чемодан кинула: авось, от скуки перелистаю, что-то полезное узнаю. Так неужели я увидела в ней ценность лишь сейчас, после вердикта таможенника? Неужели только из-за признания в ней раритета проснулась в душе жаба – жадность: ни за что не выкину! Да нет и нет. Я бы её, подальше от головной боли, оставила с превеликим удовольствием: у меня такого старья полно. Просто книга – отцовская, наверняка, найденная им в букинистическом книжном развале, и в ней – я заметила это, пока таможенник листал книгу – много пометок, сделанных его рукой. Вот была у него такая дурная, как считала я раньше, привычка – не просто подчёркивать какие-то фразы, но ещё и на полях выставлять восклицательные и вопросительные знаки, пометки типа «нота бене» и даже просто «чушь»...

Когда его не стало, я часто перелистывала его книги и разгадывала пометки – о чём он тогда думал, что его развлекало или сердило. И мне даже стало казаться, что все эти пометки он делал не только для себя, но и для меня и моей сестры...

Так разве оставишь такую на сиденьях аэропорта? Её возьмут чужие руки, унесут в чужой дом. А это – уже такая некрасивая история, которая, как бы я ни старалась потом о ней забыть, непременно в будущем выпрыгнет из моей памяти. И замучает угрызениями совести.

Чудеса не случаются, но удача у меня есть. На моё счастье прилетел самолёт, в котором из командировки с Ближнего Востока вернулись наши, татнефтьевские спецы. Они увезли книжку в Альметьевск. А с того эпизода в таможне поменялось моё мнение о сути бытовых вещей, о том знании и памяти, которая несёт каждая из них. Помню, пристроив книгу, я, донельзя довольная, сидела в кресле самолёта и думала о судьбе и магии старых вещей.

Когда-то давно у нас в зале стояла великолепная посудная горка палисандрового дерева. Резная, старинная, сделанная из красивой древесины совершенно необыкновенного буро-фиолетового отлива. И, несмотря на благородный вид, очень функциональная, с парой тайных ящичков в углублении, где бабушка хранила дефицит того времени – осьмушку лучшего индийского чая. А ещё в горке была хитрая щель, куда она прятала бумажку, где делала на память пометку об увиденном во сне. Ей часто снились вещие сны, где указывались какие-то даты и предстоящие события. Когда час икс наступал, она вытаскивала бумажку и сверялась – сбылось или нет, был ли сон «в руку». И, кстати, почти всегда её сны сбывались.

Это я сегодня говорю гордо-буржуйски «великолепная горка», а тогда я её даже стеснялась. У подруг уже стояли лёгкие модные серванты или стеллажи, а у нас этот нелепый мебельный монстр. И тут у мамы терпение закончилось: чем мы хуже других, даёшь сервант! Так горка перекочевала во двор. В хозяйственном раже – не пропадать добру! – отец попытался сделать из неё полки. Помучался, да рукой махнул, ибо ни топор, ни пила, ни рубанок с деревом не справились – дерево оказалось ну очень твёрдым! Горка долго мокла под дождём и снегом во дворе, но, к удивлению, древесина не только не пошла трещинами, а даже цвета не потеряла. У новенького

серванта в скором времени перестали выдвигаться ящики, закрываться дверцы, повредилась полировка. И такое это стало кривое убожество, что ещё долго мы с чувством досады и даже некоторой вины пробегали мимо гордой горки, пока не догадались отдать последнюю соседу, известному столяру-краснодеревщику. Он багрово-синей лапицей своей (был-то при всём своём таланте крепким пьяницей), каким-то особенным, волнообразным движением, провёл по дереву и языком зацокал от восхищения: вот это вещь! Это же навеки сделано!

С тех пор я и люблю слово «палисандр».

Весна пришла – весне дорогу!

Утром минусовая температура, днём тепло. Мне жарко и некомфортно, сама себе удивляюсь: каждое утро на одни и те же грабли наступаю, нацепляя шубу. С другой стороны, как угадаешь с погодой в нашем переменчивом климате? Вон Татьяна в Южной Каролине давно бегаёт в шортах. Смотрю на присланные фотографии: её дом в субтропиках утопает в цветах, мой же сад лежит под глубоким снегом, не верится, что когда-нибудь проснутся розы, лилии и клематисы. Нет, Таня и её сад – не показатель для нас. Лично для меня барометр – начало навигации на Нижней Волге. Весна приходит, когда Волга сбрасывает лёд и в низовьях начинается кипучая жизнь причалов, портов и доков. В детстве меня так и будили: «Вставай, весна пришла, первые пароходы пошли».

Ныне, 26 марта, слышу в утренних теленовостях: началась навигация на Нижней Волге. А это значит, пришла настоящая весна! Посматриваю на не подозревающих об этом людей: сонные, недовольные лужами, капелью. Эх вы, тараканы сухопутные! Вот раньше люди умели радоваться весне, особенно старики. Мои бабушки, тётушки, соседки – все были очень преклонного возраста, и для них очередная весна приходила как награда от Всевышнего – возможность встретить ещё одну весну. А ещё их радость имела вполне прозаическое объяснение. Бабушки боялись ... умереть зимой, ибо не хотели доставлять хлопоты тем, кому придётся долбить могилу в промёрзшей земле...

А тут – слава Богу, весна пришла, и впереди такая красивая пора, что умирать совсем не хочется. Значит, надо жить! Бабушка и мама оглядывали дом и засучивали рукава. Генеральная уборка! Самая важная – весенняя. Как на полном серьёзе говорили мои эби-мусульманки – «надо к пасхе готовиться» (кстати, это до сих пор остаётся для меня торжеством тогдашнего интернационализма, дружбы, добросердечности и уважительного отношения между людьми разных национальностей). Баки с кипящей водой были сигналом для меня: линять надо. Но меня оставляли быть на подхвате – выбить подушки, снять с окна шторы, набрать в колонке воды...

Со временем я поняла, что за уборочной рутинной стоял мудрый, светлый обряд генеральной уборки: виват весне, солнцу, обновлению, ожиданию; долой грязь, тяжёлые воспоминания. Ради этого от зимней сырости освобождали каждый уголок в доме, выносили вторые оконные рамы, холодной водицей освежали крашенные стены, отмывали до сияния изразцы печи.

Со стен снимались и тщательно протирались фотографии. Бабушка застывала над портретом погибшего на войне сына, всматривалась в его мальчишечье круглоглазое лицо. Из-за рамки непременно вылезал паучок, и он не изгонялся. Бабушка, по характеру англичанка викторианского типа – властная, жёсткая и абсолютно не сентиментальная, вдруг начинала нести какую-то ересь, обращаясь к этому паучку: «Может, улым, это душа твоя здесь пребывает? Недаром ведь каждый раз я тебя здесь нахожу. Смотришь ты на нас...». Сердобольная мама начинала в унисон шмыгать носом, отец с фразой «ну всё, начинается...» выходил на крыльцо. Только я жёстко-материалистически давала отповедь: «Что за глупость? Ты паука никогда не сметаешь, вот он там, гад, и живёт годами».

Бабушка укоризненно качала головой. И семейство объединялось в праведном гневе: и язык-то у меня длинный, и старания нет, постель заправляю криво, почерк – худший в классе, помочь по дому – не дозовёшься. Но уже через несколько минут бабушка ни с того ни с сего замечала: зато учится хорошо и потайной шов у нее самый лучший в кружке...

А ещё в генеральную уборку разбирались продуктовые запасы, одежные шифоньеры. Проверялось варенье – не засахарилось ли, не заплесневело ли? Новый ягодный сезон («и

до лета доживём») был не за горами, поэтому каждый день в электропечи с названием «Чудо» благоухали пироги с прошлогодним вареньем: с ежевикой, викторией (так называли клубнику), с абрикосами. Излишки варенья и пироги огромными кусками раздавались сиротам, одиноким бабушкам, семье слепых в соседнем переулке. Туда же шла и лишняя, ещё добротная одежда.

По окончании генеральной донельзя уставшие, но довольные, мы застывали посреди залы. Всё дышало свежестью, блестяло и хрустело – воздух, тюли на окнах, полы.

– От чистого воздуха даже голова кружится! – говорила бабушка.

– Да уж, – поддакивала ей мама.

– От усталости она кружится, – гнула я своё (лишь бы противоречить...).

На меня уже не сердились. Говорили: ничего, вырастешь, будет свой дом, сама всё поймешь, какая это благодать.

Выросла, имею свой дом. Генеральную как уборку такую – до сих пор не люблю. Потому что в моём доме – окон, а значит, стёкол и рам, которые придётся мыть, в 5 раз больше, чем в доме моего детства. Плюс занавеси, шторы, да и площадь полов и стен несопоставима. Конечно, бабушка с мамой не имели мощного пылесоса, стиральной машины и полутора десятков чудодейственных средств для мытья и чистки, которые есть в доме каждой нынешней хозяйки.

Но приходит весна, и, загоняя вглубь мечту иметь домработницу, я принимаюсь за генеральную уборку. «Не заморачивалась бы ты, – отбивает электронное письмо коллега, – генеральная – это пережиток». Не могу. Потому что это традиция, это философия, это словно привет из прошлого: стоят бабушка с мамой посередине залы и смотрят с улыбкой на меня: помнишь, говорили тебе – вырастешь, всё поймешь, так ведь, родная?

...Позади – длинные зимние вечера и темнота за окнами. Весна пришла, и самое время выкинуть то, что незаметно могло войти в нашу жизнь: холод в отношениях, пыль старого и отжившего, грязь кривотолков. А ещё – требуется впустить много света и свежего воздуха. С весной вас, дорогие!

Просто вспомнилось...

В кругу знакомых прокатился клич: нужны аудиокниги, поделитесь, кому не жалко, с одним бедным человеком. Не жалко, только нет у меня дисков – книги люблю читать вживую, с листа. Возьмите книгами! Отвечают – не надо, потому что аудиокниги нужны слепому.

– Вот, оказывается, в чём дело, – говорю я. – Наверное, какое это удовольствие для слепого человека не считать буквы пальцами, а слушать рассказы, пьесы, романы в исполнении хороших артистов, да ещё с живыми звуками леса, моря, уличного шума.

– Да-да, но нам, зрячим, этого не понять, – вздыхает собеседник.

– Почему же, – говорю в ответ, – я очень даже понимаю.

И вот так, просто, вспомнилось...

Мой второй дедушка, по материнской линии, ослеп в одночасье. Мне было мало лет, я не знаю подробностей, предшествовавших этому. Возможно, были предвестники беды. Но ослеп он внезапно. То есть, накануне вечером острым ножом снимал варёное мясо с кости, лёг спать, а перед первым намазом проснулся в полной темноте.

Помню, что дедушка – деятельный, настоящий кормилец семьи – очень тяжело привыкал к слепоте. Порывистый и энергичный, он вынужден был учиться ходить медленно, вдоль стен, вытянув руку. Так мы увидели его в новом свете: притихшего, со всегда раскрытой, буквально кричащей ладонью – она стала его глазами и его посохом. Первое время он забывал об осторожности – резко вскакивал, делал большие шаги, и тут же разбивал лоб об угол печи, а забывая пригнуть голову – о низкие притолоки дверей. Поэтому на переносице всегда была открытая незаживающая рана – она саднила, затягивалась, но он вновь ударялся о двери, и все снова кровоточило.

Двор был огромный – на две семьи, с садиками, какими-то клетями и множеством хозяйственных уголков, и с замечательным (для нас, детей) огромным свободным пространством. Пересечь последнее оказалось самым трудным для дедушки. Ему все настойчиво советовали медленно двигаться по периметру, вдоль заборов – что было правильно, разумно, безопасно – а он норовил перейти двор напрямую, – вот и блуждал. В слепой темноте ориентиры для него смещались,

сад, к которому он шёл, куда-то исчезал. Наверное, ему хотелось побыстрее уткнуться хоть во что-то, чтобы, наконец, облегчённо узнать сарай, дерево, ведро, подвешенное к забору.

Дедушка запретил выводить его из этого бермудского треугольника. Мы с мамой, бывало, тайно крались за ним, чтобы помочь, вовремя поддержать. Если он спотыкался, мы, бездарные разведчики, громко вскрикивали. Дедушка нас обнаруживал, ругался и прогонял.

Я даже специально делала повязку на глаза из платка: хотела понять – каково быть слепой. Пыталась так есть, двигаться по комнате, находить вещи в шифоньере. Не получалось – сшибала табуретки, лила воду мимо чашки, сразу же срывала повязку. Оказалось, без света всё вокруг разладилось, все стало зыбко, темно и страшно. Моё первое в жизни определение счастья – не быть слепой!

Был и плюс для меня: впервые родители разрешили подолгу гостить у бабая – лишнее плечо для него были нелишним. Но единственное, что он позволял мне – донести кумган до туалета. Он должен был сам освоиться с территорией, в одночасье утонувшей в темноте, мысленно расставить свои вешки, запомнить их. Надо было жить!

Однажды, тайно следуя за ним, я увидела, что он заходит в конюшню. Вот такое это было время – в центре областного города дедушка держал лошадь по кличке Моряк. Моряк, увидев хозяина, радостно заржал, начал подплясывать. И тут дедушка (я чуть не крикнула: «Бабам, иди по стеночке!») с всхлипом шагнул ему навстречу. Поскользнулся, чуть не упал – его как бы удержал Моряк. Дедушка обхватил его шею руками, а конь влажными губами трогал-целовал щёки и лоб хозяйина. А потом Моряк притих, и они стояли, словно обнявшись... Дедушка плакал. Что-то удержало меня от желания кинуться к нему, пожалеть его. Я не рассказала никому об увиденном. Это был мой секрет. Мне тогда казалось, что мужские слёзы – дело постыдное.

На следующий день Моряка уводили к новому хозяину. Дедушка не вышел взглянуть на любимца. Сидел, перебирал чётки. Бабушка боялась говорить с ним и ворчала (конечно, тихонечко, себе под нос), что надо же быть настолько толстокожим, чтобы с родным конём не проститься. Я тогда не догадалась (это пришло позднее) – что накануне стала единственной свидетельницей дедушкиного прощания с Моряком.

Кстати, и месяца не прошло, как по указу Н.С.Хрущёва от бабушки уводили корову (государство решило покончить с приусадебным хозяйством горожан). Бабушка Арифа, любившая свою кормилицу-скотинку – я за это даже называла ее Му-эби – еле на ногах от горя стояла. Когда корову со двора выводили, началось что-то несусветное: бабушка плачет в голос, вслед за ней родственники и соседи, корова жалобно мычит, упирается, дети напоследок пытаются её погладить, а у той (вот умница-то) влажные глаза и длинные ресницы в слезах. И я тут заревела – и до чего же оказались сладкими слёзы за компанию! Да и жалко было коровку: она давала вкусные молоко и сметану, и мы, хотя и городские дети, выросли здоровыми и румяными. И тут, выводя собственные рулады в общем хоре рёва, вспомнила я дедушку: непонятно, чего он расплакался тогда из-за коняги? Вот где беда – когда все дружно плачут!

Через многие годы рассказала я мамочке о сцене в конюшне. И слезу мы с ней уронили, и улыбнулись. А ещё дедушку вспомнили, добрый и светлый человек был. Слепота его не обозлила, он ничего не изменил в своих привычках: ходил в мечеть, помогал погорельцам, так же любил гостей. Бабушка до судорог в пальцах лепила множество пельменей и нажаривала таз перемечей, как того требовал дедушка: он считал грехом такую вкусную еду есть одному. Даже в будний день созывались все соседи, да непременно с детишками, и каждый ещё уходил с кульком гостинцев.

Столько лет прошло, а память о его доброте и гостеприимстве до сих пор живёт в том городе. Горжусь, что и в моём доме эти добродетели почитаются более всего.

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Аняс Киямович Гиматдинов, ветеран ОАО «Татнефть»: *«Спасибо за публикацию о лошади. Сами того не подозревая, вы в коротком материале показали целую историю крестьянства и личного подсобного хозяйства. И трагедию простых и работающих людей. И столько всего и сразу вспомнилось!»*

Лошадей в наших краях, в Черемшанском районе, называли «Турэ бия». У моего отца был старший брат – Зиятдин

бабай, или Зур абый, как называли мы его. И он, и наш отец, всегда очень любили лошадей и даже держали особого коня специально для выездки. Во время коллективизации они отдали его в общий табун. Ночами пробирались в колхозную конюшню, кормили его с рук и от жалости плакали.

Зур абый заменил умершего отца всем своим братьям и сёстрам. Всех женил-отдал замуж, отделил, дал на обзаведение молодой семье средства.

Когда нашего отца забрали на войну, Зиятдин бабай взял нашу семью под опеку – нас, детей, было семеро. Не раз в тяжёлые годы его дом становился нашим родным домом, а его семья – нашей защитой. И мы сидели за его столом одной и дружной семьёй, никто нас не попрекал куском хлеба. Он, кстати (и это не забудется никогда), отдал нам ровно половину своего богатства, а зерно было настоящим богатством в то время. Привёз и ссыпал в нашу клеть: «Кормитесь, думаю, года на два хватит».

Вот так мы и выживали в те годы – с помощью его доброты и отзывчивости».

Дожди бывают жёлтые и злые

Было это давно, на первом курсе факультета журналистики. Я принесла первую работу на суд маститых репортёров главной республиканской газеты – «Советской Татарии». Её журналистов – что ни имя, то легенда – мы, желторотые студенты, считали почти небожителями. Их профессиональное мнение было для нас законом.

Это была рецензия на выставку детских рисунков, проходившую в самом Музее изобразительного искусства ТАССР. И рисунки того стоили. Великие художники Пиросмани и Матисс рядом с ними могли отдыхать. О видении мира глазами детей я и написала в той маленькой рецензии.

Известный репортер Икс, которому дрожащей рукой протянула текст, в это время считал деньги. Ни в коей мере не выпячиваю этот факт – это был день выдачи зарплаты, и человек просто пересчитывал деньги. Когда купюры были убраны в стол, настала очередь рукописи. Я, начинающий автор, сидела оглохшая от волнения и бешеного стука сердца (творческие

люди поймут это состояние). Реплика была сродни разорвавшейся бомбе:

– В таком виде не пойдёт! И где ты видела цветной дождь?!

– На выставке. Дети нарисовали.

– Не потакай сумасшедшим фантазиям. Жёлтых дождей не бывает.

– У Симонова они жёлтые...

– Умничаешь, да? Лучше бы жанры лучше изучала, да лекции не прогуливала!

«Лучше бы лучше»... Но я не прогуливала лекции! Изучала жанры! Старательно училась!! Мечтала стать настоящим журналистом!!!

Обида душила меня. Как можно походя обвинять незнакомого человека? Откуда у взрослых желание унижить молодых?

И жёлтые дожди бывают! В доказательство я мучительно пыталась выудить из памяти военную лирику Константина Симонова. Ведь я знала, знала наизусть «Жди меня, и я вернусь, только очень жди. Жди, когда наводят грусть жёлтые дожди». Но сама в это время – волнуясь, запинаясь, читала другое: «А помнишь, Алёша, дороги Смоленщины, как шли бесконечные злые дожди...»

«Она точно сумасшедшая» – мелькнуло в глазах журналиста. Но если бы только это! «Бездарность» – ясно читалось на его лице.

– Хочешь печататься – пиши нормально, правильно. Убери фантазии, приведи фамилию автора лучшего рисунка, его педагога, распиши, что на переднем плане, что сзади, что всё это несет в себе такую-то идею, например, «миру-мир» и вообще счастливое детство.

...Я не знала, что делать дальше. Плакать – или спорить. Бежать вон из этого кабинета – или уж лучше сразу из профессии. Но одну вещь знала определённо: я не хочу писать «нормально» и скучно.

Неужели – прощай, журналистика? Уже в дверях меня остановил другой журналист «Советской Татарии». Это был Борис Фёдорович Марихин. Пока я горько рефлексировала по поводу своего будущего, а другой мэтр лихо «отплясывал» на моём самолюбии «чечётку», он успел прочитать рецензию:

– Ого, да мне нравится. И даже очень. Я бы так не сумел. И ты, – он полуобернулся к Иксу, – тоже. Здорово, свежо! Вот

что значит глаз «незамыленный», вот что значит молодость. Всегда думайте и пишите так!

По коридору издательства я летела с клятвой на губах и в зубах. О, святая юность! Улыбаюсь и тихо грущу, вспоминая её. Учиться! Учиться и учиться! Изучить творческое мастерство всех мастеров советской журналистики! Отложить покупку у фарцовщиков джинсов «Дикая кошка» и вместо этого выписать журнал «Журналист»! Найти ещё одну подработку и купить пишущую машинку! Спать четыре часа в сутки (обрыбишься, – тут же зло поправила я себя, – и трёх часов хватит)! Ни дня без строчки! Жив ты или помер – должен выйти номер!

И тому подобная милая и чистая белиберда. Но самое главное, я дала себе слово, что – Никогда! Даже став профессионалом! Великим журналистом! Нигде! Ни словом! – я не унижу молодого коллегу. Наоборот – Помогу! Поддержу! Постелю соломку! Протяну руку! Возьму под крыло! – и прочее-прочее.

Решением редколлегии я получила за ту рецензию двойной гонорар, что, надо полагать, свидетельствовало о творческих достоинствах материала. Но главное – поверила в себя. Страшно подумать, как могла бы сложиться судьба, если бы не это марихинское «ого!». Много позже я подошла к нему, тогда уже одному из руководителей (ответственному секретарю) «Советской Татарии» и, напомнив о том случае, горячо поблагодарила. Он, как мне показалось, сразу понял глубину моей благодарности, славно так улыбнулся:

– Я рад, что все хорошо сложилось.

...Эту клятву выполняю до сих пор свято. Помогаю молодым коллегам, чтобы у них «всё хорошо сложилось». Работу с ними и просто общение не считаю бесполезно потраченным временем. А вот когда начинаю злиться на них (случается всякое), или же слишком жестко критиковать и «ломать», то всегда вспоминаю эпизод тридцатилетней давности: себя, через слёзы читающую строки про жёлтые и злые дожди, и человека, торопящегося досчитать купюры...

И была я дочерью маршала...

На кафедру журналистики Казанского университета весной 1974 года пришла открытка на моё имя. Отправитель – А.А.Гречко. Напомню, что министром обороны СССР в

то время (с 1967 по 1976 гг.) был Андрей Антонович Гречко. Только-только газеты отписались, что за великие заслуги перед страной ему присвоено очередное (уже второе) звание Героя Советского Союза. А тут – нате вам, господа, открытка с нарциссами – сам А.А.Гречко поздравляет с весенним праздником 8 Марта казанскую студентку.

И такой ажиотаж возник в связи с этим удивительным обстоятельством... Вокруг всё загремело: Какую-то! Зелёную! Первокурсницу! Сам! Министр! Обороны! СССР! Поздравил!

И, что немаловажно, как написал! «С праздником весны, родная! Как ты учишься, родной человек? Почему пропала, не пишешь? Исправляйся и отпишись. Жду летом в Севастополе. Возражений не принимаю. С обустройством всё в порядке. Связь через Юру. С любовью – А.А.Гречко».

Как ходят на великого артиста, посещая все его спектакли, так университет начал ходить на меня: то и дело студенты заглядывали в аудиторию, шушукались за спиной, замечательно ласковыми вдруг стали к нашей группе библиотечарши, которые вообще-то имели армейско-«дедовскую» привычку третиловать первокурсников. Смех душил, когда мне кричали на всю столовку: привет, это ты переписываешься с Гречкой? А в ответ некто (явно не знавший про «бомбу» с открыткой), держа тарелку с котлетой и гречкой, недоумённо пожимал плечами: вы чо, ребята, перегрелись – переписываетесь с гречкой, а конспекты одалживаете у сосиски?

Оказалось, что это чертовски приятно – на тебя обращают внимание, видят в тебе персону загадочную и особенную, говорят о тебе. Знакома с маршалом! А даже может... Нет, скорее всего, она его незаконнорожденная дочь. А он-то – маршал со звёздами и лампасами – ждёт её летом в Севастополе! Адъютант Юрий уже подготовил гостиницу! А если она завалит древнегреческую литературу?! Савельева на экзамене спуска никому не даёт – подумаешь, дочка министра. Да нет, не дочь. Сама видела – там так и было написано: с любовью, мол, к тебе, твой маршал!!!!

На все вопросы об отправителе и факте получения открытки я реагировала нарочито устало и индифферентно: морщилась (утомили расспросы), вздыхала (не вольна говорить об этом), застенчиво опускала глаза (о, май дженерал! Плиз, а как по-аглички «мой маршал», да и есть ли вообще у них мар-

шалы?!). Но скажу откровенно: как же мне понравился новый (загадочный) прищур моих глаз и лёгкая (я считала – таинственная) улыбка! Бабушкина-мамина-папина дочка, зубрила, комсомолка и скромница, я вдруг и – не скрою – с радостью обнаружила в себе наличие авантюрного флёра. Потому что, не обманывая никого, не комментируя, мне, тем не менее, удалось утаить правду.

А теперь слушайте! Эту самую правду!

Написал мне вовсе не маршал, а его полная тёзка по инициалам, моя бывшая классная руководительница – А.А.Гречко. Александра Александровна – замечательный педагог-словесник школы №11 г. Астрахани. Она не дождалась ответа на своё письмо, посланное на адрес снимаемой мной квартиры. И решила, что надежнее направить депешу в университет. Тем более, что найти меня надо было срочно: обсуждался вопрос о предстоящей летней поездке её любимых воспитанников, то есть бывшего 10 Б, в Севастополь, куда переехала наша А.А. по состоянию здоровья. «Обустройство» – это спортивный зал с матами в школе, где завучем работала наша Гречко. А «адьютант» Юра – это или Юра Каримов, или Юра Коробов – мои одноклассники.

Вот и вся интрига с «поздравлением от маршала Гречки»... Это было самое памятное 8 Марта, самое экстравагантное поздравление в моей жизни. И я благодарна за это Александре Александровне, невольно подарившей мне приятное приключение. И не только за это, конечно. Когда-нибудь я непременно расскажу о нашей необыкновенной классной «Гречке». В жизни каждого из нас был такой Учитель.

Кстати, мне так и не удалось съездить в Севастополь. Соскучившаяся А.А. радушно встретила «своих» девочек и мальчиков и подарила им незабываемые дни. Ситуацию с маршалом я отписала ей в письме. Говорят, Александра Александровна просто хохотала.

Я же ещё некоторое время прожила в лёгком сожалении: и пошто я не маршальская дочь, пусть даже и незаконнорожденная? А потом, лет этак через двадцать, попались мне на глаза воспоминания Елены Катуковой – вдовы дважды Героя Советского Союза, маршала бронетанковых войск Михаила Катукова. Оказывается, у министра обороны А. А. Гречко была одна дочь – Татьяна. Она родила двух девочек-близнецов. Маршал удочерил их, и они стали «дочками» маршала Греч-

ко. «Внучки-дочки» выросли, вышли замуж и тоже родили по одной дочке. А. А. Гречко удочерил и этих правнучек, они тоже стали «дочками» маршала. «Дочкам-внучкам-правнучкам» маршала государство за счёт Министерства обороны СССР выделило по отдельной квартире в центре Москвы, хотя им было всего 5 лет и они не были сиротами. После его смерти этим «дочкам» назначили пенсии, к ним были прикреплены гувернантки, оставлено право пользования автотранспортом, выделены особые пайки. По словам Катужковой, дочь Татьяна и «дочки-внучки» Ирина и Клавдия оказались «чёрным пятном» для семей военных (пьянство, наркомания, разгульная жизнь и т.д.). Вот к чему привела сытая и богатая жизнь.

Прочитала я это и порадовалась: вот и ладненько, что родилась я в семье совсем не в маршальской и даже не генеральской. В обычной. Наверное, Бог миловал...

Толстой здесь всё-таки ночевал!

Звонит моя бывшая университетская однокашница: её свет в окне – поздняя дочурка – поступила в Казанский государственный университет:

– ... и говорю ей: учись, старайся, выкинь из головы всё постороннее...

– Ага, как ты старалась, – ехидно перебиваю я, вспомнив её «хвосты».

– Ну, знаешь ... не вздумай проговориться!

Да ни Боже мой, – уверяю подругу. Наоборот, всегда буду лить воду на мельницу по имени Родительский Авторитет. Она смягчается:

– Ты бы приехала на денёк, пообщалась с ней, мы бы вдвоём накачали её гордостью за наш универ. Всё-таки здесь учился Ленин и... ой! Забыла, кто там ещё?

Хорошо, хоть Ленина помнит. Ещё бы – он был самой часто упоминаемой персоной в конспектах всех без исключения студентов – лириков и физиков. Поэтому его ФИО в скорописи мы сокращали. Я писала «Л», на что наша комсоргша дала мне как-то публичный идеологический отпор: «А лично я не позволю себе сокращение. Из уважения к личности великого вождя, который, может, вот за этой партией сидел...». Я, помню, даже расстроилась: и почему я такая ленивая и несознатель-

ная? Зато в 90-е годы комсоргша вдруг стала воинствующей демократкой и вела кампанию по сбору подписей о выносе из Мавзолея тела некогда почитаемого ею вождя...

А в 70-е годы мы, студенты-журналисты – зубоскальный народец! – отпускали шутки, что Ульянов-Ленин не окончил даже первый курс, а мы за третий уже перевалили. В деканате, где будущие журналисты вызывали головную боль всяческими полемическими суждениями по поводу и без повода, налётом богемного и вольтеровского нигилизма, нас по-отечески поругивали за отсутствие гордости к альма-матер. А мы... мы гордились университетом, не демонстрируя это публично. Какие великие умы ходили здесь в учениках! Открытие «нашим» Николаем Лобачевским неевклидовой геометрии совершило переворот в науке. Теория гениального Александра Бутлерова дала возможность проникнуть в глубь молекулы, выяснить её строение. В периодической системе химических элементов есть элемент «рутений», в переводе с латинского – Россия. И его открыл «наш» химик Карл Клаус! В этих стенах учились писатели Аксаков, Мельников-Печерский, поэт Хлебников. И, главное, – Лев Толстой. И когда наши преподаватели, ознакомившись со студенческой работой, кисло говорили: «Мда, Толстой здесь не ночевал...», мы кричали с места: «Ночевал, ночевал, но не закончил обучение. А почему?».

Ну, с Владимиром Ильичом ясно. Первокурсник Володя (а это в иерархии студенческой – салага) был не просто участником известной студенческой сходки, а одним из её инициаторов (и когда только успел?), за что отправился в ссылку. А что помешало доучиться Льву Толстому – нам так никто ни разу и не ответил. Но одноклассница Женька Айзенберг шёпотом пересказывала: классик поступил в университет лишь со второго раза, студентом был никудышным, завалил несколько сессий подряд, сбежал.

Только через долгие годы я узнала правду о Толстом. Учился он на философском факультете (турецко-арабская словесность). Выходцу из титулованной дворянской семьи такое образование открывало возможности великолепной дипломатической карьеры. Но именно здесь, в Казанском университете, он начал поиск себя. Он прочёл двадцать томов Руссо – всё, до музыкального словаря включительно, и определил свою жизненную цель: добиться исправления мира через са-

моисправление... Вот что он писал об этом: «Меня мало интересовало, что читали наши учителя в Казани. Сначала я с год занимался восточными языками, но очень мало успел. Я горячо отдавался всему, читал бесконечное количество книг, но всё в одном и том же направлении. Когда меня заинтересовывал какой-нибудь вопрос, то я не уклонялся от него ни вправо, ни влево и старался познакомиться со всем, что могло бросить свет именно на этот один вопрос. Так было со мной и в Казани. Причин выхода моего из университета было две: 1) что брат кончил курс и уезжал; 2) как это ни странно сказать, работа с «Наказом» и «Esprit des lois»... открыла мне новую область умственного самостоятельного труда, а университет со своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей».

Здесь, в Казани, он определил шесть правил: «1) Что назначено непременно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что. 2) Что исполняешь – исполняй хорошо. 3) Никогда не справляйся в книге, ежели что-нибудь забыл, а старайся сам припомнить. 4) Заставь постоянно ум твой действовать со всею ему возможною силою. 5) Читай и думай всегда громко. 6) Не стыдись говорить людям, которые тебе мешают, что они мешают; сначала дай почувствовать, а ежели он не понимает, то извинись и скажи ему это».

Пребывание в университете стало для него великой учёбой, отправной точкой в его гениальности. Воспитанный женщинами, увлекающийся картами, тщеславный, он именно здесь начал создавать из себя иного человека. А мы, неучи, зубоскалили – мол, студент-неудачник...

Кстати, я как-то в настроении «ностальжи» провела дочь, только-только зачисленную в московский вуз, по коридорам старого корпуса университета с его высоченными потолками, гулками коридорами, старинными аудиториями, перилами с балясинами, с тайными уголками-чуланчиками, и когда она вдохнула этот старинный воздух, то категорически заявила: «Я буду учиться здесь». И закончила Казанский государственный университет.

А к подруге съезжу непременно. Проведу с её дочкой ликбез о пользе образования. Но о метаниях Толстого рассказывать не буду. Пусть пока учится спокойно. Это гению можно жить без корочки дипломной, а нынешнему человеку – ну никак нельзя...

Свободные люди с улицы рабов

Наверное, в каждом городе есть улица, имеющая дурную славу. Где грабят и избивают, где дворы особенно мрачные, где живут... – как бы это выразиться приличнее? – ну, скажем так, некие отбросы общества. И в нашем районе была такая улица, и она носила имя раба Спартака. Вход на неё для детей и подростков был запрещен настрого: «Там много голубятников». А голубятники были тогда синонимом городской шпаны. Вокруг них всегда витал шлейф таинственности и криминальности.

Куда входить или идти запрещено, – надо перелезть! Это лучший детский подход к обстоятельствам. А на фоне родительской строгости – это ещё и личное завоевание, и глоток свободы, и завуалированный протест. Заборы, сараи, крыши одноэтажных домов – по ним можно было путешествовать даже при минимальной ловкости. Вот так, перелезая, я и оказалась на запретной улице и попала на голубятню к братьям А. Голубятники для некоторой части населения были в числе уважаемых дворовых авторитетов. А тут – целый клан, 5 или 6 братьев, практически погодков. И примкнувший к ним Ванечка, мальчик-сирота, когда-то сбежавший из интерната и нашедший в этой семье еду, заботу.

Семёрка отважных – сила и гроза всех! Девочку с голубятни изгнали бы непременно, но ко мне, ввиду нашего дальнего родства, отнеслись терпимо, и я час сидела на крыше, впервые вблизи наблюдая за гонкой голубей, а заодно за хулиганскими повадками мальчишек. Посмотреть было на что: летали, взмывали, трепетали в струях воздуха и порывах ветра красивые декоративные птицы. А рядом в азарте трудились голубятники. Свист, взмахи шестом, головы, запрокинутые в небо, стиснутые зубы, ругань, плевки под ноги, крики – так мальчишки заманивали своей голубкой голубя из чужой стаи (не знаю, может наоборот, – голубем выманивали «девушку?»). Худой и гуттаперчевый Ваня от волнения юлой вертелся, приседал, кульбиты выводил. Заманивать, ловить чужих голубей – это такой азарт, такая удаля, оказывается! А придёт сосед-голубятник искать свою птицу, так братья – подбородок вперёд, глаза в прищуре – его же и осмеют, и опозорят, а то и побьют!

За час на голубятне я, кажется, кое-что поняла. Например, почему эти мальчишки так часто пропускают школу: голубей надо гонять с прохладного утречка, чтобы, если случится голубю сбиться, сойти с круга, – было время найти родную голубятню до темноты. Иначе – пропадёт птица. До школы ли тут! И голубятни потому такие странные по конструкции, громоздкие, узнала я, чтобы голубь мог легко с высоты небесной распознать знакомые ориентиры. И ещё узнала, что голубей держит и гоняет даже сам легендарный полководец («войну выиграл!») Георгий Жуков. А ещё, что главные враги голубей – это ястребы и... конкурент-голубятник. И тот, и другой всегда цапает лучшего голубя. Ну, с первым всё ясно: голубь-вожак наблюдает за своим кругом птиц и потому его обзор ограничен, он не замечает ястреба. А вот голубятники... Они захватывают птицу не только в «честном» гоне в небе, но залезают в голубятни, выкрадывают, прячут и перепродают на сторону ценную птицу, а есть такие «гниды, которые подбрасывают отравленное зерно». Как я поняла, с «гнидами» братья расправлялись кулаками. А сами сколько раз биты-перебиты оказывались!

Братья А. были фартовые, рискованные. Они жили на улице имени раба Спартака, но по нраву были свободными и независимыми, как гладиатор Спартак. Учёба ни у одного не ладилась, да и дерзили чересчур. Случались приводы в милицию – то были замечены в компании воров, то «морду» кому-то набьют за девушку, то кого-то «разденут» догола в ходе игры в карты. Выручала мама – к многодетным матерям-героиням, награждённым орденами и медалями, относились с почтением, да и работница она была усердная. Впрочем, до тюремных сидок голубятники не дошли. «Выбились в люди» (создали семью, работали) только двое из них. Остальные рано умерли – кто-то после болезни, кто-то после побоев, кто-то уехал и сгинул. Вот такая судьба братьев-голубятников.

С годами поняла, что общественное мнение – мол, голубьями занимается только всякая шпана и бандиты – несколько преувеличено. Голубятниками были Хрущёв, Брежнев, Андропов, маршал Жуков, Виктор Черномырдин, Людмила Зыкина, Юрий Лужков, многие губернаторы и политики. Кстати, наш волжский город до недавнего времени называли «голубиным» краем, и все благодаря покровительству губернатора-

голубятника, даже выставки устраивались, выдавался бесплатно транспорт, чтобы сгонять в соседнюю область за кормом. После смерти губернатора все изменилось. Прочитала в газете – стали сносить в городе голубятни, на защиту которых грудью встали многие голубятники. Говорят, один фронтовик защищал своих птиц с наведённым ружьём на «агрессоров». Кричал: «Моя жена всю войну голубей кормила, выхаживала, а вы – снесите!». Старика оставили в покое. Интересно, он не с той самой улицы?

Замечательно жилось до недавнего времени и голубятникам Сибири. Там, в Тюмени, губернатор Ямало-Ненецкого округа Юрий Неёлов, опытный голубятник (он до прошлого года в течение 16 лет руководил округом), выделял ежегодно местным организациям голубятников (прочитала в газете) по шесть миллионов рублей на проведение выставки: «Собиралась в Тюмени вся голубиная Россия!».

Говорят, сейчас в России остались только настоящие ценители птиц, а ещё селекционеры, ну и бизнесмены, конечно, – нынче востребованы голуби на праздниках, свадьбах, торжественных церемониях. И у нас в республике есть голубятники. И в нашем небе парят красивые птицы! Несколько лет подряд в день Первомая один симпатичный пожилой человек приносил на площадь имени Ленина в Альметьевске ящик с голубями. Выпускал их – и все радовались, смотрели в небо и следили за полётом птиц, словно сошедших с плакатов «Май. Труд. Свобода».

... На дорожку моего сада приземлился белоснежный кружевной голубь. Он так важно раздувался, ходил по дорожке, поглядывал глазами-бусинками и гулькал. Откуда ты, птица? Нет ведь рядом голубятен!

– Ну и чья душа, кто из вас, мальчишки, в гости пришёл? – спросила я у него – Ринат? Рифкат?

Голубь взмыл в воздух, набрал высоту и перевернулся.

– Вот это кульбит! Эй, я тебя узнала, Ванечка!

Спайдермэн или Маресьев?

Кумирами мальчишек и девчонок когда-то были Зоя Космодемьянская и Павлик Морозов. Сегодня подвиг обоих развенчан. Первая – пишут – мерзавка этакая, поджигала конюшни с лошадьми мирных сельчан, а второй – мол, предатель по крови – сдал красным террористам родного отца. Оскорбительные эпитеты в адрес героев, именами которых в своё время называли улицы и пароходы, взяты из опусов «исследователей». Беру последнее слово в большие кавычки. Ибо в большинстве своём, как показало время, это оказались не вполне честные и объективные писатели и журналисты. Их так называемые расследования – успешно для их авторов – прокатились по журналам, газетам, телевизионным передачам. Сделали имя авторам. Подняли тиражи и гонорары.

Позже исследователи (те, что без кавычек) камня на камне не оставили от этих псевдооткрытий, и уже на документальной основе, как это и принято у историков и серьёзных писателей, подтвердили, что подвиг был, было геройство. Только давно подмечено: хорошая весть движется как черепаха, а худое слово мчится быстрее ветра. Хула уже достигла миллионов людей. И о Павлике и Зое, к сожалению, теперь уже в школах не рассказывают...

На смену реальным, из плоти и крови людям, совершавшим реальные деяния – Алексею Маресьеву, Михаилу Девятаеву (подвигами этих лётчиков бредили когда-то мальчишки), Гуле Королёвой, Лизе Чайкиной (ими восхищались девочки) пришли Бэтмэн (Человек – Летучая Мышь) и Спайдермэн (Человек-Паук).

Так кто же всё-таки является сегодняшними кумирами наших детей? Кто из героев вызывает восхищение, желание следовать их примеру?

На этой волне размышлений я встретила праздник – День Военно-Морского Флота. В семье отношение к нему было особенным. Отец – из балтийских моряков. В доме – культ флота. Огромная библиотека по истории балтийских и кронштадтских моряков, корабельный барометр 19 века, опять же старинная, на шарнирах, выдерживающая любую качку настенная лампа из капитанской каюты. Отец до конца жизни не отошёл от корабельных привычек. Ходил вразвалку, как по зыбкой палубе крейсера, ночами чутко спал и непременно

вставал «погреметь кастрюлями» (привычка к ночным вахтам и поздним набегам в камбуз). Свысока смотрел на «босоногую пехоту», коими были в армии его друзья и соседи, залу в доме называл кают-компанией.

В наследство от него перешли мне тот самый барометр (очень точный – даёт фору официальной метеослужбе), бронзовая лампа (пять лет не доходят руки каким-то образом вписать её в интерьер). А что ещё?

Ведь было, наверное, ещё что-то, что отец, не дождавшись рождения сына, хотел передать лично мне. И, возможно, даже передал. Иначе почему я люблю, хотя и боюсь моря, уважаю и ценю морской характер и великодушные моряков («матрос ребёнка не обидит»), их бесстрашие и удаль (в бой на пушки и орудия бросались с криком «Полундра!»).

А что знает о моём смелом отце, своём прадеде, мой внук, который постоянно торчит в компьютерной сети, главной удачей дня считает переход на сложный уровень в новой игре, а настоящим героем только Спайдермэна?

Человек-Паук из фильмов и комиксов (смотрю на него глазами ребёнка) – герой благородный. Он защищает слабых, спасает человечество. Но ведь он – представитель всего лишь выдуманного, фантастического мира. А ведь есть ещё живой мир, где действительно надо жить-выживать, и даже кого-то спасать, проявлять смелость и честь, есть и реальные герои.

Почему героем не может стать прадед-моряк? И, наконец, почему, всё так хорошо понимая, я ничего не предпринимаю для этого?

...И я сделала первый шаг – отправила внука на праздник, который ежегодно разворачивается в Альметьевском городском парке в честь Дня Военно-Морского Флота. Для мальчишки это был новый и интересный мир. Город удалён от морей и океанов, рядом нет крупных рек, но тут, в парке, собрались истинные герои-рыцари флота: подводники, участвовавшие в дальних походах, brave военные моряки, седые и молодые капитаны, боцманы и матросы Тихоокеанского, Черноморского и, самое главное, – Балтийского флотов. Все, как на подбор, энергичные, заводные, сохранившие стать и осанку. Мальчик слышал загадочные слова, значения которых не понимал, но с удовольствием откладывал в памяти – на «потом», на всякий случай: баркас, армада, клюз... Они словно

бы иллюстрировали страницы какой-нибудь книги о море, которую – он решил для себя твёрдо – надо непременно прочитать. Именно там будет такая картина: бушующее море, корабль, опасно накренившийся в борьбе со штормом, ракушки, которые морская пучина выкинула на берег...

Низкий поклон старым капитанам и молодым матросам, которые в пылу встреч, объятий, песен под гармонь и гитару, совместных воспоминаний, всё-таки уловили, подметили заинтересованный и восхищённый взгляд ребёнка. Они подзывали его к себе, фотографировались и даже оказали честь: предложили постоять рядом с флагом. Так полотнище военно-морского флага мягко коснулось мальчишеских вихров.

Спасибо легендарному буровику, военному моряку Дмитрию Герасимовичу Садовникову, и моряку, известному композитору, лауреату Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая, автору песни-гимна «Мой Татарстан» Роберту Андрееву – они дали мальчишке примерить свои бескозырки и сфотографировались с ним на память. И каждый обнимал его за плечи, – сдержанно, по-мужски, по-матросски.

- Хороший был сегодня день! – сказал мне потом Данилка.
- Прошёл новую степень в игралке?
- Не только. Меня приняли в матросы.
- Не обольщайся, может быть, пока лишь в юнги?
- Но это же всё равно – море?

У каждого есть свой Верный

В последнее время стали часто писать, снимать фильмы о примерах удивительной верности и самоотверженности наших питомцев – собак. Не говорю уж о классических примерах, известных всему миру, когда мужеству и верности собак поставлены памятники. Это дань благодарности и любви человека животному – преданному другу, спасителю. Например, сенбернару, спасшему в Альпах десятки людей, последний из которых пристрелил его, приняв за волка. Чудесный фильм с Ричардом Гиром в главной роли снят о японской собаке Хатико, которая всю жизнь искала на одной из станций своего умершего хозяина. Впрочем, памятники собаке есть и у нас в России, и даже недалеко от наших краёв. Так, памятник Пре-

данности установлен в Тольятти псу, который долгие годы на трассе ждал хозяев, погибших в автомобильной аварии.

...В нашей семье все дворовые псы, начиная с 20-х годов прошлого столетия, носили кличку Верный. Была какая-то мутная, неизвестная мне история, после которой у нас и пошла собачья «династия» Верных. А вот про случай 50-го года бабушка любила рассказывать. Её сын (в будущем – мой отец) служил в морском флоте. А там, известно, служили чуть ли не 5 лет. Бабушка жила в большом просторном доме в центре города. Напросились к ней временными угловыми жильцами три брата Бычковых. Знатные специалисты богатого рыболовецкого колхоза в дельте Волги постоянно приезжали на семинары и повышение квалификации, вскоре пристроили к ней на квартиру и своих детей. Платили более чем щедро, да ещё как гостинец привозили целыми бадьями живую рыбу и прессованные пластины вкуснящей паюсной икры. Они же подарили бабушке лайку Лайку – взамен дворового пса Верного, попавшего под колёса машины. Понятно, что лайку бабушку переименовала по-своему: Верный. Для одинокой пенсионерки, жившей в последние годы лишь на скромнейшую пенсию по случаю гибели старшего сына-фронтовика, обстоятельства со сдачей жилплощади сложились очень удачно. То, что она всегда была состоятельной (фамильное золотишко, хорошая посуда, отрезки ткани) знала вся улица, а тут ещё – более чем хороший ежемесячный денежный приварок.

И вот в одну их южных душных ночей, когда квартиранты разъехались на каникулы, к ней в окошко постучали: сосед просил заглянуть к своей жене, бабушкиной подруге-наперснице, что-то ей поплоховело. Бабушка уже готовилась выскочить на крыльцо, но остановилась. Ей не понравилось, как вдруг зло и отчаянно залаял пес. И почему он так кидается на знакомого в общем-то человека? Значит, во дворе – ещё и чужие люди. Через дверь она услышала шум и хрипы – это Верный в кого-то вгрызлся с остервенением, слышалась ругань, пёс страшно взвыл, послышался топот убегающих людей. На шум стали загораться окна соседних домов, заскрипели ворота. Бабушка вышла на крыльцо. Окровавленный Верный был ещё жив и жалобно смотрел на хозяйку. Огромная и глубокая рана, нанесённая топором в бедро, обнажила до кости белый жир. Именно вот это – белый-пребелый жир, взгляд, полный страдания

и боли – постоянно подчёркивала она в своём рассказе. Верный спас её! Налёт с участием соседа говорил сам за себя: её бы в живых не оставили...

Все наши Верные всегда жили во дворе и без привязи. Хорошо помню палевого цвета крупную дворнягу. С ней спокойно отпускали гулять – она выбирала тенёчек под деревом и терпеливо дождалась, пока мы наиграемся. Пёс часто дремал, но всё отслеживал через полуприкрытые веки. Мгновенно понимал, что пора домой. Стоило повертеть головой – ты где, собачка? – и он уже рядышком, у ноги. С этим Верным случилось несчастье. Были в гостях и захватили ему остатки рыбины со стола. Накормили, но не доглядели – среди них попался «жучок» – так называются костяные наросты на осетре. Хозяйки при разделке рыбы всегда их отсекают. Страшная это штука – жучок впивается в горло, врезается в мягкие ткани. Что и произошло с Верным.

«И не прооперируешь ведь, – развёл руками ветеринар, к которому мы привели начавшего натужно кашлять пса. Остается усыпить». Мы не согласились. Мучился Верный – мучились мы. От его кашля и хрипов не спали ночами, и хотя у нас, женской половины, сердце разрывалось от жалости, мы терпели неудобства. А вот отец не выдержал (мы ещё долго потом обижались на него за это): «Хватит, уводите собаку». Мы оставили её у старенького ветеринара. Не догадались взять с собой верёвку, поэтому привязали Верного к деревцу пояском от бабушкиного платья. Верный, никогда не знавший поводка, послушно дал сделать это. Из его глаз потекли слёзы: он всё понял. Мы шли по двору ветеринарки и оглядывались на него. Он не лёг: стоял, смотрел на нас, и плакал так по-человечьи. Моя бабушка-камень, как всегда, не проронила ни слезинки. Зато ругала отца на чём свет стоит: жестокий, эгоист, только о себе и думает, собаку не пожалел. Когда ругаешь кого-то – всегда легче отвлечься от своей беды, особенно же, от своей вины. В принципе, виноваты-то были мы с ней: недоглядели...

Династию Верных прервала я. Завела себе собаку и специально назвала её Бельчиком. Во-первых, беленькая болонка. Во-вторых, она нисколько не напоминала бедного Верного – так хотелось побыстрее забыть историю с «жучком». Бельчика долго не принимала семья: несерьёзная болонка, маленькая тяфка. И почему не Верный? А потом смирились, полюбили

и прожила она у нас 15 лет. Отгоняла хулиганов от вишнёвого дерева, поднимала лаем полулицы. О смерти Бельчика мне долго не сообщали. А когда я приехала, во дворе снова жил Верный. А вот его уже не приняла я: дворняга, недомерок, вид неэстетичный и позорный (так думала я) – неужели не могли найти более симпатичного пса?! «Да прибрлудился сам, больной, голодный, пожалели, – оправдывались родители. – А нам нельзя в своём доме без пса – он голос подает. И почему он тебе так не нравится?».

... Верный скрасил последние годы моих родителей – охранял дом от бомжей, «подавал голос», вводил их в траты (периодически кокал во дворе посуду, банки-склянки с вареньем и – апогей – дорогушим мёдом), ждал «скорую», вместе со мной хоронил их – он долго бежал за машиной. Ещё несколько дней Верный искал хозяев во дворе. Бегал к рынку. Стоял у уличной скамейки. После седьмого дня поминок просто исчез. Как не было его. Спихватились – нет псины. Хорошая собака, говорят, перед смертью покидает дом.

Мне очень нравятся слова – чем больше узнаю людей, тем больше люблю собак...

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Инга Семенова: «Вы дали повод вспомнить о самых верных и замечательных существах. Это собаки. И у нас, как у Вас, всегда были дворовые псы, родители их воспринимали как рабочих собак – они сторожили двор, не пускали в него посторонних. А для нас это были друзья. Нет преданнее друзей. Собака никогда не предаст. А мы их предаём – оставляем в старых домах, выгоняем больных. Собака всё понимает, только не говорит. И собачий взгляд, её слезы – это молчаливое обращение к нашей совести».

Баба-яга, вязаная нога, простите нас!

Мы выросли на сказках – наивных и добрых. Главными злодеями в них были дракон, баба-яга и ещё какая-либо лесная и прочая нечисть. У нынешних малышей, чаще всего не слушающих сказки, а смотрящих, – это демоны из японских аниме, Мегамозг и прочее-прочее. Для меня же главным зло-

деем и самым страшным персонажем всегда была мачеха. Злой волк или дракон – они ужасны, конечно, но страх этот понятен и предсказуем. И потом, надо очень уж постараться, чтобы оказаться в среде их обитания – в глухих чащобах и пещерах. То же самое с ведьмаками – ну их в болото...

А вот мачеха... Она – человек. Она же должна заменить мать и чаще всего она таковую и изображает. Каменное сердце у мачехи. Она рядом – с утра до вечера, и если мачеха злая, значит зло и ненависть всегда рядом с тобой. Значит, ребёнок всегда в опасности. К этим детским страхам свои пять копеек добавляли и взрослые. Когда где-то и у кого-то случалось несчастье с женой и матерью, они вздыхали: жалко ребёнка, осиротел. Без матери ребёнок – сирота, а мачеха – не мать...

Неудивительно, что после всего этого тётя Лилия, вошедшая в семью близких нашей семье людей, виделась мне мачехой-упырем. После смерти чудесной, красивой и ласковой хозяйки дома она тяжёлым шагом вошла в их дом и стала мачехой для десятилетних близнецов и женой обаятельно-му, добрейшему вдовцу. Взрослые говорили – у неё важная, солидная наружность, одевается великолепно. Нам, детям, она казалась жилистой тёткой с некрасивым лицом, побитым оспинами. Командарм в юбке, солдат в шиньоне, сухарь-ехидна, – так оценивали её друзья семьи. «Тётълиль» – съезжаясь от её строгого взгляда, лепетали мы. Мы звали её за глаза – баба-Яга, вязаная нога. Видимо, у неё были проблемы с ногами, ибо она даже летом носила дома вязаные чуни или следки.

Лилия – главный инженер стратегически важного завода. Однажды ей хватило мужества разоблачить группу специалистов-расхитителей социалистического имущества. На предприятии её опасались и уважали: дело своё она знала великолепно, была требовательна, но справедлива. Её побаивался даже директор-генерал и вояка.

Даже априори понимая, насколько непопулярной окажется она в этой семье, среди родственников и многочисленных друзей (покойная слыла ангелом и, действительно, обладала многими и многими человеческими достоинствами, в том числе особой мягкостью и отзывчивостью), Лилия сразу же решительно расчистила плацдарм: отказала в приёме большинству друзей дома. Так открытая и общительная семья

была вмурована в крепость, закрытую от досужих глаз и ушей. Это не могло не вызвать шквал самых изощренных сплетней и множество охов и ахов о незавидной участи детишек-сироток.

И что-то будет? Девочка и так с малолетства была нервной: постоянно шмыгала носиком и рот перекашивала – нервный тик. Мальчик – в вечных простудах, нежный такой тюльпанчик. И нет чтобы учесть всё это, – сплетничали вокруг – нет, чтобы с лаской, «сюси-пуси» подойти, с поглаживаниями, обещаниями и посылками, с карманом, полным ирисок... Ан нет. Вошла Лилия в чужой монастырь со своим уставом. Выгребла из буфета кулёчки со сладостями и конфетами, повывкидывала из дома залежи вещей и тряпок (мол, в углах должен ветер гулять, а не плесень заводиться), втиснула детей в жёсткие рамки режима и закаливания, отгоняла от телевизора, купила катер для речных путешествий.

Игнорирование, глухая ненависть к мачехе, протест – эта гамма, палитра детских чувств, позже рассказали мне Света и Руслан, длилась пять лет. А потом они поняли, что сердце у неё хоть и не сентиментальное и не очень доброе, но не каменное. Кстати, она серьёзно взялась за Свету (у девочки выявилось тяжёлое наследственное заболевание) и, несмотря на возражения директора завода, то и дело брала отпуск без содержания и возила девочку в Москву. Её выздоровление некоторые клиницисты назвали чудом.

Прошло много лет, как я не видела Тёткиль и «её» детей. А тут – поручение ответственное, лекарства передать. Звоню. На пороге ... – умом понимаю, что это она, постаревшая Лиля, а глазам не верю. Каким красивым и благородным стало её лицо! Ладная спортивная фигура. Модная стрижка, умнящие глаза. В них та же, её строгость. На ней платье – и хотя это прочный кримплен, любовь наших матерей – но покрой классический, никак не халат. Нарядные тапочки и – ха-ха-ха! – вечные вязаные следки. Обнимает, ведёт в столовую. Расспросы, обмен новостями. И безапелляционное:

– Без перемячей тебя всё равно не отпущу. А пока смотри альбом.

И вот альбом уносит меня в их жизнь, о которой мы, посторонние, даже не ведали и не хотели в общем-то узнать поближе. На всех фото она со строгим лицом. Но всегда в окружении детей. И всегда её ладонь – то на плече сына, то обнимает за

пояс дочь. Постоянные путешествия. Первый внук. Чьи-то детишки облепили Лилию. А она – всё с тем же каменным лицом. Так и хочется сказать: «Отомрите, Тётьлиль!».

В этот день она пооткровенничала со мной: «Никогда не страдала, что Бог не дал мне возможность родить своего ребёнка. Зато дал мне хорошего мужа и детей, которые стали моими. Когда Света выздоровела, той же болезнью заболела я. Представляешь? Видимо, я за неё так переживала, молилась. Но я сильная, лужёная, справилась, главное, что «вытащили» её... Ты не уходи, Света сейчас забежит. Вы столько не виделись...».

Звонок. Светкин голос: «Мамульчик, я ненадолго». Выхожу в прихожую. Красивая женщина виснет на Лилие. Они обнимаются, целуются. А у Лилии всё такое же каменное лицо. Со Светой мы уединяемся, говорим о своём, женском. Она понижает голос:

– Папа держится молодцом. Мама немножко сдала, побаливает. Она – наша берегиня, наш ангел. Сколько сил нам отдала, из каких только переделок не вытаскивала. Я так боюсь её потерять. Знаешь, я во сне видела: сидит она на белом-белом облаке и ногами помахивает. Ой, к чему это?

– А ноги в лохматых следках? – спрашиваю я.

– Конечно, как же без них, – смеётся Света.

– Значит она будет долго жить!

Фудзияма, или Семья, которой не стало

По крайней мере два раза в день, утром и вечером – по дороге на работу и обратно домой – я боковым зрением ловлю одинокое дерево на высоком холме. Этот холм – одно из предгорий начинающегося Урала – наша семья называет до сих пор Фудзиямой.

На Фудзияму мы взбирались, когда были в гостях у этой семьи. Не буду называть их по именам. Просто – Она и Он. Он и Она. Оба довольно еще молодые, интересные, перспективные нефтяники. Они только-только вселились в коттедж – невидаль для того времени. Обзавелись, благодаря родственникам, импортной мебелью, коврами – опять же невидалью. Апофеозом всего этого изобилия явился огромный холодильник с встроенным сифоном для охлаждения воды. Около него

замирали в восторге все гости. А потом нажимали на кнопку, и в стакан лилась холодная вода.

Совсем «зелёной» молодёжи сегодня об этом читать смешно, а люди старшего поколения поймут эти смакуемые автором подробности. Время-то было дефицитное, с совершенно пустыми продовольственными и промтоварными полками, с влиятельным «задним кирильцом» (крыльцом), как шутил народный любимец Аркадий Райкин – то есть, по блату.

А в этой семье всё это было. Дом – полная-преполная чаша. Хорошие должности. Достаток. Живи – не хочу. Такая семья, по нашим понятиям, просто запрограммирована на счастье.

Счастья в итоге не получилось.

Хотя ничто не предвещало плохого. Мы, общие друзья – журналисты, геологи, инженеры, педагоги, любили заглядывать в эту семью. Раз пять-шесть в год – непременно... Жарили шашлыки, затапливали баньку, дружно копали картошку или собирали вишню, сидели на веранде, жгли костёр, играли с огромным сторожевым псом. А потом все вместе – пёс и дети впереди – шли на гору. Её-то мы и назвали Фудзиямой – «наша» гора в пригороде Альметьевска с довольно ровными и симметричными склонами так напоминала японскую... Нравилось сидеть на её вершине, молчать или говорить о жизни, о планах, вспоминать смешные эпизоды и смеяться до упаду... Но больший хохот напал, когда приходила пора спускаться. Галоши, которыми нас снабжала хозяйка (не на шпильках же по горам-долам мотаться), скользили по ковылю и траве так, что на них, как на лыжах, приходилось с гиком и истошными криками мчаться с горы – с вершины и до самого подножья. И мчались ведь, и орали, как оглашенные, – а вроде бы, солидные люди, молодые руководители...

Позже, отматывая время назад и вглядываясь в те минувшие события, мы пытались понять – когда, где и с кем началось её болезненное пристрастие к спиртному? Вроде бы все в окружении были к нему довольно равнодушны, а данная компания ещё и тем хороша, что здесь никто и ни на кого не давил кличем «Пей до дна!». Вино и водка спокойно стояли на столе и в том самом шикарном холодильнике.

Но крах в семье назревал. Чувствовались их ставшее постоянным недовольство друг другом, злость и раздражение... Правда, много конфликтов у них возникало из-за её детей от

первого брака, их отвратительной успеваемости и поведения. Но всё чаще ссоры выносились на общее обозрение. Заглядывать к ним в гости уже было не комильфо. Стали часто подмечать, что Она как-то и почему-то быстро пьянела, вдруг засыпала в кресле или на лавочке в саду. Он краснел, бледнел, извинялся: Она две ночи не спала. Или же: Она не ела сутки, зубы болели, вот и сморило её от фужера вина. И мы верили, сочувствовали: пусть отдохнёт, бедняжка...

Оказалось, что у неё серьёзные проблемы со спиртным. И уже давно. Они же оба это скрывали. И это стало самой большой ошибкой. Когда погибает человек, о стыде приходится позабыть.

А когда камуфлировать беду оказалось безнадежным делом, Он ушёл от неё. Мы не осуждали. Ему надо было жить, делать карьеру. Да и измучился Он изрядно. Она выдержала его уход, с переменным успехом боролась с болезнью. Дружья от неё не отвернулись. Ведь мы её любили! Она была верным и надёжным другом. Умная, а в житейских вопросах мудрая, справедливая, острая на язык, прекрасная хозяйка, выдумщица по части дизайна и уюта... Как мы её хотели спасти! Навещали в диспансере, искали альтернативные методы лечения, зазывали на свои семейные праздники, тормозили, стыдили, таскали ей продукты, отвлекали... Уговаривали, орали и злились. Всё оказалось напрасным! И Она, и мы – опоздали!

Она часто вспоминала счастливое время, которое так и называла – моя Фудзияма. Тогда Он был рядом, а малые детки («малые бедки») ещё не доставляли ей страданий. У неё под рукой всегда были две чёрно-белые фотографии. Вот идут по мостку к Фудзияме – бросается в глаза пантерная пластика овчарки, ясные мордашки детей, Он и Она рядом. И вторая – уже на горе, они оба среди ковыля. Основная часть снимка – небо над головой. А её лицо запрокинуто – и смотрит она, понятно, на него.

Мы хоронили её осенью – как раз зажелтел ковыль на Фудзияме.

Если я когда-нибудь попаду в Японию, на настоящую Фудзияму, я постою молча на её вершине, вспомню свою бедную подружку и попрошу для неё – беспутной и мудрой, сильной и слабой – покоя и всепрощения в том мире, где сейчас обретает её душа.

...Говорят, что Фудзияма – это вовсе не потухший, как принято считать, вулкан. А только уснувший. Большие мистики-японцы живут с мыслью-предчувствием, что наступит время и их самая красивая в мире гора проснётся, станет извергающимся вулканом и исчезнет, сгорит в огне...

Очень жаль – ещё одним символом, ещё одной мечтой в мире станет меньше.

«Чтобы понять мою печаль – в пустое небо посмотри»

На днях, перебирая дальнюю книжную полку, неожиданно нашла потрёпанный тоненький томик в коленкоровой обложке «Орфографический словарь профессора Д.Н.Ушакова». Эту книжицу выпустил Учпедгиз аж в 1937 году. И стала я думать, откуда могла появиться у меня эта довоенная, цвета какао книжица столь удобного формата – надёжно лежащая в ладони. Вывезла из родительского дома? Когда-то нашла в любимом букинистическом магазине в старом волжском городе? Принёс в «клюве» кто-то из внимательных друзей? Не надумалось ничего.

Пока вертела книгу, обнаружила роспись – «Гал...» – с длинным, таким залихватским «хвостом»-росчерком. Обычно такие пробы первой взрослой подписи делают дети: как бы примериваются – вот вырасту, и буду такую ставить.

И кто это «Гал...»? Более внимательно осмотрела книгу и нашла подпись: Галеев. Сделана она угловатым мальчишеским почерком. Мальчик Галеев, 1937 год. И тут в голове щёлкнуло, и сразу всё встало на место.

Ахмет Хусаинович Галеев... Мы познакомились в середине 70-х годов. Он – известный лётчик гражданской авиации. Я – первокурсница Казанского государственного университета. Изредка я прибегаю в Казанский аэропорт. Там работает лётчиком мой дядька Валерий Мазитов – длинный, рыжий, нелепая внешне смесь моего красиво-жгучего татарского дедушки Исхака и его русской жены тёти Фени. Я завидую Валерке – он может летать в мой родной город, когда ему заблагорассудится – а точнее, когда выпадет рейс, ну и ещё в любой выходной, тогда его подсаживают к себе в самолёт его коллеги. Валерка

покупает больших сазанов, успевает забежать к моим родителям и отчитаться о моём поведении: «Все хорошо, день и ночь зубрит». Услышать подобное – счастье для родителей. Зубрит – значит не забалует в чужом городе.

А я тоскую по родителям. Валерка передаёт мне посылочки из дома: домашнее печенье, виноградное варенье. Мама всё время забывает, что я не ем варенье. Зато над печеньем, которое пахнет нашей горницей, топлёным маслицем и корицей, я рыдаю прямо на лётном поле. Ведь я могу попасть к бабушке-маме-папе в лучшем случае только через полгода, в каникулы, и от этой мысли я плачу горько и не стыдясь.

Валерка утешает, обещает: если уж совсем невмоготу, чёрт с тобой, да полетишь со мной, усажу тебя в кабину, побултыхаю над всей страной, надеюсь, тебя не укачивает? К нам то и дело подходят молодые пилоты с шутками-прибаутками, с ехидными расспросами: эх, Валерка, до каких слёз девушку довёл. Ржут в голос, толкают друг друга, анекдоты травят. «Балбесы. Кретины. Недоумки, – думаю я, – а мы им свои жизни доверяем. Не полечу ни за что – летом на поезде поеду».

С лётчицким племенем меня примирило знакомство с Ахметом абый Галеевым – одним из лучших лётчиков гражданской авиации, человеком немногословным и скромным. Авторитет его был огромным: лётчики отзывались о нём с почтительным уважением, репутацию его считали безупречной, его самого – отважным и принципиальным человеком. Для меня он остался самым уникальным и честным человеком: он никогда не врал. Ни в шутку, ни ради спасения конфликтной ситуации, ни ради блага. Всё мы убеждены, что бывает ложь как благо, во спасение, – так это не про Ахмета Хусаиновича. Он всегда считал, что спасает не ложь, а правда.

Так сложилась жизнь, что мы породнились с ним. Так я вошла в его прекрасную семью. Сталинский дом, окна которого выходят на площадь Свободы. Уют, аккуратность до педантизма. Тихая музыка, множество книг, вкусно дымящийся паяльник – что-то мастерится и ремонтируется в час отдыха между полётами. Милая, умная и красивая жена Альмира апа. Тонкая, изысканная уже в детском возрасте дочь Диляра. Общий любимец – сын Марат. И наши разговоры – о войне, об армии Власова, о Сталине, о СМЕРШе. Столько непонятной мне тогда горечи было в его словах, столько странных затяжных пауз.

Однажды он в несвойственной ему манере скомкал беседу: нет, не скоро мы узнаем всю правду об этом.

Его сестра как-то рассказывала, как они вдвоём с Ахметом и мамой – инвалидом, прикованным к постели, выживали в Казани в войну. Отец умер, от мамы, ввиду её болезни, – помощи никакой. Вот и крутились сестра с братом, как могли: занимали с ночи очередь за продуктами, чтобы не околеть от холода заготавливали хворост, меняли вещи на продукты в селе. Как-то толкают они тележку через трамвайные пути, и колесо окаянное застряло в рельсах. Трамвай мчится на них. Сестра отталкивает Ахмета – спасайся. А он ни в какую – сопит, плачет, но на месте стоит – колесо выдергивает. Трамвай остановился в полуметре от детей. Звон, скрежет, вагоновожатый матерится, народ собрался, младшие Галеевы от страха плачут. Сестра: ты почему не убежал, ведь погибнуть мог? А он, малолетка: я тебя, апа, оставить одну не мог.

Он никогда не мог оставить кого-то в беде – реальной и потенциальной. А ещё очень любил свою работу. Будучи в преклонном возрасте, никак не мог расстаться с небом, обучал пилотов. Один из его учеников стал генеральным директором и пригласил Ахмета абы работать своим советником. Ахмет Галеев умер несколько лет назад.

– «Опустела без тебя земля», – и поют, и говорят его ученики, товарищи, родные.

– «Чтобы понять мою печаль – в пустое небо посмотри», – с печалью смотрит в небо по-прежнему красивая и нестареющая Альмира. Пролетит ли самолёт, оставив белый след, прокурлычат ли свою печальную песнь журавли...

...Вот всё это – весёлое и не очень – напомнила старая книжица Ахмета Галеева, оказавшаяся среди моих вещей. Её я передам его Диляре и Марату. Она пригодится и им, и их детям.

...Книжка открылась на предисловии, которое профессор Ушаков (по учебникам и словарям которого воспитывались и до сих пор учатся миллионы людей) начал так: «В отличие от других справочников подобного типа я избегаю давать двоякие написания слов...». И невольно подумалось: и летчик Ахмет Галеев был таким же. Его правда никогда не была двоякой.

«Жизнь прошла, как не было. Не поговорили...»

Просматриваю газеты. В «Комсомолке» – интервью с профессором, диаконом Андреем Куракиным. Самой горькой потерей года он называет уход любимого оппонента – нобелевского лауреата Виталия Гинзбурга: «Я чувствую свою вину – не нашёл времени для более частых и длительных бесед с ним». И тут же священник вспоминает бардовскую песню с припевом: «Жизнь прошла, как не было. Не поговорили...».

Заглядываю в «АиФ». И там о том же. Священнослужителю вторит уже светский человек – профессор, ректор Театрального института им. Щукина Евгений Князев (его мы знаем по роли Вольфа Мессинга в телесериале). И он с глубочайшим сожалением отмечает: навсегда уходят люди, а у нас остаётся горечь – не нашли времени, не поговорили с ними, не договорили.

Заглядывает в кабинет коллега – умер отец. «Он из-за болезни ожесточился. Я реже стала навещать его. Устаю на работе, как собака, приеду в деревню на выходные, и там собачиться надо, он вечно с какой-то дискуссией, сложными темами. Мама советовала – слушай да кивай, ему просто выговориться надо, а от тебя не убудет. А я так не могла. Поэтому говорила: устала, дайте мне покоя. Боже, как сейчас тяжело на сердце, не отпускает чувство вины. Наверное, он ушел с обидой на меня...». ...Утверждают, что информация, которая приходит к нам неоднократно, повторяется, стучится в нашу дверь – это не случайная весть, она предназначена именно нам, это под-сказка: тук-тук, подумай, это важно для тебя!

Я думаю. Ну что ж, самое время позвонить близкому человеку, свекрови Фирарие Хусаиновне. Язык не поворачивается сказать «бывшей». Это мужья и жёны бывают бывшими, а дети, как и мамы (хорошая свекровь – это та же мама) никогда бывшими не бывают. Трубку она берёт моментально, словно только и ждала звонка, и, не давая возможности обменяться дежурными «здоровкаными», говорит с радостью:

– Ты звонишь, и я на седьмом небе. Ты меня не забывай, особенно, когда я уйду.

Ну вот, начинается, – тоскливо думаю я, – сейчас заговорит о смерти. И нарочито ворчливо говорю вслух:

– Тебя забудешь, как же...

Тактика у меня такая: вот сейчас она будет говорить о своём уходе, а я – ворча, шутя и хитря – собью её с мысли. А ещё избежать печальной темы, любимой всеми стариками, помогают комплименты. Я говорю маме-свекрови, что всегда восхищалась, како-о-о-й (это и так протяжное «о» я тяну максимально) всегда элегантной была она, какую причёску сооружала. А в воскресенье у нас с ней на дому был маникюрный салон. Мы мазюкали друг другу ногти вонючим лаком и при этом чихали, как и её финансовая служба (бедные сотрудники так и не догадались о причине внезапной аллергии). А выбросить лак было жалко: как же, привозной дефицит, жутко дорогой!

– Да ладно уж, – почти кокетливо отвечает она, – ты меня так успокаиваешь, да? Или ты и впрямь считала меня такой-разэдакой?

Считала и считаю! И в моих словах нет ни грамма лести. Она и сегодня – на девятом десятке лет жизни – истинная женщина: нарядна и опрятна. А сколько ей всего досталось – тяжёлый труд в войну, долгое ухаживание за парализованной мамой, скитания с мужем-офицером по военным гарнизонам, его ранняя кончина. Потом она мужественно боролась за свою жизнь – преодолела болезни, многочисленные переломы, подняла (без блата, кстати!) пол-Казани и два министерства на уши своими требованиями сделать ей сложнейшую операцию, невозможную из-за тяжести сопутствующих заболеваний. Победила – убедила, избежала и смерти, и прикованности к постели.

– Ох, сдала я сильно, с палкой не расстаюсь.

– Главное – ходишь. Подумаешь, палочка, – бодро говорю я ей. – Красивую женщину и клюка украшает.

Она смеётся – страшно довольная. А уж как я довольна, можно расслабиться: пронесло, ушли от опасной темы! Но не тут-то было. Вдруг слышу:

– Зажилась я на этом свете. Давай сверим телефоны.

– Зачем? – напрягаюсь я. – Мои телефоны ты вписала в талмуд с рецептами и даже казанским родственникам их раздала.

– А как тебе сообщат о моей смерти? Нет, давай я вновь запишу. Да, у меня есть твой номер, но что-то он мне не нравится.

– ??

– Он... больно мудрёный.

– Так он же мобильный!

– Нет, не пойдёт, а вдруг я неправильно записала, вот и не дозвонятся до тебя. Давай лучше проверим домашний номер.

Номер мы проверяем. Записан верно.

– Подожди, а почему это он у тебя шестизначный, а не семизначный?

– Это у вас в ваших столицах номер семизначный, а у нас, в деревне, только шестизначный, – я теряю потихоньку терпение.

И снова мы с ней повторяем номера – на двух языках и в разных цифровых комбинациях. Она перепроверяет каждую цифру, выкрикивает её как пароль или лозунг.

– Будто в лото бочонки вытаскиваешь, – ехидничаю я. В отместку она снова просит повторить номер.

– Эни, идём уже по пятому кругу!!! Ты всё правильно записала!

И слышу в трубке её обречённый выдох: будем надеяться...

Да что это с ней? Профессиональный финансист, она с цифрами, в отличие от меня, всегда была на «ты». А тут, видишь ли, напал на неё цифровой столбняк, морок эдакий. Так и подмывает пошутить на эту тему. Но я каждый раз говорю себе – стоп. И ещё раз – стоп. И в третий раз – стоп. Потому что понимаю, насколько важны для неё эти цифры – ведь это номера телефона, где есть человек, которому – она надеется и верит – не безразлична твоя жизнь и твоя кончина...

...Позвоните или загляните к тем, кто этого ждёт. Не откладывайте на другой срок, даже если этот срок – завтрашнее утро. Можно ведь и опоздать: «Жизнь прошла, как не было. Не поговорили...».

Душичная поляна

Когда из дальних мест приезжают родственники, первая их просьба – заварить чай с добавлением душицы. К великому сожалению, не растёт она в их краях, вот и скучают-«тоскуют» они по её тонкому аромату, по крепкому душистому чаю, припудренному горько-пряными сеянками и цветочками.

Может быть, для них это напоминание, клик о родимой земле, о родном прахе-пыли, из которого вышли наши наро-

ды и который сохраняется на генетическом уровне, а потом чем-то, порой неожиданным, напоминает о себе? Ведь их родина – это Татария-Татарстан, которую прадеды и деды в годы раскулачивания и НЭПа покинули в поисках лучшей доли.

Конечно, это лично моя теория, человека несведущего в генетике и прочих мудрых науках, способных умно и чётко объяснить поведение человека. Но мне кажется, что и мои дилетантские рассуждения недалёки от истины.

Пока родственники после дальней дороги приводят себя в порядок, заваривается чай с щепоткой душицы. И вот уже дрожит лестница.

– Э-ей! Это слоны идут на водопой? – кричим мы гостям, которые спешат на кухню, ведомые травяным ароматом.

Сама, признаюсь, – не фанатка чая с душицей. Другое дело, когда простуда мучает, тогда настой или отвар душицы поможет всенепременно. Или же – это уж святое дело – когда душица добавляется в сложную смесь трав для субботней бани.

В начале июля был звонок от родственников:

– Вы для нас душицу собрали?

А где её соберёшь – запечалились мы – всё вокруг солнцем сожжено? Но делать нечего – отправились в лес. Скажу сразу: душицу, которую в обычное лето собираешь целыми вениками за считанные минуты, на этот раз подбирали в час по чайной ложке. Искали как грибы в их неурожайный год – облазили всё и чуть не ползком. К радости, даже среди выжженной травы нет-нет, да и мелькнёт сиренево-фиолетовый цветок. Да и в лесу есть места, менее пострадавшие от зноя.

Как удалось прорасти душице в такой засухе? Какой должна быть сила и жизнеспособность у миллиметрового семечка, чтобы не испепелиться в земле, а проклюнуться и медленно, набирая силёнки, тянуться, цепляясь за другие травы, ввысь. А потом, отдыхая короткими летними ночами от жары, удачно поймать капельку влаги, соскользнувшей с проплывающей мимо тучки, дожидаться слабой предутренней росы...

Вот такая она – душица, которую татары называют матрюшкой, матрёшкой, русские кладут для отдушки в квас, а французы и немцы – в этом убедились все, кто когда-либо путешествовал по Европе – специально выращивают на полях, как и их знаменитую лаванду. Коли уж зашла речь о душице, передам то, что слышала не раз от старых людей: если любите

свою землю, не обижайте – не вытаптывайте, не выдирайте с корнем это замечательное растение!

...Душицу сушила дома – и дом заблагоухал неповторимым ароматом. Урожай, конечно, не сравнить с прошлыми годами, но на посылку и для собственного пользования – хватит. Корзины, пока душица сушилась, стояли на видном месте. И тут пошло-поехало.

Приехали дети.

– Ой! Душица! Девочки с работы говорили, что её в этом году мало. Мамуля, чуть-чуть – ладно? – выделишь?

– Конечно, на здоровье!

Заглянула соседская бабушка:

– Ай, душица! Я в прошлом году не выбралась в лес – сын в отпуск не приехал, вот и старые запасы все закончились. В лес я теперь уже не ходок...

– Не переживайте, я вам дам.

И напоследок – звонок от милой и мудрейшей дамы:

– Дамиру уже на днях уезжать, он попросил заваривать чай с вашей мятой и душицей. Кинулась – у меня и нет ничего. Выручайте.

– Конечно-конечно, муж вам завезёт.

И как не выручить? Думаю о Дамире, и радуюсь: парень учится в аспирантуре в Москве, умница, серьёзный, добрый и цельный человек. Будет хорошим учёным и специалистом. Заехал к маме, порадовал. Следующее направление – едет на юг организовывать рок-фестиваль. И вот надо же – захотелось мамино родного ароматного чая. Пей на здоровье, Дамир, и спасибо, что так любишь маму, что помнишь о нас!

И вот так – «ох и ах, конечно-конечно» – и ушла часть собранной душицы. Но это как раз тот случай, когда отдаёшь и радуешься, когда даришь и получаешь от этого удовольствие. Душицы хватило всем. Скоро посылка с ней и баночкой только что накачанного мёда отправится в дальнем направлении. И воображения не надо журналистского, чтобы представить, как вскроют там посылку и вдохнут запах необыкновенной силы и красоты. И сразу вспомнятся склоны и долины, звенящие луга и сумеречные леса. Это картинки их малой родины. Кто-то улыбнётся, кто-то смахнёт слезу, а кто-то даже запоёт песню.

Сад воспоминаний

Раньше перед гостями хвастались обстановкой, коврами, сервизами с пастушками. Сегодня берут под локоток и ведут демонстрировать сад, где почти английский газон, цветы с островов, альпинарий, пруд.

– Ну как, нравится? – в гордом нетерпении спрашивают хозяйева.

– Оригинально, – дипломатничаю я.

Я люблю другой сад. В негоходишь, пригибаясь под разросшимися ветвями деревьев, ступаешь по квадратикам с трудом пробивающегося через кроны солнечного света, оглядываешься, узнавая и не узнавая окружающее пространство. И вдруг какая-то деталь из прошлого – щербатая доска забора, кирпич, обрамляющий цветник, трещина на каменной дорожке – возвращает тебя на несколько лет, а то и десятилетий назад. Эти детали – маленькие и нетронутые кусочки из прошлой жизни – сохранил для нас и о нас наш старый сад.

Вот здесь стояла бочка с дождевой водой, где жили водомерки, букашки, червячки. А тут, между глухим забором и заросшим малинником можно было, хотя и изрядно оцарапавшись, спрятаться от всех с учебником. Впрочем, учебник как-то не приживался в этом уголке, а всё больше валялся, облепленный травинками. Здесь «шли» другие книги – так хорошо читалось, когда о тебе забывали на час-другой домочадцы. «Знойным летом в жаркий день хорошо забраться в тень. И, смотря на сад оттуда, ожидать от жизни чуда...». А вот дощатый стол, на который взрослые водружали с натугой пузатый самовар, каждый раз ворча, что ей-богу, следует завтра же выбросить этого тяжеленного уродца и купить электрический – лёгкий, с быстрым кипятком. Тем более, участковый держит нос по ветру, а точнее, по дыму. Только учует самоварный дымок, тут как тут – платите, граждане, штраф. Да-да, самовар в моём городе разжигать в 60-е годы запрещалось!

Электросамовары купили. Чай из них был пресный. А старый, реликтовый, царских времён самовар я до сих пор храню – как память о саде, где по весне пуржило яблоневым цветом, где жилось легко, вкусно и ароматно...

Вот такой сад и люблю – тот, что хранит детство и юность, память поколений. В нём какие-то уголки являются музейны-

ми – для тебя, конечно, и которые, тем не менее, интересны и другим. Потому что они – слепок, картинка эпохи.

Люблю сад, который наполняет силами, даёт радость для встречи нового дня, новой зорьки. Который спрячет тебя, если навалятся печали и сомнения, и только он один увидит твою слабость и растерянность.

Не случайно сад ощущался всегда и всеми – поэтами и художниками, мыслителями и религиозными деятелями – как особое священное пространство, воплощение рая на земле и небесах. У Пушкина, Чехова приход, возвращение в сад равносильно возвращению к духовной родине, к некоему первоисточнику. Лучше всего об этом написал мудрейший и тонкий, чувствительный человек Дмитрий Лихачёв в книге «Поэзия садов»: «Сад – это попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой. Поэтому сад представляется ... раем на земле, Эдемом».

Мой нынешний сад на первый взгляд не похож на сад моего детства. Но и в нём есть уголок, глухой аппендикс, где внуки-мальчишки без конца строят штаб, хотя пустоует, не обживается купленная специально для этого настоящая палатка. Мальчишки – совсем как я в детстве – упорно лезут за ко-

лючую малину, в свой старый штаб, где обломки кирпичей, деревяшки и щепы, и главное богатство – засохшая шкурка дохлого ежа.

Сад сравнительно молодой, но уже выстраивает свою историю воспоминаний. Вот вишнёвые деревья. Выкопали мы их на заброшенной заимке, где когда-то забивали «бивак», временную базу буровики. Даже зная, что не доведётся полакомиться плодами, работающие мужики посадили саженцы. Собирая вишню, невольно думаю о людях, оставивших после себя не свалку, а вишнёвый сад.

А вот кусты жимолости, из-за которых нам завидуют наши знакомые. Эта ягода пока мало распространенная в нашем регионе. За тремя кустами синей ягоды пришлось съездить в один из питомников Удмуртии – в Вази-Ятчи. Увы, в этот день он был закрыт – выходной. Заметив наше огорчение, жители деревенской улицы выделили нам провожатого, который показал нам, где живёт сотрудница питомника. Взошли на крыльцо:

– Извините, у вас выходной...

Хотели добавить, что 250 верст проехали, но не успели. Женщина руками замахала:

– Да ничего-ничего, сейчас кастрюльку с огня сниму и поедем в питомник.

Так что жимолость с тех пор для меня – память о простых удмуртских селянах.

Когда люблюсь тюльпанами, то вспоминаю маленькую бабульку на базарчике в городке Можга. Буквально за копейки я купила у неё большую кучу луковиц – бабушка долго вразумляла мне, что это цена не за одну луковицу, как представлялось мне, а за всё про всё. Она так и не взяла предложенных ей «лишних» денег, лишь сказала на прощание: «Я радуюсь своим цветам – теперь и вы радуйтесь». Эти «народные», как я их называю, тюльпаны не требуют ухода, не боятся зимы и ветров, выскакивают по весне из земли и наполняют малиновой красотой весь сад. А голландские тюльпаны (по цене, между прочим, во сто крат больше), каждый год капризничают и ломаются – в прямом и переносном смысле слова. Не нравятся, чувствую, им наши сильные ветры.

В отличие от ярких тюльпанов сидят скромно в уголке сада тархун и дикий чеснок. Их мне подарил старый учитель

из башкирского городка, куда я приехала за материалом для книги. Он был очень и очень нездоров, и это сразу бросилось в глаза. За каждым его движением, за каждой мимической гримасой (видимо, его мучила сильнейшая боль) – внимательно следили жена и его сестра (она приехала, чтобы помочь ухаживать за больным).

Мы сидели в опрятной комнате, он говорил медленно и с одышкой. В окно то и дело билась ветка цветущей яблони. Прощаясь, я попросилась заглянуть в их сад. Он обрадовался, взялся за костыли. Приметив вмиг посветлевшие женские лица, то, как они вскочили с мест, я поняла, что хозяин давно не выходил из дома и их обрадовал его проснувшийся интерес к саду.

Он вышел, но, видимо, чувствуя лишь малые, недостаточные силы, остался стоять на пороге дома. Он практически повис на костылях, говорил с глубокими паузами, но так гордо – как закладывал сад, в каких далях и поездках находил посадочный материал, по каким огородным вопросам спорил с женой. Он предложил выкопать полюбившиеся растения, взять на память об их городе. Я выбрала пряности. Его сестра тут же подлетела к нам и дала ростки особой лебеде, из которой в Украине лепят голубцы.

Он недовольно забурчал: «Да твоя хохлятская лебеда ей весь сад засорит». Мне пришлось изображать над грядками голубя мира: «Ничего-ничего, в нашей семье любят голубцы, да ещё если присыпать их вашим тархунчиком да черемшой»...

Он улыбнулся понимающе и пока мы двигались к воротам, стоял в дверях – красивый и седой человек на костылях – и махал нам, а точнее, шевелил слабой рукой. Вот так и старый учитель физики из города Октябрьский остался жить в моём саде воспоминаний.

Кстати, мой муж отверг идею с голубцами из листьев лебеде, упорно вытравливал этот «сорняк» из нашего сада, и даже преуспел в этом. Потом он смягчился, как-то заметил в самом дальнем конце сохранившийся росток и пересадил его на грядку. Правда, он до сих пор ворчит: «Прав был старый учитель, лебеда – она и есть лебеда. И зачем тебе этот сорняк нужен?».

...А я этот нежный и полезный сорняк добавляю всегда в щи и борщи, о чём муж даже не догадывается. Но об этом знаю только я и, конечно, мой сад.

Лошадь победы

Дед всегда держал лошадей. Даже в те 60-е годы содержать лошадь в центре крупного города – было нечто. Так что поглазеть на них сбегалась вся детвора с округи. Повиснув на заборе, мальчики и девочки канючили: а можно зайти, а дайте погладить, а покормить. Взрослым регулировать такие вопросы было некогда, так что наступал мой, МОЙ звёздный час. Именно я, и только я, решала – кого пустить во двор, а кого позорно прогнать, кому разрешить постоять около коня, а кому-то милостиво позволить напоить животное. Моя троюродная сестрица очень практично распорядилась правом допуска. Она «продавала» это право – за два орешка, горсть семечек, кулёк вишни, осколок леденца... Впрочем, при объективном рассмотрении и мои действия, и мой выбор – кого пустить, а кого нет – были также далеки от альтруизма. Я ведь тоже «продавала» пропуск, стремясь в ответ получить пусть не славы, но расположение, дружбу своих товарищей.

Как-то, уже будучи студентами, мы пришли с друзьями в дорогой ресторан. Нас долго не пускал швейцар: «Мест нет!». А вот для другой публики места находились (когда люди были посolidнее или ему передавали рубль). Он важно так прохаживался за стеклом, косясь на толпу. Он мне отдалённо напомнил меня. Смешно: я тоже важно когда-то ходила перед конём и вся из себя представляла пузырь самомнения и важности: хочу – пуцу, хочу – нет. Там, в ресторане, я про себя решила, что никогда, ни при каких обстоятельствах не буду ТАКОЙ. Очень надеюсь, что болезнь швейцара, калифа на час, дутого и пустого «важняка» меня по жизни миновала.

Последняя лошадь деда была серой масти. Я и не помню уж – конь это был или кобыла. Видимо, конь, коли Моряк – крепкий, приземистый. Его я решила наделить особенной биографией. Героической. И случай подвернулся – снимок в журнале «Огонёк», где был изображён маршал Жуков, который на белом коне принимал парад Победы на Красной площади. Снимок повесила в конюшне, пришили ржавым гвоздём, и пустила среди друзей легенду о Моряке. О том, что Георгий Жуков принимал парад на нём. А потом конь составил, и дедушка вместе с маршалом (типа они были однополчанами) разработали план, как его спасти. Под покровом ночи его отправили в трюме теплохода в Астрахань – попросив (!!!)

не ржать, а по прибытии мы с дедом обернули его копыта кулонными полотенцами и свели по трапу на землю. Так он стал жить в нашей конюшне.

И этому бреду – признайте, всё-таки красивому – поверили. Друзья переводили взгляд с картинки на Моряка, и почти никто не сомневался: на фото Моряк, правда, более белоснежный, но всё же Моряк. А тот ласково косил на меня глазом, словно благодарил за внимание и почёт. Скоро «экскурсии» в конюшню закончились. Увидев, как мы катаем на Моряке кошку и щеночка, дед рассвирепел. Оказывается, есть примета, о которой знают все лошатники: ни в коем случае нельзя на лошади возить собаку или кошку. Лошадь может зачехнуть. Более того, если в телеге или санях случайно окажется мышь, то она все силы выжмет из лошади, все жилы вытянет, словно небывало тяжёлый груз...

Прошло время, дед ослеп, Моряка забрали у нас. Об этом я уже писала.

Когда бываю на Красной площади в Москве, подхожу к памятнику Георгию Жукову. Стыдно, обидно за этот «шедевр». Нелепая фигура и нелепый жест маршала. Нелепая лошадь – ни одно животное так не переставляет ноги! Ни рысь, ни иноходь, ни галоп. Мой Моряк, из которого детская фантазия сделала коня Победы, колоритнее!

Для меня самые великие кадры кинохроники из истории Отечества – это парад Победы. Их часто повторяют. Красная Площадь. На трибуне Сталин. Бой курантов. С последним ударом из ворот Спасской башни выезжает на белом коне маршал Жуков, названный народом маршалом победы. Цокают о брусчатку подковы. Уверен всадник, уверен конь. Но вот грянули марш и аплодисменты, и на секунду (но это всё же заметно на плёнке) лошадь чуть-чуть «присела» на задние ноги. Но всадник хладнокровно направляет коня, и тот, теперь уже безупречным галопом, движется перед строем. Перед всей страной! И больше – ни заминки, ни сбоя. Конь словно понимает, какую великую миссию он исполняет. А как прекрасны маршалы в седле – Жуков, Рокоссовский и другие. Возможно, это самый красивый парад Победы в истории человечества. В 45-м парады проходили и у других стран-победительниц. Но там были не кони, а машины: Черчилль уже не в состоянии был забраться на коня, американские маршалы также были

далеки от кавалерии. А вот нам удалось прогреметь на весь мир цокотом красивейших коней по брусчатке великой площади великой страны!

Для меня та, секундная заминка коня особенно дорога, потому что правдива и жизненна. Это как кадры другой, более поздней кинохроники – когда по той же площади бежит к трибуне первый космонавт планеты Юрий Гагарин и у него порхают развязавшиеся шнурки на ботинках... Кстати, в память о своем Моряке я как-то пыталась изучить историю коня, на котором Жуков открывал парад Победы. Поверите ли, но история не сохранила его точного имени. Историки до сих пор спорят, кто это был – Кумир, Цепкий, Араб, Палладий. Вот такая у нас «долгая» память...

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

«Лошадь победы». «Нефтяные вести» № 70т 28 января:

Алсу Сотимава: *«Вспоминаю материал, в котором вы упоминали гордо вышагивающего за витриной ресторана швейцара – калифа на час... О том, как вы сумели посмотреть на себя со стороны... Ведь не каждому из нас присуще это качество – видеть себя со стороны... Со стороны же всегда виднее...»*

К примеру, в вопросах воспитания. «Кнут или пряник»? – это не единственный вопрос, возникающий при воспитании. Где-то у Макса Фрая вычитала: «...процесс воспитания сам по себе похож на какую-нибудь злоеущую магию: день за днём тебя превращают в кого-то, кем тебе совершенно не хочется быть, – в подавляющем большинстве случаев это срабатывает, к сожалению».

Но всё было бы по-другому, если бы мы и нас воспитывали не нотациями, а собственным примером. Умение в нужную минуту поставить себя на место другого человека дает нам возможность понимать и объяснять чужие поступки и поведение, и даже их предугадывать. Рассказывая о себе, мы тоже редко задумываемся, как это выглядит со стороны. Но давно подмечено: если рассказывать о себе «правду и только правду», при этом, увлекательно или хотя бы забавно, собственные горести начнут казаться старым анекдотом, который ты сам уже когда-то от кого-то слышал...».

Литвина: «Спасибо за рассказ о прекрасном животном, а ещё больше – за Георгия Жукова. Смотрим фильм о его личной жизни. Утром приходим на работу и всем отделом обсуждаем фильм. Какое страшное время было! Как легко разлучали людей, гноили в лагерях, оговаривали и забывали. Пусть не будет возврата в такое время!!!!».

Избави меня, Бог, от друзей...

...а от врагов я и сам избавлюсь.

Эту фразу Вольтера слышала постоянно от отца. Он повторял её с явным удовольствием – чувствовалось, насколько «вкусна», точна и приятна ему эта мысль, насколько полно разделяет он позицию великого философа. У отца вообще не было друзей. Во всяком случае, соседи, его ровесники, а значит, вполне вероятно, что друзья по детству и юности, были ему глубоко-глубоко безразличны. Одни – пропойцы. Общаться с такими, даже если твоё босоное детство пылило рядом с ними, – ниже достоинства. Другие – уважаемые, солидные, на худой конец просто благополучные мужчины, тоже не стали его друзьями. Казалось, что он дружил лишь с соседом-писателем и известным богословом, по возрасту старше на добрых два десятка лет. У того была возможность выписывать книги из Казани и Екатеринбурга, пардон, тогда ещё Свердловска. У отца тоже была огромная библиотека, и они оказались полезны друг другу – частенько проводили время в заумных беседах. По детской наивности я приняла их отношения за дружбу, на что отец мне чётко все объяснил:

– Он мне не друг, мне с ним интересно. Он же вор (нашего соседа то и дело уличали в махинациях, которые творились в религиозной общине. – С.Г.), о чём ещё говорить... И слишком ты словом этим раскидываешься. Есть приятели, есть маляхайное, то есть шапочное, знакомство, просто вежливость. Не верю в дружбу, и тебе не советую.

И далее следовал вышеназванный вольтеровский афоризм. Зато мама, как мы шутили, была «друганкой всего человечества» – она общалась со всей нашей улицей, распивала чай с древними старушками, обожала ходить в гости и принимать людей у себя. С детства я наблюдала хрестоматийную психологическую сценку. Когда наша дворовая собака заливалась

лаем – верный признак, что кто-то стучится в ворота, первая реакция отца: «И кого это чёрт несёт в эту пору?» (недовольно отрываясь от газеты или книги). Первая реакция мамы: «Бог гостей нам дал! Гость на пороге – радость в доме!» (и в голосе – просто неподдельная радость, словно в лотерею «Москвич» выиграла).

Вот так – Бог и чёрт... Ну и каким при этом должно было быть моё отношение к дружбе? Чьи гены должна была получить я? Я «пошла» больше в маму, у меня всегда было много знакомых, подруг и приятелей, но – спасибо отцу! – далеко не каждого из них я воспринимала и сегодня считаю другом. В полном понимании этого слова. При этом долгие годы сидело во мне осуждение отца, его недоверия к людям и чувствам. И только когда прошли годы, и я более-менее узнала историю своего рода, мне многое стало понятно в его позиции.

Практически у каждого спина прошита пулями друзей...

Сегодня – Международный день друзей. Лично я, например, не буду демонстративно обзванивать и торжественно поздравлять друзей с праздником. Просто позвоню – узнать о делах, житье-бытье. Но вот кому?

Может быть, моим подругам детства Неле и Аиде. Мы знакомы, страшно сказать, полвека. В лесу даже закопана бутылка с запиской, где мы поклялись в вечной дружбе и подписались своими детскими прозвищами. Нелька – мудрый Атос, Аидка – всесторонне развитый Портос, а я уж так – д’Артаньян без шляпы. Они для меня – сёстры.

Позвоню, спрошу о здоровье своих любимых тётушек Розу и Руму – люблю и ценю, как, надеюсь, и они меня. Они – мой форпост в моём далёком родном городе, они – мостик в моё детство. Всегда были родными людьми, а с возрастом, стали старшими подругами.

Быстро накатаю сообщение сестренке Нелечке. Милый светлый человечек, живущий в снежной Финляндии, она нашла меня через 35 лет!

Мне везет на подруг по имени Венера – как самые яркие и мудрые звезды, они освещают мой жизненный путь.

Я непременно скину эсэмэску другу Ильдару Закирову, с которым сидела все 5 лет за одним столом в университете. Понятие «настоящий друг» – это о нём, порядочном, надёжном. Только ему в руки могла я отдать новорожденную дочь,

пока сама сдавала экзамен. Ильдар периодически заглядывал в аудиторию и делал страшные глаза: давай скорее, пора ребёнка кормить... Потом, через пятилетку, у нас одновременно родились дети: у него единственный сын, у меня вторая дочь. Ильдар всегда мечтал: вот вырастут наши дети, будут такими же друзьями, как мы. Ха-ха, – романтик, – смеялась я в душе. Прошли годы, встречались редко, но созванивались. Ильдар и его супруга Эльмира состоялись как профессиональные журналисты, известные в республике. Он – собкор центральных газет, она – редактор журнала. Мы радовались успехам друг друга. Их сын Алмаз рос умным, хорошим мальчиком. Прошли годы, моя вторая дочь уже работала, когда в их отдел пришёл молодой специалист. Ребята подружились мгновенно: их вкусы в литературе, общий кругозор, увлечение иностранными языками совпали на все сто. Как-то задержались на работе. «Я тебя подвезу, – предложил он, а узнав адрес, обрадовано воскликнул, – так мы живём в одном доме». А потом обнаружилось, что и живут-то они в ... одном подъезде! Наверное, вы догадались, что это был сын Ильдара.

Наши две семьи, как говорится, выпали в осадок. Это надо же, чтобы наши дети попали работать в одно министерство, в один отдел, и мало того, – оказались соседями в миллионном городе!!! С тех пор они – самые лучшие, верные друзья.

Вот какие выкрутасы совершает судьба.

А что для вас дружба? Какой он – друг настоящий, друг преданный?

Слово: от сердца к сердцу (пришло письмо от читателя)

Азат 19.06.2012. 09:01: *«Человек сильный духом способен прощать людям их несовершенство, не переставая «любить их как ближних своих». И в то же время способен не впускать в своё частное пространство посторонних. А с друзьями он может быть самим собой, причём в любых состояниях. Люди обретают друг друга в дружбе в «пограничных» состояниях, в особых обстоятельствах, в совместных переживаниях жизненных ситуаций. Чем меньше в человеке страхов перед жизнью (и дружбой, как части жизни), тем он счастливее. А избавляться от этих страхов (внутренних) или «копить» их, закрываясь от мира Вальтеровскими фразами, личное дело каждого».*

Людмила Николаевна 09.06.2012. 14:30: *«София Анваровна, признательна судьбе, что Вас знаю. Хотела бы иметь такого друга, желательно в соседнем доме. Спасибо за все».*

Рушан 09.06.2012. 10:52: *«Доверие или недоверие к миру – это базовая характеристика, с этим рождаются. Дальше наслаиваются воспитание и обстоятельства жизни. Судьба, говорим мы. Круг общения, дружба, любовь – всё определяется способностью доверять. У Тукая есть строки, в вольном русском пересказе звучащие примерно так: «Есть тот, кто не предаст, не оставит тебя в трудную минуту, поможет, утешит и поддержит, – это ты сам».*

Ода чердаку

До сих пор никогда без острой необходимости не поднимаюсь на чердак дома. Страшно. Подобное, предполагаю, испытывает большинство людей. Наверное, это отголоски ещё наших детских фобий, рассказов о привидениях, духах, обитающих там, плюс детские ощущения от чердачных посещений. При этом всегда страстно хотелось подняться туда (но только не ночью!). Это для взрослых чердак был временным прибежищем пока не нужных, а назавтра востребованных вещей. А для нас, детей, он – кладезь, богатство, пещера Али Бабы, «Сезам, открой двери!». И всегда верилось, что там можно найти удивительные вещи, невиданные вещи. И они обязательно находились: старинная лампа, пудреница с мутным зеркальцем, кукла с отбитым носом, красивая ложечка...

Самое таинственное время – это когда дома нет взрослых. Вот и надо залезть пошвыряться в старинных чердачных «кладах». Откинешь дверцу люка, и от страха замираешь. Не то, чтобы подняться на чердак, – голову в люк всунуть боязно. Наверху – жутко. Поскрипывают деревянные перекрытия, шелестят берёзовые веники, подвешенные на гвозди, одежда на вешалках бросает причудливые тени, слышатся какие-то пискливые – то ли мыши, то ли птенцы. С истошным криком хлопываешь крышку и мчишься прочь – к свету, людям.

Сегодня я обладательница аж двух чердаков – банного и домашнего. Над баней душистые веники и пучки ароматнейших трав, ровными рядами аккуратно надписанные коробки – с ёлочными и прочими игрушками, с одеждой, лишней посу-

дой и другим редко востребованным скарбом. Здесь порядок и чистота, почти как в американских фильмах: помните, там герои то и дело влезают на чердак, прибранный, вылизанный – хоть чай гоняй? У нас это полностью заслуга мужа, который ревностно следит за тем, чтобы женщина, то есть я, не захламляла «его» территорию, а лучше бы вообще там не бывала.

Подумаешь, не больно-то и хотелось... У меня свой чердак – над домом, и это почти чердак детства. Почему «почти»? Нынешний чердак особенный, не страшный: просторнее, и в нём с двух сторон сплошные стеклянные окна, из-за чего он всегда залит солнцем, небесным сиянием и, наверное, чудным лунным светом (последнее предполагаю, ибо ни за что ночью на чердак не полезу).

На моём чердаке особый беспорядок. И его добавляют не только пустые коробки из-под оргтехники (соблюдаю требование торговли сохранять в течение нескольких лет упаковку от электронной и бытовой аппаратуры), но и голуби. Они здесь гнездятся, выводят птенцов, те начинают бурную взрослую жизнь, размножаются – и вот так бесконечно на протяжении нескольких лет. У них ведь всё как у людей: любовь, скандалы, поиски еды, пир на весь мир... А мне и будильника не надо – будят птицы. Они воркуют, ворчат, попискивают и дружно прохаживаются по чердаку. Некоторые так громогласно бегают... Наверное, расправляют крылья, делают пробежку, разминаются. Эх, и нам бы следовало зарядочку хорошую сделать... Непременно – но с завтрашнего утра.

Как-то умелые мужские руки забаррикадировали, забили все щели на чердаке в радостном предвкушении, что ни одна пернатая тварь больше не залезет на чердак. Птицы, ставшие в одночасье бездомными, печально сидели на скате крыши и осуждающе смотрели на весь мир. Я уже подумывала, где бы и что бы тайно расковырять на крыше, но моё преступное намерение раскрыли, пригрозили потопом от дождя (его только-только пережили) и прочими катаклизмами, которые могут обрушиться на нас через худую крышу. «И порядка на чердаке будет больше, может, макулатуру выкинешь» – с надеждой было сказано мне.

«И не надейтесь!»

Макулатура, а на самом деле «богатства» всегда останутся на чердаке! Это старые книги, которые никогда не смогу

сжечь, подшивки старинных журналов «Нива», датированных 1904 и 1905 годом. Но главное – это письма. Их очень много. Моё окружение любило писать письма. Вот редкие от отца – серьёзные, язвительные, интересные: о новостях, которые происходили в моём далёком родном городе, о ледоставе или начале путины, о его походах в букинистический магазин, где, наконец-то найдена нужная книга. Непременный вопрос, на который я трусливо никогда не отвечала – занимаюсь ли иностранными языками и не хочу ли продолжить учёбу в аспирантуре.

Записки от сестренки Гали. Школьные новости. Первые влюбленности. Сын родился!

Мамины письма – они и сегодня пахнут пирожками, молочной кашкой. Незатейливые письма-антиподы папиным: об уличных новостях, о сплетницах-соседках, о «форменном безобразии: рыба в городе на Волге стала дороже мяса».

Перетянута резинкой пачка писем от Нели Темирбулатовой №1 (в классе у нас было две полные тёзки, две Нели Темирбулатовы), нашего комсорга. Поздравляет с поступлением в университет, гордится. Искренняя, милая, влюблённая в комсомол, она никогда не была излишне идеологизированной, пафосной, наверное, поэтому комсомол ассоциируется с моими умными, весёлыми, гораздыми на выдумки друзьями юности. Печально, что Нелечка прожила совсем короткую жизнь, но мы, одноклассники, и сегодня помним её.

А вот письма от подруги-воительницы, самого справедливого и непримиримого ко лжи и бесчестию человека – Нели Абдульмановой. А вот буквально звенящая смехом записка от милой подруги Аиды Атанязовой. Два моих любимых человека из мира детства. Мы вместе постигали этот мир, вместе набивали шишки, взбирались на «высоты» и кубарем катились вниз.

Есть письма веселые и обычные, но тем не менее, печальные. Потому что уже нет людей, которые их писали. Но старые конверты и бумага, почерк, речевые обороты и сегодня напоминают о них – их любви ко мне, вере в меня, надеждах, которые они возлагали...

...Вроде бы не должно быть на чердаке голубей. Но нет-нет, да и прошуршит там что-то, шевельнёт вещи, вздохнёт. Может, пора подняться и перечитать письма?

Оглавление

Слово есть дело, или волшебный родник. *М.Зарипов* 3

ГЛАВА 1. Это всё называется жизнь...

Троллейбус продолжает путь... ..	7
Они уходят, народы остаются	11
Умеете ли вы говорить «Нет!»?	14
Я мстю, и мстя моя страшна... ..	17
Алиса не из Страны Чудес	19
Дружба – понятие круглосуточное?	21
Хорошо там, где нас нет	24
Живи на светлой стороне!	26
Умом Россию не понять... ..	30
Забудь про жёлуди, оторви взгляд от земли... ..	34
Не время отбрасывать коньки	38
Бедный Павел, или Голый король	41
Радость и горе рядом идут	44
Не бывает худа без добра	47
Опыт, сын ошибок трудных... ..	49
Дорогие наши старики... ..	51
Жил такой парень... ..	53
Китайское здоровье	59
Хана Японии, Кайдзен – всему	61
Легко – как носик «попудрить»?	64
Мы все на пьяном корабле?	67
За границей побывав... ..	70
Наш адрес – Советский Союз?	72
Они найдут точку опоры!	75
Подарок может стать прощальным... ..	78
Мужество? Это приличное поведение	81
Последняя лекция	84
Посторонним вход воспрещён!	86
Спасать его? Себя? Детей?	89
«Идёшь на грозу»? Не теряй горизонт!	92
Вулкан чудит	94

Господи, давай дружить?	97
Долго жить – вкусно жить	100
И почему нас так не любят?!	102
Мы были рядом с курчавой Анджелой	105
О голодающих англичанах и влюблённом американце	108
Что может перевесить детскую жизнь?	111
И старым пальтишком можно обогреть мир	115
Оглянуться – чтобы вспомнить	119
Остановись мгновение, ты так страшно!	122
Нас ещё предупреждают, или уже наказывают?	125
Отпускное	128
И надежда, спеша, обронит непременно «Здрасте!»	132
Ласковое слово и Перельману приятно!	136
Ну и поганенький же вы человек, классик!	138
Простая наука – взлетать, если тянет ко дну	142
Марьин корень тёти Маши	145
Дудочка Крысолова	148
Кольцо Поликрата, или Счастье без оглядки	151
«Приятно знать, что есть возмездие...»	154
Диагноз:ледянойосколоквхолодномсердце.....	157
Как провозжают пароходы?	162

ГЛАВА 2. И сравнялись бы все весы...

Сегодня началась война	167
Война и правда	169
Я нашла тебя, Мансур!	171
«...Любовь к отеческим гробам»	178
ДядьКоль, а ведь мир помнит!	180
Блокада совести	183
История про ленинградские конфеты	187
«Ленинград, Ленинград, я ещё не хочу умирать...»	190
Баба Катя – «нереальной судьбы человек»	193
Горькое сливовое вино	195
И сравнялись бы самые справедливые весы!	198
Уходят солдаты, уходят братишки	201
О солдате. Без пафоса. И грустно	204
Наша генетическая память	207

ГЛАВА 3. Женщина и её планета

«Земляничная поляна»	213
Не обещайте деве юной Любове вечной на земле.....	216

Этот нелюбимый ноябрь	219
Они были сильными, а сейчас сильные – мы	221
Весь мир – мой	223
Любить – значит быть ответственным	225
Не лебединая – мужская верность	228
Опять весна – но уже без Тебя...	230
Женщина и её планета	233
Кто-то пусть гениально играет на флейте...	237
Любви все возрасты и времена покорны...	239
Фотошоп, или Мечты Агафьи Тихоновны	242
Я всё смогу...	244
«Небо лишь изредка синее, а серые вовсе не скалы...»	247
Тема, в которой нет точки, или Коней на переправе не меняют	250

ГЛАВА 4. Сад воспоминаний

Дом, который нас ждёт всегда	255
Мой бедный мальчик! Мой славный мальчик!	262
И «дрожжи на 5 копеек»	265
Поди сюда, мой белый хлеб!	268
Артистка погорелого театра	271
От тюрьмы и от сумы...	273
Кукушкина слеза	277
Палисандровая горка	281
Весна пришла – весне дорогу!	284
Просто вспомнилось...	287
Дожди бывают жёлтые и злые	290
И была я дочерью маршала...	292
Толстой здесь всё-таки ночевал!	295
Свободные люди с улицы рабов	298
Спайдермэн или Маресьев?	301
У каждого есть свой Верный	303
Баба-яга, вязаная нога, простите нас!	306
Фудзияма, или Семья, которой не стало	309
«Чтобы понять мою печаль – в пустое небо посмотри»	312
«Жизнь прошла, как не было. Не поговорили...»	315
Душичная поляна	317
Сад воспоминаний	320
Лошадь победы	324
Избави меня, Бог, от друзей...	327
Ода чердаку	330

Литературно-художественное издание

Гарифуллина София Анваровна

ПЛЮС ЗНАЧЕНИЯ НЕ ИМЕЕТ

(на русском языке)

Ответственный редактор: *Рамиль Миннуллин*

Художник: *Рустам Хайрутдинов*

Компьютерная верстка: *Йолдыз Нуриева*

Корректор: *Светлана Ярмухаметова*

Формат 90x60 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Georgia. Усл.-печ. листов 21.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Издательство Фонда духовного возрождения «Рухият»

ОАО «Татнефть». г. Казань, ул. Солдатская, 8, оф. 401.

т/ф (843) 518-86-81. E-mail: ruhiat@mail.ru.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в типографии филиала

ОАО «ТАТМЕДИА» ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2. e-mail: idelpress@mail.ru